

ЮРИЙ ПАПОРОВ

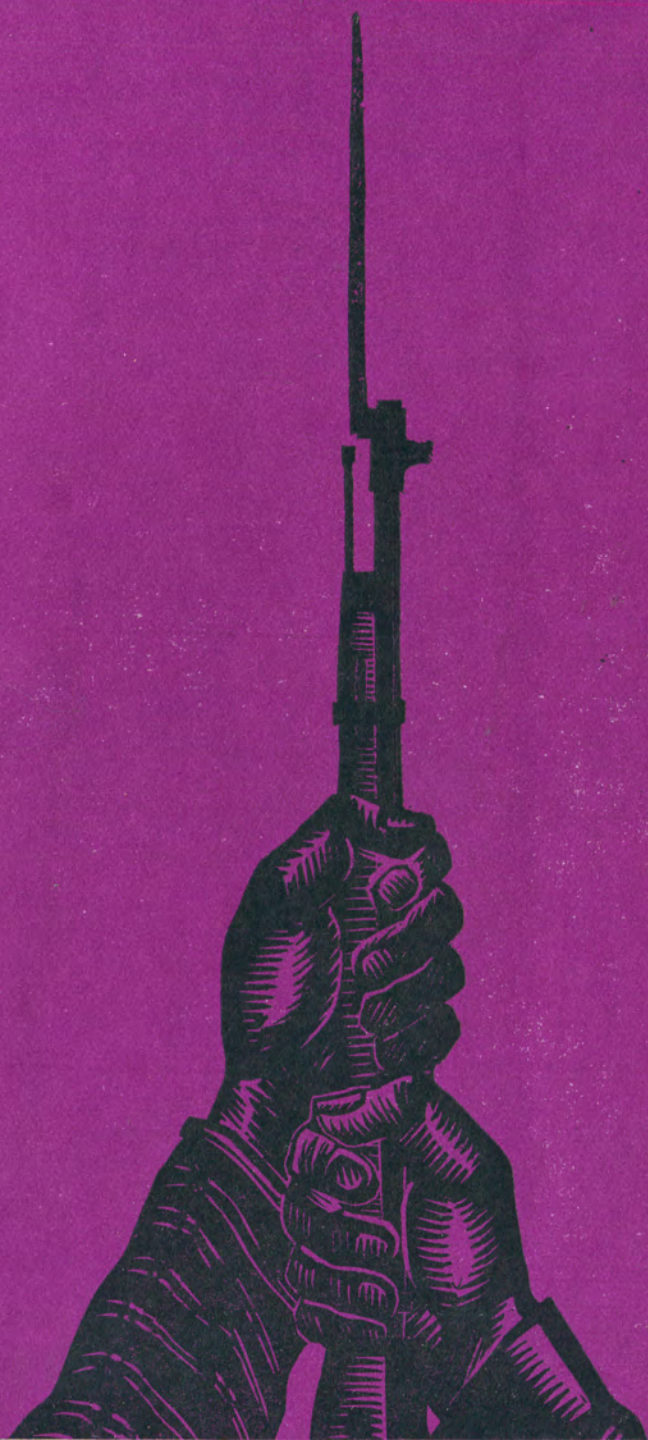
Просто Атабаев

ПРОСТО АТАБАЕВ

ЮРИЙ
ПАПОРОВ

ББК 84Р7
П17

Рецензенты: *А. Карлов,*
А. Росляков,
Б. Эльбаум,

4702010200 — 108
П ————— 62—88
М 551(14) — 88

ISBN 5-8320-0045-5, © Издательство «Туркменистан», 1988,

Часть первая

МЕЧТЫ И НАДЕЖДЫ

*О, друзья, эти строки правду гаят.
Разъясните мне, скоро ли страшный суд...
У людей в небрежении шарият, —
Разъясните мне, скоро ли страшный суд?*

Махтумкули,

Глава первая

ПРЕДДВЕРИЕ

Погода менялась на глазах. Еще вчера было солнечно и тепло, а сегодня с утра, провожая его на службу, Таня заботливо настояла, чтобы он надел пальто. От банка до железнодорожной станции было недалеко, и Константин Сергеевич не стал брать извозчика. С непокрытой головой, — ветер тревожно ворошил его жесткие, черные волосы, — он поспешно шагал по Гератской улице, в сторону вокзала.

Пассажирский поезд Асхабад—Ташкент прибыл с опозданием на пять минут. С подножки вагона первого класса, опережая проводника, на перрон прыгнул небольшого роста подполковник, одетый в полевую форму. Он радостно обнял Атабаева и торжественно продекламировал: «Владыка мира, ты в кольце стены. Дорога ханов, торжище войны! О, город мой, героев славный рой...»

— Как доехали, дорогой Николай Николаевич? — перебил его Константин Сергеевич, подавая руку.

— О, Кайгысыз-джан, мы еще никуда не доехали! Однако уже скоро! — Иомудский взял своего давнего знакомого под руку, отвел немного в сторону от столпившихся у вагона пассажиров.

Атабаев заметил, как известный виноторговец Григорий Асадов украдкой вручил букетик фиалок приехавшей даме, которая скрывала лицо под густой вуалью. Пуще обычного суетился местный аптекарь Иосиф Лифшиц, встретивший многочисленное семейство,

явно, близких родственников. Мимо прошествовал, окруженный свитой, настоятель кафедрального собора священник Иосиф Пашковский, с Атабаевым за руку поздоровалась смотрительница Мервского приходского смешанного училища Александра Вукановна Колленниченко.

— Вы так полагаете? — спросил Константин Сергеевич.

— Давайте по порядку! Домашние мои в добром здравии. Живут, как были высланы, в Баку. Меня же командующий фронтом выдворил из Действующей армии «за развращающее влияние на солдат». Еду в Ташкент не за назначением, скорее всего под надзор. Но чему бывать, того не миновать! Дорогой Кайгысыз, совсем немного не дожил наш Мухамедкули, — сокрушенно закончил свою тираду Николай Николаевич. — Какой-то годик еще, и он увидел бы воплощение мечты своими глазами.

— Вы в это твердо верите?

— Да, Кайгысыз, события надвигаются подобно вихрю. Никто не мог ничего поделать, когда на смену Золотой Орде пришел разрушивший ее Тимур; никто и ничто на свете не могло предотвратить и его падение. Таковы законы истории, такова, как теперь говорят специалисты, диалектика.

— Вы так убеждены в этом? Факты, — Константину Сергеевичу, занимавшему высокооплачиваемую должность помощника главного бухгалтера агентства Учетно-ссудного банка Персии, необходимы были точные сведения.

— Факты? Пожалуйста! Самые свежие. Вы знаете, каковы результаты по изъятию холодного и огнестрельного оружия у туземцев по Мервскому уезду? Самые мизерные. Туркмены впервые не подчиняются русскому начальству. Народ не сдает оружия, люди покрывают друг друга, даже вчерашних своих врагов. Скандал, который разразился в вашем ауле Вонаш Бак Бурун, перешагнул границы области. Сколько при выборах старшины было подано голосов за Эре Мирзу-оглы?

— Сто тридцать три!

— Вот! И за Чепе Вель Мурада — семьдесят семь! А старшиной стал Ходжи Ниязов, не получивший ..

полусотни голосов. Так я говорю? Он просто купил должность. Бесчестно!

— Верно, — согласился Константин Сергеевич.

— Многие старейшины, главы родов, открыто высказывают свое недовольство, пишут протесты. Но и это не главное. Июль и август шестнадцатого! Указ о наборе туземцев на гыловые работы вызвал резкое недовольство среди дайхан. И вспыхнуло восстание. У нас в области оно не носило столь грозного характера, как в других районах. Но и оно еще не подавлено до конца.

Подполковник Николай Николаевич Йомудский, он же Йомуд Хан Караш Хан-оглы имел в виду то непреложное обстоятельство, что в Туркестане к концу правления царя Николая сложились невероятно тяжёлые условия жизни коренного населения. То был результат усиленной колонизации Туркестанского края, сплошной коррупции, повсеместного взяточничества, часто граничившего с открытым грабежом. Интересы местной администрации и русской буржуазии слились воедино в накоплении богатств. Русские переселенцы занимали лучшие земли, которые под видом «лишних» отнимались у киргизов, казахов и других жителей Семиречья. Местные кустари разорялись из-за наплыва российских товаров. Во время войны ввели нормированные цены на хлопок, и в то же время цены на хлеб не ограничивались; дайхане разорялись, спекулянты и ростовщики наживались неслыханно. Надежд на лучшие времена почти не оставалось.

— Быть скорой буре, Кайгысыз-джан! Это неизбежно! И не только у нас. Солдаты на фронте, весь русский народ, не желают войны, настроены против власти царя. — Йомудский говорил со всей серьезностью и убежденностью, на которые только был способен. — Падет царь, что станет с нами?

— Создадим самостоятельное государство, — не задумываясь, ответил Константин Сергеевич.

— Не так-то это просто, дорогой Кайгысыз! У нас нет сил. Людей образованных, как ты, мало. Вожди племен — так они передерутся и отойдут — станут васалами Персии или Афганистана. Сколько сил отнимает у меня каждый раз примирение джафарбайцев и ата-

байцев!¹ Прежде, Кайгысыз, нам нужно изменить психологию людей, овладеть культурой. — Йомудский еще хотел что-то сказать, но раздался первый звонок.

В Петрограде же, в 8 часов 50 минут по среднероссийскому времени в зале Государственной думы четвертого созыва председатель объявил о начале 16-го закрытого заседания V сессии и произнес:

— Угодно ли будет приступить к заявлению об обращении к председателю Совета Министров, к министрам военному, внутренних дел и юстиции в порядке статьи сто тридцать третьей статуса Государственной думы по поводу событий, имевших место в некоторых местностях Туркестанского и Степного генерал-губернаторства? Имеется несколько подобных заявлений. Не угодно ли будет Государственной думе объединить их и рассмотреть совместно?

— Просим! Просим! — раздались слева и справа голоса членов думы.

— Разрешите не оглашать их, так как они размножены и розданы вам. Один из авторов считает обращение спешным... — Председательствующий выдержал паузу. — Желających говорить нет? Объявляю прения законченными. Ставлю на голосование вопрос: угодно ли Государственной думе признать законопроект спешным? Прошу баллотировать. Большинство. Принято. Угодно ли перейти к рассмотрению по существу?

— Просим! Просим! — прозвучало сразу более двух десятков голосов.

— Слово члену Государственной думы от Саратовской губернии Александру Федоровичу Керенскому.

Место оратора на кафедре занял высокий человек в сером, английского покроя, френче; угловатое лицо, волосы бобриком, глубоко посаженные глаза выдают нервное напряжение.

— Господа члены Государственной думы, события, которые сегодня мы должны обсудить, произошли довольно давно, но последствия их сказываются до сих пор, и будут еще долго сказываться в жизни не только Туркестана и Степного края, но и всей России. Сегодня я хотел бы, господа, полно довести до вас суть вопроса,

¹ Два разных рода племени йомудов.

касающегося далекой окраины и политики нашего государства по отношению к инородцам, в чем едва ли между нами могут быть сложные и многогранные разногласия, которые разделяют нас по многим, или почти по всем вопросам государственной жизни в России.

Оратор остановился, поглядел в сторону правых, где послышался приглушенный говор, набрал в легкие побольше воздуха и повысил голос:

— События эти, господа, не только нарушили спокойное течение жизни в огромной области России, но они были связаны с жертвами: погибло несколько тысяч русского населения и десятки тысяч туземцев. Разобраться в причинах этих трагических событий и установить виновных — вот задача, которую я себе ставлю. — Со стороны левых послышался одобрительный шумок, а выступавший продолжал. — Вы, наверное, помните, господа, высочайшее повеление, опубликованное шестого июля в Собрании узаконений и распоряжений правительства. По нему на тыловые работы призывалось мужское инородческое население в возрасте от девятнадцати до сорока трех лет. Так вот, я утверждаю, господа, что это самое высочайшее повеление нарушило основной закон Российской империи, статью семьдесят первую, гласившую, что русские подданные обязаны отбывать повинность только согласно закона. А его не было! Этот факт очень характерен, ибо здесь вы видите не только пренебрежение со стороны министров к основным законам страны, не только полное игнорирование интересов страны, но и признание самих себя абсолютными самодержцами..

...Под сводами ажурной крыши перрона станции Мерв прозвучал последний удар второго звонка.

— Капитан Завалишин отстранен от должности управляющего населением Отамышского района, идет следствие, будет суд, — торопился досказать новости Константин Сергеевич.

— Конечно! Деваться им некуда. Это по моему заявлению в военное ведомство и в Госдуму. Составлено оно было по письму, которое пришло ко мне на фронт отсюда, из Мерва. Однако генерал Калмыков, большая бестия, но далеко не глупый человек, Понимает, надо

изредка одергивать, дабы не очень сильно зарывались. Время от времени выпускать, так сказать, пары и создавать видимость справедливости. Он хорошо знает область, народ, которым управляет, и то, что нас можно брать голыми руками.

— Вы порадовали меня, Николай Николаевич. В Мерве есть люди, которые думают так же, как вы. Но... когда это свершится?

Вновь ударил станционный колокол, и тут же послышался гудок паровоза. Иомудский пожал руку Атабаева, вскочил на подножку вагона, твердо произнес: «Свершится! Ждите!».

А в актовом зале Таврического дворца продолжал свою речь депутат Государственной думы

— Господа члены Государственной думы, всех, кто здесь сидит, без различия партий, убеждений и точек зрения, я спрашиваю: если бы в Тамбовской или Московской губерниях, в разгар полевых работ, внезапно было отдано распоряжение о немедленном уходе в неизвестность всего мужского трудоспособного населения, я спрашиваю вас, господа члены Государственной думы, что могла вызвать такая мера? Я утверждаю, господа, что такие же, а может быть, и гораздо большие беспорядки! Кто в этом повинен? Я категорически и совершенно определенно отвечаю: исключительно центральная власть! Она виновница того, что эта цветущая окраина подверглась разрушению, что местное население голодает. Слишком поздно был назначен в Туркестан новый генерал-губернатор. Его приказ об отстранении от должностей целого ряда высоких административных чинов говорит о невероятном размахе там лихоемства и вымогательства.

Справа послышался неодобрительный гул. Керенский театрально выбросил вперед руку и повысил голос:

— Но неужели, господа, вы не знаете русскую интеллигенцию? Неужели вы можете сомневаться, что сделали бы Иванов или Петров, носящие чиновничью форму, когда им предоставилась возможность на свой взгляд определять возраст какого-нибудь Махмудка, как они называют местных? Установить точно кому девятнадцать, а кому восемнадцать, кому сорок три, а кому пятьдесят три в тех местах очень трудно. И вот я

вздумываюсь, сколько же эти чиновники положили себе в карман? Старик, которому шестьдесят лет, — я его видел сам, — по списку значилось тридцать, и только потому, что он не мог заплатить положенной суммы, а тридцатилетнему молодому человеку оказывается пятьдесят, ибо он богат! Вы скажете: «Надо жаловаться!» Но кто же посмеет жаловаться на местного господина в военной или полицейской форме, когда любого туземца безнаказанно, как собаку, мог пристрелить в то время, всякий, кому не лень.

Опять справа послышался глухой ропот, но и теперь оратор не обратил на него внимания.

— Первым бунт устроили женщины. У них отбирали кормильцев и обрекали с детьми на верную голодную смерть. Туземные женщины вышли на улицу, вышли без чадры, хотя по их законам и не имели права показывать лицо посторонним мужчинам. Они бросались под ноги казачьим лошадям, умоляя убить их, только не оставлять умирать голодной смертью.

— Позор! — прозвучал громкий голос слева. — Позор!

— Депутат Керенский, ваше время истекло, — председатель поднялся с кресла, но тут же раздались дружные голоса: «Просим, просим!» — Угодно Государственной думе продлить выступление?

— Просим! Просим!

— Итак, господа, появились беспорядки, а уездный начальник Джизака, некий Рукин, ничего лучшего не придумал, как выйти на площадь. Растерзан потерявшей самообладание толпой! Вот когда полилась кровь. Оружия у восставших, кроме нескольких кремневых ружей, не было. Неоспоримый факт, говорящий о том, что никакой иностранной агентуры тоже не было.

— Была! — раздался справа густой, старческий бас.

— Господа, — снова повысил голос оратор, — когда нам говорят об агентуре, о попытке панисламистской проповеди, и даже о немецких агентах, на это я должен ответить так. Когда объявили войну Турции, местные власти, уточняю, местное охранное отделение доносило о том, что туземное население возбуждено войной России с Турцией, и следует ждать осложнений. Никаких осложнений не последовало и тогда... тогда в Ан-

дижане обнаружили панисламистского агента — местного милиционера-туземца. Его арестовали. У него на квартире нашли прокламации с печатью панисламистского союза. Они призывали жертвовать в пользу панисламистского движения: в случае отказа грозили убийством. Местные охранники горжествовали. Однако нашелся умный человек, который в это не поверил и назначил контррасследование. И вот, господа, что обнаружилось. Эти самые прокламации печатались на квартире одного из агентов местного охранного отделения... и этот самый агент был русским, по фамилии Тимофеев, и он подбросил их в дом этого самого милиционера. Вот, господа, как пытались в Туркестане создать панисламистскую пропаганду. Преследуя свои мерзкие цели, действительные государственные преступники, подлинные предатели, не думали о том, что их пропаганда может пасть на благодатную почву, как не думали и о тех последствиях, которые могли бы быть, отнесись местное население всерьез к этим прокламациям. И в Ташкенте арестовали почти всех местных туземных судей. Им предъявили обвинение в том, что они состояли в преступной переписке с афганским эмиром. Но вскоре выяснилось, что письма эти того же происхождения, что и прокламации.

— Стыд! Срам! — раздавалось с мест.

— И преступление, господа! Город Джизак, где проживало двадцать тысяч жителей, был уничтожен. Дома разграбили, а потом сровняли с землей. Чудом уцелела мечеть, и та с двумя снарядами в минарете. Женщин и детей без пищи и воды, нагайками и под дулами угнали в отдаленные места уезда, где и уничтожили.

С вокзала Атабаев отправился на службу в банк. Ему вспомнился Ташкент, где он учился в Учительской семинарии и где твердо осознал, что власть царя — несправедливая власть. Здесь он близко познакомился с широко образованным туркменом, капитаном Иомудским. Атабаев уже тогда понял, что освобождение его народу от темной, невежественной жизни могут принести только знания и культура,

Учительская семинария, одно из старейших учебных заведений Туркестанского края, основанное еще в августе 1879 года, имела обширный сад. Воспитанники ежедневно с половины пятого и до половины седьмого вечера, за исключением праздничных и воскресных дней, работали в саду и огороде под наблюдением своих учителей-наставников и садовника семинарии Ивана Мешкова. Этот крепкий, уже немолодой человек, о котором старшеклассники говорили, что он скрывает свое настоящее происхождение, был первым, кто погладил по голове прилежно работавшего новичка и сказал ему: «Знай, Костя, кто любит труд, тот многого добьется». Русские ученики семинарии сразу окрестили Кайгысыза Тач-Сердарова на свой лад — Константином. С малых лет жизнь сделала мальчика наблюдательным и в любой миг готовым к обороне. Он уже отметил, что добросердечный садовник особенно приветливо относится к казеннокоштным. Мешков всегда поручал ему работу не то чтобы полегче, но полюбопытнее. А вот учитель-наставник подготовительного класса господин Меркулович из первой троицы туркмен, прибывших в семинарию, отдавал предпочтение Мухамедкули Атабаеву, старшему сыну арчина аула Нохур, Дурунского приставства, который был на год моложе Кайгысыза, но от природы был наделен более живым умом и общительностью.

В погожий мартовский вечер 1904 года Кайгысыз, Мухамедкули и Акмамед Мурадов обрезали сливовые деревья.

— Ребята, ты, Костя, и ты, Александр Кожухов, дуйте в дальний угол сада, — распорядился садовник. — Туда сейчас начнут сносить ветки. Разведите костер, да так, чтобы огонь лучше занялся, а как разгорится — взгляните! В пламени — и страстность, и покой. Если худо станет, разложи костер, посиди около и обязательно полегчает, душу отпустит.

Когда садовник ушел, Кайгысыз спросил:

— А что такое душа, Александр? Все кругом твердят «душа, душа», а вы как думаете?

— Утверждают, что это бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей. А еще душа — бестелесное, бесплотное воплощение человека после его смерти...

— Как это?

— Ты некрещеный, зачем тебе? — Кожухов принялся собирать веточки, щепки, Кайгысыз последовал его примеру. Когда собранный сушняк был сложен в ершистую кучку, спросил:

— Скажите, Александр, почему господин Мешков вас любит более, чем других? Потому что вы лучший ученик семинарии?

— Нет, конечно же. Иван Мешков очень хороший человек, но странный. Я слышал, что он беглый и вообще не Иван Мешков.

— Но все-таки, отчего же?

— Ты, Константин, добрый малый, но прилипла. Завел шарманку. Лучше скажи, это для тебя брал Серкибай книги «Материнское воспитание» Рамбоссона и «Сила воли» Яхнина?

Кайгысыз вспомнил четверостишие Махтумкули, прочитанное их наставником Николаем Алексеевичем Меркуловичем: «Мотом пустым не будь, именем дорожи. Чтобы познать себя — с мудрой книгой дружи». Он почему-то смутился и не произнес рвавшися с языка строки.

— Чего ты, дурень, это же похвально. А верно говорят, что ты уши надрал второкласснику за то, что он мучил мышь?

Кайгысыз еще ниже опустил голову,

— Хочешь со мной дружить?

— Хочу!

— Тогда Расскажи все про себя. Это правда, что ты сын афганской рабыни?

Кайгысыз густо покраснел, но не обиделся на товарища.

— Это вам сказал Мухамедкули?

— Нет, Атабаев молчал, как камень. Мурадов язы чесал. Но ведь это так? — В том, как настаивал Кожухов, Кайгысыз не видел праздного любопытства, то

было чувство волнения, исходящее из глубины души товарища.

— Правда. Звали ее Байнур. Она жива и сейчас, — и Кайгысыз поведал новому другу о том, что сам узнал менее года назад от одного яшули аула Меана, давнего соратника отца. Кайгысыз приехал в родной аул, чтобы провести лето после успешного окончания Тедженского двухклассного уездно-городского училища. Когда же яшули узнал, — по аулу слухи разносятся быстро, — что пятнадцатилетнего юношу выделили среди других учеников и направляют для продолжения образования в Ташкент, он и поведал Кайгысызу о его родителях.

У деда по отцовской линии, простого земледельца из аула Мульк Кара-Яб, что неподалеку от Мерва, было много дочерей и всего один сын. С детства звали его Тач. Когда же он вырос, стал сильным, ловким и бесстрашным джигитом, за зеленые в минуты гнева глаза люди прозвали его Тач-Геок.

Тач-Геок был удачлив в горячих делах, поэтому часто ходил в набеги на персидские и афганские поселения. Нрава он был необузданного, любил спорить, азартно играть, потому часто и ссорился с односельчанами. В конце концов, Тач-Геок вынужден был покинуть родной аул. Обосновался он у самой персидской границы, в богатом ауле Меана, вошедшем впоследствии в Тедженский уезд. Аул славился обилием воды и лихими джигитами. Тач-Геок вырос, становился серьезней; когда обрел авторитет, сколотил вокруг себя крепкую дружину. Вскоре его признали сердаром — вождем, и сделался Тач-Геок на многие годы арчином — старшиной аула.

Молодой эмир Афганистана в 1884 году вел жестокую борьбу с сепаратизмом местных ханов. Эмиру нужна была военная помощь. Тач-Геок со своей дружиной присоединился к Абдурахману в его походе то ли против правителя Герата, то ли против одного из ханов племени гильзаев, расселявшихся к юго-западу от Кабула вокруг городов Газни и Мукур. Абдурахман одержал победу, но исчезла казна побежденного хана. Один из визирей эмира намекнул: раз здесь туркмены, то кто, как не они, могли прибрать ее к рукам. В ту же ночь Тач-сердар, не получив обещанного эмиром вознагра-

раждения, поднялся со своим отрядом и ушел в Меана.

Через полгода в аул Тач-сердару и его воинам пришел богатый караван с подарками эмира. Среди даров были и две девушки по имени Байнур и Бама. Обе они стали женами Тач-сердара. Одна из них, прелестная Байнур — дочь визиря, возведшего напраслину на Тач-сердара, и родила ему сына, которого поначалу звали Кайгысызом, а по-иному.

Тач-сердар выделял Байнур среди остальных жен. Ей предназначались лучшие подарки. Вот почему старшие жены Дурдыгуль, Хал и Джемал крепче обычного прикусывали яшмак — конец головного платка, которым туркменские женщины закрывают рот.

Тач-сердар был особенно ласков с сыном Байнур — плодом поздней, но нежной любви, часто оставлял его при себе, сажал в седло своего коня, берегал для мальчика лакомства. Отец чувствовал, что скоро сородичи отнесут его на кладбище Меана-Баба, и малолетнему сыну, выделявшемуся среди сверстников сообразительностью и красотой, никто не заменит отца. Тач-сердар мучительно переживал приход старости. В молодости он не жалел своих сил в изнурительных набегах, но в свои шестьдесят с немногим лет уже не мог быть достойным примером малолетнему сыну. Вот почему Тач-сердар стремился вниманием, заботой и лаской скрасить детство любимого сына, чем вызывал недружелюбие других своих детей по отношению к нему.

Тач-сердар умер, когда Кайгысызу не было и пяти лет.

— Так значит ты сирота?

— Да, Александр. У нас, у туркмен, по обычаю, дом, все имущество и жены, и дети переходят по наследству к брату отца. Такого не оказалось. И мы разделились на несколько семей. Однако всеми верховодил самый старший сын Агаджан Тач-сердар, который после смерти отца сразу стал арчином аула. Он построил себе просторный глинобитный дом, установил новую мельницу. У нас вокруг мельницы был огромный сад, но... — Кайгысыз осекся.

— Ну, говори, говори все, коли друг! — торопил Кожухов с явным участием.

— Но... Агаджан не хотел, чтобы я учился в Таш-

кенте, он и его сыновья, они старше меня, относились ко мне плохо. Кто-то из них и прозвал меня Кайгысызом.

— А это скверно?

— Это означает беспечный, беззаботный, а вообще — шалопут.

— Обидно.

Кайгысыз умолк, горько вспоминая старших братьев, от которых он никогда не видел ласки; они были с ним суровы и придирчивы.

— Так ты, брат Костя, учись! Пойдешь своей дорогой. А взаправду хочешь знать почему ко мне так сердечно относится господин Мешков?

— Хочу!

— Он знает, что я — незаконнорожденный. Отец мой какой-то важный господин, но я его не видел, и матушка ничего не говорит. Он помогает нам. На его деньги я и учусь. А занимаюсь лучше всех — так хочу стать независимым человеком и все до копейки ему вернуть. Понял?

К костру подходили воспитанники с охапками веток и тонких стволов. О, как в тот момент Кайгысыз желал, чтобы все они сгнули!

Ташкент, древний Шаш и Бинкент, в ту пору уже прославивший азиатским Парижем, был городом, который вряд ли в чем уступал таким городам, как Ревальпинди, Кабул и Тегеран.

В нем было два города — старый и новый; туземный, в три раза больший по количеству населения, и европейский, несший новую культуру. Правда, первым сооружением этой новой части города была военная крепость, воздвигнутая сорок лет назад на высоком холме по одну сторону канала Анхор. С мощных глинобитных стен ее в сторону старого города торчали стволы пушек. Однако за крепостью быстро обозначились широкие проспекты, улицы и площади, парки и скверы; стали выстраиваться типично ташкентские государственные, деловые и частные дома. Гордостью был «Белый дом» — резиденция Туркестанского генерал-губернатора, затем православный собор. Украшением нового города стал

псевдо-готический дворец поселившегося в Ташкенте великого князя Николая Константиновича.

Неповторимый облик городу придавали великолепное архитектурное сооружение Туркестанской казенной палаты на Куйлюкской улице, ажурное, с полукруглой белой террасой и мраморной лестницей здание Офицерского военного собрания, Городская дума, дом купца Иванова, отданный Общественному собранию, имперский банк в стиле русского рококо, строения кадетского корпуса, здания городского театра, училища, гимназии, краевого музея, гостиниц и ресторанов. Диковинными затеями были обсерватория и зверинец на Балыкченской улице.

Предгорья Таласского Алатау и покруглый хребет Карджантау придавали ташкентскому климату необычную в других краях прелесть: зима гостила здесь только в январе, в феврале и марте ликовала весна, полгода царствовало лето, а с октября по декабрь одаривала плодами и золотом листвы щедрая осень.

Однако ташкентское лето не утомляло зноем: по сторонам городских улиц тянулись арыки, оправленные в камень, а над ними склонялись густые кроны деревьев. Городские дворы утопали в небольших, тщательно ухоженных садиках с густыми виноградными беседками.

Кайгысыз в первые дни пребывания в Ташкенте диву давался, глядя на все творения рук человеческих. С душевным трепетом он подолгу рассматривал мавзолей Каффаль-Шаши, Зенги-ата, Юнусхана, великолепные постройки вокруг мазара Шейх-Хованди-Тахура, именуемого в народе Шейхан-тауром, и старинные медресе Баракхан, Хаджа-Ахрар-Али и Кукельташ.

Вот и сейчас, держась за руки, шагали по нарядному Воронцовскому проспекту Кайгысыз — высокий, стройный, с задумчивым взглядом глубоко посаженных глаз, и Мухамедкули — среднего роста, быстроглазый, с черными, толстыми, как пиявки, бровями.

Они только что вышли из «Публички», где обычно просматривали газету «Закаспийское обозрение» с новостями о жизни родного края. Если Кайгысызу попадалось на страницах что-либо о Дурунском приставстве, он тут же передавал газету Мухамедкули. Тот поступал так же, но гораздо чаще, поскольку сообщения о

делах Тедженского уезда встречались в газете сплошь и рядом.

— Послушай, Мухамедкули, Саша Кожухов три дня назад дал мне две книги «Человек как предмет воспитания» Ушинского и Тимофеева о Генрихе Песталоцци, знаменитом швейцарском педагоге...

— Тебя похвалил Николай Алексеевич за ответ господину Керенскому. Это верно?

— Да, ты знаешь, этот Керенский — важный господин, а вот кто он?

— Хов! Да это же главный инспектор всех училищ Туркестанского края! Ты что, спал? Федор Михайлович Керенский. А ты ему такое...

— А что? Из всех, кто его провожал к выходу, он спросил почему-то меня, что я читаю вне класса. Я и ответил: «Книгу господина Тимофеева «Генрих Песталоцци — знаменитый швейцарский педагог-демократ». А он прищурил один глаз и спрашивает: «Так уж педагог-демократ? Этого нет на титульном листе, мой юный друг». «Но он же демократ», — сказал я и, ты знаешь, первый раз не смутился. А он: «Чтение — вот лучшее учение» — завещал нам великий русский поэт Пушкин. Надеюсь, слышали? Я в ответ: «Очень хорошо. Но господин Ушинский учит, что читать — это еще ничего не значит: что читать и как понимать читаемое — вот в чем главное».

— Откуда у тебя столько смелости, Кайгысыз-джан?

— Сам не знаю. Наверное, от книг, от Кожухова, от Мешкова. А господин Керенский и говорит: «Ну, а про Анатоля Франса, я уверен, вы не слышали». Я и впрямь не слышал. «Так вот, мой юный друг, известный французский писатель утверждал, что самое редкое мужество — это мужество мысли», — проговорил он и, дернув меня за пуговицу, вышел на крыльцо. Ребята же обступили меня и давай поздравлять. Ну, возьмишь книгу про Песталоцци? Только следует до начала каникул вернуть.

— Саади Ширази на фарси читаю. Пока очень трудно. До каникул не успеть. Дал бы он эти книги на лето... А господин Меркулович правду говорит, ты не думаешь на лето ехать к своим?

— Я спросил, можно ли лето провести здесь...

— Кайгысыз-джан, мой светлый луч, поедem ко мне,

Отец будет рад, а меня ты, цветок алычи, сделаешь самым счастливым человеком в мире, — Мухамедкули забежал вперед и заглянул другу в глаза. — Поедем! Будешь гостем!

Они поравнялись с шедшим навстречу молодым человеком в форме чиновника. В петлице красовался знак действительного статского советника, а под руку молодой человек вел даму. Мухамедкули поспешно сдернул фуражку, а Кайгысыз даже не склонил головы, прошел мимо.

Вдогонку им послышался голос:

— Господин воспитанник, вы нарушаете устав семинарии, проявляете неуважение к чину.

— Извините. — Кайгысыз остановился, зажав фуражку в руке.

— Передайте господину Остроумову, чтобы он наложил на вас взыскание. Идите!

— Вот видишь, ты и в самом деле смелый, Кайгысыз, — восторгался Мухамедкули, а Кайгысыз подумал: «Он и есть, наверное, отец Саши Кожухова». — Поехали! — вывел его из раздумья Мухамедкули. Вместе станем читать книги. Посмотришь, какой красивый наш аул! А горы! И заботу снимешь с Николая Алексеевича! Решайся, ну!

— Разве нельзя остаться в семинарии?

— Нет! Разъезжаются все, и господин Меркулович должен устроить тебя в какой-либо интернат. А куда, он не знает.

— Мне кажется, он душа-человек.

— Душа! Нам с тобой повезло. Я считаю, что родился под счастливой звездой. Потому меня и прислали сюда. Мы оба так изменились за этот учебный год. Меня дома, боюсь, не узнают.

— Ну, тогда поехали вместе. Я подтверждаю.

— Ты шутишь или серьезно? — Мухамедкули, казалось, не верил своим ушам, губы его растягивались в улыбку.

— Поедем! — и Кайгысыз протянул другу руку.

— Ты возмужал за лето, Костя, и взгляд стал иным. Через год расправятся плечи. Только сторонись плохих людей. Умей распознать их прежде, чем в капкан попадешь, — наставлял Мешков возвратившегося с кани-

кул Кайгысыза. — Ты от рождения добр.. Береги это! Четыре года пролетят быстро. И сам станешь учить других. Благородная у тебя профессия. Врач и учитель — столпы, а знания для человека — все! Только знания делают человека по-настоящему свободным.

Кайгысыз сидел на табурете за большим, грубо оструганным столом, на котором стопками лежали книги, стоял глобус, подсвечник с трех свечах, керосиновая лампа, железный чайник и глиняные кружки. Со стен небольшой сторожки в два окна, в которой жил Мешков, глядели вырезанные из журналов и наклеенные на картон портреты Петра I, Ломоносова, Достоевского, Толстого, Пирогова, Герцена, итальянской певицы Патти и молодой русской балерины Карсавиной.

— Наступают смутные времена, Костя, а в Ташкенте много лихих людей. За чинами и наживой приехали. Однако есть и стоящие, которые вынуждены здесь жить.

— Почему, господин Мешков?

— Неудобны были в столицах и других больших городах — Варшаве, Вильно, Риге, а здесь сеют знания. Есть среди них и офицеры.

За окнами мелькнула тень, и Мешков поднялся.

— Ты посиди один, ведь за книгами пришел? Вернись, дам тебе кое-что интересное...

Когда Кайгысыз остался один, он подумал: «И среди офицеров есть хорошие люди. Значит, одежда еще не все, и совсем не она определяет человека. За деньги любую одежду можно купить, а знания, сильный характер, справедливость и честь за деньги не купишь. Махтумкули говорил: «Возиться ни к чему с душой неблагоприятной: не станет золотом начищенная медь!». Что же такое интересное даст господин Мешков? Весной еще обещал...

Мешков возвратился быстро.

— Мир Хайдар Джалиев ключевую воду привез и в мою бочку пару ведер плеснул, — пояснил он. — Добрый старик. Так вот, Константин, дам я тебе книгу со стихами да песнями. Обрати внимание на лирическую поэму «В каземате».

— В тюрьме, значит. И лирическая? Так может быть?

— Ну и хватистый ты! Быстро соображаешь. Так вот, Костя, есть в книге одна песня. Автор ее Александр

Ольхия. Она давняя, но современная и острая, — и Мешков запел вполголоса приятным баритоном:

Пускай мучат и бьют, пускай в цепи куют,
Пусть терзают избитую спину, —
Будем ждать и терпеть, и в нужде будем петь
Все про ту же родную дубину.

Кайгысыз почесал затылок.

— Я слышал о ней, это «Дубинушка». Мне про нее весной выпускник Полюдов говорил, — Кайгысыз встал с табурета.

— Полюдов! Яков Евстафьевич, ротмистр и полицеймейстер Ферганы. Я имел с ним дело. А сын не в отца пошел. Хорошо! Вот и прошу тебя, коли полицеймейстеры есть, будь осторожен. Твой наставник Меркулович — порядочный человек, но от других учителей оберегай книгу.

— А кровному другу, Мухамедкули Атабаеву, могу показать?

— Прежде клятву возьми, Костя. Он малый славный, но перед начальством, боюсь, не устоит. Он еще завороченный, а ты уже расколдован.

— Как это, господин Мешков? — Кайгысыз действительно не понимал смысла сказанного.

— В следующий раз объясню. Сейчас пойду погляжу, что там твои дружки наделали в саду и отпущу их. А ты, пока, почитай вот это. Книгу под китель спрячь, а листок положи на стол. Держи! — И Мешков вышел из комнаты.

Кайгысыз держал небольшой листок бумаги, на котором крупными буквами было выведено: «Манифест Всероссийского студенческого съезда 1902 г.».

Кайгысыз дважды прочел текст и постарался его запомнить. Листовка призывала к политической борьбе с самодержавием. Сердце его колотилось, но спроси его в ту минуту почему, он бы ответить не сумел.

Он один возвращался в семинарию из отпуска. Мухамедкули дежурил по спальне. Было холодно, руки зябли даже в перчатках. Мерзли уши. Так хотелось поднять воротник форменного пальто, но... не положено.

Неподалеку от входа в здание семинарии, через дорогу в скверике, Кайгысыз увидел силуэты ребят. Они

курили. «По последней», — подумал он и услышал голос.

— Эй, первоклассник, поди-ка сюда! — Кайгысыз приблизился к старшеклассникам. — Закурить желаешь?

— Не курю. Спасибо.

— Ну, ты все равно хороший парень, — сказал один из ребят. — Ты дружишь с «Кожухом» и Серкибаем?

— А в чем дело? — спросил настороженно Кайгысыз.

— А в том и дело, что есть дело, — подхватил другой и затоптал папиросу в землю. — На входе «Сыч» дежурит. У него глаз, что ватерпас. Из-то он и «Сыч». И против нас зуб имеет.

Кайгысыз не любил учителя чистописания и рисования за его натянутые отношения с Меркуловичем и за то, что «Сыч» всегда «умирал» перед начальством и был первым доносчиком директора семинарии Остроумова.

— Ну, так пожуйте веточки туи, — посоветовал Кайгысыз.

— Ишь какой умный! Да пулю за молоком пустил. Дело посерьезнес. Нужно сверток пронести.

— А что в нем?

— Послушай, товарищ, давай познакомимся, — предложил третий, лицо которого Кайгысызу не было знакомо. — Я — Георгий Окулич-Казарин, восьмиклассник мужской гимназии. Ты к царю как относишься? Слышал, как царь перед Зимним дворцом в Петербурге рабочих с женами и детьми расстрелял?

— Знаю, с мирной просьбой шли. Тысячу убил, два ранил. Меня зовут Константин Тач-Сердаров.

— Так вот, ты, Костя, за царя или за свободу?

В прошлый понедельник Мешков рассказывал ему и Мухамедкули о том, что в Общественном собрании Ташкента, в честь 150-летнего юбилея Московского университета, был устроен банкет, на который социал-демократы Корнюшин и Меньшиков привели с собой четыреста рабочих. Революционеры распространили прокламации и превратили банкет в политический митинг, где была принята резолюция с требованием свободы совести, собраний и союзов, установления восьмичасового рабочего дня, предоставления права на стачки и демонстрации, уничтожения всех сословных привиле-

гий. Тут же собрали деньги для оказания помощи семьям погибших петербургских рабочих.

Все это Кайгысыз хотел было рассказать старшеклассникам, но почему-то произнес:

— Пункт двадцать восьмой положения о семинарии: «По товарищескому чувству лучшие и более развитые воспитанники помогают в занятиях менее развитым своим товарищам». А сейчас наоборот.

— Чего несешь, чего ты мелешь? — строго спросил первый из семинаристов.

— Не вяжись, Петр! Не понимаешь, что ли? Мальчик шутит.

— Ничего не шучу! — серьезно заявил Кайгысыз. — Если царь стреляет в народ, и в него надо стрелять!

— Еще маленький!

— Ну и дуралей же ты, Петр.

— Костя дело говорит, а ты языком треплешь. Давай, Константин, держи сверток. Спрячь за пояс под пальто. Пальто застегни на все крючки. Пронесешь, рассчитывай на нас.

— Если что, скажу на тротуаре нашел, воспитателю несу.

— Учись, Петр, он посмышленнее тебя, — весело сказал Окулич-Казарин и распорядился: — Вы, двое, идите первыми, за вами сразу пойдет Костя, а за ним — Петр. Вот тебе моя рука, Константин, ты молодец!

Глава третья

НАЗВАННЫЙ БРАТ

Пассажирский поезд Ташкент—Красноводск затормозил у станции Арчман, маленького зеленого оазиса в ахальской степи.

Мухамедкули по пояс высунулся в окно, его горячность была понятна — приближались родные места. Но вот почему он, Кайгысыз, так взволнован? Сердце его билось так же учащенно, как в минуту первого отъезда из родного аула Меана в 1899 году на учебу в Теджен и как при расставании с матерью перед отъездом в Ташкент. Он тоже протиснулся в окно и искал глазами фигуру отца Мухамедкули, чей полный достоин-

ства взгляд так напоминал Кайгысызу взгляд его покойного отца.

Однако, на вокзале старшины аула Нохур Угурлы-Гаджи-оглы Атабая не оказалось. Ребят прибыл встречать яшули Сеид Непес Коч-оглы, который был свидетелем при наречении имени новорожденному Мухамедкули, когда по обычаю произносится «азана»¹, его взрослый сын Мурадкули — сводный брат Мухамедкули. Тут же на привокзальной площади, в тени карагачей стояли под седлами три пары коней. Два отличных жеребца буланой масти предназначались приехавшим. На выючной кобыле лежала торба с двумя белыми тельпеками², нарядными халатами и двумя парами сапог.

Сеид Непес первым делом напоил гостей чаем в пристанционной чайхане. Вскоре, переодевшись в присланную одежду, дружной рысью отправились в путь.

По обе стороны дороги тянулась степь, выжженная солнцем уже в начале июля. Впереди поднимались в голубизну неба синие-изумрудные отроги одного из хребтов Копет-Дага. До аула Нохур предстояло проехать два десятка верст.

Расположенный в горной долине аул Нохур велик: в нем более двухсот тридцати домов и кибиток, около полутора тысяч жителей. Прежде он носил название Хусани-Полат, что означало «Красота его — сталь». Скорее всего предками жителей Нохурской долины, из которых сложилось племя нохурли, являлись пришедшие сюда арабы, смешавшиеся со временем с выходцами из различных мест Средней Азии, в том числе и о туркменами. Но нохурцы издавна были оседлыми земледельцами. До прихода русских они считались персидскими подданными. Древние летописи повествуют о том, что плодородная, богатая водой территория между рекой Атрек и перевалами Копет-Дага, некогда густонаселенная и цветущая, за последние сто лет в результате непрекращавшихся взаимных персидско-текиских набегов превратилась в голую степь с остатками многочисленных крепостных развалин. Устояли лишь два аула — Нохури и Дешт.

¹ Ритуальная молитва.

² Высокая баранья шапка.

Как только всадники въехали в ущелье, и дорога пошла по берегу полноводного ручья Сераби, Кайгысыз заметил, что Сеид Непес, оправивший седую бороду, изменил осанку в седле. По берегам ручья Сераби, дающего воду аулу Нохур, потянулись заросли ежевики, барбариса, лешта, грецкого ореха. И как стражи покоя и наслаждения усталых путников высились одинокие густопокровные чинары. Сразу заметно спал июльский вной.

Сеид Непес предложил напоить лошадей, а Кайгысыз вспомнил рассказ, услышанный еще в первый свой приезд в Нохур. Говорили, что родственник отца Мухамедкули, по прозвищу Абадич — «Неспокойный», в семидесятые годы во главе пятнадцати джигитов охранял аул, который постоянно подвергался нападению то персов, то теке, более сильного соседнего племени туркмен. В конце 1880 года предводитель текинцев, проживавший в районе Баи, Тыкма-Сердар опустошил Нохур, но не смог одолеть «Неспокойного». И тогда тот, по совету старейшин Довлет Гельды-Казы, Адыбая, муллы Адын-Мамеда и Угурлы-Гаджи-оглы Атабая, ушел с отрядом в Красноводск, чтобы просить помощи у русских. Кайгысызу особенно врезалось в память, что именно отец Мухамедкули, сам образованный человек, окончивший медресе, был среди нохурцев одним из самых горячих сторонников посылки детей на учебу, и хотел, чтобы было их как можно больше. «Пуля сильна, но знания сильнее!» — убеждал он, старшина аула, своих земляков. Он говорил: «Только знания и о ними высокие посты принесут нохурцам покой и процветание». И первым отправил своего сына в русско-туземное училище. В тот раз Кайгысыз впервые в жизни ощутил, как в сердце поднялось негодование, и губы его даже прошептали ругательство. «Акмаклар»¹, — обозвал он тогда глав нохурских семейств, которые хоть и следовали во всем указаниям старейшины аула, однако на сей раз не послушались его и не послали своих детей в училища.

У дома старшины толпился народ. Сам Угурлы-Гаджи-оглы Атабай, одетый в лучший халат, стоял перед

¹ Дураки, глупцы.

домом в ожидании сына и его друга. Рядом с ним находился пришедший по случаю мулла Атанияз-ахун.

Встреча была радостной, но без угощения. Шел месяц рамазан — мусульмане соблюдали пост, и есть можно было только после захода солнца. Народа в ауле было мало, основная часть его жителей находилась на отгонных пастбищах, в горах, выпасая стада домашнего скота.

Кайгысыз ощутил слабость в руках и ногах, когда его приветствовал отец Мухамедкули, встретивший Кайгысыза как родного сына.

С выючной лошади были сняты стопки книг и чемоданы, Мухамедкули сразу же раскрыл их и принялся одаривать своих близких.

В чемодане Мухамедкули лежали отрезки тканей на платье, сатиновые и ситцевые платки, пачки патронов усиленного боя, кресало, фитили для керосиновых ламп, куски мыла и многое другое. Отцу он привез дорогую бухарскую камчу. Атаниязу-ахуну — тетради, карандаши и книги. Своим младшим братьям он вручил разноцветные игрушки.

В тот вечер спать легли поздно. Все рассказывали собравшимся о своей жизни в Ташкенте, об учебе в семинарии.

На следующее утро Мухамедкули и Кайгысыз, в окружении ватаги мальчишек, первым делом прошли к развалинам цитадели, некогда исправно служившей нохурцам, а теперь приходившей в упадок за ненужностью. Там их и нашел охотник Гуйджи, которого старшина аула попросил сводить молодых людей в горы.

По пути они свернули к роднику Пейдалан. Кристально чистая струя воды сбегала из-под скалы в небольшую выемку на террасе и далее уходила в заросли ежевики. Вода этого родника считалась «святой», потому как была целебной.

— Вот здесь, — поведал охотник Гуйджи, — «Неспокойный», перед тем как уйти в Красноводск, поил и мыл своего коня. А враги, воины Тыкма-Сердара, боялись к нему приблизиться. «Раненый Сарс, к нему подходить нельзя», — сказал Тыкма-Сердар, а потом сожалел. «Неспокойный» был первым, кто вместе с русскими через год ворвался в аул Бами и отомстил Тыкма-Сердару.

В горах, где было множество кекликов — горных ку-ропатов, Кайгысыз пришел в ужасное возбуждение и ощутил, как кровь бросилась ему в голову. Когда прямо из-под копыт коней взлетела очередная стайка кекликов, он пожалел, что у него в руке нет камня, которым он мог бы запустить в птиц, и чуть было не сорвал с головы гелепек.

— Ты знаешь, Мухамедкули, я, кажется, становлюсь настоящим мужчиной, — вполголоса сообщил Кайгысыз.

— Ты это почувствовал в горах? — Мухамедкули лукаво улыбнулся.

— Это зов крови, пойми! — серьезно ответил Кайгысыз. — Половину первого своего жалованья я отложу на охотничье ружье. А здесь можно поохотиться?

— Конечно!

— Дядя Гуйджи, если мы соберемся на охоту, вы поведете нас? — живо спросил Кайгысыз.

— Обязательно! Я немало интересного покажу, открою много секретов. Поохотимся на архаров, а если пожелаете, то и на барса. В горах повыше водятся леопарды.

Они сделали большой круг и возвращались к аулу с востока. Кайгысыз невольно придержал коня у величавого чинара, одиноко стоявшего перед отверстием в отвесной скале.

— Это пещера? Древнее жилие людей? — спросил Кайгысыз.

— Это Кыз-биби, а дерево — святое, — пояснил проводник.

— Разрешите, охотник Гуйджи, я расскажу моему другу об этом легенду, — попросил Мухамедкули.

— Хорошо, а если что не так, я поправлю.

— Очень давно в этой долине, спасаясь от врагов, поселились муж и жена. Наши предки приветили их и защитили. От них и пошло потомство, которое образовало род джагыл-джогул. Они почти все рыжие и голубоглазые. И вот почему. Вон видишь чуть ниже — груда камней, круглых и гладких?

— Большой очень похож на верблюда, стоящего на коленях, — заметил Кайгысыз.

— Смотрите, дядя Гуйджи, какой он сообразительный. Молодец! Так оно и есть. Этот камень и был прежде верблюдом. Но по порядку. Жила в Нохуре краса-

вица по имени Кыз-биба. Равной ей не было. Однажды она остановилась здесь на отдых, стала готовить обед, собиралась испечь хлеб и уже замесила тесто. В это время и появились молодцы из рода джагыл-джогул, давно следившие за Кыз-биби и собиравшиеся ее похитить. Красавице некуда было деваться, и тогда она взмолилась: «О, Аллах, сделай так, чтобы я не попала в их руки, накажи их за то, что они преследуют меня!».

— Ну-ну? — заинтересованно поторопил Кайгысыз.

— Скала и раздалась, а Кыз-биби скрылась в ней...

— А верблюды и все ее имущество превратились в камни, — закончил Кайгысыз.

— Да говорят истину уста твои! — согласился Мухамедкули.

— Этим не окончилось наказание Аллаха, — добавил охотник. — Он сделал джагыл-джогулцев рыжими и голубоглазыми, чтобы их все могли узнавать и презирать. И еще у джагыл-джогулцев, когда они женятся между собой, не бывает потомства.

— А сюда часто приходят люди, — заметил Кайгысыз и указал на веревочки и тряпочки, привязанные к веткам дерева, на следы свежих костров и оставленный мусор.

— Через два дня здесь соберется вся молодежь аула. И с кочевков приедут. С этого места они будут катать окрашенные яйца. Таков обычай, — пояснил охотник.

— Юноши и девушки в этот день будут вместе! — перебил его Мухамедкули. — И мы приедем.

— У кого дальше укатится яйцо, тот и выиграл. Девушки обязательно станут кататься на качелях, подвешенных к этому святому чинару. А потом, когда замуж выйдут и если детей у них не будет, придут просить их у Кыз-биби, — охотник тронул коня. — Поехали, арчи Атабай уже ждет нас.

— Ты чем опечален, мой милый Кайгысыз?

— У тебя зоркий глаз и чуткая душа, Мухамедкули, но как можешь ты, ученый человек, носить такие богатые вещи? В шелковом халате ты под стать глупому хану, а в английских сапогах — пристапу.

Мухамедкули не обиделся, напротив, с чежностью положил руки на плечи Кайгысыза.

— Ты помнишь встречу на Куйлюкской, перед самым

отъездом сюда? Мы были счастливы до самых макушек, как же — ведь нас перевели во второй класс, и мы решили спросить первого попавшегося господина, что такое счастье. Помнишь?

— Им оказался пожилой человек, писмоводитель прокуратуры.

— И что он нам сказал?

— Счастье надо искать, молодые люди, не в достатке, не в хорошем положении в обществе, не в чинах и даже не в семейной идиллии, а в суровой, исполненной труда жизни.

— Вот видишь!

— Но мы отдыхаем, мы на каникулах.

— Будет твоя свадьба или еще какой той — другое дело. А так мы с тобой, Мухамедкули, постоянно обязаны думать, к какому делу мы себя готовим.

— Ты прав, сгусток ума! Я сейчас же сниму твою печаль. Пойду и обуюсь в чарыки¹.

— Не надо так, Мухамедкули. Завтра достань и мне. Ведь утром придет учитель Эфендиев. Я все думаю о встрече с ним и готовлюсь.

— Что он подумает о нас? Тебя это беспокоит?

— И что скажет, — Кайгысыз отшвырнул носком сапога голыш, вскинул голову. — Ведь он — учитель!

— Мы встретим его достойно! Отец любит господина Эфендиева, — без тени сомнения заявил Мухамедкули.

— А знаешь? Давай поедem ему навстречу. Прихватим с собой Мурадкули, необходимую провизию, — мама твоя не откажет и отец не станет сердиться. Встретим учителя где-нибудь у источника под тенью чинара. Там поговорим, пообедаем. Он ведь культурный человек — поста не признает.

— Я смотрю, как несправедливо страдают верующие мусульмане, — Мухамедкули изменился в лице.

— Сам по себе пост придуман не напрасно. В этом есть свой смысл. Но почему хорошее люди, как правило, превращают в плохое? Как можно, чтобы человек в самое жаркое время года не позволял себе, в течение

¹ Грубая кустарная обувь из верблюжьей или коровьей сыромятной кожи.

всего светлого дня, не то что не есть, даже сделать глоток воды?

— Это выдумки мулл в ишанов, чтобы легче держать людей в узде.

— Все же главная причина — отсутствие культуры, — как бы подвел черту Кайгысыз.

— Послушай, цветок, ты упомянул об источнике, а хочешь сейчас оседлаем коней и поедem к «Дырявому камню», на Дешик-даш? По дороге и легенду расскажу.

— А далеко ли это?

— Не очень. У Эке-арча, рядом с летним лагерем казаков.

— Давай туда не поедem, — Кайгысыз покачал головой.

— Тогда в Совук-Сув или Чопур-Чинар, там летние пастбища и молодых людей много.

— Может, верховую прогулку совершим завтра, когда поедem встречать учителя? — предложил Кайгысыз.

— Хорошо! Я кое-что придумал, — Мухамедкули повернулся в сторону игравших на улице мальчуганов. — Эй, Сеидмурад, поди-ка быстрее сюда!

Мальчуган проворно подбежал, на лице его читались вопрос и полная готовность исполнить любую просьбу.

— У вас в саду есть дерево, на котором плоды созревают раньше, чем на других.

— Да, Мухамедкули-джан, на десять, а то и на пятнадцать дней раньше! — с гордостью ответил маленький Сеидмурад.

— Пойди, натряси нам урюка! Отец твой не станет ругаться?

— Для вас не станет. Я сейчас! — и Сеидмурад сорвался с места бегом.

— Ищи нас за домами, в цитадели! — крикнул ему вдогонку Мухамедкули и весело рассмеялся.

Когда мальчуган разыскал друзей, рубаха его, крепко перетянутая поясной веревкой штанов, была надута, как от ветра. Он присел у большого гладкого камня, на котором сидели семинаристы, дернул рубаху и из-под нее посыпались золотистые, с янтарным и лимонным отблесками, спелые абрикосы. Мухамедкули и Кайгысыз будто возвратились в детство. Они принялись уплетать за обе щеки спелые, сочные плоды, а косточки складывали горкой. Когда наелись досыта, Кайгысыз

схватился за живот. Сеидмурад впервые услышал и за всю жизнь запомнил слова, сказанные Мухамедкули: «Авиценна утверждал, что если очень много съел урюка и болит живот, съешь его косточки».

Учитель Бахарденского русско-туземного училища Гасан-Муса Эфенди-оглы Эфендиев, окончивший восемь лет назад Тифлисскую учительскую семинарию и шесть лет преподававший в Серахском русско-туземном училище, в тот день поднялся до первых петухов. Заказанный им с вечера фаэтон уже стоял у калитки. Учитель спешил не потому, что боялся опоздать. Он торопился уехать ровно в назначенный час, питая надежду, что почтенный блюститель училища дурунский пристав штабс-капитан Паристов не появится вовремя и Эфендиев отправится один. У пристава с Эфендиевым сложились не то чтобы добрые, но такие отношения, которые пока не мешали работе в училище. Но Паристов, узнав о намерении учителя посетить Нохур, высказал желание составить ему компанию. Это нарушало планы Эфендиева: попросту испортило бы встречу с Мухамедкули. Эфендиев знал юношу, поскольку официально от училища направлял его в семинарию, и относился к нему с симпатией, как к будущему коллеге.

Эфендиев был знаком и с Кайгысызом. Он встречал молодых людей в Бахардене на вокзале, когда они добирались до станции Арчман, откуда им было значительно ближе до Нохура.

С первыми лучами солнца у дома аульного старшины уже позвизкивали подковами оседланные лошади, рядом вертел головой осел, по уши нагруженный поклажей. Мать Мухамедкули, достопочтенная Баллы Рамазан Кызы, хлопотала, получше укладывая между кошмами провизию. Подъехал верхом и сын Сеид Непеса Коч-оглы, который по-дружески вызвался помочь Мурадкули выбрать место для отдыха.

Кайгысыз вскочил в седло, вдел ноги в стремяна и дал шенкеля быть может чуть сильнее, чем надо. Конь взвился на дыбы, и в этот самый миг, прямо под ним, оказался выбежавший на улицу четырехлетний Овезгельды. Баллы Рамазан Кызы ахнула, конь опустился на передние ноги, малыш упал, тюбетейка его покати-

нась в сторону. Кайгысыз, вылетев из седла, схватил плачущего Овезгельды на руки.

Умное животное не причинило мальчику ни малейшего вреда. Угурлы Гаджи-оглы Атабай, который со стороны наблюдал за приготовлениями к отъезду, был спокоен: он знал нрав коня и на лице его не дрогнул ни единый мускул. С большой теплотой подумал он о Кайгысызе, подошел к гостю, взял из его рук своего младшего сынишку, поставил на ноги и дал мальчишке хорошего шлепка.

— С утра этот жеребец всегда нервничает! Держи повод покрепче. К вечернему намазу жду вас обратно. Господину Эфендиеву, если он не сможет нас навестить, передайте привет. После уразы к нему поедет с подарками человек. — И почтенный старшина взял коня Кайгысыза под уздцы. Сердце Мухамедкули колотилось от радости: отец проявил особое внимание к его другу.

В ущелье выбрали превосходное место, у ручейка, впадавшего в Сераби, в тени деревьев и сравнительно недалеко от дороги. Время было рассчитано точно, и фаэтон с учителем показался как раз тогда, когда на костре в кумгане закипела вода.

С подчеркнутым почтением и торжественностью приветствовали семинаристы учителя, а ему очень понравилась их затея провести встречу на лоне природы. На кошах лежали мягкие подушки и был расстелен сачак — скатерть со сладостями, абрикосами, виноградом и свежими лепешками чорвали-чорек, нохурцы пекут их только по праздничным дням или к встрече гостей.

Как только учитель, сбросив обувь, полулежа, облокотился на кошму и оперся на подушку, Мурадкули подал ему пиалу чая, от которой поднимался душистый пар.

Беседа началась с общих расспросов, но очень скоро коснулась темы, которая волновала всех.

— Теперь вы, дорогие друзья, настоящие семинаристы, — Эфендиев взял в рот кусочек засахаренного виноградного меда, отхлебнул глоток из пиалы. — Три года пролетят незаметно...

— И мы, учитель, понесем культуру в наш народ! — не выдержав, Кайгысыз перебил старшего. — Извините!

— А кто вам культуру преподносит? Учителя? — че-

рещур серьезно, как показалось Мухамедкули и Кайгысызу, спросил Эфендиев.

— Прежде всего наш наставник Николай Алексеевич Меркулович, хороший человек и давний житель Туркестана. Отец его — известный глазной врач в Ташкенте. Господин наставник дает нам помимо учебников интересные книги, — ответил Мухамедкули.

— А еще садовник Мешков, он культурный человек, хоть и садовник, — горячо продолжал Кайгысыз. — А потом — занятия в библиотеке, музеи, встречи с разными людьми...

— Есть у нас еще друг, правда, он больше любит Кайгысыза — выпускник Кожухов, наверное, член партии социал-революционеров. Он и господин Мешков давали нам запрещенные книжки.

— Осенью Саша Кожухов обещал познакомить нас с одним солдатом, бывшим студентом последнего курса Киевского университета. Забрали в солдаты и выслали в Ташкент. Мы, учитель, чувствуем, насколько шире стал наш кругозор. Спасибо русским людям!

— Это, конечно, делает честь и вам, и им, — Эфендиев переменял позу, подложил подушку с другого бока. — Слава аллаху, но пусть он избавит вас от встреч с господами-ташкентцами.

— Кого вы имеете в виду? — насторожился Кайгысыз.

Учитель Эфендиев сделал знак курду-фаэтонщику, который, напившись чаю, отдыхал в тени большого камня. Тот понял жест и подал Эфендиеву дорожный хурджун.

— Я как будто знал, что речь об этом зайдет обязательно, — произнес Эфендиев и, достав из небольшой ковровой сумки объемистый том, открыл его. — Вот, мои юные друзья, вы только послушайте внимательно.

Учитель скрестил ноги под собой, положил на них книгу на русском языке и стал читать:

— «В рассказах Глинки (композитора) занесен следующий факт. Однажды покойный литератор Кукольник, без приготовления, «необыкновенно ясно и дельно» изложил перед Глинкой историю Литвы, и когда последний, не подозревая за автором «Торквато Тассо» столь разнообразных познаний, выразил свое удивление по этому поводу, то Кукольник ответил: «Прикажут —

завтра же буду якушером». — Эфендиев сделал паузу и глянул, какое впечатление произвело чтение на собеседников. — Ответ этот показателен, ибо определяет меру талантливости русского человека, — продолжал он. — Но он еще более драгоценен в том смысле, что раскрывает некоторую тайну: упомянутая выше талантливость находится в теснейшей зависимости от «приказания». Мы не изобрели пороха потому, что нам не было это приказано; ежели мы не опередили Европу на попрание общественного и политического устройства, то это означает, что и по сему предмету никаких распоряжений не последовало. Мы не виноваты. Прикажут — и Россия завтра же покроется школами и университетами; прикажут — и просвещение, вместо школ, сосредоточится в полицейских управлениях...».

— Господин Мешков так и говорит, — вставил Кайгысыз.

— А кто такой Тассо? — спросил Мухамедкули.

— Торквато Тассо — итальянский поэт и ученый. Но послушайте дальше. «Уверенность в нашей талантливости так велика, что для нас не полагается даже никакой профессиональной подготовки. Всякая профессия доступна нам, ибо ко всякой профессии мы от рождения вкус получили. Свобода от науки не только не мешает, но служит рекомендацией, потому что сообщает человеку букет «свежести», — видно было, что Эфендиев пропустил несколько строк. — «Назовите рядом со «свежим» человеком какого-нибудь «умника», и всякий сразу поймет сколько горечи и презрения слышится в этом последнем названии. «Умник!» — ведь засоренная голова! Это человек, изнемогающий под бременем собственного бессилия! Это опасный мечтатель, способный только разрушать, а не создавать!..»

— А кто это пишет? — полюбопытствовал Кайгысыз; ему не очень нравилось то, что читал учитель.

— Михаил Евграфович Салтыков, известный русский писатель. Это девятый том Полного собрания его сочинений. Вы что-нибудь раньше читали?

— «Господа Головлевы», кажется, но не до конца, — ответил Кайгысыз.

— Ты брал в библиотеке «Помпадурсы и помпадурши» и сразу вернул, — добавил Мухамедкули.

— Вы пока еще молоды, но слушайте дальше. Сал-

тыков говорит о людях, которые увидели в шкафу свод законов и считают себя юристами, изучили форму кредитных билетов и уже — финансисты. И вспоминает Митрофанушек, о которых писал другой известный русский писатель Фонизин в пьесе «Недоросль», — и Эфендиев продолжил чтение. — «Они не хотят знать арифметики потому, что приход и расход сосчитает за них приказчик; они презирают географию. потому что кучер довезет их, куда будет приказано; они не брезгуют историей, потому что старая нянька всякие истории на сон грядущий рассказывает. Одно право они упорно отстаивают, — это право обуздывать, право простираť руками вперед».

— Но не все же русские такие, — Кайгысыз испытывал сейчас тягостное чувство

— Слава Аллаху! — Эфендиев перевернул страницу. — Представьте себе пропойцу, который встает с постели с разбитым лицом, с угнетенною винными парами головой. Он подавлен чувством тупого самоотсутствия, которое не дает ему возможности не то что-нибудь ощущать, но просто даже разобрать, где он и что он. Если б этот человек мог понимать, если б он мог представить себе все подробности безобразия прошедшего дня, быть может тут произошла бы потрясающая драма. Но так как он ничего не помнит, ничего себе не представляет, то чувствует только одно: гнетущую потребность опохмелиться. Удовлетворившись этой потребностью, он снова возвращается к вчерашнему дню, но не для того, чтобы анализировать, а для того, чтобы воспроизвести его с буквальной точностью. В этой безнадежной картине заключается единственно возможное объяснение всего Митрофанова существования». — Учитель поднял глаза. — За неделю до уразы штабс-капитан Паристов приезжал на праздник обрезания к старшине аула Арчман, — а до того дал понять, какое ему надо устроить угощение, и сплил всех сыновей старшины. Они долго болели, а теперь ждут, когда пристав снова к ним пожалует.

— Мы поклялись друг другу не брать в рот водки, — сообщил Мухамедкули. — Если наш народ прирастится к вину, он завтра же погибнет.

— И я того же мнения, — заявил Эфендиев, — но вот послушайте еще. Это очень поучительно! «Митрофа-

ну после водки милее всего табель о рангах. С этой табелью в руках, хмельной от приливов талантности, он рыскал по долам и горам, внося в самые глухие вакоулки — и к нам значит, — смелую проповедь о чинопочтании и заражая самые убогие хижины своею просветительной деятельностью. Перед немеркнувшим блеском табели о рангах тускли, почти презренно светились прочие вопросы жизни, то есть все то, что составляет действительную силу страны. Жизнь остановилась, охваченная со всех сторон безнадежнейшим эмпиризмом: источники воочию иссякли под игом расточительничества и хищничества; стихия бесконтрольно господствовала над трудом и жизнью человека, а Митрофан ничего не замечал, ни перед чем не останавливался и упорно отстаивал убеждение, что табель о рангах даст все: и славу, и богатство, и решительный голос в деле устройства судеб человечества». — Учитель перестал читать, отхлебнул из пиалы уже остывший чай. Мурадкули и его друг плохо понимали по-русски, но глаза обоих были широко открыты.

Высоко в небе кружили орлы, тень от кроны дерева подобралась к кошмам и упорно продвигалась к скатерти с едой.

— Я утомил вас, мои юные друзья, но вам это очень полезно знать. Еще одно место. «Мнения, что Запад разлагает, что та или другая раса обветшала и сделалась неспособною для пользования свободой, что западная наука поражена бесплодием, что общественные и политические формы Запада представляют бесконечную цепь лжи, в которой одна ложь исчезает, чтобы дать место другой — вот мнения, наиболее любезные Митрофану».

— А все-таки, учитель, кто такие «ташкентцы»? — спросил Кайгысыз, явно обескураженный.

Эфендиев перелистал страницы, дошел до конца произведения.

— «Ташкентец» — это просветитель. Просветитель вообще, просветитель на всяком месте и во что бы то ни стало; и притом просветитель, свободный от наук, не смущающийся этим, ибо наука, по мнению его, создана не для распространения, а для стеснения просвещения». Бойтесь этого, мои друзья! И далее... «Всякий, кто видит в семейном очаге своего ближнего не огоро-

женное место, а арену для весело проводимых похождений, есть ташкентец; всякий, кто в физиономии своего ближнего видит не образ божий, а ток, на котором можно во всякое время молотить кулаками, есть ташкентец; всякий, кто, не стесняясь, швыряет своим ближним, как неодушевленную вещь, кто видит в нем лишь материал, на котором можно удовлетворять всевозможным проказливым движением, есть ташкентец. Человек, рассуждающий, что Вселенная есть не что иное как выморощенное пространство, существующее для того, чтобы на нем можно было плевать во все стороны, есть ташкентец!».

— Это все? — казалось, Мухамедкули огорчен, что учитель закончил чтение.

— И те, кто не строит у нас школ, а возводит казармы — тоже ташкентцы. Господин Ляуданский — ташкентец, — учитель говорил теперь почти зло.

— Господин Ляуданский? — спросил Кайгысыз.

— Это инспектор народных училищ Закаспийской области, — пояснил Мухамедкули.

— Да, я знаю его. Помню. Он же принимал меня перед поездкой в Ташкент, — сказал Кайгысыз. — Он мне не показался таким.

— Хамелеон! Господин Ляуданский каждый год обещает нам, туземным учителям, что откроются новые школы, а их все нет. Последний раз, в январе, Ляуданский заверял всех и крестился при этом, что в годовом отчете по Закаспийской области говорилось об острой необходимости лучше воспитывать туркменских детей. А школ нет!

По иронии судьбы, именно в эту самую минуту в далеком Петербурге, неведомом Кайгысызу, Мухамедкули и даже Эфендиеву, управляющий делами Комитета министерств, статс-секретарь барон Нольде широким, размашистым почерком писал распоряжение: «Слушали внесенный по Высочайшему повелению все подданнейший отчет на 1904 год о состоянии Закаспийской области. В отчете этом свидетельство Начальника области о необходимости, в видах достижения сближения туземного населения с Русским государством, чтобы из среды туркмен были офицеры, учителя туземных школ и письменные переводчики, собственноручно отчеркнуто

Его Императорским Величеством. Уведомить о том Министра Народного Просвещения и Управление Военным Министерством и поставить о том в известность Начальника Закаспийской области».

Восемь лет спустя Н. Н. Иомудским будет написан исторический очерк «Местный суд Закаспийской области», который увидит свет лишь через десять лет, после того, как был написан, и тогда линотипист ташкентской типографии ОГПУ отольет такие строки: «За 32 года можно было гораздо больше сделать по вопросу обучения молодого туркменского населения государственному языку и русской грамоте. Мало интересовались этим и школ было мало. Туркменская молодежь, посещавшая города и поселки области, вместо школ наполняла кабаки и дома разврата и там проходила элементарный курс изучения государственного языка».

Кайгысыз шел ни о чем не думая. Он только что был в доме своего сверстника, которому вскрыл чирей каленым концом ножа, как учил доктор семинарии, господин Войцеховский. Нарыв долго не мог прорваться и парень замучился, тем более, что, по совету соседок, мать прикладывала к больному месту всякую всячину.

На улице мальчишки играли в альчики. Невзрачный на вид паренек ударами своего «конек саглы» — альчика, залитого свинцом, вызывал всеобщее восхищение, за пазухой у него было полно выигранных альчиков.

Чуть дальше у глухой стены дома собирались ребята постарше. Были среди них и однолетки Кайгысыза. Рядом кучкой сложены дрова, собранные ребятами. Они ходили по дворам и пели песни — «санавач». Как спустятся сумерки, ребята разведут костер, при свете которого и станут играть в «эшек мунди». «Ханы» — водили уже стояли рядом, к ним подходили пары с вопросом: «Кому ишак, а кому верблюды?» Сейчас сложатся две партии, будет брошен жребий и проигравший его «хан» выберет из своих «ишаков» того, кто покрепче, и тот, согнувшись, встанет к стене. Он — «ясдык». Остальные примкнут к нему один за другим. Самый ловкий из «верблюдов» должен будет разбежаться, прыгнуть и долететь до стоявшего первым «ясдыка» так, чтобы все остальные «верблюды» могли иметь место куда прыгнуть, сесть и не свалиться. Когда все сядут,

«ясдык» начнет считать до десяти. Если «верблюды» усидели, они начинают снова прыгать. Если же кто из них упал или даже коснулся земли, к стене выстраиваются «верблюды», а «ишаки» станут прыгать.

Кайгысыз так и подмывало подойти, попросить ребят принять его в свою компанию. Он бы точно был «ясдыком» или прыгал бы первым. Один из «ханов» заметил его и пригласил, но Кайгысыз, — надо же! — в этот самый миг вспомнил фразу, произнесенную учителем Эфендиевым: «Сув акар, даш галар» — «Вода утечет, а камень останется» и отказался, — он воспитывал в себе характер.

Продолжая путь, Кайгысыз подумал, что полезнее будет им с Мухамедкули сходить к яшули Клыч-Кубаоглы, которого обидел эмин¹, послушать, что расскажет старый человек про жизнь.

Из-за холма показалась развилка дорог. Тропинка, уходившая в горы, вела к казачьему летнему лагерю в местечке Эке-арча. По ней, оставляя за собой клубы пыли, скакало шесть-восемь всадников. У самой развилки друзья встретили пожилого туркмена с юношей лет двадцати. У каждого было по ослу.

Туркмен сокрушался, ругал парня, хлопал себя по ляжкам, даже пару раз стегнул плетью своего осла.

— Что случилось, ага?² Вас обидели? — Кайгысыз видел, что отъехавшие были казаками.

Пожилый туркмен, казалось, даже опешил и схватился за рыжую с проседью бороду. Ответил не сразу, а лишь убедившись, что перед ним добрые люди.

— Везли мы в горы абрикосы, своим на пастбища. Час назад нагнали нас казаки. Отобрали урюк, — туркмен говорил плаксивым голосом. — А что людям есть? Рамазан еще не кончился. Взяли я спасибо не сказали. Мы стоим, не знаем что делать. Подъехали эти. Среди них главный — полковник. Я и пожаловался. А он спрашивает: «Сколько у вас абрикосов было?» «Один пуд», — говорю. «А сколько он стоит?» — «Пять рублей». Полковник сунул руку в карман и подал мне. Вот! — туркмен разомкнул ладонь левой руки, на ней лежала пятирублевая монета золотом.

¹ Доверенное лицо старшины аула по сбору податей.

² Вежливое обращение к старшему.

— Ну я корошо, культурный человек оказался, — произнес Мухамедкули, и юноши рассмеялись, поскольку пуд урюка даже в начале сезона не стоил пяти рублей, да еще золотом.

— Да, но отец ругается: досадно ему, что не сказал десяти! — выпалил сын и смутился.

— Цыц! А ты молчи, тентек!¹

— Ах, вот оно что! — Кайгысыз прищпорил коня и отъехал, за ним последовал Мухамедкули.

— Не могу ушам поверить! — в сердцах сказал Кайгысыз.

— Да что ты хочешь? Он же джагыл-джогул.

— Все равно туркмен! Это же нетипично для нашего народа!

— Вот, уверяю тебя, результат присутствия русских, — заметил Мухамедкули.

— То, что ты говоришь, спорно. Скорее влияние персов, армян или бухарцев. А правильное будет, Мухамедкули, вспомнить, что говорил нам Меркулович. Последствие торгово-ростовщических производственных отношений. Кажется так. Правильно я запомнил?

— Да, об этом, только другими словами, говорил и Гасан-Муса Эфенди-оглы, — согласился Мухамедкули.

Он не мог спокойно взирать на то, что происходило кругом. Прошел рамазан, кончился пост, наступил малый байрам, и люди жадно набросились на еду. Кайгысыз сказался нездоровым, все дни лежал с книгами в мыхман-таме², а к вечеру тайком взбирался на плоскую крышу, под ветви чинара, и предавался размышлениям. Они чаще всего уносили Кайгысыза в Санкт-Петербург, в древний стольный град России Москву, загадочный, блистательный Париж, в столицу великой метрополии Лондон. Как там живут люди? А сквозь листья чинара виделись ему глаза молодой жены торговца рисом, с которой он поздоровался через вабор, и она удостоила его разговором, откинув яшмак.

На крыше появился Мухамедкули, он принес первую попевшую кисть винограда.

— Если пост и был полезен, с точки зрения знаний в опыта Авиценны, — сказал Кайгысыз другу, — то это

¹ Глупец, дурак.

² Комната для гостей.

обжорство сразу все сводит на нет. Вот оно невежество, о котором предстоит бороться.

— Муллы не сдерживают народ, сами пример подают, — согласился Мухамедкули.

— Какое у них образование? А культуры и вовсе нет!

— Но к свадьбе моей ты «поправишься», горный орел?

— Конечно, нежный жасмин! Осталось ведь всего несколько дней?

— Пяты! Ага-Гюль Мами Кызы давно ждет. Она уже вышила мне тюбетейку, рубаху и кушак, нашила и себе одежду, настегала одеял, приготовила подушки. Все готово! И «схетли гун»¹ выбран.

— Ты не скрываешь от меня правду, берешь ее без калыма? — Кайгысыз пытливым взором уставился в глаза друга.

— Я убедил отца, а он повлиял на остальных. Калыма не будет и не будет «кайтарма»². Но ты обязан быть свидетелем! Не отказывайся, всех обидишь!

— Идти к мулле, пить с ним из одной чашки...

— Атанияз-ахун друг нашей семьи. Цветок алычи, моя последняя просьба такого рода, — убеждал Мухамедкули. — И честь роду окажешь. Послушай, с каким уважением о тебе говорят. Отец... — Мухамедкули спохватился, зажал рот рукою.

— Что говорит почтенный Угурлы-Гаджи-оглы Атабай-ага? Что ты хотел о нем сказать? — Кайгысыз понял, что его друг чуть было не проговорился, и не стал настаивать.

— Братья отца косо поглядывают в нашу сторону.

— Потому, что богаче. Оба совсем неграмотные, а стада больше, и дома собираются строить побогаче вашего.

— От того, что отец — честный, взятки не берет, поборы не устраивает.

— И книги читает. — Кайгысыз задумался.

— Вот именно — книги! — оживился Мухамедку-

¹ Счастливым день.

² Древний обычай, по которому жена возвращается к родителям после месячного пребывания у мужа.

ли. — Кочмурал-ахун образованный человек, книги из Персии получает, а сам утверждает, что чем культурнее человек, тем обязательно беднее.

— Драгоценный нектар миндаля, все дело в том, что считать богатством — толстый живот или умную голову.

Снизу послышался голос отца Мухамедкули, он приглашал их к ужину. Атабай-ага, хотя и было принято посылать младших детей, всегда сам звал их обедать.

Совсем скоро будет свадебный той, и в дом Мухамедкули войдет юная жена. Со стороны жениха и невесты уже три дня назад назвали по два человека свидетелями, которые должны присутствовать при произнесении муллой брачной молитвы «никаха», закрепляющей брак.

Кайгысыз и сын любимого Мухамедкули певца и дутариста Курбана-бахши разделись с раннего утра в праздничные наряды. Быть свидетелем Кайгысыз согласился, но нести невесту на ковре отказался. Родственники жениха, которые должны отправиться за невестой, уже толпились во дворе старшины, который для молодой семьи пристроил две комнаты к своему дому. Ручной работы текинский ковер стоял свернутый у стены.

Почти все званные гости собрались. Эфендиев приехал еще накануне. Недоставало дурунского пристава Паристова и Адыбая Абдиева, владельца многих земель, кяризов, паев воды, нохурской мельницы и стада баранов в тысячу голов. Ады-бай решил вместе со своими ближайшими родичами встретить штабс-капитана на полдороге. С этой целью он загодя отправил в Бахарден сына, который присоединится к поезду пристава с двумя пустыми фаэтонами.

— Едут! — крикнул джигит, посланный в ущелье, чтобы заранее увидеть гостей, соскочил с коня и побежал переодеваться.

Это означало, что через полчаса поезд в пять двухконных фаэтонов будет у дома старшины, и сразу начнется свадебная церемония.

Кайгысыз вошел в комнату, где вместе с учителем Эфендиевым и своими близкими друзьями находился Мухамедкули.

— Ну как, цветок жасмина, куда все же решил пойти? У кого будешь? — спросил Кайгысыз.

По обычаю нохурцев, жених, как голько узнает о приближении к его дому невесты, уходит к кому-либо из родственников или друзей, где находится до позднего вечера, а затем идет к себе, чтобы остаться с женой наедине.

— Пойду все-таки к Поладу. Там будет Вепадар, и ты приходи. Послушаем его, а потом пойдем посмотрим конные скачки. Отец назначил высокие призы.

На улице зашумели. Кайгысыз обнял друга и пошел искать сына известного певца и сказителя Нохура.

У мечети свидетели остановились и принялись церемонно предлагать друг другу первыми пройти в дверь, хотя все знали: по обычаю первыми входят к мулле свидетели невесты. А в это время к дому невесты подходили родственники и друзья жениха с ковром для невесты. Их поджидали ее родственники, и тут началась шуточная борьба, победителями в которой обязательно оказывались сторонники жениха. Победив, они расстилали ковер. Девушку-невесту, уже одетую в наряды замужней женщины, плотным кольцом окружили близкие и дальние родственницы жениха, накинули ей на голову белый шелковый платок, скрывающий новобрачную от посторонних взглядов, и вывели ее из родительского дома во двор.

Мать невесты, стоя на пороге, осыпала дочь кишмишом. По обычаю нохурцев матери нельзя было идти дальше, и зять долгие годы не должен был видеть свою тещу. И вот невесту усадили на ковер.

Атанияз-ахун быстро читал молитву. Закончив, он спросил о согласии на брак свидетелей невесты, а затем жениха.

— А теперь, да продлит ваши годы Аллах, сделаем каждый по глотку меда, — произнес Атанияз-ахун и первым пригубил из чаши.

Ковер с невестой понесли к дому жениха. Парни отбивались от родственников невесты, а те кулаками и далками стремились наддать тумака «насильникам» невесты. Новобрачную сопровождала жена старшего брата, обязанная провести с молодой в доме мужа три дня. Как только девушку, официально уже жену, оставили в комнате, где находились одни женщины, сразу начался

гой. Отец Мухамедкули не поскупился на расходы. Варились и жарились баранина, пекли чурек, готовили плов, угощали медом, свежими фруктами и виноградом.

В просторной кибитке, стоявшей во дворе Поллада, звучал дутар. Приятным голосом пел Вепадар. Он сидел на кошме, скрестив ноги, ближе всех к центру, неподалеку от Мухамедкули. Молодой бахши прикрыл глаза и раскачивался в такт музыке. В кибитке находилось не меньше двадцати человек, а в самом центре ее был расстелен сачак, уставленный яствами.

Кайгысыз слушал и пытался по выражению глаз присутствовавших определить, кто осуждал его, а кто был на его стороне. Дело в том, что в нарушение обычая Кайгысыз сделал свадебный подарок невесте — дорогое нагрудное украшение чакраз, представлявшее собой крупный ромб из серебра, убранный сердоликовыми глазками и полыми серебряными подвесками. Учитель Эфендиев знал о затее Кайгысыза, который не только одобрил его намерение, но даже помог деньгами.

Лучшим украшением свадебного тоя стали скачки. Они собрали лучших наездников, да и условия на этот раз были необычными. Следовало проскакать от Нохура до аула Арчман, восемнадцать верст туда и столько же обратно.

Право дать старт предоставили приставу Паристову. Через два часа с небольшим победитель должен возвратиться в аул. Это время многочисленные гости провели на площадке, где соревновались борцы-силачи.

Их окружила плотная толпа. Чуть впереди, группкой стояли старшина аула, его братья, помощник Клыч Куба-оглы, Ады-бай Абдиев, пристав Паристов, его помощник поручик Анна Берды Хан Мурад Шихов, начальник станции Бахарден, тамошний врач, переводчик. Тут же находился и Кайгысыз, которого Атабай-ага попросил быть рядом.

Пока последняя пара борцов готовилась к схватке, штабс-капитан взял старшину под руку и отвел чуть в сторону, ближе к Кайгысызу.

— Что ж это получается, арчин? — произнес пристав, словно сочувствуя. — Слышал, у тебя всего три сотни баранов, а ты такой богатый той устроил, хотя и без абы-земзема¹.

¹ Живая вода, жизненный элексир.

— Обычай не позволяет, господин Паристов, — ответил Атабай-ага на ломаном русском языке.

— Чего? Больше баранов иметь? Негоже, арчин! Ведь новые выборы уже на носу.

— Отчего так, господин штабс-капитан? — разволновавшись, спросил Атабай-ага.

— Есть мнение. Надо послушать голос народа. А у тебя, видишь ли, мало баранов.

Кайгысыз услышал эти слова и посмотрел на Атабай-ага, взгляды их встретились, и Кайгысыз улыбнулся. Арчин аула Нохур понял о чем думал сейчас друг его сына: «В Нохуре, к счастью, пока еще судят о человеке не по количеству баранов».

Подошел Мухамедкули, который следил за временем по единственному в ауле ручным часам.

— Отец, первый всадник уже показался.

— Хорошо, сынок. Как раз эта пара закончит, и мы перейдем на ярыш, — и старшина махнул платком, борцы тут же схватились.

Мухамедкули был недурен собой, а сейчас выглядел настоящим красавцем. Как жаль, что Кораном, как величайший грех, запрещалось изображение человеческого лица! На голове жениха красовался белый тельпек, изящно облегал его стройную фигуру шелковый красный халат, подпоясанный длинным шелковым кушаком, а английского покроя хромовые сапоги соблазнительно поскрипывали. Отец поручил Мухамедкули вручить главный приз победителю скачки.

Когда в пределах видимости показался первый всадник, возникло всеобщее ликование. Зрители узнали и лошадь, и джигита, принадлежавшего к роду мелик. Джигит остервенело настегивал камчой коня, который от усталости с грудом переставлял ноги, но всадник, видимо, потерял над собой контроль. Не дотянув до финиша всего полсотни метров, конь упал. Наездник выпрыгнул из седла, упал на колени и принялся неистово колотить руками землю.

В поле зрения показался второй всадник из рода огры. Первый встрепенулся, вскочил на ноги, и в следующий миг в его руке сверкнул огромных размеров поясной нож-пычак, выхваченный из ножен. Джигит подскочил к коню, отсек ему голову, схватил ее и побежал к финишу. Накал страстей достиг предела.

Бежавшего нагонял соперник. Джигит, у которого уже заплетались ноги, пересек линию финиша, поднял голову коня над своей и опустился на землю. Он прижался к голове коня и зарыдал. Второй участник доскакал до финиша при полном молчании.

Мухамедкули подошел к джигиту, сплакивавшему своего коня, поднял его и подвел к нарядно убранному верблюду — главному призу скачек. Зрители слишком бурно проявляли свои чувства.

Кайгысыз заметил, как бахарденский доктор от избытка эмоций украдкой утирал глаза, а пристав сделал было движение, которое со стороны можно было расценить, как желание одарить победителя, но тут же раздумал.

Тем временем к финишу приближались остальные участники скачки. Затем начались заезды на более короткие дистанции. Ближе к вечеру все перешли к месту, где готовились к состязаниям стрелки из охотничьих ружей.

С наступлением сумерек почетные гости стали разъезжаться. Кайгысыз потерял из виду Мухамедкули, который прощался с неженатыми друзьями. В комнате, где вели беседу старшие, обсуждали, как прошел той. Кайгысыз сидел молча, погруженный в свои думы.

Мухамедкули появился ближе к полуночи и стал благодарить присутствовавших за участие в торжестве. Атабай-ага перехватил взгляд Кайгысыза, несколько раз обращенный к висевшей на стене нагайке, и сказал:

— Сынок, она в ход не пойдет. У нас это не принято, — и ласково улыбнулся.

Кайгысыз знал, что у текинцев, например, и у иомудов, да и у других туркменских племен, по обычаю, жених, впервые входящий в дом, чтобы остаться наедине со своей женой, берет нагайку и, утверждая право хозяина, выгоняет ею находящихся в доме гостей и домашних.

Вскоре молодые люди возвратились в Нохур. Кайгысыз с Атабаем-ага и его семьей целый месяц провел в горах, на отгонных пастбищах в Совук-Сув. Там он сблизился с охотником Гуйджи, научился метко стрелять, хорошо распознавать следы, лихо ездить верхом, смело ходить по горам.

Атабай-ага внимательно наблюдал за ним, радовался чистоте их привязанности и душевной близости, любил расспрашивать Кайгысыза о жизни в его родном ауле Меана. И всякий раз Атабай-ага замечал: стоило ему заговорить об отце Кайгысыза, как у юноши портилось настроение, грустью подергивались глаза.

Решение назревало постепенно. Атабай-ага поделился своей мыслью с Мухамедкули, чем привел сына в неописуемый восторг. Наконец наступил день, когда Атабай-ага решил поговорить с Кайгысызом. Они вдвоем, облокотившись на подушки, пили чай перед обедом.

— Время быстро прошло, скоро ваш отъезд, — начал хозяин.

— Жаль... Но честно скажу, — Кайгысыз глядел прямо в глаза Атабай-ага. — Мне у вас очень хорошо, но я рвусь в Ташкент, считаю каждый день.

— Быстрее хочешь самостоятельным стать?

— Да! Овладеть профессией учителя. Учить других, завести свой дом в городе.

— А родители в Меана?

— Туда я больше не вернусь! — решительно заявил Кайгысыз.

— Мой дом для тебя, Кайгысыз, всегда открыт. Если хочешь, можешь считать его своим. — Атабай-ага приподнялся с подушки. — Я бы желал заменить тебе отца.

Кайгысыз от столь неожиданного предложения замер. Что-то теплое наполнило душу.

— Подумай, а я с радостью назову тебя сыном. Мухамедкули коснется головой неба, если ты назовешь его братом. — Атабай-ага долил чай в пиалу Кайгысыза. — Аллах дарует нам родственников, но слава Аллаху, что друзей мы избираем сами. А я хочу, чтобы лучший друг моего сына стал нашим родственником. Два ножа не уместятся в одних ножнах, но в одном сердце всегда хватит места для двух равных сыновей.

— Буду ли я достоин этого, Атабай-ага? — тихо спросил Кайгысыз.

— Хорошего человека смолоду видно, — ответил Атабай-ага. — И запомни, я слышал еще от деда: в дружбе люди всегда счастливы, а в любви — постоянно несчастны.

— Атабай-ага, я не достоин такой чести, — произнес Кайгысыз. Он чувствовал, что ему не хватает воздуха.

— Ты самый близкий человек моему сыну, и я люблю тебя. Будешь, как сын, радовать мое усталое сердце. Я скоро умру, но пока жив, хочу быть и тебе полезен. Помогу тебе стать учителем. Я слышал от капитана Иомудского, бывшего дурунского пристава, что после отца идет учитель. Я знаю, наш народ может стать сильным и могучим только благодаря русской грамоте. — Атабай-ага замолчал, ожидая, что скажет Кайгысыз, а тот замешкался. — Ты подумай, сынок, а я пойду погляжу, хочу, чтобы угод¹ прилетел ко двору. — Атабай-ага стал подниматься, но его остановил Кайгысыз.

— И я с вами, отец!

Атабай-ага в блаженстве вновь откинулся на подушки.

— Ля Илляха Иллялах²! Он услышал мою просьбу.

В это время в проеме двери показался маленький Овезгельды.

— Тебе чего, сынок? — нежно спросил Атабай-ага.

— Первый гранат поспел, и я принес его гостю, — сказал Овезгельды, протянув крупный плод Кайгысызу.

— Теперь зови его старшим братом. Беги скорее за Мухамедкули! Пусть идет к нам, — с нескрываемой радостью произнес почтенный Атабай-ага.

Мальчик проворно шмыгнул из комнаты.

— Три совета в этот час хочу дать тебе, сын мой. Выслушай меня внимательно. — Атабай-ага подлил себе чаю. — Все старики, которые видели тебя в Нохуре, и оба ахуна Аганияз и Кочмурад, в один голос утверждают, что перед тобой откроется большая дорога. Когда получишь власть, старайся, все силы приложи, чтобы не опьянеть от нее. И не остулисы! Помни о шести данных человеку качествах, блюди их постоянно: справедливость, щедрость, прозорливость, терпимость, смелость и правдивость. Если тот, в чьих руках власть, отбросит одно из этих шести свойств, он уже будет близок к опьянению и протрезвеет, когда власть уйдет! И

¹ Птица, которая, по восточным легендам, являлась вестовым царя Сулеймана, мудрого повелителя людей.

² «Нет бога, кроме Аллаха» — начальная формула основной молитвы мусульман.

второй мой совет, сынок. Я знаю, вы оба поклялись отраву эту в рот не брать. Сынок, в вашей с Мухамедкули будущей жизни всякое может случиться. Друзей чарки своими друзьями не считай — это друзья вашей чарки, а не ваши друзья.

— Вы говорите ясно, и слова ваши ложатся мне прямо в сердце.

— И последний совет. Знай, что нет большей беды у человека, чем неуменно обуздывать свои желания.

В комнату вбежал Мухамедкули, Кайгысыз поднялся, они обнялись и по-русски трижды расцеловались.

Той устроили не хуже свадебного, правда, с меньшим числом приглашенных со стороны. Были скачки, борьба, стрельба из ружей и даже бой собак.

За несколько дней до праздника старшина вместе со своими приближенными, Мухамедкули и Кайгысызом съездили в Бахарден, где в присутствии свидетелей Сеид Непеса Коч-оглы и Курбана Гельды Алаяр-оглы факт усыновления был засвидетельствован дурунским казнем Ходжалли Молла Мурадом Берды-оглы. Его подпись и печать удостоверения пристав, штабс-капитан Паристов, которому на сей раз тайком от всех Атабай-ага прислал пять баранов.

Кайгысыз пребывал на седьмом небе, радости Мухамедкули не было предела. В аул вернулись многие парни, до того находившиеся в горах. В тое приняли участие все бахши. Соревнование между ними длилось до поздней ночи. Этим достопочтенные Кель-бахши, Курбан-бахши, Байрам-Али и Веладар проявили свое уважение к Кайгысызу.

Но вот бой собак огорчил названных братьев. Шумная, пестрая и возбужденная толпа образовала круг возле небольшой, ровной площадки, шагов двадцать в поперечнике. С двух сторон ее уже стояли наготове владельцы крупных, трехлетних кобелей. Тот, который держал на поводке огромного, черного, с белой грудью и лапами пса, представлял род денжик. Массивная, широкая от основания голова, почти не суживающаяся по направлению к носу, и оттого казалась спереди прямоугольной; отвислые по краям влажные губы и черный окрас свидетельствовали о линии, идущей от догов Древнего Востока. Во взгляде широко расставленных, глубоко сидящих, небольших круглых глаз угадывалось нечто

медвежье. Второй кобель, хозяин которого происходил из рода ходжа-нияз, нервничал значительно больше первого. Палевый, с двумя бурыми пятнами на спине и правом боку, он то и дело скалил крупные белоснежные клыки. Невольно приковывали внимание могучая грудь, короткая мощная шея, ярко выраженная мускулистая холка, на которой дыбилась и волнами ходила короткая, плотная шерсть.

По сигналу старшины собак начали сводить о заметными усилиями, сдерживая их на поводках. Оба кобеля бесстрашно устремились вперед, будто с рождения являлись заклятыми врагами и понимали, что один из них сейчас должен расстаться с жизнью.

Спущенные с поводков, они с глухим рыком сошлись, ударились грудью. Каждый успел куснуть другого и норовил сразу вцепиться в горло. Челюсти более ловкого хозяин сможет разжать только в том случае, если сам убедится, что противник его мертв.

Люди неистовыми криками подбадривали животных, нещадно терзавших друг друга.

Атабай-ага видел переживания Кайгысыза, знал, что и Мухамедкули осуждает его за эту часть тоя, но арчин был не в состоянии противиться своему чувству — он хотел, чтобы далеко в округе знали, как он рад событию, по случаю которого устраивался праздник.

Силы кобелей начали иссякать из-за страшных ран. Один из псов в очередном броске сбил соперника на землю. Но тот вскочил на ноги.

— Сдохнет, но не поднимет лап, — в нескрываемой гордостью произнес стоявший рядом яшули.

Перед самым отъездом из Нохура произошло событие, потрясшее Кайгысыза до глубины души. Оказалось, что кто-то видел, как молодая жена богатого соседа, торговавшего рисом, разговаривала через забор с Кайгысызом и открывала при этом лицо. Ее муж, узнав об этом, пришел в ярость, заставил женщину снять головной убор — дара яглык. И когда провинившаяся исполнила повеление мужа, тот взял горевшую лампу, приблизился к жене, как бы желая получше разглядеть ее, и неожиданно быстро приставил стекло к щеке.

— Больше не станешь показывать свое лицо посторонним мужчинам! — сказал торговец рисом в ответ на вопль женщины.

Первым порывом Кайгысыза было пойти и избить его за содеянное. Однако Мухамедкули и, особенно Атабай-ага, мягко, но и строго, убедили Кайгысыза этого не делать. Но в молодой, горячей душе, страдавшей из-за отсталости родного народа, появился еще один рубец.

Глава четвертая

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ

Когда ехали на извозчике от вокзала до семинарии, Мухамедкули уже чувствовал, как росло внутреннее волнение Кайгысыза. Тот даже привставал на сидении, если уличная суতোлка вынуждала фаэтонщика придерживать лошадь.

Кайгысыз быстро разобрал свой чемодан, разложил вещи по местам и помчался разыскивать Меркуловича. Николая Алексеевича в семинарии не оказалось, и тогда Кайгысыз устремился в сторожку садовника. Мешкова он нашел в глубине сада около яблони-семиреченки, ветка которой обломилась от тяжести созревших плодов. Кайгысыз помог установить подпорки под ветви, склоненные к земле.

Окончив работу, они уселись прямо на траве, в тени под грушей, и Мешков поведал Кайгысызу о наиболее важных событиях этого лета. Особо выделил, что еще в середине июня в Петербурге был создан Всероссийский союз учителей и деятелей народного образования, объявивший себя «профессиональным и политическим».

— Основной задачей союз определил борьбу за полную свободу России и передачу власти в руки народа!

— Так открыто, господин Мешков?

— Да, Константин. Понимаешь, какие дела! Делегаты съезда сочли необходимым прежде всего созвать учредительное собрание на основе всеобщего и равного избирательного права с прямой и тайной подачей голосов без различия пола и национальности! Прямо как в Европе. Затем съезд потребовал неприкосновенности личности и жилища для всего населения, свободы совести, печати, организаций, собраний и стачек, а также

отмены решений и преследований — судебных и административных по делам политическим и религиозным. Это большая победа!

Кайгысыз молчал, дрожа от волнения.

— По мне, так съезд всего-навсего потребовал смещения министра. Не может управлять народным образованием генерал-лейтенант, хоть он и Глазов. Просвещению, науке необходима свобода. Погоны же предполагают безоговорочное подчинение. Разве ж можно допустить, чтобы секретарем Учительской семинарии являлся подполковник Ломакин?

А еще Мешков рассказал: в Ташкенте действует нелегальная революционная организация, распространяющая тайно номера журналов «Народная армия», «Земля и воля», которые привозят из России. И все же главным событием, вокруг которого разыгрались страсти, явилось избрание туркестанских делегатов в Государственную думу.

После беседы с Мешковым Кайгысыз нашел Мухамедкули, и они отправились в библиотеку семинарии. Кайгысыз искренне расстроился: библиотека, которая находилась в ведении наставника Панфилова, оказалась закрыта. Мухамедкули догадался об истинной причине огорчения друга. Кайгысызу очень хотелось поскорее узнать что-нибудь о дочери наставника Верочке, теперь ученице седьмого класса Ташкентской женской гимназии. С ней Кайгысыз встречался в конце прошлого учебного года и теперь был полон решимости продолжить знакомство.

Меркулович появился в семинарии утром следующего дня и названные братья сообщили ему о своем родстве. Наставник с подчеркнутым вниманием выслушал своих воспитанников, — этих двух юношей он выделял среди других, — и сказал:

— Итак, занесем в классный журнал — Кайгысыз Сердарович Атабаев второй. Я уверен, что эта новость будет приятна членам совета семинарии. А вы со всей энергией и старанием приступайте к учебе. Я вам во всем помогу!

До первых порывов северо-западного ветра, приносившего с собой непогоду и скорое наступление зимы, было еще далеко. А над городом, который поднялся

вокруг кургана, насыпанного Афросиабом за четыре тысячи лет до нашей эры, сгущались грозовые тучи. И они, на сей раз, были насыщены более сильным зарядом, чем электричество, — борьбой за элементарные человеческие права, свободу под лозунгом: «Долой самодержавие!».

Александр Кожухов, как только начались занятия, тут же поведал Кайгысызу о положении в Ташкенте.

— Константин, мы организуем кружок революционеров из воспитанников второго класса. Первым назвали тебя.

— И Мухамедкули тоже! — решительно заявил Кайгысыз.

— Нет, пока без него.

— Тогда и я не хочу!

— Ведь никто не собирается запрещать тебе рассказывать ему все, что услышишь в кружке. Только не говори никому где и от кого ты это слышал.

Вскоре в стенах семинарии появились экземпляры «Земли и воли», «Народной власти» и даже первый номер нелегального «Рабочего», напечатанный на гектографе социал-демократами. Принес газету Саша Кожухов.

Воспитанники переговаривались на уроках, были невнимательны, а на переменах собирались кучками и обсуждали вести о беспорядках среди рабочих, солдат и учащихся. Телеграф приносил новости о событиях в других городах, и эти события будоражили Ташкент.

Всех, кто побывал 15 октября на Кауфманской сельскохозяйственной станции, удивила высокая научная организация труда всего производства.

— Если бы мне такое приснилось, я бы не поверил, Николай Алексеевич, — говорил Меркуловичу раскрасневшийся Кайгысыз. — Вот бы таких станций побольше. Тогда невежеству коренного населения пришел бы конец!

— Вы правильно рассуждаете, Атабаев, — ответил Меркулович, как всегда окруженный воспитанниками. — Однако это пока единственное показательное хозяйство.

— Зачем же показывать? — искренне удивился Кайгысыз. — Надо, чтобы все были такими!

— Очевидно, на это не хватает средств, — пояснил Меркулович.

— Отчего же на армию хватает, и на чиновников тоже, — вступил в разговор Александр Кожухов. — Царская власть способна создавать лишь показательное: «Смотрите, мол, мы умеем!» И это в то время, когда кругом — грязь, нищета и непросвещенность!

— Ну, такие речи вы, Кожухов, оставили бы, в лучшем случае, для выпускного экзамена по истории, — Меркулович решил обратить разговор в шутку.

Царский манифест подлил масла в огонь. Он дезориентировал значительную часть буржуазии, особенно мелкую, которая стала отходить от революции. Однако в Москве и Петербурге и других городах Российской империи движение рабочих усилилось. В Ташкенте, на Привокзальной площади, 18 октября состоялся многолюдный митинг солидарности со Всеобщей октябрьской политической забастовкой железнодорожников, охватившей всю страну. Забастовали и другие рабочие, поддерживая железнодорожников.

— Манифест — это маневр самодержавия!

— Никакой свободы народу царь не может даровать!

— Долой самодержавие!

— Долой капитализм!

С такими лозунгами и с песнями «Дуоинушка» и «Варшавянка» манифестанты шли по Московской улице в Алайский район к тюрьме. Дорогу им преградили войска.

Наутро, на той же площади, вновь состоялась многолюдная сходка, участники которой требовали освобождения политических заключенных. А в пять вечера народ до отказа заполнил весь перекресток по Романовской и Воронцовскому проспекту. Перед зданием городской думы начался грандиозный политический митинг.

Военный прокурор Сыр-Дарьинской области, во главе двух сотен казаков и роты пехоты, по приказу генерала Сахарова, подошел к городской думе и потребовал разойтись. Митинг продолжался. Тогда был дан приказ открыть огонь. Убитыми оказались рабочий котельной Среднеазиатской железной дороги Королевский, кучер конки Глушков и мелкий торговец Ахумянц. Участники митинга унесли с собой двадцать шесть раненых товарищей.

В Асхабаде, Верном, Маргелане и Самарканде заня-

тия в училищах и гимназиях прекратились. В Ташкенте среди учащихся тоже были волнения, но занятия продолжались.

Директор Учительской семинарии Остроумов, не покидавший ее стен ни днем, ни ночью, добился того, что 18 октября семинаристы остались на своих местах и не вышли на демонстрацию. К концу следующего дня, когда семинаристы каким-то образом узнали о расстреле участников митинга перед городской думой, Остроумов доносил главному инспектору, что «ученики семинарии просят защиты от забастовщиков, живут под страхом мести. Я отменил занятия, но приказал воспитанникам оставаться в стенах семинарии».

Воспитанники об этом не знали. Когда же 23 октября в здании реального училища с разрешения исполнявшего должность Туркестанского генерал-губернатора собрались учащиеся мужской, женской гимназий и училища, молодежь горячо обсуждала учебно-воспитательные вопросы. Узнав об этом, будущие учителя, которые по приказу директора вроде затворников сидели в стенах семинарии, устроили собрание в актовом зале.

Остроумов ответил на это повальным осмотром личных тумбочек воспитанников, из которых извлекались, как доказательство нарушения установленного порядка, книги, не занесенные в каталог семинарии или какой-либо иной библиотеки.

В спальне второго класса, в тумбочке Мухамедкули Атабаева, подполковник Ломакин обнаружил первомайскую листовку, выпущенную в свое время Союзом маргеланских учащихся. В ней говорилось:

«В единении — сила! Товарищи! В день 1-го Мая, когда весь мировой пролетариат празднует свой великий праздник мира и всеобщего труда, когда повсюду устраиваются праздничные шествия, когда несутся знамена труда, равенства и братства! Когда раздаются голоса: «Все равны!», «Все свободны!» и «Мир для всех!» И когда так рельефно всплывает грозная сила трудящихся масс, мы обращаемся к вам и говорим: «Товарищи, соединяйтесь и организуйтесь!» Празднованием 1 Мая мировой пролетариат хочет показать всем врагам труда, всем тунеядцам свою

силу, силу своей борьбы. Мы, товарища, тоже должны ознаменовать этот великий день, но нас мало в стране, где царят нагайки, пули и штыки, в стране с мрачным демоном тьмы и невежества, где властвует проклятое самодержавие! Ознаменуем этот день тем, что станем просвещать непрощенных и положим силы, чтобы у нас, как у рабочих, было единение. Товарищи, мы находимся в бюрократических гимназиях, которые делают из нас манекенов. Но скоро засветит солнце свободной правды, труда и любви — падет проклятое самодержавие, падут тьма и невежество. Свет и просвещение восторжествуют и обнимут блеском ослепительных лучей нашу истерзанную и окровавленную родину. Маргелан».

Мухамедкули не предполагал, что администрация семинарии пойдет на подобные меры. Листовку он получил утром от третьеклассника и не успел даже сказать об этом Кайгысызу, которому было известно ее содержание.

Мухамедкули растерялся. Воспитанники оцепенели. И только Кайгысыз на вопрос член-секретаря семинарии: «Я спрашиваю, что это такое?», ответил:

— Господин Ломакин, я должен принести извинения моему другу и брату. Я положил в тумбочку этот листок, который увидел на окне второго этажа. Мухамедкули об этом ничего не знает и поэтому молчит.

— Вы лжете, воспитанник Атабаев второй! На окнах семинарии подобной писанины лежать не может. Вы занимаетесь антигосударственной агитацией и политической пропагандой. Вот они последствия уличных беспорядков! — Ломакин потрясал листовкой над головой. — Я немедленно доложу директору семинарии, и совет решит вашу дальнейшую судьбу.

Ломакин, удовлетворенный результатами обыска, вместе с учителем Никифоровым покинул спальню, не осмотрев и половины тумбочек...

Ребята, восхищенные его поступком, бросились к Кайгысызу.

— Зачем так сказал? — спросил Мухамедкули. — Я виноват, и я должен нести за это ответственность.

— Тебе, дорогой, скоро придется думать о го-
бене¹.

— А если выгонят тебя? — спросил кто-то.

— Рабочим стану! — решительно заявил Кайгысыз.

— Семинаристы и гимназисты одеты не по форме, ходят все нечесанные, носят суковатые палки. Не кланяются ни инспектору, ни губернатору, демонстративно курят на улицах и в присутственных местах, — лоб Остроумова, проводившего педагогический совет, покрылся испариной, левый глаз дергался. — Посещают скабрёзные пьесы, буфеты, клубы и рестораны! Распевают революционные песни, устраивают дебаты, политические и иные, по вопросам, не свойственным их возрасту. А тут еще распространение листовок! Гнать надо этих Атабаевых из семинарии!

— Николай Петрович, смею заметить, что Атабаев первый ее даже не читал, — вставил Меркулович.

— Ну и что?

— В таком случае исключить из семинарии следует всех воспитанников. Они все читают, как вы ее называете, нелегальную литературу, и, вероятно, читали и эту листовку, если она оказалась у Атабаевых.

— Но ведь ни у кого ничего подобного мы не обнаружили. Книги, пусть развращающие, но допущенные цензурой, — и только.

— Константина Атабаева следует пощадить, — подав тихий голос наставник Панфилов.

— Исключить! И прошу не возражать! — Остроумов обвел присутствовавших недовольным взглядом.

— В семинарии не может быть места политически неблагонадежным воспитанникам, — подытожил учитель туземных языков Сеид Расул Сеид Азизов.

— Вот вам пример верноподданнического мышления, — подчеркнул Остроумов.

— Господа, предлагаю окончательное решение принять ближе к вечеру, — высказал свою точку зрения подполковник Ломакин, менее горячий и более осторожный, чем директор семинарии. — Довести до главного инспектора училищ Туркестанского края. Посоветоваться.

¹ Повивальная бабка, дословно «мать пуповины».

— Будь по-вашему! — неожиданно быстро сдался Остроумов. Словно чувствуя, что в это время творилось в актовом зале.

Взобравшись на сцену, речь держал худощавый парень. Он четко и ясно изложил незыблемые условия, которые третий и четвертый классы должны выдвинуть в защиту Атабаева.

— Товарищи, если Остроумов примет решение исключить из семинарии воспитанника Атабаева второго, мы все, как один, покинем стены этого учебного заведения!

В воздух вскинулись руки почти всех присутствовавших. Далее слово взял Кожухов. Он тоже был краток и добавил, что, если под ультиматумом поставят подписи все без исключения, то они одержат победу и наказывать будет некого. Так и порешили.

Голос старшеклассника мужской гимназии Федора Занемойского, пробравшегося в семинарию через забор сада, гулко звучал под сводами железной крыши. Человек двадцать воспитанников собрались на чердаке, чтобы его послушать. Директор семинарии уже две недели никого не выпускал за ворота.

— «В борьбе обрешь ты право свое!» — вот каков сегодня лозунг революционеров. — Занемойский ловко расстегнул верний карман гимназической куртки и извлек из него сильно помятый, сложенный вчетверо листок.

— «Гражданская война уже в полном разгаре, — начал читать гимназист хорошо поставленным голосом. — Правительство и страна неизбежно направляют друг на друга страшные орудия истребления. При таком положении вещей мы можем и должны уважать личную безопасность лишь тех людей, которые действительно и всецело являются нейтральными в борьбе правительства с революцией. Всякий же, кто помогает правительству в этой борьбе, кто нарушает в его пользу свой нейтралитет, не может не быть нашим прямым политическим врагом, который сам накликает на себя наши удары».

Кайгысыз подобрался, напрягся, он видел, что эти слова зажигающе действовали на его товарищей, а Занемойский продолжал читать.

— «Для него нет извинений и оправданий, и пусть

знают все агенты правительственной власти, что их подначальность не избавляет от ответственности. Пусть знает каждый губернатор, каждый прокурор, военный судья, полицеймейстер, офицер, отдающий команду стрелять в народ, каждый рядовой жандарм, агент сыска и даже простой полицейский, арестующий революционера, что ему грозит свинцовая пуля, как наше естественное и необходимое средство обороны».

Кто-то зааплодировал, но многие зашикали, а стоявший на посту у входа в чердачное помещение ученик четвертого класса Борис Каляга, сын старшего врача 2-го Туркестанского стрелкового батальона, прикрикнул:

— Тише вы! Кто-то идет!

Потянулось томительное ожидание. Кайгысыз все думал о том, где студенты раздобудут оружие и как к этому призыву отнесутся Мухамедкули и Саша Кожухов.

— Пронесло, — сообщил Каляга, и гимназист тут же продолжил:

— «Они стоят вне закона, и мы вынуждены повести против них систематический террор по всей линии, сверху донизу, от крупных воротил до мелкой сошки. Великая Российская революция началась! Вчерашнее всемогущее правительство обратилось в шайку узурпаторов, поставленных вне закона! Мы от лица революции заявляем — только борьба на жизнь и смерть, только террор, вооруженная борьба и революционные удары будут нашим ответом. «Есть время камни собирать и есть время камни метать». Оно наступило, это грозное и решительное время.

Группа солдат социал-революционеров».

— А где вы возьмете оружие? — спросил Акаев.

— Восстанут батальоны, поднимутся все солдаты. У них есть винтовки и патроны, — ответил Занемойский. — Ваша задача — сегодня быть готовыми к сигналу. Надо подняться всем семинаристам. Побоку Остроумова, вашего попа Маркова, «Сыча» и Сеида Азизова, который якшается с полицией! Берите пример с гимназистов Самарканда. Там власти арестовали учителей Корчица и Андрианова, а ученики четырех старших классов устроили забастовку и заявили: «Мы будем поддерживать вас всеми находящимися в нашем распоряжении средствами протеста. Будем бороться вместе с вами, наши дорогие товарищи!».

— Тсс! Вассер!¹ Господин Меркулович! — сообщил Каляга и поспешно отбежал от входа.

— Закуривай! — подал команду Занемойский, быстро сунув листок в карман брюк, достал пачку папирос, но почти никто не успел последовать его примеру.

— Так! Кто из вас соизволит объяснить, что тут происходит? — сердито полюбопытствовал Меркулович.

— Курим! — неожиданно для самого себя выпалил Кайгысыз и шагнул навстречу учителю.

— Ну, если вы, Кайгысыз Атабаев, столь пагубно относитесь к своему здоровью в юном возрасте, у вас должна быть в руках папироса, — и Меркулович громко втянул в себя воздух. — Так, а вас, господин гимназист, я попрошу как можно быстрее покинуть территорию семинарии, остальным разойтись! А там, профессиональный господин курильщик, сейчас надо бы находиться в библиотеке. Там в ожидании томится ваш друг Мухамедакули, — наставник распахнул дверь. — Живо!

Ученики, восхваляя в душе благородство Меркуловича, посыпали вниз, как горох.

Махрамовская улица находилась недалеко от семинарии. И когда там, в крепости, началось солдатское восстание, ученики отчетливо слышали перестрелку. Это было в ночь с 15 на 16 ноября. Ячейка социал-революционеров 1-го Ташкентского резервного батальона созвала солдат на митинг. К ним немедленно присоединились рядовые Ташкентского артиллерийского склада и артиллерийских мастерских.

— Нас не менее четырехсот человек! Захватить оружие, отстранить офицеров, завладеть крепостью! — призвал первый же оратор.

Солдаты в течение четверти часа разобрали оружие, арестовали офицеров, находившихся в то время в крепости, и отвели их на гауптвахту. Их основные требования сводились к улучшению условий службы и быта, ограничению власти офицеров. Пока избранный на месте солдатский комитет излагал требования на бумаге, по военному гарнизону Ташкента была объявлена тре-

¹ Вода (нем.), на студенческом жаргоне означает: «Внимание! Опасность!».

вога. К двум часам ночи казацкие и стрелковые части, под управлением самого губернатора Сыр-Дарьинской области, плотным кольцом окружили крепость. Солдаты без должного руководства не смогли выдержать осады. На рассвете крепость захватили казаки Оренбургского и Астраханского полков, восстание было жестоко подавлено.

Узнав о подробностях беспощадной расправы с солдатами, рабочие Ташкента организовали ряд стачек. Железнодорожники, рабочие мастерских объявили забастовку, которая быстро переросла во всеобщую и длилась вплоть до 3 декабря.

Казематы военной прокуратуры, жандармское и полицейское управления, находившиеся на улице Алмазар в доме № 37, были переполнены арестованными солдатами и рабочими.

В учебных заведениях Ташкента также неспокойно. В мужской гимназии были задержаны и доставлены на улицу Алмазар Занемойский, Окулич-Казарин, Шах-Вали Нагайбеков. Из учительской семинарии жандармы увезли Кожухова и четырех его однокашников. Возвратились они в семинарию лишь к рождеству изможденные и надломленные.

Поскольку Кайгысыз был иноверцем, то он не пел вместе со всеми воспитанниками перед сном акафист «Взбранной Воеводе победительная» в честь Святого Благоверного князя Александра Невского, избранного в небесные покровители семинарии. Однако он любил слушать хвалебное песнопение, воздаваемое одному из любимых героев Саши Кожухова, который всегда восторгался подвигами Александра Невского, совершенных им во имя родины.

К тому же после вчерашнего пения четверть часа можно было поболтать с Александром, летом не покидавшего семинарию.

В конце коридора послышался гулкий стук каблучков. Повар семинарии Семен Прелевич в испуге размахивал руками.

— Где господин Остроумов?

— В директорской. У них сегодня совет. Там и остальные, — ответил Кайгысыз.

— Господи, спаси и помилуй! Он зарезал себя, — вскрикнул бледный от страха повар.

— Кто?

— Мешков! Лежит на кухне, весь в крови...

Дальше Кайгысыз не слушал. Ноги сами сорвались с места. Однако, когда Кайгысыз добежал до кухни, там уже был учитель по труду Воронин.

— Александр Александрович... Жив? — задыхаясь, спросил Кайгысыз.

— Дышит?

— Надо за доктором! Быстрее!

— Умница! Беги за господином Войцеховским.

Кайгысыз пулей вылетел из кухни и побежал к доктору. В кухню следом за перепуганным Прелевичем спустились учителя Никифоров, Сеид Расул Сеид Азизов и Меркулович. Мешков был без сознания.

Повар суетился, на лице выступили капельки пота. Он пытался объяснить, как все произошло:

— Когда я увидел его тут, он уже хрипел, но успел сказать мне: «Такова, значит, моя судьба, Прелевич. А тебе опасаться нечего, в записке все объяснено».

— Почему он здесь оказался? — строго спросил Никифоров. — Мешков месяц назад как уволен.

— Да вот, пришел навестить. Гость. Попил чаю, лег на кухне спать. Кто ж мог знать, господи боже мой!

Вошли Войцеховский и Кайгысыз. Доктор осмотрел Мешкова и тут же заключил:

— Должен вам доложить, господа, вены вскрыты бритвой весьма профессионально. Боюсь, что случай летален. Огромная потеря крови. Сейчас перетянем, но это, господа, почти бесполезно. Необходимо немедленно влить кровь. А где ее возьмешь?

Наступило тягостное молчание. На кухне появился законоучитель протоиерей Марков.

— Господин Войцеховский, — все повернули головы на твердо, по-мужски прозвучавший голос Кайгысыза. — Возьмите кровь у меня.

— Голубчик, думаю, что уже поздно. И потом, нам здесь не справиться. Нужны полицейский и пролетка. Пострадавшего следует как можно скорее отправить в больницу.

— Разрешите, я приведу извозчика!

— Идите, Константин, — позволил Меркулович.

Когда Кайгысыз выбежал, Меркулович произнес, печально посмотрев ему вслед:

— Вот так, господа, поступают, между прочим, политически неблагонадежные личности.

— Эко хватили, батенька! Юнцу сему до личности куда как далеко! — пробасил протоиерей Марков.

— И все же, господа, я горд, что он — мой воспитанник!

Глава пятая УЧИТЕЛЬ

Забастовки были подавлены. Рабочих Ташкента усмирили. Единственным их завоеванием оказалось то, что, если раньше они работали до четырнадцати часов в сутки, то теперь десять-двенадцать. Государственную думу в Петербурге за недостаточное послушание правительству летом 1906 года упразднили. Выборы второй думы проходили под надзором полиции и, естественно, сопровождались новыми арестами.

Членами партии социал-революционеров Ташкента было проведено более пятнадцати крупных экспроприаций и террористических актов. Свидетелем одного из них — убийства жандармского полковника — случайно оказался и Кайгысыз. Его было задержали, но, не обнаружив при обыске ничего подозрительного, отпустили. Учитель Сеид Азизов почему-то именно его послал в старый город купить несколько книг на арабском языке. Это показалось семинаристу довольно странным. В мечети Джами проходили выборы гласных в городскую думу. Рабочие призывали население саботировать выборы в думу, так как она несколько не заботилась о нуждах народа.

Кайгысыз подробно рассказал учащимся семинарии, как полицейские разгоняли рабочих шашками, показывал капли крови, брызнувшие на его форменную тулупку.

Теперь его реже других отпускали в город. Семинарист замкнулся и с еще большей жадностью читал книги, которые ему приносили Меркулович и Панфилов.

Верочка Панфилова, к сожалению, не поняла Кайгысыза. Узнав, что юный поклонник «замешан», как она выразилась, в антигосударственных делах, девушка выяснила, что такие, как он, не могут быть надежными

мужьями, я прекратила встречи с учеником отца. Қайгысыз погоревал немного и вскоре стал ухаживать за дочерью кастелянши семинарии Мелании Сергеевой. Женщина была родом из Рязани и умела очень складно рассказывать всякие были и небылицы из истории России.

Кожухов и Серкибай Акаев окончили семинарию и уехали из Ташкента. Мешкова похоронили. И Қайгысыз часто навешал его могилу. Самым близким ему человеком, после Мухамедкули, в то время стал наставник Меркулович.

О моральной атмосфере и политической обстановке, в которой протекали последние семинарские годы Агабаевых, свидетельствует неоспоримый документ:

ПРОТОКОЛ № 7

1913 года августа «2» дня в г. Мерв. Я, Отдельного Корпуса Жандармов ротмистр Пригара, руководствуясь 315 ст. Уст. Уг. Суд. и на основании ст. 21 Положения о Государственной Охране, в присутствии нижеподписавшихся понятых и через переводчика Мервского Уездного управления Гюлиева произвел осмотр всех предметов, отобранных по обыску 28 июля с. г. в помещении, занимаемом учителем русско-туземной школы Магомед-Кули Атабаевым, при чем оказалось:

1. Письмо, написанное по-русски на полулисте писчей бумаги, начинается обращением «Дорогой Мухамед-Кули!» и заканчивается подписью «Твой тебя любящий брат Г. Эфендиев, февраль 20 дня 1907 г., Бахарден». Обращают на себя внимание следующие места письма: «Ты увидишь, что все то, что тебе кажется в нерадушных красках, на самом деле сплошной вздор, исправить который можно не пессимизмом, а делом, не фразами, для этого нужно стараться скорее кончить курс и поселиться среди «вымирающих братьев» и напоить их своим всеоживляющим бальзамом.

...Милый друг! Поменьше приударяйте за барышнями, а побольше за уроками, в такое гяжелое время нужно скорее прийти на помощь народу, который «спит покой цения», ни что не в силах расшевелить его в смысле образованности. Желających учиться так много, а местов нет...».

2. Письмо, написанное по-русски на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, начинается обращением: «Дорогой Магомед-Кули» и заканчивается подписью «Ваш Н. Меркулович». Даты на письме нет. Обращают на себя внимание следующие места письма: «...На Кавказе вы встретились с близким Вам человеком, капитаном Иомудским, о котором Вы так много рассказывали мне в семинарии. Вероятно, целые дни Вы проводите вместе в беседах. Я лично возлагаю большие надежды на эту встречу и думаю, что Вы вернетесь к нам с твердыми взглядами. Ваш друг укажет Вам пути и работе и

средства к ее исполнению... Наш директор Н. И. Остроумов предполагал было уехать на лето до 20-го августа в Петербург, причем управление семинарией, на время его отъезда, предполагалось передать мне... Тяжелое время переживаем мы в настоящий момент. Не знаю, следите ли Вы за событиями, но если следите, то непременно согласитесь со мной. Даже газет не хочется читать. Всюду торжествует реакция. Дай бог только, чтобы подобное положение продолжалось не долго. О политических событиях вообще писать не стану, потому что эта тема очень большая, и об этом поговорим с Вами в будущем при встрече.

3. Письмо, написанное по-русски на двух листках писчей бумаги, размера обыкновенного почтового формата. В первой части письма Н. Хан Иомудский сообщает Магомеду-Кули (Атабаеву) о своем подавленном настроении благодаря тяжелой жизни, которая захватывает и волнует, о поступлении на курсы восточных языков и личных делах. Вторая часть письма начинается обращением: «Мухамед-Кули» и заканчивается фразой: «Ты прежде говорил мне сестра Лиза, никто не мешает и теперь также называть меня Эзис. До свидания!». Во второй части обращает на себя внимание следующее место: «...Я помню то письмо, где ты описывал немножко беспорядки в Ташкенте, у меня осталось впечатление, что ты иронически относишься к тому, о чем волнуется и болеет весь русский народ; от другого мне было бы неудивительно это, но тебе, сыну свободного народа, не сочувствовать общему движению — непростительно. Столько творится ужасов везде, что просто страшно жить. Я здоровый всегда человек начинаю не выдерживать и часто плачу над потрясающими душу событиями...».

4. Письмо, написанное по-русски, на листе почтовой бумаги обыкновенного формата. Начинается обращением: «Дорогой мой Мухамед-Кули», даты не имеет и заканчивается подписью «Н. Иомудский». В содержании письма, где главным образом проповедуется о необходимости образования, обращают на себя внимание следующие места: «...мне важно только, чтобы ты был хороший человек, верил мне и никуда от меня не уходил... Через 1,5 года я уже буду снова у Вас, и тогда ты уже будешь взрослый человек и мы сможем работать с тобою вместе и советоваться.

...Ты меня извини, я писать совсем не могу, т. к. у меня совершенно нет времени и я должен учиться, чтобы потом помочь Вам же... Работай же, потом уже будем собирать то, что посеем. Я всегда был уверен, что ты принесешь хорошие плоды...».

5. Письмо, написанное по-русски на листе почтовой бумаги обыкновенного формата. Начинается обращением: «Милый Мухамед-Кули», даты не имеет, подписано: «Любящ. тебя Е. Иомудская», в нем исключительно говорится о семейных делах, но обращают на себя внимание следующие места: «...помнишь, я сколько раз тебе говорила, Мухамед, что пройдет скоро три года, бог даст, скоро возвратимся мы в область, а ты тоже кончишь, тогда можно сделать пользу для своего народа. Я уверена, что это так и будет...» Во второй

часть заключается коротенькое письмо частного содержания от Н. Иомудского к Мухамеду (Атабаеву).

6. Письмо, написанное по-русски на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, дата письма 12.01.1908 г. начинается обращением «Дорогой мой милый друг Мухамед-Кули», подписано «Артык-Гюль». Автор письма жалуется на скверно сложившуюся жизнь и, между прочим, пишет следующее: «Сегодня как раз мой 30-летний юбилей и 27 лет со дня взятия нашего края; грустный день и гажелые воспоминания. Но я крепко надеюсь на нашу молодежь, что она вырастет и даст нравственный подъем и свободу всему нашему народу; конечно, быть может, даже ты не увидишь этого, но твои дети и внуки, наверно, доживут... Пожалуйста, не называй меня «Татьяна Михайловна» она осталась в России...».

7. Письмо, написанное по-русски на листе почтовой бумаги обыкновенного формата, начинается обращением: «Милый друг Мухамед-Кули», подписано «Артык-Гюль». Вверху первой страницы отметка 2/III, из содержания письма обращает на себя внимание следующее место: «Ты непременно хочешь вести умные разговоры о народе, их нуждах и т. д., мне же кажется, что вся эта болтовня излишня: как ты, так и я знаем отлично главную нужду нашего народа, я потому пережевывать тоже самое ни к чему, а делать мы начнем, когда будем иметь возможность, т. е. когда кончишь курс, я когда изучу в совершенстве язык».

Деревья Константиновского сквера давали густую тень. Заложенный тридцать с лишним лет назад в центре города, он теперь был излюбленным местом гуляний. Кайгысыз и его новая пассия, дочь Мелании Сергеевой, шли по многолюдной аллее. Сюда затащила Кайгысыза Глаша. В центральном павильоне играл духовой оркестр городской пожарной охраны.

Кайгысыз предпочитал Александровский сквер. Там было тише, уютнее. Здесь же скопление военных и чиновничьих мундиров стесняло его, уже полного чувства собственного достоинства третьеклассника учительской семинарии.

— Глафира, пойдёмте отсюда!

— Да не величайте вы меня так, Костя! Мне куда приятнее, когда вы называете меня просто Глашей.

— Но Глаша не переводится с греческого, а Глафира, как мне говорил законоучитель Марков, означает — изящная, стройная. Вы такая и есть.

Глаша кокетливо опустила глаза, лицо ее вспыхнуло подобно драгоценному камню «лал»¹.

— Идёмте! Сделайте мне одолжение, Глафира Му-

¹ Драгоценный камень красного цвета,

киановна. Ну, Глаша, Глашенька! А взамен я расскажу вам что-то интересное про вашу матушку. А хотите, возьмем фаэтон и проедем в старый город! Я покажу вам такое, чего вы никогда не видели!

— Но прежде расскажите про маман! — игриво потребовала девушка.

Чуждое духу Кайгысыза слово «маман» слегка покорило. Но он не стал на этом заострять внимания, чувствуя, что Глаша готова согласиться на поездку в старый город, и с лукавинкой в глазах сказали:

— Как часто в жизни слова не отвечают смыслу, особенно в именах людей. Возьмите нашего директора, он Николай и мой наставник — Николай. По-гречески это «победа» и «народ». Так вот, господин Меркулович — соответствует своему имени, а господин Остроумов — совсем наоборот. Он за победу тех, кто против народа.

— Ой, как интересно! — всплеснула руками Глаша. — Какой вы образованный, Костя!

— Так вот, что же касается вашей мамы, я специально интересовался, ее имя означает — мрачная, темная, жестокая.

Девушка перестала улыбаться, даже остановилась на выходе из сквера.

— Вот я и говорю, да разве ж она такая? Она — светлая, радостная, добрая. Я думаю даже, не получаете ли вы от нее меньше любви, ведь она так обожает вас, воспитанников.

— Какой вы мягкосердечный, хороший, Костя, — почти шепотом произнесла девушка и прстянула ему руки. — Поехали, где же извозчик?

На бывшем кладбище, у мавзолея Абубекра Мухамед Каффаль-Шаши, и в махалья Мазарахан, который также назывался и Хазрет-и-Имам, Кайгысыз чувствовал себя как дома. Здесь он часто бывал вместе с Мухамедкули и Меркуловичем. Глаша оказалась здесь впервые. Стройное сооружение с шатровым куполом, воздвигнутом на высоком шестнадцатигранном барабане, принадлежало к наиболее впечатляющим памятникам монументальной архитектуры Средней Азии. Прежде всего приковывала к себе внимание мощная, расположенная в северо-западному углу мавзолея, круглая башня. На нее и указала спутница Кайгысыза,

— Как красиво умели строить!

— Когда воздвигнут мавзолей, точно не известно. Скорее всего в середине пятнадцатого века. Умер же Каффаль-Шаши намного раньше, в девятьсот семьдесят шестом году. Он был распространителем ислама в Туркестане. После смерти имама его признали «святым».

— А что такое имам? — наивно спросила девушка.

— Не что, а кто, — поправил Кайгысыз и стал пояснять: — Первым так назывался Мухаммед, пророк и посланник Аллаха, как утверждают верующие, а вообще-то имам — это духовный глава. Но пойдемте поглядим сагана.

— Что? — переспросила Глаша.

— Надгробье могилы Абубекра.

Выйдя из мавзолея, они обошли его вокруг. Глаша невольно задержалась у западной стороны, где окна граненой стены абсиды были забраны узорчатыми решетками — шестиугольниками из глазурованных кирпичиков, примыкающих друг к другу. Кайгысыза охватило горделивое чувство, — русская девушка понимала и радовалась красоте, созданной руками его земляков.

Когда они стояли в самой затемненной части улицы, рядом с калиткой дома, где жила Глаша, прощаясь, Кайгысыз решительно привлек девушку к себе, чтобы оставить на ее губах быстрый поцелуй. Она рванулась из его объятий и, прерывисто дыша, произнесла:

— Мой прежний ухажер говорил, что все местные опасны: они коварны, могут зарезать. А ты не такой, Костенька! — и девушка сделала стремительный шаг вперед, приподнялась на цыпочки, чмокнула Кайгысыза в щеку и скрылась за калиткой.

— Куда ты? У меня же нет ножа. — Но лишь стук калитки был ему ответом.

Кайгысыз постоял еще немного и заторопился в семинарию.

Еще в вечера он жаловался Мухамедкули на головную боль. Утром Кайгысыз отказался от увольнительной в город. Поблагодарив Николая Александровича за содействие, ученик сообщил ему, что останется в семинарии, полежит, почитает. Если будет хуже, он в поведельник обратится к Войцеховскому,

Когда же Мухамедкули ушел, Кайгысыз отправился в учительскую, где дежурил Меркулович, и признался, что вполне здоров, но просто не имеет желаний идти в город. Последнее время Кайгысыз безошибочно чувствовал: Меркулович стал относиться к нему с большей серьезностью, как к человеку совсем взрослому, равному себе. Однако и к Мухамедкули наставник не изменил прежнего покровительственного отношения.

Учитель и ученик могли часами беседовать на темы, интересующие обоих. Покидая учительскую, Кайгысыз вспомнил письмо, присланное Меркуловичем на Кавказ, где они с Мухамедкули были летом прошлого года. Классный наставник писал: «Тяжелые времена мы переживаем в настоящий момент... Даже газеты не хочется читать. Всюду торжествует реакция...»

Грустные это были строки! Но значит, учитель верил своим лучшим ученикам, доверяя им то, что на каждому скажешь...

Вернувшись в спальню, Кайгысыз с наслаждением растянулся на койке и раскрыл роман В. Гюго «Легенда ветров».

Кайгысыз не находил в романе той властной силы, которая покорила его в предисловии к драме «Кромвель», прочитанной залпом за один вечер. Это сочинение Гюго рекомендовал прочитать наставник четвертого класса Иван Александрович Беляев. Молодцеватого вида мужчина, всего на десять лет старше Кайгысыза, он окончил курс наук на факультете восточных языков по арабско-персидско-татарскому ряду императорского Санкт-Петербургского университета. Беляев быстро сдружился с Меркуловичем и стал шефствовать над воспитанниками местных национальностей. За полгода Мухамедкули и Кайгысыз под его руководством закончили программу фарсидского языка на «отлично». Иван Александрович заинтересовал ребят изучением истории туркменских племен. «Как они оба отличаются от подавляющего большинства других русских чиновников и офицеров», — говорили друг другу названные братья.

Кайгысыз читал, размышляя и одновременно подумывая, не пришло ли время отправить дежурного во спальне покурить. А тот словно бы прочитал мысли

Кайгысыз: закончив пришивать пуговицу к куртке, сообщил, что отлучится на четверть часа.

Как только дежурный затворил за собой дверь, Кайгысыз тут же вскочил и напрямик направился к тумбочке Мухамедкули.

Кайгысыз знал, что поступает непристойно, но ведь священноучитель Марков не устает твердить о «лжи во спасение». Винават сам Мухамедкули. «А может, ему следует помочь?», — этим соображением и руководствовался Кайгысыз. Дальше такое положение продолжаться не могло! Оно грозило появлением трещины в их дружбе.

Дело в том, что неделю назад Мухамедкули получил письмо от капитана Иомудского из Петербурга. Не могло быть такого, чтобы Мухамедкули до сих пор не прочитал его. Между ними никогда не было секретов. Он, конечно же, мог и прямо спросить Мухамедкули, но опасался поставить того в неловкое положение. Вот почему Кайгысыз и решился залезть в тумбочку тайно.

Конверт с Санкт-Петербургским штемпелем лежал под стопкой других писем, перетянутых розовой шелковой ленточкой. Кайгысыз извлек письмо из конверта и быстро пробежал глазами по тексту.

Некоторые места из послания Иомудского Кайгысыз прочитал дважды:

«...Все то, что ты пишешь, весьма справедливо, имеет под собой почву, цели, тобою намеченные, совершенно правильны, и их нужно достигать, но пути для достижения этих целей могут быть избраны ошибочно... Повторяю, твои идеи, цели и мысли весьма правильны и мы все, то есть я, Лолук и другие, должны вернуться в свой народ и помочь ему выйти из этого состояния, когда он съедает другой культурой, нацией и т. д. Но как это достичь? Это надо обдумать и избрать самый надежный путь и способ. Ошибки неизбежны. Я сам сделал много ошибок и проработал 13 лет, после уже производства в офицеры, а на 34-м году жизни решил эти ошибки исправлять, и для достижения своей задачи бросил место службы и с большой семьей пошел учиться, и пятый год уже быюсь и работаю, чтобы начать вновь свое дело... Я понимаю и твои волнения, и

горе, и отчаяние, но не могу не указать тебе на долю эгоизма у тебя; ты жалеешь и плачешь о себе, у тебя является малодушие и ты говоришь, что был бы счастлив, если бы не учился и т. д. Зачем жалеть о себе, если ты получил возможность видеть горе своего народа. Тебе тяжело, но ты другим можешь сделать добро. Все передовые люди каждой нации всегда страдали, но они не должны плакать о себе. Не должны малодушничать, а должны бодро идти вперед и вести за собой своих братьев. В том их счастье, что они зрячие и ведут слепых, а если и похибают, то за братьев, а в том и счастье:

Кто крест однажды взялся нести,
Тот распинаем будет вечно.
Но если счастье в жертве есть,
Он будет счастлив бесконечно!

Потому, дорогой Мухамед-Кули, горевать и отчаиваться нечего, сдаваться без боя так рано, стыдно, крепись и мужайся, заканчивай семинарию, а там обсудим что делать. Ведь ты сам знаешь, что народ не может вымереть в десятки лет — он вымирает в века! Следовательно, мы с тобой успеем доучиться и нам ничего прежде не грозит. В том же, что ты понял свои социальные задачи, твое счастье, а не несчастье. Человек должен жить не только одной животной жизнью, но главное духовной, вот ты в эту жизнь и вступаешь, и твои мысли и муки и есть жизнь высшая и духовная, так как низшему существу не доступно мыслить и болеть за общество. Итак, успокойся и постарайся окончить семинарию. С книжками обращай осторожно, чтобы из-за них не пострадать и в письмах пиши осторожнее, так как их иногда перехватывают...

Любящий тебя Н. Иомудский.

Положив письмо на место, Кайгысыз снова лег на койку, взял в руки Гюго, но читать не мог. Было больно не за то, что друг и названный брат постеснялся показать ему это письмо, а потому, что старший их единомышленник обнаружил в Мухамедкули слабость,

серьезный недостаток в деле, которому они готовились себя посвятить.

Кайгысыз усилием воли гнал от себя неприятную, навязчивую мысль, до конца им не сформулированную. Он встал, прихватил полотенце и отправился к умывальнику. Ополоснув лицо холодной водой, решил пойти к Меркуловичу и поговорить с ним о жизни.

Иван Александрович Беляев, бывший младший помощник делопроизводителя канцелярии Туркестанского генерал-губернатора сразу понравился семинаристам простым, почти товарищеским обращением, знанием языков, обычаев и истории Востока. Особые симпатии он вызывал у воспитанников местных национальностей. В свою очередь Иван Александрович проявлял повышенный интерес к туркменам — обоим Атабаевым, Акмамеду Мурадову и второкласснику Суюну-Берды Каррыеву. Видимо, молодой ученый решил и далее специализироваться на изучении Закаспийского края. Беляев был холост, часто ходил вместе с воспитанниками в город, приглашал некоторых из них к себе домой на чашку чая и вел с ними душевные беседы.

В тот вечер у него были туркмены. Они перелистали все последние номера журналов, получаемых Беляевым из Петербурга, Москвы и Парижа, просмотрели альбомы по Востоку, напились чаю.

Иван Александрович неожиданно произнес:

— «Немого мать поймет», — есть такое выражение у вашего народа. — Все трое встрепенулись, не понимая, к чему Беляев это сказал. — Помните это, мои юные друзья, как один из заветов учителя!

— Он должен быть ученику как мать, — высказал, что думал, Мухамедкули.

— Понимать ученика, как умеет это делать только мать, — дополнил Акмамед, за что и был награжден одобрительной улыбкой молодого учителя.

— Знаете, Иван Александрович, я недавно читал в одном журнале, что население Туркестанского края, туземцы, рассматривается царскими генералами как «первобытный народ», лишенный культуры и поэтому обреченный служить орудием для возвеличивания России, — Кайгысыз произнес то, что давно терзало его. — Как же в таких условиях мы понесем культуру в народ?

— Ну, прежде всего, надеюсь, что во многом те времена позади, Константин. Я знаю, что именно вы читали. Там речь шла о генералах, которые завоевывали этот край. К тому времени, когда вы станете учителем, положение во многом изменится. Грядут политические перемены, — заверил Беляев, заметно понизив голос.

— Да? — спросил Мухамедкули. — А вы знаете, Иван Александрович, мы с Константином недавно получили письмо из Нохура, — вот бы вам как-нибудь туда съездить вместе с вами! Так отец пишет, что его известили: местный пристав, когда мы приезжали на каникулы, заставлял близких ему людей следить за нами.

— Это недостойно! Но чтобы ни делали господа определенной профессии, вы обязаны знать: после хлеба для жизни народа самое важное — школа. Об этом впервые заявил Жорж Жак Дантон, деятель французской буржуазной революции восемнадцатого века. Он абсолютно прав! И любое уважающее себя правительство, если желает, чтобы общество, народ и государство, им управляемое, истинно процветали, обязано предпочесть школу, поставить ее выше армии и чиновничества.

— Потому, вы хотите сказать, из семинария и убрали господина Ломакина? — спросил Акмамед.

— Подполковник Ломакин самодур и хитрец, — вставил Мухамедкули.

— Не ждите, что я поддержу вас, мои юные друзья. На Руси говорят: «Заочная брань, по указу государеву, тебе же на ворот виснет». Не приличествует прорабатывать человека за глаза. И предшественника, того, что до тебя что-либо делал, тоже ругать негоже. Делом своим отличись и все поймут, как лучше надо, — Беляев подошел к полке, снял с нее книгу, нашел нужную страницу и прочитал: «Чтобы быть хорошим преподавателем, нужно любить то, что преподаешь, и любить тех, кому преподаешь». Вот что говорит по поводу «немного мать поймет» замечательный русский историк Ключевский.

— Вот такой и господин Меркулович, — заметил Мухамедкули. — И я хочу быть на него похожим.

— Это похвально, но подумайте сами, верно ли следовать только тому, что делал учитель, повторять

его мысли и слова. Нет! В этом-то и заключается одна из обязанностей учителя, я бы так сказал. Учитель, педагог должен не просто передать ученику свои знания, а выработать в нем способность самостоятельно мыслить, развиваться дальше без помощи учителя. Вам это особенно следует знать. Так и действуйте, когда станете учителями.

— Но разве это плохо, когда учитель передает свои знания другому? — спросил Кайгысыз.

— Хвастать знаниями интеллигентному человеку также неприлично. Русский писатель и ученый Николай Гаврилович Чернышевский совершенно справедливо утверждает, что люди, которые хвалятся своею ученостью, оказываются на деле очень плохими учеными. А Монтескье, французский философ прошлого века, утверждал: «надо много учиться, чтобы знать хоть немного», — Иван Александрович произнес эти слова, повысив голос, а про себя подумал, поскольку эту свою собственную мысль он не решался произносить громко: «И надо сделать так, чтобы в России тех, кто знает «хоть немного», уважали, чтобы они строили будущее страны, а не дельцы, которые нарядными одеждами и пышными фразами пытаются заменить знания, и герпетить не могут рядом с собой тех, кто действительно ими обладает».

Беляев захлопнул книгу, поставил ее на место и с извинительным поклоном произнес:

— Уже поздно, господа, я, завершая нашу беседу, сообщу вам не помню кем высказанную аксиому: «Учитель, могущий наделить своих воспитанников способностью находить радость в труде, должен быть увенчан лаврами». Запомните это!

В тот же вечер лакей принес в семинарию пакет, в котором лежала книга Э. Ожешко «Последняя любовь» и коротенькая записка о том, что непристойно подобные книги оставлять для чтения девушкам. Записка эта была написана под явным давлением родителя — полковника «Отдельного Корпуса Жандармов».

Однако до того, как был прислан пакет и как родители девушки узнали, что в их доме появился инородец — пусть даже семинарист, — в кабинете хозяина дома шел весьма интересный разговор,

— Не подлежит сомнению, что Туркестан за последние годы оказался втянутым в сферу той политической пропаганды, с которой повсеместно борется власть, — полковник ухватился рукой за правую бакенбарду. — Глубоких корней, однако, в массе населения, состоящего главным образом из туземцев, эта пропаганда пока еще не пустила и, к счастью, едва ли этого можно опасаться в ближайшем будущем. Во-первых, туземное население, безусловно, лояльно.

— Вполне справедливо, — подобострастно согласился надворный советник Квицинский.

— Во-вторых, и это самое главное, взаимное незнание языка. За спокойствие туземного населения можно поручиться, — полковник легко формулировал мысль и был откровенно доволен сделанным только что выводом.

— Точно так-с, не сомневайтесь, господин полковник, — Квицинский склонил голову, показывая изрядно блестящую лысину.

Полковник, лишь став генералом, перестанет нуждаться в подтверждении своей правоты. Теперь же он отпустил свою бакенбарду, разгладил уз и с еще большим вдохновением продолжил:

— Тем настоятельнее необходимость сохранения в крае спокойствия и порядка. Послабление может дать повод к волнениям в среде туземного населения, которое, не имея ничего общего со стремлением русской революционной партии, окажутся направленными против всех русских вообще или просто примут форму широких разбойничьих действий, как на Кавказе.

— Позвольте-с дополнить, господин полковник, — Квицинский нервно шевелил губами. — Следует непременно отметить — я это хорошо знаю по Джизакской области, — что и среди русского населения края сюда стали высылать административным порядком избитых в противоправительственной деятельности, когда началось строительство и эксплуатация двух железных дорог, что привлекло в Туркестан значительное количество рабочего люда, а также разных темных дельцов, рассчитывающих на легкую наживу, преимущественно, евреев и кавказских уроженцев. Именно этот люд и, кроме того, учащаяся молодежь, — надворный советник многозначительно поднял вверх палец, — отчасти и

войска оказались под воздействием революционной пропаганды.

— Справедливо! — согласился полковник. — Следует также отметить и донести, что расследование по причине нахождения недозволенных бумаг при обыске на квартире одного из железнодорожных служащих — фамилия его кажется Первышов, — доподлинно установило существование чрезвычайно опасного Среднеазиатского отделения Всероссийского железнодорожного союза, Около восьми членов и революционная программа! Это уже хорошо налаженная организация. Она располагает денежными средствами и, что самое опасное, подчиняется организации социал-революционеров.

— Следует добавить, господин полковник, и это мы точно установили: в области социал-революционеры не ограничиваются средой железнодорожных рабочих. Они целой сетью покрыли весь Туркестанский край. Областные комитеты действуют в Ташкенте, Коканде, Асхабаде. Их пропаганда проникает даже в среду учащейся молодежи. Комитеты имеют свои типографии, склады оружия, летучие боевые отряды.

— Если бы только учащаяся молодежь! — воскликнул полковник. — Пропаганда захватила войсковые части, главным образом, железнодорожные и саперные батальоны. Такие гарнизоны, как Кокандский, Мервский, Асхабадский заражены идеями социал-революционеров. Арестованный еще в сентябре пятого года социал-демократ Бузанский показал, что целью революционеров на окраинах является поднятие восстания, создание небольших затруднений правительству с тем, чтобы отвлечь его от борьбы с революционерами в европейской России.

— Смею заметить, господин полковник, пропаганда социал-демократов, которая за последние два года набирает адскую силу, становится опаснее социал-революционеров. — Квинцинский, как задиристый петух, вскинул голову и тут же спохватился: полковник мог заметить плешь, которую он тщательно скрывал.

— Да, да! Повсеместное распространение революционных организаций, их предприимчивость, дерзость, широкий круг лиц, вовлеченных в их ряды, — все это вызывает необходимость принятия самых энергичных мер для борьбы с врагами империи...

Квицинский воспользовался паузой.

— Очаги распространения их деятельности — Кавказ-Арват, Асхабад и Мерв в Закаспийской области, Самарканд и станция Черняево в Самаркандской, Ташкент в Сыр-Дарьинской, Маргелан и Коканд — в Ферганской...

Полковник уставился на начальника джизакской полиции, слегка прищулив левый глаз.

— Вы знаете, голубчик Квицинский, я думаю, следует ввести при генерал-губернаторстве должность чиновника особых поручений. Или, как на Кавказе, назначить заведующего особым отделением при канцелярии в качестве помощника по управлению полицейской частью. Я буду рекомендовать вас, — решительно закончил полковник и встал с кресла, давая понять, что беседа окончена.

— Покорно благодарю! Вечно буду вашим слугой и почитателем!

Из ворот дворца Николая Константиновича Романова, созданного архитектором Гейцельмамом в романтических формах средневекового замка, выехало ландо, запряженное цугом. В нем восседали трое расфранченных военных и маленькая белокурая девочка в матроске, с огромной грушей в руке. Кайгысыз залюбовался конями и вдруг увидел, как ландо несколько задержалось, буквально в трех шагах от него, и девочка надкусила плод и сок брызнул ей на матроску. Кайгысыз приподнял руку с зажатой в ней книгой, дружелюбно помахал, подбадривая: «Не огорчайся, мол, пустяки». А от ворот дворца наискосок, прямо по газону, уже бежал к нему городской с грозным видом, придерживая на ходу шашку. Ландо покатило дальше, а городской успокоился.

Чуть впереди, как показалось Кайгысызу, мелькнула спина Саши Кожухова. Кайгысыз поспешил следом, но Кожухов свернул за угол и вошел в здание библиотеки. Туда же направлялся и Атабаев. В руках у него был томик стихов Фурката, которому Беляев так и не успел представить Кайгысыза, поскольку месяц назад, в сентябре 1907 года, Иван Александрович, по неизвестной никому причине, внезапно был переведен чиновником в Астраханскую область.

Обойдя все помещение библиотеки, Кайгысыз не нашел своего прежнего друга и решил, что просто обознался на улице.

Кайгысыз вошел в читальный зал огорченный. Однако там его ждал приятный сюрприз.

— Здравствуйте, молодой человек, сегодня я вас порадуя, — произнес скрипучим голосом пожилой библиотекарь. — Я тут, знаете ли, раздобыл для вас совершенно уникальные документы. Вы, как человек, склонный к наукам, сумеете их оценить.

Библиотекарь, то и дело поправляя сползающие очки на кончик носа, провел Кайгысыза в отдельную комнату, где стояли два письменных стола, заваленных книгами, а по стенам висели стенды со справочными изданиями.

— Вот, смотрите! Усаживайтесь за мой рабочий стол. — Библиотекарь выложил перед ним стопку листов большого формата, написанных коричневыми чернилами плотным, каллиграфическим почерком. — Здесь сорок четыре страницы с текстом на обороте. Незвестным автором без подписи излагается документ семьдесят девятого года прошлого столетия. Довольно ясно и со знанием дела показана суть проблемы, которая вас, господин семинарист, интересует.

Кайгысыз осторожно прикоснулся к листкам, сердце его уященно забилось.

— Спасибо!

— За это не благодарят, молодой человек. Это моя обязанность. Как вам известно, Петр I интересовался возможностью поворота Амударьи в Узбой. Так вот, авторитет сей полагает, — библиотекарь извлек последнюю страницу из-под стопки и начал читать: — «...хотя многие и теперь еще считают поворот Амударьи золотой мечтой, но люди, близко знакомые с особенностями Туранских рек, своими научными трудами поддерживают осуществление мысли Петра Великого».

Библиотекарь видел, как загорелись глаза юноши, и довольный продолжал:

— Ознакомьтесь с манускриптом и уясните себе, что после всего сказанного в нем, нет никакого сомнения в том, что воды Амударьи можно пустить в Узбой. Так что приступайте к штудированию,

— Можно я сделаю выписки! — неуверенно попросил Кайгысыз и достал из-под тужурки тетрадь.

— Безусловно! — И библиотекарь удалился.

В тот день Кайгысыз занес следующие строки в тетрадь: «Пропуск небольшой струи из Амударьи в Лаузан и Дарьялык послужит началом умиротворению Туркмении и к воссозданию богатых оазисов по берегам сухого русла. Со временем вся вода Амударьи устремится в Узбой. Водный путь свяжет Россию с Туркестаном, разовьет русско-азиатскую торговлю и поставит Россию прочно и грозно на Востоке. Немедленное окончательное решение амударьинского вопроса, несмотря на его простоту и ясность, встречает множество препятствий. Следует положить конец различным догадкам, соображениям, сомнениям и колебаниям, ничего не выясняющим, а только тормозящим и путающим дело».

Фразу о «воссоздании богатых оазисов по берегам сухого русла» он старательно подчеркнул двумя линиями. Там же рядом появилась и такая выписка из манускрипта: «Петр I в 1716 году князю Бековичу-Черкасскому — «Плотину раззори... воду Аму-Дарья. Реку паки обрати в старый сток... понеже зело нужно».

Часа через два вошел библиотекарь.

— Ну как, проглотили текст к удовольствию? Однако это не все. Свежайшая грамота получена только-только от архивариуса канцелярии генерал-губернатора. Писана Его высочеством великим князем Николаем Константиновичем в Пустынке в первый день восьмидесят первого года. Прошу-с, вы первый не из чинов, кто увидит сей груд.

Николай Константинович Романов — участник похода в Хиву 1873 года, с 1877 года несколько лет служил в Туркестанском крае, хорошо изучил его, а за свой груд «Водный путь в Среднюю Азию» был удостоен Монаршего благословения. Он исследовал бугры в Каракумах, разработал проект железной дороги Келиф (Амударья) — Оренбург через Самарканд и Ташкент. Осенью 1908 года проживал в своем замке в Ташкенте.

Из письма Романова Кайгысыз выписал одну фразу: «Поэтому я сочту себя счастливым, если мне дана будет возможность принять участие в последующих рабо-

тах, добросовестное и успешное исполнение которых уси-лит русское влияние на Востоке».

Дымящиеся стаканы чая были поданы официантом из ресторана прямо в номер гостиницы. Члены комиссии графа Палена занимали почти весь второй этаж. Кайгысыз еще ощущал тепло сердечного рукопожатия Николая Николаевича Иомудского. Блеск доброжелательных глаз, выражение лица, мягкая улыбка были настолько притягательны, что невозможно было не поддаться обаянию этого энергичного и умного человека. Высокий лоб казался обширнее от того, что волосы спереди изрядно поределли, слегка нахмуренные брови выдавали не усталость или бурно прожитые годы, а говорили о человеке, перенесшем немало жизненных баталий.

Глаза Иомудского из-под пенсне на шнурке смотрели пронзительно. Небольшие усы и борода клинышком усиливали его сходство с писателем Вересаевым: «Записками врача» в те годы зачитывались русские, живущие в Туркестане.

— Я безмерно рад нашей новой встрече, мои юные друзья! И тем более сейчас, когда вы — без пяти минут учителя.

— Однако, Николай Николаевич, кто знает, как сложится наша дальнейшая судьба? Каким будет наш путь? — нота сомнения прозвучала в вопросах Кайгысыза и насторожила Иомудского.

— Вам ли сомневаться в этом?

— Учитель не бай, не подрядчик, не спекулянт. Администрация к нему не льнет. Он поставщик знаний, а, значит, недруг чиновников, — Кайгысыз испытывал удовлетворение от того, что мог говорить совершенно свободно.

— Умные речи ведете, Константин. Отрадно слышать. Вы радостью полните сердце туркмена. — Иомудский знал многое о Кайгысызе из писем Мухамедкули.

— Как раз поэтому сейчас в Ташкенте и работает сенатская комиссия. Граф Пален прибыл в Туркестан с ревизией, благодаря моим докладным. Царские чиновники хотели бы чувствовать себя здесь как англичане в Индии. Но существует закон...

— Какой закон? — запальчиво перебил Мухамед-

кули. — Произвол, самовластие! Народ чахнет в невежестве.

— А это общеизвестно, — вот когда зазвучал в голосе Иомудского адвокатский тон, — где кончаются законы, там начинается тирания. При тирании же не может быть светлой дороги к просвещению. Прежде следует покончить с произволом людей низких, жаждующих собственного обогащения любыми средствами, любой ценой, а потом можно будет говорить и о подъеме истинной культуры.

— Господин Меркулович, наш наставник, говорил, что вам всячески мешают, ставят палки в колеса, — сказал Кайгысыз.

— Меня обложили, как обкладывают волка в степи или медведя в лесу. За мной по пятам следуют филеры. И сейчас, небось, дежурят, а то и стоят под дверью в коридоре. Однако я боролся и буду бороться за правду. Степень правдивости человека есть доказательство степени его нравственного совершенства, — справедливо утверждает граф Лев Николаевич Толстой. — Другой же граф, не чета Толстому, поначалу было попросил моей помощи, а теперь не очень-то старается разоблачать здешние безобразия. Скорее всего потому, что обнаружил такие беспорядки и нарушения, которые можно поставить в упрек не только чиновникам туркестанской администрации...

— А всей системе власти, — закончил Кайгысыз мысль Иомудского.

— Надо всем образованным туркменам действовать вместе, — заявил Мухамедкули. — Вы, Николай Николаевич, когда окончательно вернетесь из Петербурга?

— Еще прошлым летом мне предлагали место заведующего судной частью в Асхабаде, но одновременно предложили остаться в Петербурге еще на год-полтора, чтобы принять участие в выработке закона, Положения о Туркестанском крае и Закаспийской области. Я сам рвался в область, но решил остаться, чтобы принять участие в подготовке закона, для нас всех приемлемого. А то ведь сочинит его какой-либо дурак.

— Мне не терпится скорее закончить семинарию. Хочу вместе с ним, — Кайгысыз указал на Мухамедкули, — учить детей. Обучить грамоте, привить культуру,

оторвать от старого — в этом вижу призвание, цель моей жизни.

— Я бесконечно рад, что вы заботитесь о приобщении нашего народа к русской культуре, о его прогрессе. Необходимо привить нашему народу чувство родины. Пусть появится понятие Отечества, во имя которого всегда свершались самые великие подвиги добродетели. Чтобы не полагали наши соотечественники: где кибитка стоит — там и родина.

— «Дай птицу счастья нам, прекрасную хумай! Туркмены! Если бы мы дружно жить могли, // Мы осушили б Нил, мы б на Кульзум пришли // Теке, Йомуд, гоклен, языр и алили. // Все пять! — должны мы стать единою семьею!» — прочел Кайгысыз четверостишие из «Птицы счастья» Махтумкули.

— Религия сковывает разум, — Мухамедкули заговорил на любимую тему. — Ей нужны мрак, невежество, нужда, бескультурие.

— Но только луч света, брошенный вами, каждое посеянное зерно и взращенное вами дерево могут быть оружием против религии.

— Надо ликвидировать фанатиков мулл! — запальчиво выкрикнул Мухамедкули.

Йомудский несколько секунд внимательно глядел на него, неодобрительно покачивая головой.

— Милый мой друг, на их место станут другие. Уничтожь мы все святые места, люди начнут поклоняться дереву, тарелке, голому месту. Культура и хлеб... Равные права для всех на землю и воду.

— И долой эксплуататоров! — горячо и громко произнес Кайгысыз.

— Это программа социал-революционеров и социал-демократов, — Йомудский оживился. — Я в девяносто четвертом состоял в рядах первых, но скоро вышел. Не совсем согласен с их программой и не мог вынести подавления личной свободы. Друзья мои, как только после ревизии графа Палена будет составлено и принято новое Положение о крае, я во что бы ни стало вернусь на родину и отдам всего себя без остатка за-

¹ Сказочная птица; если тень птицы хумай упадет на голову человека, счастливцев становится доводителем людей.

щите гуркменского населения от произвола администрации.

Молодые собеседники Иомудского вскочили и принялись с жаром трясти руки своего старшего товарища.

— Как у нас заведено, перед едой обязательно чаек попить, так, дорогие мои, перед началом серьезного дела, — Николай Николаевич вынул из жилета часы, откинул крышку, поглядел на время, — следует хорошенько поесть. Я заказал отличный обед. Приглашаю! Там и продолжим наш интересный разговор.

Все осталось позади: и годы учебы, и выпускные экзамены. Однако волновались все, и выпускники, и их наставники, умудренные опытом жизни, а то и убеленные сединой. Меркулович расставался с Атабаевыми как с близкими родственниками.

Молодые учителя, хоть и нервничали, ходили все-таки с гордо поднятыми головами. Никто не ведал, куда их определят на службу.

На Карджан-Тау испарялась последняя белая шапка. Шла первая неделя июня. Мухамедкули, после долгих мытарств наконец-то получил билет до Петербурга и путевку на летние курсы ручного труда по дереву и металлу при Санкт-Петербургском учительском институте. Кайгысызу предстояло ехать в Нохур и там ждать назначения.

В актовом зале семинарии окна распахнуты настежь; в торжественной обстановке, в присутствии некоторых родителей, головы городской думы, высоких чинов Сыр-Дарьинской области, канцелярии генерал-губернатора и главного инспектора училищ Туркестанского края Ф. М. Керенского выпускникам вручались дипломы.

Кайгысыз Атабаев второй получал свидетельство о непонятным ему противоречивым чувством. Он сердился и радовался, этот душевный разлад вызывал у него внутреннюю дрожь.

На белоснежном листе бумаги типографским способом напечатан текст с заполнением от руки отдельных мест.

СВИДЕТЕЛЬСТВО

«От Совета Туркестанской Учительской семинарии, на основании Положения об учительских семинариях, дано сие воспитаннику семинарии АТАБАЕВУ Кайгысызу Сердаровичу в том, что он вероисповедания мусульманин, от рождения 21-го года, в продолжении полного 4-х летнего курса Семинарии, при отличном поведении успел: в педагогике — хор. — 4, русском языке — уд. — 3, церковно-славянском, сартовском языке — отл. — 5, персидском языке — отл. — 5, арифметике — хор. — 4, геометрии — уд. — 3, физике — хор. — 4, естествознанию — хор. — 4, истории — хор. — 4, географии — хор. — 4, чистописанию — уд. — 3, садоводству и огородничеству — хор. — 4.

Вследствие чего он, АТАБАЕВ, удостоивается звания учителя начального училища и, при поступлении на означенную должность, имеет пользоваться всеми правами той должности присвоенными. Гор. Ташкент. Июня, 4, 1908 года.

Председатель Педагогического Совета, директор семинарии Н. Остроумов, члены Совета: Н. Меркулович, П. Панфилов, И. Васильева, А. Боронин, И. Никифоров, В. Колесинский».

Николай Петрович Остроумов по окончании вручения дипломов спустился со сцены, чтобы напутствовать каждого выпускника. Атабаевым он сообщил:

— Капитан Иомудский, известный вам, из азиатского отдела Главного штаба, просил господина Керенского вас обоих назначить в училища Закаспийской области. Федор Михайлович примет меры. Поедете по домам и будете ждать назначения. Я возлагаю на вас большие надежды. Вы оба талантливы. Нужны вашему родному краю.

Протоиерей Марков почему-то решил попрощаться лишь с Кайгысызом. Он отвел его в сторону и сказал:

— Помни, сын мой, в дело и успех пойдет. «Самый благотворный закон не может людей сделать благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона». Это верные слова из высочайшего манифеста об освобождении крестьян России. И еще помни: «Просите и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам. И так во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Евангелие от Матфея, глава седьмая, стих двенадцатый.

В речи законоучителя перемешались древние заветы христианского апостола и царский манифест. Поначалу Кайгысыз Атабаев не придал его словам никакого зна-

чения, но почему-то они запали в память на долгие годы...

Қайғысыза провожал Меркулович. Его последними словами были:

— «Так проживи, чтобы в памяти остался, // чтоб в горький час ухода твоего // Не от тебя наш мир освободился, // а ты освобождался от него».

На перроне, рядом с колоколом, вся в белом стояла Даша. Вчера вечером, когда они прощались, она сказала:

— Не печалься, Костя, Костенька! Я никогда не буду в обиде на тебя. Я сама! Ведь ты не делал мне предложения. Я сама, по любви. Помоги тебе ангел-хранитель.

Қайғысыз был уже в Нохуре, а Мухамедкули находился на пути в Петербург, когда между главным инспектором училищ Туркестанского края и начальником Закаспийской области завязалась настоящая бумажная дуэль.

«Милостивый государь, Федор Михайлович! Туркмены всеренной Вашему Превосходительству области неоднократно выражали желание иметь в русско-туземных школах учителей туркмен. Для этой цели двое туркменских юношей — Атабаев Қайхисиз и Мурадов Акмамед на средства общества и один — Атабаев Мухамедкули на средства родителей были отправлены в Туркестанскую учительскую семинарию. В настоящее время все трое с успехом окончили курс и удостоены учительского звания.

Сообщая об этом, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, не откажите в просвещенном содействии Вашем к назначению названных молодых людей на учительские места в школах, в коих обучаются дети туркмен или текинцев. Инспектор Ляуданский доложит Вашему Превосходительству об имеющихся вакансиях. Если таковых в настоящее время нет или мало, то со своей стороны полагал бы, для пользы дела, русских учителей передать из туземных училищ в другие училища, или же, — что особенно желательно, — открыть с 1 сентября с. г. новые русско-туземные школы и назначить в них учи-

телями поименованных семинаристов. Оставить таких кандидатов без должности, к исполнению которой они усиленно готовились, было бы крайне вредно как для них, так и для дела, благоприятное начало которому положено туркменским населением.

Прошу принять уверения в моем к Вам уважении и совершенной преданности. Вашего Превосходительства покорнейший слуга Ф. Керенский, 17.VI.1908 г., № 3195, г. Ташкент».

Мысль, естественная для образованного деятеля министерства просвещения, была обращена к солдафону, не талантом, а годами выслужившему высокий пост. Он жирно, черным карандашом подчеркнул отдельные фразы и поставил в верхнем левом углу письма резолюцию: «Возможно ли? Я с этим не согласен. Переговорить. М. Д. Евреинов».

Машина закружилась. Правитель канцелярии полковник Стржалковский, инспектор училищ Ляуданский и сам начальник области были осведомлены о сообщении полковника «Отдельного Корпуса жандармов» из Ташкента о том, что оба Атабаевых почитывают запрещенную литературу, поддерживают тесную связь с «возмутителем спокойствия» капитаном Н. Н. Иомудским и что Атабаев-второй может оказаться личностью политически неблагонадежной.

Были даны соответствующие пояснения, и 19 августа того же года в Ташкент за № 1255 ушло следующее послание:

«Милостивый государь Федор Михайлович! На сообщение Вашего Превосходительства относительно предоставления окончившим в сем году молодым туркменам учительских мест в училищах для туземцев должен сообщить Вам следующее.

Касательно предложения перевести из училищ русских для предоставления мест приходится сказать, что три имеющихся туземные школы и восемь русско-туземных вполне отвечают потребности туркмен, а потому, если бы и были даже средства на открытие новых школ, то я бы затруднился дать согласие на открытие школ

лишь только в видах предоставления места окончившим семинарию туркменам.

Относительно Вашего желания, чтобы окончившие курс семинаристы были помещены в имеющиеся чисто туземные школы, должен сказать, что в России уже столько очагов, самими нами созданных, где ведется всякого рода пропаганда в ущерб Государственному строю, причем пропаганда эта совершенно ускользает от нашего взгляда, что создавать еще самим очаг в среде туркменского населения будет совсем неосторожно. Я не говорю, что туркмены теперь не верны нам, но уже и ныне они видят, что мы сами, русские, между собою не по-прежнему дружны и сильны, почему в туркменских головах идея могущества России укрепляться и шириться не будет. И так как никто не станет отрицать, что молодые люди, окончившие семинарию, представляют собой тот именно элемент, который, вкусив только самые верхушки плодов истинного познания, наиболее доступны всяким фантазиям и утопиям, и, обладая ненормально большим аппетитом, готовы решиться на все и поступиться всем для его удовлетворения, то не вижу никакой необходимости, устраивая туземные школы с туземными учителями, создавать нам самим учреждения, где может быть не будет держаться желательное направление...».

В этом месте главный инспектор училищ края прервал чтение письма и подумал: «Сколь же махров, однако, у этого блюстителя режима патриотизм. Не является ли, однако, этот, так называемый, патриотизм признаком слабости, которая и задерживает развитие России, а затем может стать одной из причин ее гибели?!».

Федор Михайлович оглянулся, но рядом никого не было; да если бы кто и находился поблизости, разве можно прочесть возникшую в сознании важного чиновника мысль, испугавшую его самого? Главный инспектор училищ взял себя в руки, потер высокий лоб и уже более спокойно продолжил размышление: «Революционеры обвиняют деспотию в отсталости. Вот оно превосходное доказательство! Развитие цивилизации в

России требует образования, более глубоких знаний, чтобы справляться с передовыми странами мира. Да и простые туземцы понимают, что для лучшего служения русскому царю они должны среди своих иметь грамотных, образованных людей. А этот, с позволения сказать, страж и, вроде, верный пес престола, пытается хворостиной остановить бег ручья. Не бежать от этого надо, не накрывать от страха голову одеялом, а найти формы и методы, необходимые для развития нации, если она вообще желает не только считать себя нацией, но и быть цивилизованной».

Оба царских чиновника по-своему были правы, хотя и думали по-разному. Начальник Закаспийской области предчувствовал приближение краха империи: главный инспектор училищ края в глубине сознания тоже понимал, что приближается конец царской форме правления Россией. Но как человек более образованный, видел не просто крах, но и возможный выход России из сложного положения.

Федор Михайлович продолжил чтение письма:

«Помещать окончивших семинарию туркмен учителями в русские школы нельзя, так как, разумеется, учитель-туркмен в такой школе едва ли будет пользоваться нужным для учителя авторитетом.

Соглашаюсь вполне с мнением, высказанным инспектором народных училищ Закаспийской области, что наилучшим решением предложенного вопроса будет иметь рекомендуемых Вами трех туркменских учителей направить в смешанные двухклассные русско-туземные школы. При чем предоставление им там даже господствующего положения, как это имеет место в Тедженском училище сей час, где кавказский татарин начальник, а русский у него в подчинении, может стать допущено как исключение и только после того, когда будет уверенность в полном соответствии и полезности такого положения.

Конечно, найдутся люди, которые Вашему Превосходительству будут доказывать, что это несправедливо и при нынешнем направлении о равноправии и предоставлении людям положения только по способностям даже положительно не-

допустимо. На это выскажу, что величие России создавалось русскими людьми, а не инородцами, и говорить о какой-то несправедливости к инородцам, если вспомнить Багратиона, Лорис-Меликова, Делянова, Тер-Гусакова, Шелковникова, Лазарева, не приходится. Когда эти инородцы служили России, она и отдавала под их начальство свои вооруженные силы, и допускала их до занятия высших постов в Империи, причем награждала их не меньше своих русских людей.

Если, Ваше Превосходительство, изволите согласиться с высказанными мною доводами, то есть, что трем туркменским юношам, о которых Вы возбудили вопрос, следует предоставить места в смешанных двухклассных русско-туземных училищах, то при таком разрешении вопроса не будет необходимости держать их в Закаспийской области и Вами им могут быть предоставлены места чуть не на всей обширной территории Туркестанского края, через что им легче будет получить ожидаемые места.

Примите уверения в совершенном уважении и преданности, с коим остаюсь Вашим покорнейшим слугою, Евреинов».

Листок чуть было не выпал из рук Керенского «Каналья!» — только и мог произнести кандидат наук Императорского Казанского университета.

— Вот бестия! — прошептал Федор Михайлович и подумал: «Каков, а? Отпишу ему, сейчас же!».

Однако во время написания письма пыл главного инспектора училищ угас, и оно получилось в обычном для него выдержанном тоне. Керенский «сообщил о том, что само помещение туркменов в семинарию, очевидно, было вызвано желанием населения и администрации иметь в местных школах учителей из туркмен. Поводов к отказу и в удовлетворении такого желания не было и нет». Затем он пояснил свою заботу о трех туркменах-учителях тем, что они специально готовились «к занятию учительских должностей в Закаспийской области» и сослался на правила, утвержденные Министерством народного просвещения, согласно Высочайшему повелению от 27 октября 1907 года, в параграфе 11 которого сказано: «Учителями и учительницами»

училищах для инородцев должны состоять лица, имеющие соответствующее учительское звание, притом или инородцы того племени, для которого училище учреждено, или русские, знающие родной язык учащихся». Попутно он высказал свое отношение к конфликту, возникшему между начальником Мервского уезда полковником Агабековым и учителем-смотрителем Тедженского училища. Признав поступок учителя, послушавшего начальника уезда, бестактным и заслуживающим порицания, главный инспектор училищ отметил, что «в то же время воспрещение уездного начальника родителям и родственникам учеников посещать училище не полезно с воспитательной точки зрения и может вызвать недовольство населения».

Одновременно Керенский дал указание инспектору Ляуданскому произвести замену учителей, преподававших прежде в Тохтамышском и Отамышском русско-туземных училищах города Мерва, и вскоре в уезд ушло предписание:

«Вследствие письма Вашего Высокоблагородия, имею честь уведомить, что на должность учителей-смотрителей русско-туземных училищ Тохтамыша и Отамыша, с 1.IX.1908 г., назначаются окончившие курс Ташкентской учительской семинарии, уроженцы Закаспийской области, туркмены Акмамед Мурадов в Тохтамыш и Атабаев Мухамедкули в Отамыш.

Выплату содержания Максutowу Тюря-баю и Атаниязову, как несоответствующим своему назначению, с 1.IX.1908 г. прошу прекратить».

На этом письме начальник Мервского уезда написал: «Начальник области приказал выяснить и доложить: имеет ли инспектор народных училищ право назначать учителей без ведома Его Превосходительства».

Из трех, окончивших семинарию, получили работу двое, но не тот, у кого был лучший диплом. Кайгысыз отправился вместе с Мухамедкули в Мерв, где тот получил должность учителя. Там он некоторое время жил в помещении училища, а затем снял недорогую комнату и принялся за поиски места службы.

Между тем бумажная дуэль продолжалась,

«Милостивый государь, Федор Михайлович! Считаю нужным высказать, что иметь в местных школах учителей из туркмен администрация действительно в свое время желала, но с тех пор время слишком изменилось и потому, если признавалось возможным в свое время считаться со взглядами прежней администрации, то, полагаю, что нельзя не считаться и с моими взглядами, обоснованными на нынешнем положении вещей в России, когда найдутся подлецы, которые для достижения своих целей и, используя принцип «чем хуже, тем лучше», начнут волновать ваших туркмен, как может быть уже волнуют киргизскую степь, где проявлялись вспышки против русских».

Против этого места главный инспектор училищ сделал пометку: «Вот она начальствующая непросвещенность. Не давайте, мой сударь, повода. А то, что Вы требуете от меня, и есть повод». Прочел пометку вторично и вновь углубился в текст письма.

«Относительно назначения учителей в училища для туземцев-инородцев того племени, для которого данное училище учреждено, я остаюсь при прежнем мнении. И так как Ваше Превосходительство, вероятно, тоже остается при высказанном в последнем письме мнении, то благоволите доложить этот вопрос Главному Начальнику края, приказами и указаниями которого я обязан руководствоваться.

Переходя к вопросу о действиях учителя Тедженской школы Сулейманова, должен высказать, что, отвечая по своему положению за спокойствие населения, я не мог поступка Сулейманова оставить без внимания, почему и написал Вашему Превосходительству в надежде, что зачинщик сего дела Сулейманов не останется без наказанным. Между тем Ваше Превосходительство в своем ответе позволило ограничиться лишь указаниями мне на то, что его поступок бестактен и, так как я не могу признать в этом деле большим виновником уездного начальника, то, разумеется, у меня выбора между уездным начальником и учителем быть не может, а потому

теперь покорно прошу убрать Сулейманова из Меджена, дабы в глазах туземцев достоинство уездного начальника не умалялось.

Поступок же Сулейманова может служить ярким доказательством справедливости моих слов, что мусульмане всегда и очень солидарны в своих действиях, то есть подтверждает высказанное мною в письме заключение, что незаметно для нас мы умеем сами себе создать затруднения и хлопоты, с которыми справиться не так легко, как нам кажется на первых порах».

Месяц спустя главный инспектор края сообщил генералу Евреннову: «На письме Вашего Превосходительства на мое имя по вопросу о предоставлении в русско-туземных школах области учительских мест окончившим в сем году Туркестанскую учительскую семинарию трем туркменам, господин начальник края положил следующую резолюцию: «Ввиду возникших прений между уездным начальником и учителем, Сулейманова надо переместить. Со взглядами, что туземцы не могут быть учителями, высказанными начальником области, согласиться не могу, надо лишь проверять их деятельность, и, в случае виновности в дурном направлении детей, преследовать по закону. Сообщая о сем, имею честь присовокупить, что означенная резолюция Его Высокопревосходительства сообщена мною инспектору училищ Закаспийской области к исполнению в части, касающейся учителя Сулейманова».

Так росчерком чиновного пера избавились от учителя, который заронил первые семена культуры и тягу к образованию в сознании Кайгысыза Атабаева. Сулейманов, работавший в Тедженском училище с 1892 года, со дня его основания, не пожелал смириться с незаслуженной обидой: узнав о своем увольнении, он уехал на Кавказ. Учитель Мурадов был переведен из Тохтамышского училища на место Сулейманова, а Кайгысыз Атабаев с 1 января 1909 года стал учителем-смотрителем русско-туземного училища.

Услышав фразу «Пул земли на Мургабе», многочисленный люд, странствующий по неизмеримым дорогам Востока, на протяжении многих веков знал, что речь шла о Маргиане, Маре, Моуру.

Еще за шесть столетий до новой эры обширную территорию по обе стороны реки Мургаб, составлявшую в начале нашего века Мервский уезд Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства Российской империи, населяли племена персидского происхождения, которые пришли из древней Бактрии и поклонялись огню или учению Заратуштра. В древнейшем персидском памятнике Ведида¹, где повествовалось о шестнадцати областях, вызванных к жизни творческою рукою великого Ормузда, Меру стоял на третьем месте. Когда в IV веке до нашей эры Александр Македонский шел в Согдиану, он переправился через Амударью, которая в те времена носила название реки Окс у современного Чарджоу, а один из его любимых полководцев отпраздновал вышнюю свадьбу в Маргиане. Тогда город был цветущим оазисом, сады его наполнились обильными плодами, земли вокруг позволяли тем, кто пахал их, «от зерна пожинать по сто». Крупный торговый центр, узловой перевалочный пункт на бесконечно длинном шелковом пути из Китая в Грецию славился и дворцами правителей, и базарами, прудами, армейскими казармами, а заодно и тюрьмами. В течение многих веков народы в округе кормились хлебом Маргианы.

В третьем веке нашей эры в древний город пришло христианство и быстро сложилось мощное христианское епископство, которое в 420 году стало местопребыванием митрополита. Но в середине шестого века Среднюю Азию покорили арабы и на смену христианству пришел ислам. Мерв стал резиденцией Хоросанского наместника халифа и сборным пунктом арабских армий. Приказы, исходившие из Мерв-шах-и-джахан — «Мерва — царя вселенной», были обязательны для всего Туркестана. Город в 12 парсангов-фарсахов¹ был обнесен высо-

¹ Фарсах — 6 тыс. метров,

кой глинобитной стеной. Когда же в Хорезме затеяли строительство огромной башни, от Мерва до Хорезма были выставлены рабы на протяжении шестисот километров. Они передавали из рук в руки замешанные на мургабской воде кирпичи. Процветали там и науки. В те времена и родилась арабская пословица: «Наука — это дерево, которое коренится в Мекке, а плоды его созревают в Хоросане». Мерв был столицей Хоросана и житницей арабского Востока, от него нескончаемым потоком тянулись караваны, груженные ячменем, хлопком, кишмишом, дынями.

Арабский путешественник по имени Мурадесса в X веке обнаружил в Мерве десятки библиотек и образцовых общественных больниц. Он покинул город с твердым убеждением, что Мерв с его ирригационной системой представлял собой одно из величайших творений человеческой мысли.

Когда же распался арабский халифат и возникло обширное государство, управляемое династией Саманидов, с центром в Бухаре, Мерв являлся резиденцией наместников. С победой сельджуков — племен тюрко-огузов, Алп-Арслан «Великодушный» дал новый толчок развитию Мерва. Будучи не только прозорливым правителем, но и талантливым полководцем, Алп-Арслан нанес страшное поражение Византийской империи, захватил в плен императора Романа-Диогена и женил на его дочери своего сына Мелик-Арслана. От этого брака и появился «яркий султан» Санджар, прозванный вторым Александром Македонским, империя которого простиралась от границ Египта до Китая. При Санджаре город достиг своего наивысшего расцвета. Ученые, врачи, учителя, астрологи, законодатели, государственные деятели и поэты были почетными людьми державы. Современные развалины дворца Султан-Санджара — немые свидетели и блестящей архитектуры тех времен, и былого величия Мерва.

Но нет ничего вечного под луной. Междоусобицы ослабили династию сельджукидов, и в 1172 году хивинский царь Султан-Шах овладел Мервом на полтора века. Город был разрушен. Но Мерв вновь поднялся из пепла и руин, и вновь через его ворота потянулись груженные караваны из Китая, Индии до владений Рима.

Весной, едва только начинали зацветать сады, пустыня уже переставала радовать глаз прелестью своих густых, а потому и быстротечных красок. И все же эта торопливая любовь природы, дающая продолжение растительной, а значит и любой другой жизни пустыни, властно призывала к себе Кайгысыза. Он внезапно ощутил в себе этот зов и уже два воскресенья вместе с Мухамедкули выезжал далеко в пески. Он также с радостью принял предложение начальника уезда присоединиться к свите, сопровождавшей нового начальника области к развалинам старого Мерва.

— «Количество населения древнего Мерва соперничало с каплями весеннего дождя, а земли с небом», — я цитирую персидского летописца Мирхонда, ваше превосходительство, — тягуче-приторным голосом говорил провожатый. — «Земледельцы по изобилию благ равнялись с царями, вельможами и властелинами. Житницы их ломились от богатств, дворцы были нарядны, в библиотеках поражало обилие разнообразных сочинений».

— Меня более волнуют собрания древнего оружия, — заметил генерал-лейтенант Шостак.

Кайгысыз перехватил многозначительный взгляд начальника уезда, адресованный своим подчиненным, и подумал, что один из современников того же Мирхонда писал: «При подъезде к городу люди живут в бедности лютой, жилища их представляют собой норы, вырытые в горе...».

— Поэты слагали сладчайшие хутбы — хвалебные оды правителям, город и край процветали. Но... беда пришла с быстротой пустынного самума. В весну тысяча двести двадцать первого года сын Чингиз-хана Тулуй-Монгол в один день умертвил почти полтора миллиона человек и разметал в пыль все постройки города. Была приведена в полную негодность и всекормящая Султанбентская водная система, великое творение ума ученых. Плотины и широкая сеть арыков также были разрушены.

— И кем же восстановлены? — генерал-лейтенант уже знал, что все богатства Мервского вазиса и государства имения Байрам-Али порождены мургабской оросительной сетью, об этом только не ведал о том, что это была уже не Султанбентская система,

— Сто восемьдесят лет спустя Шах-Рух, правитель Герата, наследник Тимура, с приходом которого величие Мерва стало возрождаться, дал этой водной системе новую жизнь.

— Agar! Вот оно как! — глубокомысленно произнес Шостак.

— В Самарканд ко двору великого эмира стали приглашаться ученые мужи из Мерва. Но многострадальная история города продолжалась. Теперь кровь лилась из-за борьбы за власть между Тимуридами. Когда же стала процветать Бухара и ее эмиром был Шах-Мурад, он, чтобы не допустить возвышения Мерва над Бухарой, совершил поистине вандальский поступок. Существовавшая многие века и с таким трудом восстановленная после нашествия Чингиз-хана оросительная система была разрушена теперь уже до основания. Так славный древний город Мерв закончил свою историю. — Кайгысыз удивился, их сопровождающий говорил со слезами на глазах.

— Ну, так, значит, Мерв, в котором мы прежде были, это новый город. А почему там боевая крепость? — спросил начальник области, и все поняли, что он-то прекрасно понимает почему, но делает вид несведущего человека.

Сопровождающий сослался на то обстоятельство, что он специалист по истории и древностям старого города, и на вопрос не ответил. Другой бы разъяснил, что после разрушения старого Мерва, очень скоро, в тридцати верстах на запад, на берегу реки Мургаб возник большой аул. Он расцвел, когда текинцы образовали вокруг на плодородных землях солидную общину. В ней всякий житель Мерва пользовался полной личной свободой и никому не давал отчета в своих действиях в мирное время, но в период опасности, нависавшей над племенем, он обязан был беспрекословно подчиняться хану, избранному тут же на совете старейшин племени.

В середине века хивинский хан Магомет-Амин, не желавший иметь соседями сильных текинцев, пошел на них во главе сорокатысячной конницы. В жарком сражении Магомет-Амин был разбит и погиб в бою. В 1861 году Мерв вновь был осажден войском в тридцать

тысяч бойцов с тридцатью двумя орудиями. В то время во главе текинцев Мерва стоял воинствующий, образованный и умный Каушут-хан. Персидские пушки украсили Мерв, являвшийся уже городом. Цена за невольника пала с пятисот до пяти рублей, а за ружье с тридцати до двух-трех канов.

Каушут-хан собрал отряд стражи из двух тысяч нукеров и, подняв на Мургабе плотину, заложил новую ирригационную систему, получившую его имя. Предполагая, что продвижение русских дальше на юг произойдет из Хивы, Каушут-хан поднял текинцев на защиту от гяуров¹, и в невиданно короткие сроки возвел в городе крепость — Каушутхан-калу, длиной километра в три и шириной в один. Она была превосходно оборудована, имела воду и солидные запасы пищи.

Однако царская Россия двинулась на территории, занимаемые вольными туркменскими племенами, с видами дальнейшего захвата Афганистана, не с северо-востока, а с запада, от Каспийского моря. Первыми приняли на себя удар текинцы, населявшие Ахальскую равнину. Тогдашний начальник Закаспийского военного отдела генерал Ломакин хорошо знал, что «замечательная черта текинцев — это полная невозможность достать верных лазутчиков ни за какие деньги. Преданность своему народу у них еще настолько сильна, что ни подарки, ни уговоры не могут вынудить никаких признаний... Только смерть заставляла их прекращать сопротивление». Генерал Ломакин понимал, что до применения штыков действенной силой является дипломатия. А текинцы скоро разделились на две группы: ахальскую, с центром в крепости Геок-Тепе и во главе с Нур-Верды-ханом, и мервскую, предводимую Каушут-ханом. На маслахате² в Геок-Тепе текинцы порешили обратиться к царским властям «с изъявлением полной покорности от всего ахал-текинского общества». Вместе с тем, сопротивление многих влиятельных старшин было сильным. Происходило это по причине того, что подчинение России влекло в собой резкое изменение образа жизни туркмен лишало их возможности дальше заниматься аламанством и работорговлей. В те годы

¹ Иноверец.

² Совет.

сплошь и рядом, когда кредитор требовал возвращения долга, он слышал в ответ: «Подожди еще, схожу в аламан, возвращу». Персидские рабы — одна из добыч аламана — были почти узаконены, как денежная единица при уплате калыма за невесту. Один, два раба — плата за калым. Чтобы получить в жены возлюбленную, молодые люди шли в отряд, который сколачивался иной раз и до тысячи джигитов. К тому же еще туркмены, не терпевшие повиновения даже своим выборным ханам, попадали в подчинение царских офицеров и чиновников. Туркмену это было вообще не по душе, а феодально-родовую знать ущемляло в их сокровенных интересах: она уже не могла чинить произвол, обогащаться за счет набегов и работорговли. Фанатически настроенное мусульманское духовенство, влиятельные ишаны и почти поголовно все муллы опасались прихода русских и с ними новой религии. Прихода царских войск, видя в них новых завоевателей, боялась и часть трудового населения. Ей было неведомо, что русский завоеватель лучше персидского.

Верх взяла партия противников присоединения к царской России. И грянул бой! Вновь назначенный командующий войсками, действующими в Закаспийском крае, с подчинением ему Закаспийского военного отдела, герой последней русско-турецкой войны генерал Скобелев по прибытии в Красноводск, сразу же приступил к строительству железной дороги до Кизыл-Арвата. У генерала Скобелева, прозванного туркменами «Гез-Канлы» — «Кровавые глаза», не было сомнений в исходе дела. В январе 1881 года крепость Геок-Теле после сильного боя была взята.

Останки Каушут-хана уже лежали в гробнице Ходжа-Абдулла, умер в расцвете сил и Нур-Берды-хан, к тому времени правитель Мерва. Вдова его ханша Гюльджемал, имея широкую поддержку мервской знати, собрала народ на совет. С ней заодно были многие влиятельные вожди: Ходжакули-хан, Юсуп-хан, Аман-Гельды-хан, Ораз-Нияз-хан, Кара-Кули-хан, Аман-Мурат-бай, Хаит-Сари-бек. Наиболее видным сторонником, однако, являлся Махтумкули-хан, храбро сражавшийся с русскими в Геок-Теле. Летом 1881 года он прислал генералу Рербергу, сменившему генерала Скобелева, письмо, в котором были и такие слова: «Если Вашему Превосхо-

дительству угодно знать о положении текинцев, то могу сообщить Вам, что дела их двигаются вперед. Собираюсь приехать к Вам, но меня не пускают, да это и хорошо, я и здесь больше пользы принесу Вам. Текинцы похожи на диких баранов и на куланов, с ними надо поступать как следует хорошо и постепенно направлять их на путь истинный».

В первый день 1884 года совет провозгласил присоединение Мерва к России. Весной 1886 года железная дорога дошла до Мургаба, и на базарах появились ситцы и миткали «Товарищества Никольской мануфактуры Саввы Морозова», служащие которого незамедлительно принялись бесплатно раздавать текинцам мешки с отборными хлопковыми семенами. Возрождение культуры хлопка на землях Мургабского оазиса дало блестящие результаты. Три года спустя представители фирмы Коншинных в Асхабаде — доверенные фабриканта Морозова, раздали уже по десяти пудов семян на кибитку.

В Мерве появились чай Высоцкого, скобяные, строительные и прочие российские товары, а хлопок-сырец, шерсть, каракуль и ковры укладывались в тюки, которые маркировались с адресами Петербурга и Москвы. Лучшие земли вокруг местечка Байрам-Али, рядом с Мервом, стали частными владениями царя. «Мургабское государево имение» — высокоприбыльное хозяйство с хлопкоочистительным и маслобойным заводами — разбил пышный сад с фонтанами, водохранилищами, прудами, в которых плавали лебеди, отстроило небольшой, но изысканный дворец. Четыреста семей племени меджур были согнаны со своих исконных земель в пустыню. Царские офицеры и чиновники, чувствующие себя полными хозяевами, очень скоро добились того, что всякий «взрослый туземец» глядел на представителя русской власти как на своего естественного попечителя. Начальник вновь созданной Закаспийской области заведывал «туземным населением области во всех отношениях». Он умело опирался на местных старшин, чаще всего избранных по указке русских чиновников. Жалобы на старшин обычно не принимались к рассмотрению.

Ко времени приезда Кайгысыза Атабаева в Мерв, то был уже русский городок. Населяло его более десяти тысяч человек, были в нем церкви, мечети, синагога,

учебные заведения, гостиницы, бани, лавки и магазины, много казарм.

Военный начальник области генерал-майор Евреинов, а с ним генерал-губернатор края и министерство просвещения царской России не считали возможным, несмотря на настойчивые просьбы населения Мерва, открыть в городе реальное училище, которое бы готовило кадры для промышленно-торговых предприятий. В Мерве выпускали свою продукцию местные заводы: кожевенный, шерстяной и мыловаренный, расширялась железнодорожная товарная станция, увеличивалось число складских помещений, началось строительство холодильного и хлопкоочистительного заводов. Оборот хлопка-сырца за один год вырос с 1400 тысяч до 2600 тысяч пудов. Вместе с тем бурное развитие торгово-промышленных отношений отрицательно сказывалось на ковроделии. Мерв являлся центром коврового производства, однако с прокладкой железной дороги и ростом спроса, мастерицы вместо прочных растительных красок стали использовать дешевые, анилиновые, снизилось качество шерсти, утрачивались древние орнаменты, появилось вредное подражательство чужим грубым образцам. «Салоргель» — «Салорская роза», самый древний рисунок текинского ковра, постепенно увядал.

Мухамедкули отчаянно горевал по этому поводу, но Кайгысыз не уставал убеждать его в том, что главное — это всеобщее образование народа, уничтожение вражды между племенами и отдельными их коленами и родами, рост промышленных рабочих.

Им, руководителям училищ, находившихся неподалеку друг от друга и разделенных только рекой, более чем кому-либо были видны мельчайшие подробности розни отамышцев и тохтамышцев. Они оба прилагали немало усилий для того, чтобы вражда не росла, а исчезала.

Однако на учителей смотрели как на чужаков, которые, несмотря на образованность, по возрасту в советчики не годятся.

Авторитет — дело серьезное, поэтому друзья и ждали с таким нетерпением приезда Николая Николаевича Иомудского. По такому случаю они оба отменили последние уроки в своих училищах, принарядились как на большой праздник, и явились под уюгный навес чис-

тевского вокзала станции Мерв радостно возбужденные ожиданием предстоящей встречи с тем, кто был для них образцом для подражания.

Оставалось всего две недели до конца их первого самостоятельного учебного года. У Мухамедкули дела шли отлично. Он сразу установил тесную связь с теми, кто руководил отамышской общиной, и нормальные, деловые отношения с приставом, довольно покладистым штабс-капитаном, который был образцовым семьянином и с увлечением собирал почтовые марки. Делами училища он почти не интересовался, а население Мерва обирал весьма умеренно.

У Кайгысыза успехи были поскромнее. За полгода он только присмотрелся к делам, наладил по-своему учебный процесс. Однако начинания его, пока немногие и незначительные, пристав — он же управляющий населением Тохтамыша и попечитель училища, — почему-то пресекал, не утруждая себя какими-либо объяснениями.

Молодые люди, для солидности две недели назад решившие отпускать усы, — договорились, что сразу, как встретят Николая Николаевича, поедут в Отамышское училище, находившееся в шести верстах от города на левом берегу Мургаба, где и проведут всю вторую половину дня. На вокзальной площади их ждал один из лучших лихачей Мерва. Однако капитан Иомудский вежливо поблагодарил своих молодых друзей и решительно заявил:

— Прежде всего хочу поближе увидеть Мургаб. Едем в городской сад! Там отообедаем и обо всем переговорим. Остановлюсь я в гостинице «Гранд-отель».

— Это нарушение закона гостеприимства, Николай Николаевич, — с явной обидой в голосе произнес Мухамедкули.

— Вовсе нет! Поступок, совершаемый в интересах дела. В саду все и объясню, — гость хотел было расплатиться с носильщиком, но Кайгысыз его опередил.

В ресторане, на открытой веранде, нависавшей над рекой, они заказали обед. Николай Николаевич подошел к ажурным, деревянным, окрашенным в голубой цвет перилам, оперся о них.

— Вот она — «Вода птиц». Кто и почему так прозвал эти воды? Мутные, словно дешевый кофе, но сладкие, как мед! Сколько силы, сколько радости и

горя! Нет ничего вечного под луной. А они бегут из века в век и дают людям жизнь. Итак, слушайте меня внимательно! Я буду рассказывать, а вы поправляйте, если что не так. В некотором роде вы представители сторон, — Иомудский улыбнулся, чем озадачил молодых людей — Стало быть, я прибыл с важной миссией. После обеда желаю представиться местному начальству, которому, уверен, ох, как неприятен мой приезд. Командирован самим графом Паленом. Решил им заранее не сообщать, чтобы не встречали.

— Ну, тогда ясно! Приехали кончать спор, — догадался Кайгысыз.

— Молодец! Вот только как это сделать лучше? Итак, слушайте! Никто не помнит когда и кем было установлено, но все знают, что плотина Каушут-хан-Бент делит воду Мургаба между коленами тохтамыш и отамыш.

— Три пятых доли первым и две — вторым, — пояснил Мухамедкули. — Это несправедливо!

— Но две пятых всегда и по новейшей арифметике Малнинна и Буренина были больше одной третьей, — сообщил Кайгысыз. — Текинцев, проживающих по обе стороны Мургаба, сто тысяч. Так? Отамышцев же не наберется и тридцати трех. Одна треть! А они получают две пятых долей воды.

— Вот и начались прения сторон. Друзья, как бы я хотел найти того негодяя, в голове которого родилась эта преступная идея! Подлая, но очень выгодная дельцам, — Иомудский сделал паузу, — и местному начальству тоже.

— А население, если по Салтыкову-Щедрину, вынудили раскрыть «кубышки», — сказал Кайгысыз и жестом указал, что официант уже подал чай. — И делу образования прямой вред Я предложил собрать небольшую сумму с родителей учеников, дабы пополнить школьную библиотеку, так ученики заявили, что родители собирают крупную сумму на подарок какому-то чину.

— Да, дело века! Просителей в ответчиков вместе взятых двадцать тысяч семей. Попадались расходы на векилей¹ — письма доверенности, прошения, путевые расходы марки. Словом, процесс был поднят до высшей

¹ Представители уполномоченных посланцев.

судебной инстанции области. Чрезвычайный съезд народных судей, на решения которого, как вы знаете, жалобы не принимаются, поскольку дальнейшему рассмотрению не подлежат.

— Съезд решил в пользу колена тохтамыш, — продолжал Кайгысыз.

— Да. И решение было утверждено начальником области. Уверен, что в этом случае он содействовал искренне, будучи убежденным в правоте решения съезда.

— Я не согласен, — заявил Мухамедкули, — Отамышцы остались недовольны.

— Тогда начальник области издал приказ за номером двести пятьдесят девять, в котором говорилось, — «забудьте степень накала, — утверждаю решение Чрезвычайного съезда и только государь-император может отменить таковое. Оно должно остаться навеки нерушимым».

— Сколько было ссор и драк на базарах и в городе, — с глубоким сожалением заметил Кайгысыз.

— А между тем, кто-то, опять же не даром, посоветовал, и отамышцы, — приказ начальника еще не успел разойтись по области, — помчались в Ташкент. Оттуда распоряжением генерал-губернатора приказ был отменен и дано указание вновь пересмотреть это дело.

— Прислали braveго полковника генерального штаба, чиновника по особым поручениям...

— В нарушение всех и всяческих законов он стал председателем нового судебного заседания. — Кончил

— Он отменил несправедливое решение и постановил в пользу отамышцев, — сказал явно довольный Мухамедкули.

— Да, дорогой мой друг, именно «постановил» единолично. А где суд? Где его коллегиальность? Я всегда утверждал, что принцип соединения административной и судебной власти в одних руках чудовищен и антигуманен. Такое не позволяют себе даже англичане в колониях. А собака зарыта вот где: отамышцы повезли с собой в Ташкент восемь шикарных ковров и тридцать тысяч рублей наличными. Это установлено членами комиссии графа Палена.

— Конечно, что значили пять тысяч рублей, которые уплатили тохтамышцы какому-то высокопоставленному,

чиновнику в области, полагая на сто процентов, что он поможет начальнику отстоять свое решение, — сообщил Кайгысыз и, сложив салфетку веером, помахал ею у лица раскрасневшегося Мухамедкули.

— Ах, вон оно как! Я этого не знал. В Ташкент же они поехали с пустыми руками и даже не были приняты генерал-губернатором. — Иомудский с удовольствием ел шурпу.

— Однако тохтамышцы тут же сочинили прошение в Петербург военному министру и отправили туда делегацию.

— Отамышцы тоже!

— И там дельцы извлекли из карманов уполномоченных те же тысячи рублей. Однако военное министерство не решило вопроса и адресовало его в Первый департамент Правительствующего Сената. Там, очевидно, мало дали, и был принят указ о том, что генерал-губернатор имел право, в порядке надзора, отменить распоряжение начальника области. И только! Начальник области подал в отставку и она была принята. Дельцы же продолжали подливать масло в огонь — машина крутилась, деньги сыпались им в карманы.

— А население уже точит ножи, подсчитывает количество винтовок и ружей. Мой голос разума тонет в этих страстях. На плотные уже дежурят группы. Скоро начнется раздел воды и польется кровь. — Кайгысыз говорил с жаром, жестикулируя. — Этого не миновать!

— Вот мне, милые мои, и надлежит предотвратить кровавую междоусобицу и решить дело миром.

— Прежде всего, Николай Николаевич, от тех и других надо отсечь «советчиков», «дельцов» и бездельников, «векилей», — высказал свою мысль Кайгысыз.

— Ты прав, мой друг. Ты мыслишь как зрелый мужчина. — Иомудский понизил голос. — Вот почему мне нужно, чтобы вы, в свободное от занятий время, были рядом со мной. И еще! Сегодня же побеседуйте с вождями, каждый в своей епархии, расскажите им о цели моего приезда, дайте понять, что у меня — огромные полномочия, идущие не только от графа Палена, но из самого Петербурга.

— Вы ведь станете, Караш-Хан-оглы, решать по

справедливости? — в голосе Мухамедкули одновременно и вопрос, и утверждение.

— Не сомневайся! А как же иначе. Сколько раз я удерживал от кровавых стычек втабайцев и джафарбайцев — детей одной матери. — Иомудский подозвал официанта и попросил для себя кофе. — Привычка свыше нам дана.

С раннего утра следующего дня в холле мервского «Гранд-отеля» по разным углам сидели разодетые старшины, при всех медалях и знаках отличия, дарованных царской властью, и терпеливо ждали, когда капитан Иомудский спустится вниз.

Первую встречу он провел совместно, по три представителя от каждого колена. Иомудский говорил о том, что он подразумевал под словом патриотизм, говорил о любви к ближнему, к которой призывал бог белого царя, о заповедях Аллаха, о положениях Корана, о шариаате и адате. Главная же его мысль заключалась в том, что в этом конфликте, возникшем только благодаря подстрекательству лиц, заинтересованных в наживе за счет страдания сыновей одной текинской матери, следует по справедливости восстановить истину. Он мягко, как бы даже вскользь, объяснил, что одна третья часть все же меньше двух пятых.

Этот ход возымел свое действие, и, когда до Иомудского дошел слух, что он, мол, приехал, дабы не только добавить воды отамышцам, а пропорционально количеству населения уменьшить ее долю, то собрал сходку в шесть тысяч отамышцев. Говорил с ними без переводчика, без представителей власти, которые получали сведения о деятельности капитана Иомудского лишь через своих информаторов. И так по нескольку раз и о теми, и с другими. В результате трехнедельной работы спор был улажен и составлена мировая сделка.

В день подписания ее в здании уездного управления, на углу Пушкинской и Тургеневской, Кайгысыз и Мухамедкули, окрыленные успехом Николая Николаевича, были с ним рядом. Письмоводители заканчивали переписывать экземпляры мировой, когда в управлении появился некий господин Дум, один из наиболее активных подпольных ходатаев. Он развязно подошел к Иомудскому и не то, чтобы громко, но так, чтобы быть услышанным стоявшими рядом, произнес:

— Что вы делаете?

— Заканчиваю составлять мировую, — спокойно ответил Иомудский. — Сейчас мы ее подпишем.

— И не стыдно вам? Вы же христианин, крещеный. Разве не понимаете, что вы всех нас лишаете хлеба? — Эти слова господин Дум произнес, не скрывая злости. — Вы их примирите, а что станем делать мы?

— Это уже не моя забота, господин хороший!

— Увидим! — скрипнув зубами, процедил господин Дум и ушел.

— Не знаю, что мы с вами увидим вместе, но вот вам уже не видать больше текинских денег, — бросил ему вслед Иомудский и, повернувшись к своим друзьям, продолжил: — В общей сложности этот спор обошелся народу более чем в сто тысяч рублей! И пакостную, преступную по законам империи и шариата роль против своих сыграли в этом деле, как впрочем и во многих других, наши соотечественники-переводчики.

Зрители щедро награждали аплодисментами гимнастку Полину Фокину. Кайгысыз, горячо хлопая ладоши, чувствовал, как нарастает в нем желание познакомиться с этой молодой женщиной. Из шапито, приехавшего неделю назад на гастроли в Мерв, он вышел с твердым намерением сделать это.

Фокина появилась в свете фонаря в кокетливо накинутом на плечи жакете. Кайгысыз догнал ее, представился и попросил разрешения проводить до дома. Гимнастка решительно отказывалась, но Кайгысыз не отставал. Расстались они, по требованию Полины, далеко от дома, где она снимала комнату.

На следующий вечер встреча повторилась. Фокина заметно нервничала, чем еще пуще раздражала Кайгысыза. В третий вечер он позволил себе, как только они распрощались, последовать за ней на некотором расстоянии дальше. Войдя в темный переулок, шагов через полтора, он вдруг совсем рядом услышал твердый мужской голос:

— С какой это стати ты вздумал ухаживать за моей женой?!

— Если вы ее выбрали в жены, значит, она хороша собой. Я не знал, что Полина замужем, — довольно ловко нашелся Кайгысыз,

— Ах, так! Ну, пойдем, поговорим, — тот, кому принадлежал густой баритон, решительно потянул Кайгысыза за руку. Странное дело, Кайгысыз не стал сопротивляться. Они вошли в освещенную комнату. Мужчина оказался крепким малым, немного постарше Кайгысыза,

— Кто вы? — спросил он первым делом.

— Учитель. Константин Сергеевич Атабаев. — Кайгысыз не видел, как многозначительно переглянулись хозяева, а если бы и перехватил их взгляд, все равно бы не догадался, что перед ним не муж и жена, а посторонние люди с вымышленными именами, но связанные единой судьбой. Она в действительности была Пелагеей Туркиной, а он — Александром Боровиком, беглым сапером 2-го Туркестанского батальона. Оба они разыскивались жандармерией.

— Меня зовут Петром, — представился мужчина. — Учителю надобно детей учить, а не за красотками ухаживать.

— Дети учатся днем, а я холост, — миролюбиво сообщил Кайгысыз и хотел было уже откланяться.

Однако хозяин не отпустил Кайгысыза, усадил за стол и принялся вместе с Пелагеей угощать чаем с бубликами. Завязалась беседа. Расстались они поздней ночью. Затем встречались еще несколько раз.

Когда же цирк вывесил афишу, объявлявшую, что осталось всего три последних представления, Кайгысыз пришел попрощаться с Полиной. Она попросила проводить ее, и на том месте, где они раньше расставались, женщина внезапно остановилась и крепко поцеловала Кайгысыза в губы.

— Молчите! Такова жизни! — Остаток пути до дома они прошли молча.

И как прежде они сели пить чай. Дверь соседней комнаты внезапно открылась и в проеме ее показался высокого роста брюнет с ухоженными усами и аккуратно уложенной шевелюрой.

— Здравствуйте, Константин Сергеевич! Григорий Степанович Хрулев, присяжный поверенный, теперь, очевидно, бывший, был осужден в шестом году по делу Совета рабочих депутатов, бежал из Березова Тобольской губернии. Сейчас скрываюсь и нуждаюсь в помощи! — все это Хрулев произнес на одном дыхании опешившему Кайгысызу, не давая ему придти в себя,

Кайгысыз поднялся из-за стола.

— Садитесь! Прошу вас, Константин Сергеевич. Все эти дни, извините, положение обязывало, я слушал вас из-за двери. Вы тот человек, который может мне помочь. Поэтому я с вами предельно откровенен.

— Я готов, но не знаю как.

— Вот этого ответа я от вас и ожидал. — Хрулев подсел к столу. — Я нуждаюсь в новой квартире, где мог бы укрыться на несколько дней.

Когда через три дня Кайгысыз, подготовив надежное жилье, вновь пришел в дом, хозяйка замахала на него руками: «Уходите, уходите! Скорее, пока вас не взяли жандармы!».

Долгие месяцы Кайгысыз жил в мучительной мыслию: эти хорошие люди могли подумать, будто он — доносчик и виновник их несчастья.

— Вот ведь какие времена наступают! — Федор Александрович Шостаф, без мундира, в легком халате из китайского шелка, принимал в кабинете своей личной резиденции чиновника особых поручений полковника Кологривова. — Мы ратуем за порядок, стоим на страже, от всех требуем дисциплины, а тут свой собственный сын н... выкидывает такое!

Кологривов, стоявший рядом с генерал-лейтенантом у окна, даже своей позой давал понять, что полностью разделяет беспокойство начальника.

— Что случилось, ваше превосходительство?

— Да вчера, уже вечерело, я возвращаюсь домой. Сошел с фаэтона, а навстречу мне младший. — Кологривов знал, что младший сын начальника области учился в последнем классе асхабадской мужской гимназии. — Я интересуюсь, куда это он, уже поздновато. Так, представьте себе, мой отпрыск, не задумываясь, как бравый солдат по уставу, отвечает: «Спешу, ваше превосходительство, схватить Николаева, чтобы завладеть вознаграждением».

Кологривов сдержал улыбку. Ему было известно о содержании депеши министерства внутренних дел, в которой сообщалось, что бухгалтер казначейства города Ростова-на-Дону прихватил с собой сто пятьдесят тысяч рублей, теперь разыскивается и нашедшему его

было обещано вознаграждение в размере десяти процентов от украденной виновником суммы.

— Ваше превосходительство, да он у вас просто шутник!

— С длинным языком! Ротмистр Иванов сам не решился, так через адъютанта командира корпуса донес, что этот «шутник» изволит, видите ли, в классе на переменах попевать запрещенные песенки. Ежели жандармское ведомство займется нашими сыновьями, как чего же нам ждать тогда от рабочих? — Федор Александрович поглядел на сидевшего в клетке попугая, подарок брата, плавающего капитаном на линейном корабле, поднял руку с вытянутым кверху пальцем.

— Так точно! — гаркнула хорошо выдрессированная птица.

— Вот видите, — с иронией произнес весьма довольный генерал-лейтенант.

— Кстати, ваше превосходительство, по всей вероятности, завтра вам доложат, от департамента полиции поступила тревожная бумага. Почти повсеместно возросло влияние революционных партий на профсоюзное движение. Российская социал-демократическая рабочая партия год назад на общепартийной конференции постановила шире использовать легальные учреждения, заводские собрания, всевозможные клубы, просветительные и прочие общества, иметь в каждом профсоюзе свою партачейку.

— Вот, впрочем, чем должен заниматься ротмистр Иванов, а он за нашими детьми следит. Асхабад у всех под носом, а вот Кизыл-Арват, что там делается в среде рабочих, лучше ротмистра знают господа социал-демократы.

— Да ведь брожение умов происходит и среди рядового состава. Офицеры жалуются, что дисциплина падает.

— Вот и прошу вас, подполковник, подберите не спеша, тщательно необходимые материалы. Колоду следует перетасовать. Новая метла, известно, лучше метет.

Чиновник особых поручений шелкнул каблуками, а про себя подумал: «Так прежние уже взяли все, что могли, а свежие по новому кругу начнут. Ежели б

валета на короля менять, а то валета на валета — все та же игра получается».

Вскоре в Мерв был назначен новый начальник уезда, сменились и приставы. Управляющим населением Тохтамыша стал штабс-капитан Блинов, а бывший кушкинский пристав штабс-капитан Завалишин был переведен управляющим населением Отамыша.

Кайгысыз с первых же встреч с Блиновым облегченно вздохнул: теперь, возможно, он сумеет расправить крылья. Мухамедкули же загрустил. Завалишин, осмотрев училище, ничего не сказал, а через неделю прислал бумагу, в которой предписывал учителю-смотрителю строго руководствоваться предписаниями бывшего управляющего поселения Цурикова. Он же, за месяц до своего перевода в Асхабад на подполковничью должность, перестал интересоваться почтовыми марками и издал грозную инструкцию, во многом ограничивающую деятельность учителя-смотрителя отамышского училища.

Завалишин показал себя сразу: еще неопытный старшина одного аула пригласил нового пристава в гости и устроил угощение — лучший зеленый чай, сладости, плов, зелень, жареное мясо и свежайший чурек из первосортной муки. Завалишин, увидя подобное угощение, гут же вышел из кибитки, велел подать лошадей. Переводчику же сказал:

— Скажи этому дураку, если он еще раз вздумает меня так принимать, то я ему покажу!

Вскоре штабс-капитана пригласил к себе другой старшина по имени Курбан Юсуп. Так Завалишин, прежде чем принять приглашение, заявил переводчику:

— Разъясни, какой обед должен быть, а если он устроит так, как тот дурак Худайберды, то я не поеду.

Переводчик постарался, и обед с омарами, шпротами, икрой и шампанским обошелся старшине в сто пятьдесят рублей, а корова стоила в те дни не более двадцати, учитель же получал в месяц до семидесяти рублей.

Кайгысыз приехал к Мухамедкули в воскресный день без предварительной договоренности. Дом оказался на замке, однако сторож училища сообщил, что господин учитель отправился к старшине аула Берсен Ораме-

ду-Сопи-Мерген-оглы, где происходило сватовство. По этому случаю бай устроил той

В комнате для гостей просторного глинобитного дома, потеснив сватов, на стуле перед небольшим столиком сидел сам штабс-капитан Завалишин. Кайгысыза усадили на подушки рядом с Мухамедкули. В конце трапезы заметно захмелевший управляющий обратил внимание:

— Вы, господин учитель, Атабаев-второй, глядите на меня не такими глазами...

— Я могу себе это позволить, штабс-капитан, поскольку не служу у вас.

— Вольнодумец! — крикнул Завалишин и вскочил со стула, в ярости опрокинув его.

В предобеденный час городской сад был малолюден. Кайгысыз и Мухамедкули прошли пешком от Текинского базара до сада. Солнечные лучи почти не пробивались через плотную листву на дорожки аллеи, тщательно посыпанных мелким гравием и битым жженым кирпичом.

— И все-таки я не перестаю удивляться. Как ты решился?

— Так и решился! Раз сделать ничего не можем, так хоть надо высказываться смелей!

— Так и заявил, что городское присутствие занимается пустой говорильней, напрасно тратит бумагу и чернила? — густые брови Мухамедкули полезли на лоб.

— Конечно! Сколько всяких решений принимают, а проку нет, как земли без воды. Вечером я еще домой к Форунцу ходил. Прочел ему из Махтумкули двестише. Ты его знаешь.

— Какое?

— «Пойми, когда станешь богаче Каруна¹ в округе, // У тех, кто уходит, перед вечностью руки пусты!».

— Он выпроводил тебя.

— Ничего подобного! Конечно, он не прослезился, но когда я сообщил ему, что пойду также к Ходже Аминову, Тер-Микиртычеву, Ширинову и Кеворкянцу, он потер руки и сказал, что даст на сто рублей больше, чем Тер-Микиртычев или Кеворкянц. Понял?

¹ По мусульманским преданиям, богач, обладающий несметными сокровищами.

— А деньги на что?

— Три года не могут добиться у начальника области и генерал-губернатора разрешения на открытие реального училища. Оно необходимо: там и туркменские дети, окончившие наши училища, смогут получать техническое образование. Понимаешь? Частично средства дает город.

— Так ты предлагаешь собрать деньги и послать людей в Петербург? — удивился Мухамедкули.

— Конечно! Ты же знаешь, дитя не заплачет — грудь не получит. Они же просто бумаги год из года сочиняют.

— Не говори, что болит голова тому, у кого она здорова.

— Так следует сделать, чтобы она заболела! — решительно заявил Кайгысыз.

— Цветок души моей, иногда ты меня пугаешь.

— Время идет, Мухамедкули, а дело наше черепахой ползет. Реальное училище в Мерве необходимо!

— Однако надо еще добавить, чтобы туда принимали туркмен.

— Да, надо! Но твои и мои выпускники куда пойдут? В чиновники, в переводчики? И развратятся. Мулла не слышит, когда скажешь «дай», но слышит, когда говоришь «бери».

— Да, скажешь «бери», мулла раскроет глаза; скажешь «дай» — отвернется и от Аллаха. — Мухамедкули продолжил мысль друга также пословицей.

— Ты только подумай, Мухамедкули, если в России победит революция, с чем туркмены придут к ней? Все станут равными. А какие мы равные, если ни бельмеса?

— О, брат мой, как радуешь ты сердце мое! Сколько сил придаешь моему брэнному телу. Я с каждым месяцем страдаю все больше, глядя на жизнь в аулах.

— Помни, один цветок не делает весны. А чтоб одолеть то, к чему нас призывают такие, как Николай Николаевич, необходима дружная весна. Я так думаю, уверен, что только с приходом такой весны мы сможем сделать то, о чем мечтаем, к чему призваны. Ты помнишь последний разговор с Николаем Николаевичем?

— Конечно! Как можно больше образованных турк-

мен. А затем борьба против племенной и родовой раздробленности. Увести в область истории кровавую вражду между отдельными родами и племенами, а взамен добиться общности туркменских племен, чтоб «осушить Нил и на Кульзум взойти».

— Хочешь здоровья — меньше ешь, хочешь уважения — меньше болтай.

— Кто смотрит всегда в землю, того боится сама земля.

Друзья внезапно замолчали, поглядели друг на друга и рассмеялись, подумав: «Чего это нас потянуло пословицами говорить».

И тут на аллее показался заведующий интернатом высшего начального училища Атаниязов. Он шел со своим братом навстречу друзьям, первым увидел их и еще издали поприветствовал.

Мухамедкули ревновал Кайгысыза к Атаниязову, о котором у названного брата складывались прочные приятельские отношения. Поначалу Ата Атаниязов встал было в позу обиженного, когда в Мерв прибыли выпускники Учительской семинарии и ему пришлось из учителя-смотрителя тохтамышским училищем снова идти в заведующие интернатом. Вскоре, однако, он убедился, что был неправ, что обижаться на то, что его, человека старше по возрасту, заменили молодым, было глупо, недостойно образованного мужа. Особенно он потеплел и сразу перестал обращать внимание на подковырки остряков, злословивших вокруг именно этого больного места, когда буквально на следующий день после принятия училища Кайгысыз Атабаев пришел к нему за советом.

Атаниязов, который был на двенадцать лет старше Кайгысыза, искренне стал помогать молодому учителю советами, особенно по части установления нужных отношений с приставом и уездным начальством. Приятельские отношения, однако, укрепились не столько по деловым соображениям, сколько по сходству взглядов и общности понимания человеческих достоинств. Оба учителя горячо ратовали за необходимость овладения туркменами русской культурой.

Атаниязов, как полагали пристав и начальник уезда, страдал манией свободомыслия, имел смелость громко говорить о не порядках. Его побаивались и мелочно мисти-

ли. Кто-то писал анонимные письма, в которых красочно описывались «безобразия», якобы творимые Атаниязовым с русскими женщинами, кто-то пытался дискредитировать его в глазах общественности города. Его «беда» заключалась в том, что он был атлетически сложен, недурен собой и прекрасно владел русским языком.

Первым из туркмен он окончил Асхабадскую школу садоводства — одно из учебных заведений, основанных начальником области генералом Куропаткиным для обучения туркмен, и два года работал старшим садовником городского сада в Асхабаде. За ревностность в службе этот человек был назначен руководителем интерната и помощником учителя по труду Мервского высшего начального училища. Затем, сдав предварительные экзамены, получил звание учителя и возглавил Тохтамышское русско-туземное училище.

Они тепло поздоровались и уселись на стоящую тут же скамейку, а брат Атаниязова Халлы опустился рядом на корточки.

— Мухамедкули-джан, хочу дать вам полезный совет, — с доброй улыбкой заговорил Атаниязов. — Иначе нельзя, я понимаю, но не открывайте вы свою душу Орамеду-сопи! Остерегайся женщины, говорящей со слезами, бойся мужчины, говорящего с улыбкой.

— Он и мне кажется человеком с двойной душой, — согласился Кайгысыз. — Мухамедкули, в глазах членов попечительского совета ты растешь, но от общения с Мамедом Оразовым многое можешь потерять в жизни.

— Умные речи произносите, друзья мои, спасибо вам! Но Мамед Оразов — человек влиятельный, и в доме у него собираются важные люди. Ближе к сердцу я его советов не беру, — умиротворенно ответил Мухамедкули.

— Кайгысыз прав! Вы, Мухамедкули-джан, может быть, не знаете... Мамед-Ораз еще в начале девяностых годов окончил училище и работал переводчиком в уездном управлении. Сначала был бедным: он родом из нищей семьи аула Закир-Чельтек. А потом приучился ловко брать взятки, разбогател, стал скупать землю у разорившихся дехкан. Правда, за это начальник уезда его уволил, но он продолжал богатеть на подрядах и

сделках. Наглый человек, и вы щедрости от него не ждите!

— Худший вид предателя! Построил двухэтажный, в пятнадцать комнат дом, и забыл кем был.

Мухамедкули поспешно поднялся со скамейки, увидев выбежавшего на дорожку своего ученика-старшеклассника.

— Господин учитель, я с отцом в город ехал, знал, что найду вас и письмо вам захватил. Пусть оно принесет вам радость, — у мальчугана, с коротко остриженными волосами, радостно заблестели глаза.

— Поглядим. От Эфендиева. Не порадует, — весьма уверенно произнес Мухамедкули, вскрыл конверт и стал читать. — Этого надо было ожидать! У него там хуже, чем у меня. Гасан-Муса, наверное, будет переведен из Бахардена. Личные счета с приставом фон Бурмейстером достигли накала. Кайгысыз-джан, нам нужно дать телеграмму, подумать, как можно помочь учителю. Он думает, что его пошлют в Кара-Кала. В такую дыру! Вы извините, Ата-ага.

Они договорились с Атаниязовым отобедать вместе в следующее воскресенье и поспешили на угол Тургневской и Пушкинской в почтово-телеграфную контору.

Глава седьмая

ВТОРОЕ ИСПЫТАНИЕ

Инспектор народных училищ, будучи полностью на стороне учителя Эфендиева, недавно награжденного серебряной медалью «За усердие», заручился поддержкой исполнявшего должность начальника области полковника Жукова и потому решил воспротивиться предписанию Главного инспектора Туркестанского края, не отсылать Эфендиева в Кара-Кала. Ляуданский задумал поменять местами Эфендиева и Мухамедкули Атабаева, полагая, что последнему будет приятней работать рядом с домом. Однако попечительский совет, состоящий из старшин аулов и влиятельных представителей отамышского населения, в отсутствие Мухамедкули Атабаева, который находился в это время на каникулах и вместе с Кайгысызом отдыхал в Кисловодске,

убедил Ляуданского изменить свое решение. И тогда начальнику Мервского уезда было отправлено новое письмо, в котором говорилось: «В дополнение предыдущего уведомления Вашего Высокоблагородия, имею честь сообщить, что на место Эфендиева назначается К. Атабаев II — заведующий Тохтамышским училищем». В Ташкент же ушел рапорт следующего содержания:

«Вследствие предложения Вашего Превосходительства от 5.VIII. 11 года, с одобрения Начальника области, зав. Бахарденским русско-туземным училищем Эфендиев с I.XI перемещается на должность зав. Тохтамышским училищем в Мерв для непосредственного и дальнейшего за ним надзора и наблюдения со стороны помощника Начальника Мервского уезда Таир-Бека Киясбекова».

По пути к новому месту работы Кайгысыз остановился в Асхабаде, чтобы повидаться с инспектором народных училищ. Как ни жаль менять полюбившийся Мерв на маленький Бахарден, молодой учитель ехал туда с охотой. Печально было расставание с Мухамедкули, но Кайгысыза утешали два обстоятельства. Первое: в Бахарденском училище больше свободы действий — над ним стоял лишь один начальник. Второе: непреодолимое желание расквитаться за Эфендиева со штабс-капитаном фон Бурмейстером.

Инспектор Ляуданский, розовощекий, шупленький, подвижный «дсдок», как его еще в первую встречу прозвал Кайгысыз, ожидал его в своем кабинете.

— Нуте-ка, нуте-ка, покажитесь, какой вы теперь стали, милостивый государь, Константин Сергеевич! — Ляуданский быстрыми шажками вплотную подкатился к Кайгысызу, пожал ему руку и тут же пощупал его бицепсы. — Ничего, ничего, голубчик, мускулы у вас крепкие! Выдюжьте. Проходите. Садитесь, прошу вас! Должен вам конфиденциально сообщить: полковник Жуков и действительный статский советник Дуллицкий отрицательно относятся к деятельности фон Бурмейстера. Он чудил и в Каракалиновском приставстве, так что вы не робейте, Константин Сергеевич. Образование превыше всего!

— Я так и полагаю, господин Ляуданский. Меня ничто не пугает, — просто и спокойно сказал Кайгысыз.

— Отменно! Отменно, таким я вас себе и представлял. Мне приятно также констатировать — и я отмечу это в вашей аттестации, — более того, уважаемые господа и мои личные друзья почтмейстер Козловский и доктор Лаврентьев весьма высокого о вас мнения. Столь же расположены к вам, Константин Сергеевич, помощник начальника уезда и его супруга. Благоволят к вам госпожа Пономарева, жена командира местного гарнизона, и госпожа Колленниченко. Заметьте, преобладают дамы. Но это, я полагаю, чистая случайность, результат эмансипации, — Ляуданский сокрушенно покачал головой. — Бедные женщины! Они взваливают на себя нечто не присущее им и что-то непременно должны с себя свалить. Ну да ладно, это ведь не наши с вами проблемы. Вы не женаты?

Кайгысыз знал, что Ляуданский закоренелый холостяк и что его гордостью является орден Бухарской золотой звезды 2-й степени, которым он был награжден десять лет назад. Инспектор с юношеской страстью каждый раз показывал эту экзотическую награду всякому новому человеку.

— Да, господин Ляуданский, я холост.

— Зовите меня по имени-отчеству, мой юный коллега. Вы бывали когда-нибудь в Бухаре?

— Нет, Александр Иванович, но один астролог в Нохуре предсказывал, что моя звезда поднимется ни где-нибудь, а именно там, в Бухаре.

— Так вот, эмир бухарский... — и дальше Кайгысыз увидел золотую звезду и услышал много для себя интересного и полезного.

Беседовали они до обеда. Инспектор пригласил Кайгысыза отобедать вместе. Атабаев покинул Ляуданского в приподнятом настроении. С еще большей радостью он встретился на вокзале с ожидавшим его Эфендиевым.

Приняв нехитрое имущество училища за один день и ознакомившись с положением дел, Кайгысыз тут же сочинил бумагу, которую и отправил вместе с актом о приеме училища.

«Его Высочородию, господину инспектору на родных училищ Закаспийской области. Принимаемая Дурунское — русско-туземное училище»

ше, я застал в нем отсутствие преподавания туземного языка и Закона Божьего или, правильно говоря, преподавания этих предметов никем не оплачивается. Между тем, от хорошей постановки этих предметов, главным образом, зависит развитие школы. Все свои дела туркмен ведет по туземной грамоте, а знания необходимых правил шариа для него являются должной благой. Таким образом, без этих предметов школа едва ли когда-нибудь достигнет своей цели. Далее, всем известно, как смотрят туркмены на русско-туземные школы: они считают их антимусульманскими учреждениями, и если такой взгляд до сих пор держится, то единственно благодаря плохой постановке дела. Поэтому в деле школы эти предметы должны занимать серьезное место, и покорно прошу Ваше Высочорodie внести эти предметы в число школьных преподаваний, выхлопотав за них известное вознаграждение (25 рублей в месяц).

*Учитель-смотритель Дурунского
русско-туземного училища
К. Атабаев».*

Вслед за этим учитель-смотритель запросил средства, чтобы пополнить количество книг школьной библиотеки. Потом в Асхабад ушло письмо с приложением сметы на перестройку и расширение столовой и кухни. Сам начальник области генерал-лейтенант Шостак отметил рвение учителя Атабаева и без возражений утвердил смету. Не обошлось и без порицания. В ноябре, когда наступил мусульманский праздник курбан-байрам, Кайгысыз отпустил учащихся по домам на восемь дней, а следовало по положению, установленному для русско-туземных школ, лишь на три дня.

К весне школьный сад, где прежде рос лишь тутовник, был засажен фруктовыми деревьями. Кайгысыз, вспоминая Мешкова, трудился вместе с родителями учащихся, которых он привлек к благоустройству сада и постройке навеса для содержания шелковичных червей. Учащиеся школы занимались шелководством. Кайгысыз решил увеличить доход от продажи коконов в том, чтобы пустить полученные средства на дальнейшее переоборудование жилого помещения интерната, где

уже действовал водопровод и появился умывальник.

После первого полугодия Кайгысыз, следуя примеру Меркуловича, выделил из среды учащихся школы учеников последнего класса Мунима Берлинера, Петра Шутова и Реджеб-Гельды Мамеда-оглы за их способности и врожденный ум.

Столкновение с приставом не состоялось, так как фон Бурмейстер вскоре был отозван из Бахардена и его место занял надворный советник Красовский. Он полагал, что смещение предшественника — дело рук учителя русско-туземного училища Атабаева. Дело же заключалось вот в чем: генерал-лейтенант Шостак, хоть и получил в подарок от штабс-капитана пару редкого холодного оружия, принял сторону полковника Жукова и Ляуданского. Фон Бурмейстер пожаловался в Петербург.

Билет на поезд уже лежал в кармане. Друзья списались и решили первый месяц отпуска провести в Ташкенте и Самарканде с тем, чтобы основательнее познакомиться с памятниками старины, а второй — в Нохуре, чтобы отметить первую годовщину рождения дочери Мухамедкули Шекер¹. Старшина Атабай-ага уже умер и его место занял Клыч-Куба-оглы, месяц назад награжденный серебряной медалью с лентой Станислава. Этим же приказом за № 85 от 12 апреля 1912 года, изданным генерал-лейтенантом Шостаком, в связи с пребыванием в области Его Высочайшего Превосходительства военного министра России, за служебную, общепользную и благотворительную деятельность шейной золотой медалью на Александровской ленте был награжден и Мухамедкули. Более тридцати человек, в подавляющем большинстве гуркмены, были награждены нагрудной золотой медалью на Аннинской ленте. Среди них и старший брат Кайгысыза старшина Агаджан Тач-Сердар, чей сын Силаб в это время уже носил погоны армейского подпоручика.

В последний день занятий учеников всех классов собрали перед зданием училища; там же находился преподавательский состав и brave отставной солдат

¹ Сахар,

Степан, потерявший ногу после укуса гюрзы, и теперь он исправно служил сторожем училища.

— Итак, дети, сегодня последний день занятий в школе, — учитель говорил с подъемом. — Я знаю, самое главное для вас сейчас — это каникулы. А вот кто скажет мне, что является самым главным для учителя?

— Знания! — ответил кто-то из последнего ряда.

— Любовь учеников! — высказал свое мнение сын дурунского фельдшера Муним Берлинер.

— Чтобы жена его любила, — ляпнул переросток, сын местного урядника.

— Ну, так мы дойдем до того, что самое главное для учителя — еда! — иронически заметил Кайгысыз, чтобы не заострять внимание на глупости, сказанной учеником. — Давайте, дети, поговорим серьезно! Для учителя дороже всего на свете книга, потому что она дает ему знания. Вот послушайте, — Кайгысыз достал из нагрудного кармана легкого чесучового пиджака бумажку: «Книга — это волшебница. Книга преобразила мир. В ней память человеческого рода, она — рупор человеческой мысли. Мир без книг — мир дикарей». Это написал Николай Александрович Морозов, когда находился в Шлиссельбургской крепости, где он отбывал пожизненное заключение за участие в покушении на жизнь царя Александра II.

— Преступник не может говорить умные вещи, — басом возразил сын урядника.

— И, между тем, дети, книга является лучшим другом как учителя, так и учеников. Не уезжайте на каникулы, не взяв с собой книгу. В нашу библиотеку поступили замечательные издания: сочинения Достоевского, Толстого, Майкова, «Аленушкины сказки» Маммина-Сибиряка, «Приключения двух кораблей» Рубакина, «Камень мудрости» Андерсена. А еще скажу вам по секрету, я заказал в Петербурге чучело настоящего белого медведя.

Ученики в один голос закричали «ура», а сторож Степан зазвонил, призывая их в классы.

До начала занятий оставалось менее двух недель. Мухамедкули окончательно оправился от мучившей его с апреля изнурительной болезни. Целебный воздух родного Нохура и забота матери заставили его забыть о

ведуге. И теперь он спешил вернуться в Мерв, чтобы как следует подготовить училище к предстоящему школьному году. Отношение его с новым приставом Завалишиным оставляло желать много лучшего.

Однако Мухамедкули не мог проехать мимо Бахардена, не погостив у Кайгысыза хотя бы пару деньков.

— Зависть — чувство, недостойное порядочного человека, знаю. Но мне приятно, досада обуревает меня, как только я думаю о тебе. — Кайгысыз быстрым движением руки расстегнул еще одну пуговицу белой рубахи-косоворотки.

Мухамедкули высоко поднял свои кустистые брови, пиала с чаем застыла на полпути ко рту.

— Тебе ярко светит твоя звезда, потому что ты избрал для себя единственно верный путь. И пусть умру я вдали от родины, ты с него не свернешь! И в этом счастье! — увидев недоумение на лице друга, Кайгысыз улыбнулся и закончил. — Да, да, дорогой Мухамедкули! В Нохуре, среди твоих земляков, я уверовал в это. Там, в горах, под сенью благоухающих садов, понял я, что в тебе заложено семя Учителя!

Не решаясь что-либо сказать, Мухамедкули отхлебнул из пиалы, сокрушенно покачал головой и уставился пристальным взглядом в задумчивые, глубоко посаженные глаза друга.

Они около часа просидели под раскидистым чинаром, дававшим густую тень, а беседа по-настоящему не складывалась. Оба знали причину, оба чувствовали себя неловко, может быть впервые за почти десятилетнюю неразлучную дружбу.

Мухамедкули ждал — не хотел, не имел права начинать первым; Кайгысыз же откладывал главное в разговоре на потом. Несмотря на то, что он уже не раз все хорошенько взвесил и трезво обдумал, ему почему-то казалось, что это сон — он проснется и все будет иначе, такое наяву не могло произойти.

Он скрипнул стулом, усаживаясь поудобней.

— Ты станешь светочем Туркмении, Мухамедкули! И это, рано или поздно, сам убедишься, скажут все! И не возражай! Ты твердо знаешь, как знал Коперник, что земля вертится вокруг солнца и своей оси, ты знаешь, что будущее нашего народа возможно лишь через образование, культуру и... более тесное общение

с русскими. И мы должны сделать все, чтобы в сознании лучших людей нашего народа эта мысль светилась как путеводная звезда.

Мухамедкули вздернул узкие плечи, кожа на его высоком лбу собралась в гармошку.

— Милый Кайгысыз, пусть уста твои будут слаще меда! Но, дорогой, это говоришь ты?! Именно сегодня? Нет предела моей радости, я лично так ценю твои достоинства! Но, свет очей моих, да не затмятся они случайно налетевшей дымкой, сколько я помню себя, мы общаемся с русскими, — Мухамедкули прищурил глаза, достал платок, отер пот со снова ставшего ясным лба и принялся обмахиваться платком. — И ты с тех пор, как помнишь себя, знаешь, что они распоряжаются на нашей земле. Их начальники имеют неограниченную власть. Их администрация притесняет нас, занимается вымогательством, взяточничеством, не задумываясь попирает наши обычаи... оскорбляет национальные чувства и человеческое достоинство. Наиболее корыстолюбивых, алчных и жестоких туркмен русские правители уподобляют себе.

Кайгысыз поднял голову и, устремив взгляд в гущу листвы, всем своим видом дал понять, что не слушает друга.

— Не все такие! Мы знаем с тобой и других русских, — Кайгысыз напомнил о Саше Кожухове, Мешкове, Меркуловиче, Беляеве, о старшем библиотекаре «публички» в Ташкенте, о почтмейстере Мерва, о сапёре, назвавшемся Петром, и об адвокате Хрулеве.

— Конечно, милый мой, нельзя забывать, к примеру, исторический поступок генерала Комарова. — Мухамедкули знал, что Кайгысыз часто вспоминает об этом событии. — Но то, что русские войска после боя помогли раненым, убитых захоронили согласно мусульманскому обряду, а пленных отпустили домой, поверь, не более как проявление добросердечия одного благородного человека. Может, и сознательная акция военачальника-завоевателя... Спору нет, русские — великий народ. Но царская власть — не народ! Тебе не хуже моего известно, что привело к нам русского царя. Ну?! Рынок сбыта, дешевое сырье и рабочая сила. А культура, просвещение — постольку поскольку. Да, туркмены теперь не враждуют между собой. Ты мне это можешь сказать

с полным правом. Положен конец кровопролитию, бра-
тоубийственным войнам. Да! Положен конец и персид-
ским набегам, аламану, грабежу, работоторговле...

— И гаремы персидского шаха, хивинского и бухар-
ского ханов не пополняются больше туркменскими де-
вушками. И это надо помнить! — подхватил Кайгысыз,
видя, что его друг тянется к чайнику. — Но...

— Погоди! Возьми Мерв, Бахарден, Асхабад. Вспом-
ни Ташкент! Мы вместе с тобой видели там... два раз-
ных города. Один генеральский, в раззолоченных мун-
дирах, русский — каменные дома, офицерский клуб,
благородное собрание, театр, библиотека, музеи, а дру-
гой — всего через арык — хуже, чем средневековый. Там
процветают и поныне невежество и нищета, унижающие
человека! А прошло тридцать лет. Много ли измени-
лось? — Мухамедкули привстал и вытащил из-под себя
лежавшие на стуле газеты «Закаспийское обозрение» и
«Туркестанские ведомости». — Вот погляди! Сколько не
читай, глаза испортишь, а не найдешь и намека, ни
крупницы желания сделать нас просвещенными, равными
в правах. Кроме того мерзавца, которого следует судить
за его дела, я говорю о фон Бурмейстере, всех уволь-
няют в отставку, производя в подполковники.

«Не желает причинять мне боль. Не говорит прямо.
Ждет, чтобы я начал первым. Но взволнован. Негодует!
И переживает за меня, — подумал Кайгысыз, а вслух
сказал:

— Оно, конечно, чем народ темнее, тем легче им
управлять...

— Ас-салам алейкум, приехали! — Мухамедкули
оживился. — Так зачем, спрашивается, им пробуждать
наш народ ото сна? Выходит, русские чиновники и
синие мундиры будить наш народ не собираются. Так?
Об этом мы договорились?

— Нет! Но вспомни, Мухамедкули, вспомни ты
Ташкент! Семинарию. Сходку старшеклассников. Среди
них не было ни одного туркмена. Почти поголовно —
русские. Спасибо им, их горячему протесту, их гневному
письму. Без них меня бы исключили из семинарии.

«Зачем он делает вид, что не понимает, о чем я?
Разница между одними русскими и другими — огром-
на!» — и от мысли, в который уже раз сегодня вспых-
нувшей в его сознании, Мухамедкули ощутил негодо-

вание, закипевшее в нем оттого, что власти незаслуженно обидели его друга, не доверив ему руководство училищем.

Пальцы левой руки зашевелились, как если бы их хозяин играл на дутаре. Кайгысыз насторожился, а его названный брат неожиданно предложил:

— Наберись терпения, послушай легенду о тысячелетнем чинаре. Ее мне рассказал один старец на ташкентском базаре.

В одном горном кишлаке много веков роо чинар, Наступил день и аксакалы объявили, что скоро чинару исполнится тысяча лет, и тогда он вспыхнет неукротимым огнем и сгорит. Поднялась паника во всей округе. Народ покинул дома и ушел в поля, на холмы, откуда день и ночь не спускал глаз с зеленого облака — могучей куши чинара, в ожидании, когда из нее вырвутся в небо красные языки пламени. Аксакалы же молились и утверждали, что произойдет это не ранее, чем в полночь второй пятницы мизана, седьмого месяца солнечного года.

Люди жили в страхе, ожидая приближения этого дня. Но нашелся среди них один уже немолодой человек, звали его Ачил-бува, который не поверил аксакалам. Ведь этот чинар столько значил для людей! Не сгорел он, когда под копытами коней Чингиз-хана многие годы подряд пылала земля.

И вот под вечер второй пятницы месяца мизана Ачил-бува, сказав, на удивление всем, что чинар не может погибнуть, в одиночестве, ушел под его сень. Громко зашумела навстречу ему листва, словно желая что-то поведать человеку. Но Ачил-бува не мог понять ее слов. Той ночью никто не спал. Народ стоял в тревоге и смотрел на тропинку, по которой ушел к дереву Ачил-бува.

Вечер и начало ночи простоял Ачил-бува совсем рядом с могучим стволом чинара. А когда наступила полночь, услышал он, как еще громче зашелестела листва дерева и совершенно четко расслышал: «Ты прав, смелый человек, я не сгорю. Я не могу сгореть, потому что если я сгорю, наступит конец жизни. А жизнь вечна, жизнь нескончаема! А тот, кто ничего не боится и верит в правое дело, тот — бессмертен».

Кайгысыз вспомнил аксакала Ташли из родного

Меана, его беседы с юнцами — тот тоже не уставал говорить о вере в правое дело.

— Жизнь один раз дается человеку, нектар цветка... И ты знаешь, что каждый обязан сделать для людей все, что в его силах, ради лучшей жизни! — сказал Мухамедкули с неожиданным для их беседы пафосом. — Я хочу... Мы должны сегодня принести клятву! Что бы с нами не случилось, ни на вершок не отступать от нашей цели, и если понадобится, отдать себя без остатка делу просвещения нашего народа, Кайгысыз! Просвещение и достаток — и есть свобода! И тогда сойдет на землю туркмен благодать пророка Хыдыра.

Улыбка тронула губы Кайгысыза. Ему показалось вабавным, как, полусуя, закончил свой призыв Мухамедкули, употребив традиционную фразу образованного мусульманина.

— Да! Но сколько ни говори: мед, мед, во рту от этого слаще не станет, — Кайгысыз понимал, что обижает друга, но не властен был над собой — мысль о том, что он решился оставить Бахарден, терзала душу, выводила из равновесия.

— Я умолю лучи, милый мой Кайгысыз, очистить небо, и солнышко осветит твой славный путь. Поверь. Я это твердо знаю! Имя твое будет среди тех немногих, которые туркменский народ на веки веков сохранит в своей благодарной памяти. — Кайгысыз попытался было возразить, но Мухамедкули остановил его повелительным жестом. — Люди говорят: «Великодушные всегда лучше гнева». Нет! В этом есть правда, но не на все случаи жизни. Нельзя быть снисходительным ко всем, без конца приносить в жертву свои интересы. Нельзя допускать безответного унижения человеческого достоинства!

Кайгысыз вновь вскинул голову, поставил на стол пиналу с недопитым чаем. Глаза сверкнули холодным блеском молнии, и он медленно поднялся со стула. Мухамедкули понял, что сейчас произойдет что-то ужасное.

— Дорогой мой, на сей раз ты ошибаешься. Снисхождения больше не будет! Безответного унижения — тоже! Я решил! Завтра утром подаю в отставку... — было слышно, как жужжала оса, забравшаяся внутрь

виноградной грозди, лежавшей на блюде поверх спелых яблок.

Мухамедкули прикрыл рукой глаза, плечи его ссутулились. Прошло, может быть, с полминуты. Оса выбралась наружу и улетела. Узкие худые плечи вдруг распрямились, пальцы левой руки задвигались, и Мухамедкули, проглотив слюну и вытянув шею вверх, произнес:

— Вай! Хвала тем, кто сделал твой ум способным к прозрению! Я ввергнут в горе, но далек от отчаяния. Горжусь тобой, горный орел! Ты сильный и станешь бессмертным! И пусть они поймут, что потеряли. Дай обниму тебя, — Мухамедкули вскочил и в радостном порыве привлек к себе друга. — Не спрашиваю, что станешь делать дальше. Знаю — все свершения твои будут достойны похвалы! И верю — последнее слово скажешь ты, а не они. И оно будет достойным моего брата.

— У кого рука твердая — одного врага осилит, у кого знания твердые — тысячу врагов одолеет, — Кайгысыз слегка отстранился и взял руки друга в свои. — Клянусь дружбой нашей — с дороги не сверну! Что бы не приключилось со мной в Мерве, — туда я возвращусь, как только сдам школу, — книг не оставляю. Буду читать, читать и читать без конца, накапливать знания. Мы снова будем рядом. Ты помнишь, там у меня были хорошие друзья!

— Да, да! Конечно! Кое с кем и я продолжаю дружить, — лицо Мухамедкули заметно порозовело от возбуждения.

— Можно сто раз услышать, что плеть хозяина больно бьет, но силу ее узнаешь, только когда она погуляет на твоей спине. Мухамедкули, меня не согнуты! Я знаю, с кем пойду дальше и за что буду бороться. Тебе не придется за меня краснеть! И бороться буду до тех пор, пока буду жив! Земли наши, народ будут свободными. Мир честных людей превратится в вечно цветущий сад.

— Да будет светлой твоя дорога! — Под сень чинара долетело заунывное пение муллы, призывавшего правоверных к вечернему намазу. — Не лью слез, Кайгысыз, и не потому, что это украшает лишь женщин. Печаль мою и скорбь слезами не выразить. Оттого мои глаза

не влажны, что я полон веры в торжество нашего дела. И клятвенно обещаю, мой Кайгысыз, быть твердым и последовательным до конца! Призвание свое, предназначение, так будет точнее, вижу в том, чтобы нести грамоту в народ, на чистую воду выводить шарлатанов, мулл и ишанов. Но это пока! — Мухамедкули сделал паузу и, снизив голос, закончил: — И знай, я готов, готов к общению с русскими, но без царской власти! Мы увидим с тобой яркую зарю! Она займется, даже прежде, чем многие предполагают! А тех, кто не знает, что с душой человека нужно обходиться бережнее, чем с зеркалом, всегда полезно учить. И ничего, если кое-кому при этом заедут по носу и брызнет кровь.

Высоко в небе, в преддверии сумерек, надрывно кричали шурки. Чинар зашелестел и тут же смолк, словно уступая слово Мухамедкули.

— Только об одном умоляю! Остерегайся тех, кто своему рту не хозяин!

Кайгысыз же подумал: «Это встречи в Самарканде и Ташкенте сделали его таким решительным. Он становится настоящим бойцом». Они крепко пожали друг другу руки, а листья вновь зашелестела под дуновением ветра.

Утром следующего дня Кайгысыз отправился в училище. По дороге он с удовольствием отметил, что глинобитные мазанки с плоскими крышами, обычно похожие одна на другую, как близнецы, были не такими уж серыми. И на придорожной зелени лежало меньше пыли. И лица прохожих казались приветливее... На каменных домах отделения Русско-азиатского банка, особняках пристава и начальника железнодорожной станции, новой бакалейной лавке Амбарцумова его взгляд не задержался.

Веселее обычного чирикали воробьи, суетясь в густых кронах кряжистых вязов, ясеней, шелковицы и грецкого ореха. Бахарден — один из самых зеленых уголков Закаспийской области, казался ему еще прекрасней. При планировке станции четверть века назад, закладке прилегающего поселка и посадке деревьев земля вокруг была удобрена пометом летучих мышей, специально собранным для этой цели в близлежащей

пещере, дающей приют подземному озеру Коу-Ата. Эксперимент удался.

Сплошным зеленым козырьком нависал над дувалом обширный сад местного лекаря: утяжеленные плодами ветви яблонь, абрикосов, смоковницы, сладкого миндаля склонялись над кирпичным тротуаром.

Поравнявшись с чайханой, расположенной на южной стороне привокзального сквера, Кайгысыз столкнулся с приставом Красовским. Надворный советник с утра «заправлялся» в буфете. Изящно сшитый белоснежный китель, лихо заломленная набекрень фуражка придавали стройной фигуре гражданского чиновника 7-го класса молодцеватый вид. За приставом нога в ногу следовал его помощник, штабс-капитан Шихов Анна Берды Хан Мурад. Среди зелени сквера замелькали белые солдатские рубахи, подпоясанные широким черным поясом, и красные чамбары, заправленные в сапоги. Красовский хоть и был штатским, но любил показать свою власть.

Кайгысыз прошел, не поклонившись.

— Что-то нынче господа из ведомства просвещения близоруки стали пуще прежнего! Своевольничают! Предаются свободомыслию. Штабс-капитан, голубчик, у вас, припоминаю, есть какие-то бумаги на этого Атабаева.

— И на другого, его дружка из Нохура, тоже. Матвей Иванович, смею вам заметить, — ответил с легким акцентом Шихов, — читают оба и другим рекомендуют непристойные книжочки.

— Напомни мне! Да, Анна Берды, сообщи-ка непременно сегодня же в Асхабад адъютанту его превосходительства, что к охоте все готово. Ах, эти ученые! От них головная боль и происходит...

Кайгысыз не слышал этого разговора. В противном случае неизвестно чем бы он закончился.

За углом дома местного ростовщика начинался двор училища. Кайгысыз столько намеревался сделать, но теперь... Нет, он принял твердое решение.

Калитку, как всегда, поспешно открыл одноногий Степан. Отставной солдат поздоровался с низким поклоном.

— Доброго вам утра, господин директор!

— Степан, я и прежде просил вас не кланяться. А

теперь! Теперь, мой друг, тем более. Я больше не смотритель училища и даже... не господин учитель.

— Как можно, вашскоблагородь? — гаркнул Степан в явном смущении часто-часто заморгав.

— Да, да! Попроси всех собраться у меня в двенадцать, — Кайгысыз хлопнул опешившего Степана по плечу и легкой походкой прошел к себе.

В кабинете, заперев дверь на внутреннюю задвижку, Кайгысыз присел к столу, дотянулся до стопки книг, где были томик Авиценны, сочинения Чернышевского и «Русское слово» Ушинского; с минуту подумал, взял чистый лист бумаги, вынул перо из чернильницы и быстро набросал просьбу об отставке. В письме только что назначенному, вместо ушедшего на отдых Ляуданского, инспектору народных училищ Закаспийской области титулярному советнику Беляеву И. А. Кайгысыз назвал приказ министра просвещения Российской империи «несправедливым и унижительным» и сообщил, что поскольку высшие чиновники министерства Его императорского величества не считают возможным, чтобы «инородец» руководил русско-туземным училищем, где обучаются не только туркмены, но и русские, то он, Кайгысыз Атабаев, не считает возможным в дальнейшем вообще работать учителем и оставляет свой пост прежде, чем вступит в силу министерский приказ.

Связав книги в пачки и уложив содержимое ящиков стола и три объемистые папки, Кайгысыз осторожно снял с гвоздя висевший на стене лист картона со словами Ушинского: «Учитель является живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра... его дело, скромное по наружности — одно из величайших дел истории...».

— Так вот! Будем двигать наше дело на другом месте! — проговорил Кайгысыз вполголоса, направляясь к двери. В душе его поднимался гнев.

Глава восьмая

БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ

Иван Александрович, получив уведомление об отставке Кайгысыза Атабаева, всполошился и немедленно выехал в Бахарден. Однако ни давнее знакомст-

во, ни увещевание, ни заверение со временем поправить положение не помогли. Кайгысыз говорил о Беляевым резко, не утруждая себя особенно подбором слов. Беляев возвратился в Асхабад обиженным и, поскольку ни он, ни начальник области не были вправе сами принимать решение, рапорт направили в Ташкент. Там, вместо Керенского, должность главного инспектора исполнял статский советник Соколов. Он не стал перечить мнению министра.

Пока решалось дело, Кайгысыз начал занятия в училище тем, что сдернул покрывало с великолепного чучела белого медведя. Восторгу детей не было предела. Однако в этот же день обнаружилось, что шестеро учеников были больны корью. Их немедленно отправили в околоток, занятия на три недели приостановили. А 11 октября 1912 года Кайгысыз передал училище временному учителю-смотрителю Ивану Ратушенко.

В Мерве Эфендиев и Атаниязов присмотрели ему просторную комнату, окна которой выходили в сад. В доме было тихо и уютно. Уже ко дню «Перстня Али» Кайгысыз полностью устроил свое жилье, а ко дню Святого Николая Чудотворца бывший учитель был принят, с испытательным месячным сроком, младшим конторщиком Учетно-ссудного банка Персии. В устройстве Кайгысыза на работу приняло участие много людей, однако решающую роль сыграла поддержка временно исполняющего должность начальника уезда коллежского советника Киясбекова и поручительство Ходжи Аминова, солидного мануфактурного купца, клиента банка.

Учетно-ссудный банк Персии в те годы являлся крупнейшим делом финансовых воротил России, которые при помощи этого банка и негласной поддержке правительства стремились проникнуть в страны Азиатского Востока с тем, чтобы оказать противодействие английскому капиталу.

К Новому году, спустя всего три недели, управляющий банком в виде рождественского подарка распорядился не только считать пройденным испытательный срок, но и определить «смышленного, подающего надежды Константина Сергеевича Атабаева» конторщиком с окладом более высоким, чем был у учителя русско-туземной школы.

Здание банка, внушительное, из серого камня строение, находилось на Гератской улице, между Армянской и Бригадной. Обе эти улицы упирались в Туркестанскую, по которой гнулся глухой дувал, ограждавший обширную территорию, занимаемую казачьим полком. Парадный полковой въезд находился на Асхабадской улице, а в заборе на Туркестанской был лаз, используемый казаками, уходившими в самовольное увольнение. Пользовался им и хорунжий Мытный, один из вкладчиков банка.

Как-то после закрытия конторы он изъявил желание прогуляться с Кайгысызом в городском саду. Вскоре хорунжий принялся обучать Кайгысыза игре на бильярде, а однажды даже пригласил его на пикник с верховой охотой на дроф. В комнате Кайгысыза, на ковре над диваном, уже висело отличное охотничье ружье марки «Зауэр гри кольца».

В первый день пасхи Кайгысыз гулял вечером в городском саду вместе с новым знакомым Петром Бессчетновым, письмоводителем канцелярии начальника уезда. С молодыми людьми были две барышни: сестра Бессчетнова и его невеста. Иван и Кайгысыз решили пострелять в тире. Тут-то Кайгысыза и отозвал в сторону ефрейтор.

— Извините меня, господин хороший, однако мне поручено передать вам, что хорунжий Мытный имеет к вам особый политический интерес.

— Кем поручено? — стараясь не выказывать волнения, спросил Кайгысыз.

— Не велено говорить, но он — паскуда!

— А какой интерес?

— И об этом сами раскиньте мозгами, — ефрейтор лукаво улыбнулся, подмигнул и молодежато козырнул. — Честь имею.

Кайгысыз терялся в догадках, а когда сообразил, что ефрейтора следовало угостить хотя бы пивом, того и след простыл.

Однако Кайгысызу повезло: буквально в следующее воскресенье в молочном ряду русского базара он увидел ефрейтора. Тот угощал мацони¹, видимо, своего приятеля, пехотного унтер-офицера. Когда Кайгысыз подошел

¹ Кислое молоко (арм.). ;

к ним, унтер-офицер со звоном поставил пустой стакан на прилавок, отер усы и произнес:

— Спасибо тебе, Тимоша! Но, знаешь, это не белая головка. Айда отсюда!

— А, может быть, не стоит спешить? — спросил Кайгысыз и дружелюбно протянул руку обернувшемуся на голос ефрейтору. — Тимофей, познакомьте меня с вашим другом, и мы вместе погуляем!

В тот вечер Кайгысыз подкатил к дому на извозчике крепко «под мухой». Однако в доме железнодорожного рабочего, куда они попали ближе к вечеру, Кайгысыз завел новых друзей, и вскоре кое с кем из них сдружился. Чаще других он виделся с Василием Дуловым, слесарем депо и стрелком 15-го пехотного полка Ерофеем Потаповым. От них Кайгысыз узнал, что фамилия ефрейтора — Пуп и он является членом боевой дружины подпольной партии социал-революционеров, к которой, однако, они сами не принадлежат. На вопрос, в какую партию входят они сами, Василий очень серьезно ответил: «Ты, Константин, погоди, не суй пятницу поперек четверга».

С Мухамедкули он теперь встречался реже: тот стал посещать дом Мамеда Оразова, к которому у Кайгысыза была какая-то необъяснимая неприязнь, но часто бывал гостем у влиятельных туркмен рода отамыш, ища поддержки в своей борьбе с приставом Завалишиным.

Кайгысыз сидел в темном чулане и слушал стук собственного сердца. В чулан, примерно час назад, его запер Петр Бессчетнов. Петр боялся вынести из здания начальника уезда бумагу, которую хотел показать Кайгысызу, он был уверен, что приятелю она покажется интересной.

Следовало подождать, пока все служащие разойдутся по домам и у входа на улице останется лишь дежурный урядник. Кайгысыз догадывался, что «бумагой» было циркулярное письмо министра внутренних дел. Когда в замочной скважине заскрежетал ключ, Кайгысыз вскочил, отер руки от пота, подошел к двери. В комнате письмоводителя он сразу углубился в смысл документа и быстро выписал наиболее интересные места.

«...В появившейся в 11.11 года «Инструкции Центрального комитета Российской социал-демократической партии указано, что так как нелегальная работа дает ничтожные результаты и почти нигде не ведется, а нелегальные организации старого типа отжили свое время, часто дискредитируют партию и отдают в руки правительства лучших и энергичнейших ее деятелей, то, согласно новым принципам, выработанным Комитетом, основное внимание местных партийных организаций должно быть сосредоточено, с одной стороны, на деятельности социал-демократической фракции Государственной думы, на содействие успеху ее работе и на проведение в жизнь ее директив, а с другой, — на легальные организации (профсоюзы, клубы, народные университеты и т. п.), в которых рекомендовать образовывать социал-демократические ячейки, которые, в свою очередь, приобретая влияние, руководили бы этими организациями.

V. Состоявшаяся в начале этого года Всероссийская конференция РСДРП, рассмотрев, в числе прочих, вопрос о характерных и организационных формах партработы и вполне одоблив прежний путь создания нелегальных ячеек, окруженных сетью всякого рода легальных рабочих обществ, признала, между прочим, необходимость 1) самого деятельного участия в руководстве экономической борьбы...».

Начиная с этого места и до слов «в духе марксизма», текст был подчеркнут начальником уезда полковником Пальчевским жирным красным карандашом. Кайгысыз тоже выделил эти фразы.

«...и установления сотрудничества в экономической области с профессиональными союзами и, в особенности, с социал-демократическими ячейками в экономических союзах, а также и с отдельными деятелями профсоюзного движения, и 2) распространения профсоюзных органов печати и направления профсоюзной прессы в духе марксизма.

Смысл постановления РСДРП: «профсоюзная организация есть одна из необходимых форм рабочих организации для завоевания непосредствен-

ных улучшений в рамках досоциалистического строя и для коренного переустройства его в будущем», как таковой, прежде всего и более того, служит: а) непосредственному улучшению положения рабочего класса путем взаимопомощи и непосредственной экономической борьбы... против эксплуатации промышленного капитала... б) для боевого сплочения вне партий и направлений самых широких масс, способных дружно вступить в защиту интересов рабочего класса во всех серьезных общественно-политических конфликтах; в) для образования внутри современного строя организованных трудовых ячеек, завоевывающих у государства и хозяев все большую и большую сумму прав: вырабатывающих в своих внутренних отношениях новое рабочее право и способных после социалистической революции взять в свои руки, под контролем всего общества, заведывание производством».

Кайгысыз почувствовал, что ему не хватает воздуха. «Вот это да!» «Способных после социалистической революции» и далее было отчеркнуто двойной линией. «Взять в свои руки!..» — Кайгысыз сделал глубокий вдох, а сидевший за соседним столом Петр насторожился.

— Живее, живее, Костя!

Тут же на листе бумаги появилась клякса.

— Поспешись, людей насмешишь. Терпи уж! Ты молодец, Петр, — и Кайгысыз продолжил переписывать текст.

«...Исходя из этого взгляда на профессиональные общества и союзы, социал-революционная партия считает, что сами они должны быть беспартийными, самостоятельными, действующими «в согласии с партией» против врагов рабочего класса. «Автономность» партия считает необходимым условием жизненности профсоюзов, которые должны играть чрезвычайно крепкую и существенную роль, как в момент переворота, так и после него, и эту свою историческую миссию они должны всегда иметь в виду и с нею соотносить свою борьбу. Отсюда партия, ставя своей задачей укрепление распадающихся профсоюзов»

организаций, путем образования и сплочения первичных ячеек в отдельных предприятиях, признает необходимым: 1) выбирать для успешной работы предприятия, имеющие особо важное значение и потому могущие сыграть решающую роль в случае борьбы с предпринимателем; 2) использовать легальные профсоюзные организации, в где они влечат лишь фиктивное существование, — устраивать внутри них нелегальные беспартийные ядра, проникнутые духом борьбы с капиталом и при помощи их отстаивать профессиональные интересы рабочих; 3) образовывать нелегальные беспартийные профсоюзные союзы там, где они не могут существовать легально. Партийные работники, входящие в профсоюзы, должны составлять компактное ядро и действовать, согласно выработанному плану, для пропаганды партийной программы на почве союзных дел, имея главной целью также сохранение единства профсоюзного движения и повседневную работу в союзах».

— Тсс! — Петр приложил палец к губам, через распахнутое настежь окно с улицы слышался шум подъезжающего экипажа и тут же раздался голос Киясбекова:

— Все спокойно, урядник?

— Так точно, ваше высокоблагородие!

— А почему в окне свет?

— Письмоводитель, господин Бессчетнов задержался. Исправный малый, старается.

— Ладно, коли так! Ну-ну! Пошел! — копыта зацокали по булыжной мостовой, экипаж отъехал.

— Кажись, пронесло! Ух! Вот какой у тебя друг, Костя.

— Спасибо, Петя! Ты большое дело делаешь. Сейчас я закончу.

«...Такова сущность домогательств и тактики революционной партии по отношению к профсоюзному движению и не подлежит сомнению, что до последнего времени эти домогательства проводились в жизнь с большей настойчивостью, чем доказывается, между прочим, и теми энергичными протестами, которые, при каждом почти случае

принятия правительственной властью решительных мер против той или иной профсоюзной организации, вступившей в свою деятельность под влиянием подпольной агитации, на политическую почву, — заявляются левыми партиями и нередко принимают форму запросов правительству со стороны Государственной думы. Ввиду экстренной настойчивости подпольных партий в деле полного подчинения профсоюзного движения своему влиянию Министерство внутренних дел, не встречая препятствия к дальнейшему развитию означенного движения, поскольку таковое появляется в законных пределах, определяемых временными правилами 4.III.1906 г. — признает необходимым вновь подтвердить г.г. Губернаторам о необходимости рекомендованного в 1907 году неослабного, совместно с чинами Отдельного Корпуса Жандармов, наблюдения за направлением деятельности профессиональных обществ и союзов и применения энергичной борьбы с вышепоименованными преступными поползновениями революционных партий.

*Министр Внутренних Дел — Макаров.
И. д. Директора С. Бальской, 30.IX.1912 г.*

Кайгысыз вернул документ Бессчетному, аккуратно сложил исписанный лист бумаги в несколько раз, достал из кармана пустой спичечный коробок, катушку черных ниток, заложил свернутую бумагу и перевязал.

— Как пойдем, я опущу из коридора в окно, а свернем за углом — коробок у меня в кармане.

— Осторожность прежде всего!

На крыльце урядник спросил их:

— А этот господин с вами, Петр Семенович?

— Да, это учитель. По своему ведомству отчет писал.

Мухамедкули заехал к Кайгысызу на извозчике. Вбежав в комнату, выложил на стол письмо, написанное Беляеву, копию архивного документа, черновик своей статьи «Образование ахалтекинцев» и помчался дальше со словами:

— Дорогой, посмотри! Через час вернусь. Есть разговор!

За окном отцветали алыча, урюк и яблони, Кайгы-

сыз отложил в сторону книгу «Ум и энергия» — сочинение С. Смайльса, которую дала ему смотрительница приходского училища Колленниченко, взял в руки листы, оставленные Мухамедкули, и принялся читать: «Глубокоуважаемый Иван Александрович! Получил Ваше письмо, и оно дало мне такую энергию и жизнерадостное настроение, что я готов всю жизнь работать по этому пути, который Вы мне укажете, и будете моим всегдашним руководителем. Вы меня заинтересовали собиранием материалов, и я начну их собирать, как только закончу собирать песни, пословицы и поговорки. Вы мне даете отеческие наставления. В новом помещении школы можно сделать собрание картин. Хорошо бы и скорее сделать 2-х классное училище, где я бы отдал все свои силы. Я полюбил школу, которой отдал пять лет жизни, и с удовольствием остался в ней, а не поехал в Байрам-Али».

Кайгысыз подумал, о чем же пойдет разговор с ним и чем намеревается Мухамедкули закончить письмо Беляеву, который, сразу же по приезду в Асхабад, серьезно занялся составлением первого «Русско-туркменского словаря» и сбором туркменских обрядовых песен. Кайгысыз почувствовал, как кровь прилила к его лицу. «Надо! Обязательно надо написать! Может, Мухамедкули этого и хочет, а прямо не говорит. Извиниться. Работать вместе с ним. Это не Пальчевский, Завалишин, Малиновский и прочие жандармы. Он, прежде всего, ученый. И уважает нас. Обязательно напишу». — решил Кайгысыз и взял в руки архивный документ.

То был подлинник письма начальника Мервского уезда, капитана Михайлова, ныне полковника, старшего служащего канцелярии начальника Закаспийской области, составленного еще в августе 1900 года. Простым карандашом были отмечены некоторые места: «...настоящий замечательный почин аула Отамышского района Эбе Агы Юлук, свидетельствующий о том, что в народе зарождается сознание необходимости учиться русскому языку и грамоте, является актом первостепенной важности. Русско-туземная школа, надлежаще поставленная, есть единственное радикальное средство, которое мы можем противопоставить фанатической терпимости и их презрению к иноверцам, внушаемым многочисленными мусульманскими духовными школами». И

чуть ниже: «Среди текинцев распространено убеждение, что русские школы предназначены для того, чтобы из туркмен делать русских, чего первые, дорожа своими традициями и обычаями, отнюдь не желают. Русские школы нарочно стараются подтвердить это убеждение. Возьмем для примера интернат при Мервском училище. Не успеет мальчик поступить, как его одевают в русскую форму, одежду, помещают в совершенно несвойственную туземному быту обстановку русского пансиона, кормят иной пищей и заставляют вести совершенно несвойственную туземным обычаям жизнь. Он еще не знает ни одного русского слова, но для текинца уже является чужим (урусом), и мы видим, что даже родные перестают навещать и как бы отказываются от него». И еще: «Очевидно задача русско-туземной школы была понята совершенно не верно. Нам нужно сделать туркмен русскими не по форме и обычаям, а по духу. Патриархальные обычаи населения, обуславливающие его честность и высокую нравственность, необходимо сохранять в полной неприкосновенности».

Кайгысыз закрыл глаза и тут же ему почудилась нежная, обволакивающая душу мелодия, а перед мысленным взором, как на экране, запестрела бесконечная пустыня с волнами барханов и редкой, скудной растительностью; и зажурчал отчетливо голубой ручеек, бегущий между песчаными холмами, уходящий в песок и вновь появляющийся уже с густыми оттенками грязи. Он поспешно открыл глаза.

«Ну, а что пишет Мухамедкули в статье и куда собирается ее посылать?» — заинтересовался Кайгысыз. Статья была написана карандашом на трех листах лисчей бумаги. Подписана псевдонимом — «Текэ». Кайгысыз усмотрел в ней две основные мысли. Первая заключалась в необходимости увеличения количества русско-туземных школ с целью поднятия уровня образования среди текинцев, большинство которых в настоящее время неграмотно, приобщить народ к русской культуре и приостановить его вымирание. Мухамедкули писал: «Недостаток мест в школах служит преградою успешного ведения дела образования и препятствует к насаждению русской культуры в среде его собратьев, от этого они заметно вымирают в невежестве и непонимании». Кайгысыз взял карандаш, зачеркнул лишний

предлог «к» и поправил слово «собратьев». Вторая мысль содержалась в заключении — главными противниками школ и просвещения являются фаватики муллы, старающиеся всякими средствами изолировать детей от русских, поскольку последних муллы считают «насадителями всякого зла среди туземцев, то есть пьянства, разврата и тому подобное». Мухамедкули при этом утверждал, что распространение этих пороков происходит из-за неумения самих текинцев разбираться в хорошем и дурном.

Кайгысыз начал читать статью заново и подправлять ее по своему усмотрению. Занятие это вскоре пришлось прервать, так как в окне показалась голова Василия Дулова.

— К тебе можно?

— А ты чего не через порог?

— Да вот, вначале решил подышать ароматом сада, — Василий улыбался так, что Кайгысызу сразу стало ясно — пришел он по делу.

— Что случилось? — спросил уже вполголоса Кайгысыз и подошел вплотную к подоконнику.

— Ну и bestия же ты, Константин! На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко. — Василий жестом попросил Кайгысыза нагнуться поближе. — Дай совет. Ты все знаешь. Решено тебе сказать как на духу. Только пока с нами не просись. Скоро Первое мая — праздник. Надобно нам собраться. За городом. Народу много. А вот где? Не сообразим.

— Да! — Кайгысыз задумался. — А падает на воскресенье?

— Не умудрился, индюк, поинтересоваться. Но нам, то, конечно, собираться следует в воскресный день. Как же иначе?

— Тогда слушай! Кто пешком сможет, а кто и на фазтоне. Экскурсия! В ауле Ванаш Бок Бурун есть развалины старой крепости Кара-Ган-Кала и в ауле Беури-Энек-Кала. Погоди, я сейчас запишу. Выбирайте!

— Язви тебя в душу! Ну и молодец ты, Костя! Ищи, и я побежал! Люди уже ждут.

Мухамедкули явился лишь на следующий день после работы. Он был возбужден, нервничал и, как только друзья оказались одни, заговорил о главном:

— Меня окружают как тогда Николая Николаевича в Ташкенте! Вначале силой заставили взять преподавателем гимнастики поручика Богданова, а теперь, когда он уехал в отпуск, опять распоряжением сверху прислали хлыща, поручика Ольшевского, но я и сам могу давать этот урок!

— Они что, следят за тобой? Роются в твоих бумагах? — спросил Кайгысыз, стремясь сбить повышенное раздражение друга. — Подумаешь, три урока в месяц!

— Да! Этот Ольшевский бывает в школе по три раза в неделю, заводит разные разговоры, намекает на дружбу.

— Будь вежлив, души не открывай и виду не подавай, — посоветовал Кайгысыз, вспомнив хорунжего Мытного.

— Да, но постоянные придирки меня замучили. Вместо того, чтобы сказать спасибо за электричество в школе, которое я провел, за то, что богатые жители аулов жертвуют деньги на школу, стали добровольно посылать своих детей, согласились внести средства на строительство нового здания и содержание двухклассного училища с шестигодичным курсом, замучили ревизиями. Пал наш славный Дордепель...¹.

— Когда? Какой был конь! И молодой.

— ...так прислали комиссию во главе с ветврачом уезда. А у бедняги заворот кишок. Устроили возню, почему я получаю тысячу пятьсот рублей, больше чем в других одноклассных училищах.

— Ну всем же было известно, что тебя назначили в Байрам-Али, а там такой оклад, — Кайгысызу невольно передалось взвинченное состояние Мухамедкули.

— Конечно! Люди уговорили, внесли нужную сумму, все начальники утвердили оклад. Вот скоро два года пройдет. Так Пальчевский, прибыв в училище в мое отсутствие, начал разнос с того, что нечего, мол, ученикам умываться яичным мылом, можно и простым. Нашел в доме трещины, о которых я сам докладывал, грязь на кухне — дрова не по его сложены. Потребовал смету и урезал мне оклад. Я выяснил; сделал он это согласно бумаги правителя канцелярии области. Теперь

¹ Конь с белой звездочкой на лбу.

эту должность, ты знаешь, занимает полковник Агабеков.

— От этого добра не жди. Он нас в гобой сразу невзлюбил. А ты подними старшин всех двадцати пяти аулов. Они за тебя горой станут. Не теряй надежды. И потом, я слышал, скоро в Мерв приедет Николай Николаевич.

Лицо Мухамедкули порозовело, он улыбнулся своей мягкой улыбкой.

Сила надежды в человеке, к счастью, неисчерпаема. Иной останавливается на полпути, сломленный препятствиями, которые кажутся ему непреодолимыми. А другой продолжает бороться и жить благодаря надежде. Она дает ему силы, вселяет бодрость, вдохновляет на подвиг.

Небольшое помещение набито битком. Шло заседание народного суда под началом его законного председателя — пристава, штабс-капитана Завалишина. Поскольку было известно, что защитником по одному из дел будет Иомудский, прибывший для этого специально из Асхабада, начальник уезда пожелал при сем присутствовать лично.

В дальнем углу стоял столик, за которым сидели пристав и переводчик, чуть в стороне — избранные судьи, а перед столом, на корточках, стороны, вступившие в тяжбу, или обвиняемые. Туркмены давно знали немой член суда — судья на десятки лет. Успевай только собирать мзду.

Разбиралось старое дело по обвинению ряда старшин в незаконном поборе с населения в целях личного обогащения. Затеял дело капитан Карташев, прибывший в уезд из Петербурга. Он был образован, хорошо воспитан, знал местный язык и желал принести Отчеству пользу честной службой. Однако этот чистоплотный, добропорядочный капитан был человеком посторонним для местной «административной семьи», где властвовали родство и кумовство. Он еще не успел докончить дознание, как невидимой рукой полковника Пальчевского был переведен в другой уезд. А в это время подследственные, бывшие друзья, перессорились, и главным обвинителем в деле стал крупный подрядчик Меред Нияз-оглы. Одним из обвиняемых оказался Ораз-

мед-сопи. Тот и другой были прежде «добрыми помощниками» Пальчевского и «приносили Отечеству огромную пользу», ловко приумножая при этом личное состояние полковника.

Капитан Завалишин вместе с переводчиком быстро уладили возникшие распри и примирили стороны. Однако, поскольку Меред Нияз-оглы якобы дал капитану Карташеву взятку в тысячу рублей, с тем чтобы «сгноить Оразмеда и других старшин», его следовало наказать.

Слушание этого дела очень позабавило Иомудского, Эфендиева, обоих Атабаевых и Атаниязова, а приговор откровенно рассмешил:

— Выслать обвиняемого Меред Нияза-оглы на три месяца из Мерва в Чарджуй!

— Почему в Чарджуй? — с удивлением спросил Иомудский.

— Да потому, что он подрядчик по заготовке саксаула и заготавливает его в Чарджуе. Ему все равно туда ехать, — ответил Кайгысыз.

Иомудский раскрыл блокнот и записал: «Со временем широкая власть, предоставленная в крае лицам администрации, понемногу опьяняла их, во многих проснулись дурные инстинкты, ввиду фактического отсутствия надзора в области отправления правосудия и эти многие увидели, что они при помощи народных судов могут извлекать из населения немалые доходы».

Следующим было слушание дела, за которым наблюдал весь уезд. Прощение, составленное в прошлом году Иомудским, ушло в министерство юстиции, но обратно еще не возвратилось. Оно было написано от имени целого ряда общин с просьбой вернуть турменам бывшие в их пользовании кярендные¹ земли, которые силой своей единоличной власти полковник Пальчевский определил «считать казенными». Настоящий спор возник по аналогичному случаю между Мамедом Оразовым и родственниками давно умершего владельца земли, которая вплотную прилегала к городу. Умерший был должником Мамеда Оразова.

Кайгысыз сидел и крутил свой пышный, вечно тор-

¹ Отданные в аренду.

чащий в сторону ус. Мухамедкули знал, что у его друга это признак плохого настроения.

Выслушав заявления сторон и речь адвоката, Зава-лишин бросил судьям что-то через переводчика, те согласно закивали головами. Тогда штабс-капитан, не поднимаясь со стула, произнес:

— Суд постановляет указанные земли считать собственностью казны!

— Извольте пояснить, на каком основании? — спросил Иомудский, поднявшись со своего места.

— На основании давности! — прозвучал в ответ начальствующий баритон полковника Пальчевского. — Я узнал, что эти земли не обрабатывались более десяти лет. Значит, кто бы ни был владельцем, он пропустил срок давности.

— Но нет в Российском государстве такого закона! Вы, господин полковник, представитель власти, самым откровенным образом нарушаете ее законы.

В зале воцарилась тишина. Полковник уже хотел было что-то сказать, как в настежь открытые окна донесся крик осла. Пальчевский сделал нарочитую паузу, посмотрел в сторону окна, улыбнулся.

— Пустяки! Раз земля не обрабатывалась десять лет, значит, она «казенная». Вопрос решен!

Иомудский, его друзья и Князбеков, сидевший рядом с начальником уезда, а возможно и кое-кто из присутствующих в зале, превосходно знали о «тайном» умысле Пальчевского: заполучить эту землю в казну, а затем продать ее подставным лицам, «пекущимся о благоустройстве города». В кругу близких, будучи во хмелю, полковник как-то похвастался, что возведет себе памятник при жизни в виде двадцати собственных жилых домов в Мерве.

Атаниязов, как только они вышли из здания суда, стал прощаться. Особенно долго он тряс руку Кайгысыза.

— Ты гляди, Костя, как у тебя сложится со временем. Я тебя жду дома. Нам сегодня обязательно следует решить это дело, — громко, чтобы слышали все, произнес Ата. Иомудский вопросительно поглядел на Кайгысыза.

— Обязательно приду, только попозже, — ответил Кайгысыз, желая успокоить Николая Николаевича и

одновременно давая понять Атаназову, что благодарит его за участие. Никакого срочного дела не было. Просто Ата чувствовал, что Кайгысызу отчего-то не по себе.

Иомудский, Эфендиев, Мухамедкули и Кайгысыз направились к дому персидского купца Ходжи Аминова, где их ждал обед, встреча с людьми интересными, как пояснил Иомудский. Он упомянул торгового туза Николая Форунца и помощника начальника уезда Княсбекова.

— Нельзя мириться с тем, что за треть века нашего управления краем дело с народными судами не только не улучшилось, — Иомудский шел на редкость легким шагом, — а пришло, на мой взгляд, в полный упадок. Царят хаос, сумбур, полная неразбериха.

— Зато в почете и с крупным барышом переводчики, подпольные адвокаты, пьяные писакки, дельцы и ходоки из бывших административных чинов, — продолжил мысль Николая Николаевича Эфендиев. — И кто положит этому конец? Думаю, не Форунц.

Николай Николаевич принялся объяснять, почему прогрессивным людям нужна поддержка таких людей, как Форунц, Аминов, Батманов, Мамед Оразов, а Кайгысыз вспоминал известную всем в городе историю почетного гражданства Форунца. Всего десять лет назад молодой армянин с русским именем Колька, приехавший вместе со своими родичами из кавказского селения Шуши, чистил и латал сапоги на Кавказской улице Мерва. Начал он с удержания сдачи: обирал жителей, подзыпывших офицеров, и, особенно тех, кто не умел разбираться в царских деньгах. Однажды Кольке подвернулся бухарский купец, накурившийся анаши¹. Форунц не упустил случая: подбавил терьяка², и одурманенный торговец подписал быстро и ловко состряпанные сапожником бумаги, по которым весь капитал, дома и торговые заведения в Бухаре стали собственностью Форунца. Теперь он стал на равных с начальником уезда и по-свойски явился к начальнику области.

— Административные лица привыкли судить так,

¹ Индийская конопля, наркотик, употребляемый для курения.

² Также наркотик.

как это им нравится. При этом они полностью убеждены, что всякий их поступок в судебной деятельности остается безнаказанным. Вот где она свобода-то! — воскликнул Иомудский, да так громко, что молоденькие курсистки, шедшие по противоположной стороне улицы, остановились в удивлении.

— Да, а если полковник Пальчевский самовольничает или кто другой совершает ошибку, можно поспорить.

— Конечно же! Законов, как таковых, нет, нет даже инструкции ведения судебных дел в Туркестанском крае. Так что, если бы, как в Древней Спарте, у нас появились эфоры¹, толку от них все равно мало, — Иомудский повернул голову на стук копыг и приветливо помахал рукой.

Легкая пролетка Киясбекова обогнала друзей. В доме Аминова их встретил хозяин и Киясбеков. Кайгысыз густо покраснел, когда после традиционных приветствий хозяин дома заявил:

— Константин Сергеевич, ты далеко не пойдешь, но высоко поднимешься. Нельзя вовсе не брать взятки! Людей отпугиваете, заставляете думать разное: одних — что конец света наступил, других — что мало дали, а третьих — ломать голову, как же дальше жить?

— Зато поглядите, как к нему идет простой народ из аулов. Обездоленные и безграмотные туркмены, которым он бескорыстно помогает, следуя велению Аллаха, — встал в защиту друга Мухамедкули.

— Ладно, ладно, это я так! Что о нем думаю, я как-нибудь у него дома или в банке ему скажу.

— Похвальную характеристику вы даете моему юному другу, — заметил с улыбкой на устах Иомудский. — Образованному человеку, бескорыстно помогающему сирым и непросвещенным, бог вперед все грехи прощает. А ты, Кайгысыз, умело прошения пишешь. Молодец! Я в окружном суде их не только по твоему почерку, но и по стилю отличаю.

— Что прошения! Он счета уважаемых людей умело придерживает, а всякой мелкой шушере помогает, — Аминов гордился отличным знанием русского языка. —

¹ Пять ежегодно избиравшихся народным собранием граждан, которые наблюдали за деятельностью должностных лиц.

Управляющий, однако, на твоей стороне, не нахвалится. Не сердись, Константин! Вижу, собрался уходить. Идем чайку попьем и я тебя пораду. Вы знаете, господа, что все же я рекомендовал его на работу в банк. Так вот, Константин Сергеевич, со второго полугодия, управляющий мне по секрету сказал, быть тебе счетоводом с окладом в сто семьдесят рублей. Гордись и не сердись. Бисмилла рахман рахим! — закончил хозяин дома обязательной фразой, произносимой мусульманами перед началом любого дела.

Мальчик в национальном персидском костюме внео на подносе миниатюрные серебряные чайники и армуды — кавказские стаканчики.

— Ну, вот и хорошо! — радостно произнес Иомудский. — С тобой, Константин, у нас все в порядке. А вот с Атабаевым-первым, Таир-бек, это уж вам, уважаемый, карты в руки! Да, наш дорогой друг, покончить с возней вокруг годового оклада в полторы тысячи рублей учителя Отамышского училища вам более чем по плечу. К тому же разница, против которой все выступают, идет не от казны, а из пожертвований населения.

— Это дело несколько запутанное, — осторожно начал коллежский советник, которого с Иомудским связывали давние добрые отношения.

— Так я помогу распутать. Прежде всего должна сообщить, достопочтенный Таир-бек, нам известно, что полковник Пальчевский прислал новому начальнику области, генерал-лейтенанту Лешу, никак себя не проявившему, кроме громкого сопения, рапорт с предложением уравнивать оклады учителей. Это предлог, а в действительности — выпад против нас. В рапорте полковник четко сформулировал свое мнение: в случае создания Отамышского двухклассного училища, где будет не два, а четыре учителя и двести учеников, назначить руководителем более опытного, чем Мухамедкули Атабаев. Это ведь несправедливо!

— И в корне меняет прежнюю политику правительства и начальников края и области в отношении кадров местной интеллигенции, — вставил с очень серьезным видом Эфендиев.

Князбеков ничего не ответил, лишь пожал плечами, а Мухамедкули тихо произнес:

— Вторую медаль получил. Светло-бронзовую в честь трехсотлетия царского дома Романовых, с правом ношения.

— Ну, голубчик, мы с вами знаем, как часто медали и ордена выдаются не по заслугам. Вы в добрых приятельских отношениях с инспектором Беляевым, или я не прав? Вот и результат, — Киясбеков оживился.

Кайгысыз и Эфендиев переглянулись, явно довольные столь смелым суждением помощника начальника уезда о порядках присуждения наград.

— Хотя это и так — все же Мухамедкули проявил себя и в деле! Со стороны Пальчевского — это, повторяю, выпад! Незаслуженный против Мухамедкули, против населения и против меня. Это же ясно! — Иомудский потер руки, с удовольствием отпил глоток чая, крепко заваренного по-персидски. — Население возмутится. Его придется усмирять, и опять будут виноваты строптивые туркмены. И появится новая бумага в Петербург о «диких сыновьях диких степей». А все оттого, что Пальчевский не может спать спокойно: видит в Мухамедкули мои глаза, моего верного сторонника — борца против несправедливости.

— Уважаемый Таир-бек, вы тоже отчитали меня, так и не приняв расход на подписку «Нивы» и «Русского богатства», — несмело вставил Мухамедкули. — Помню, как сейчас, ваши слова: «Деньги должны расходоваться на покупку учебных пособий, но не на журналы».

— Мухамедкули-джан, вам не приходилось бывать в моей школе. Я и так окрещен чуть ли не сторонником какой-то организации туркмен, действующей против правительства! Журналы — это мелочь, — с улыбкой произнес Киясбеков. — Вас же отстоял попечительский совет, и Завалишину нечего было сказать.

— Вот в этом Таир-бека следует понять. Однако в главном... Мы так ценим вашу дружбу и нуждаемся в вашей поддержке, — примирительно сказал Иомудский и пододвинул ближе к Киясбекову высокую вазу, полную восточных сладостей из кондитерской Потеряхина.

Ясно было, что Форуц уже не придет, и потому хозяин пригласил гостей в столовую. За обедом разговор перешел на фривольные темы. Аминов, Киясбеков и Иомудский позволили себе даже пикантные анекдоты.

К концу трапезы появился в шикарном шелковом халате Мамед Оразов. Киясбеков заторопился в курительную комнату, потянуть кальян¹ или потешить себя чем-либо другим, ушли подрядчик и хозяин дома. Остальные возвратились в гостиную, где на столе уже стояли вазы, полные скороспелых фруктов — урюка, алычи и черешни. Тут же подали черный кофе по-турецки.

Гостиная была обставлена богато и с большим вкусом. По углам стояли горки, полные фарфоровых, хрустальных, серебряных и золотых предметов домашнего обихода. На стенах висели картины европейских мастеров; но наиболее впечатляющим было довольно крупное полотно кисти неизвестного восточного мастера «Мечеть Кизыл-Имам», изображение одного из чудес мусульманского искусства, находящегося в Мешхеде. Кайгысыз заинтересовался серией китайских статуэток, созданных древним ваятелем как дань богу любви.

— Волнует кровь? — спросил Николай Николаевич. — Пора, пора, Кайгысыз, семьей обзаводиться. Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет.

— А бывший инспектор Ляуданский говаривал: «Холостой много думает, а женатый больше того». Время не пришло. В сердце места нет. Дела наши не движутся. Все только говорим, а царская власть гайки завинчивает. Меня устранили, — пусть сам ушел, но добились своего, а теперь очередь за Мухамедкули.

— Отстоим!

— Нет! У меня есть точные сведения, вчера пришла бумага, кстати, Мухамедкули, подписал ее Остроумов — теперь действительный статский советник. Он исполняет обязанности главного инспектора. Вопрос решен! С сентября твое училище — двухклассное, по типу Ташкентского русско-туземного. Только останется ли оно твоим? Люди, как пчелы, чувствуют где нектар брать. В учителя никто из туркмен не идет. В чиновники, чтобы не насаждать, а угождать, — в голосе Кайгысыза чувствовалась глубокая досада.

— Прав Кайгысыз, положение ухудшается. Администрация сжимает кулак, — убедительным тоном заявил

¹ Прибор для курения табака, в котором табачный дым очищается, проходя через сосуд, наполненный водой.

Эфендиев, — чтобы крепко ударить по местной интеллигенции. Время просвещенных генералов уходит. Раз появились жандармские офицеры — конец просвещению. Еще года нет, как создано в Асхабаде их отделение, а уже дважды меняли здание. Расширяются.

— Ну, тогда что же ты предлагаешь, Қайгысыз? — спросил Иомудский.

— Во всяком случае не поступать как Саади! Время ставить вопросы прошло.

— Да, дорогой мой, но мы и действуем! Разве мало сделали в защиту обиженных?

— Обрати внимание на слова Таир-бека! Он неспроста их сказал: «Какая-то организация туркмен». Значит партия, а раз туркмен, значит против царя! Прихлопнут, как силки кеклика. Надо шире фронт разворачивать. Не на одних мусульман опираться. Союз с русскими, которые думают также, как мы, видят прогресс народа и развитие общества в образовании, культуре, а не в чинах, мундирах и орденах. А таких много! И партия есть, и не одна, — Қайгысыз говорил с жаром, речь его все убыстрялась. — Конечно, таких, как Корунжий Мытный, приставленный кем-то ко мне, и поручики Богданов и Ольшевский — большинство, но и среди офицеров есть настоящие патриоты России.

— Эти поручики мне спать спокойно не дают, — вставил Мухамедкули и грозно свел свои густые брови.

— С царской властью, и мы это на себе испытали, — добра не жди; мирным с ней путем не покончишь. Нужно оружие, а оно в руках армии. Там есть честные офицеры и еще больше солдат, выражающих открытое недовольство властью. Они с охотой идут в партию социал-революционеров. Такие люди есть в Мерве, а значит, и в Асхабаде, Ташкенте, Кызыл-Арвате, Чарджуе. Среди рабочих железнодорожников существует и другая партия социал-демократов. Я знаю некоторых, но они языком не болтают.

— Обидные слова говоришь, мой друг, хотя теоретически и справедливые, — сказал Иомудский и покачал головой. — Я уверен, что ранение генерал-адъютанта Мищенко на маневрах под Асхабадом — дело их рук.

¹ Персидский мыслитель XIII в., более двадцати лет странствовавший в одежде дервиша.

— Я не согласен! Всех генералов не перестреляешь. А на место Мищенко, окажись выстрел более метким, назначили бы другого генерал-губернатора. Он, может быть, на похороны своего предшественника и не поспел бы, но его конец запомнил бы как следует, — высказал свое мнение Эфендиев. — Тот, кто обжегся на молоке, дует на воду.

— Вы правы, Гасан-Муса-Эфенди, я тоже не разделяю политику социал-революционеров, — согласился Иомудский.

— Ну так как же? Если мы через образование не можем покончить с засильем мулл, а убийством генералов — с плохой властью, как же вам быть? — с горячностью спросил Мухамедкули.

— А вот так: надо поменьше в таких домах собираться, а ближе к народу стоять и социалистическую литературу изучать, — Кайгысыз даже повысил голос, но в это время в гостиной появились и заметно посоловевшими глазами хозяин с Мамедом Оразовым, разговор прекратился.

Полная луна щедро лила на землю свой матовый свет. Из всех широт Российской империи только в этих краях она была такой полной и яркой. Тени, отбрасываемые предметами, в ее свете были сочными, границы их обведены жирным графитом. Казалось, все вокруг необыкновенно отливало серебром. Глубокое безмолвие нарушали лишь ночные звуки и шорохи.

Вот послышался и сразу оборвался одинокий собачий лай, проквакала лягушка в недалеком водоеме, по сигналу неведомого дирижера внезапно смолк стрекот цикад, чтобы через мгновение возобновиться. Не нарушали людской сон ни движение скота в загонах, ни редкое блеяние овец, ни фыркание лошади или удар ее копыта о бревна изгороди.

Большой аул Геок-Тепе пребывал в глубоком сне. У входа своей кибитки, не раздеваясь, на кошме, свернулся калачиком Бек-Назар. Он часа два назад пришел из загона, где, по всем признакам, должна была вот-вот ожеребиться кобыла Ильяс-Кара. Бек-Назар не был ее хозяином, но в этом году ее приплод принадлежал ему, ради этого он и холил кобылу у себя последние пять месяцев.

Около скрытого от глаза загона под попоной стоял известный в округе производитель, гнедой жеребец Бек-Назар-Ал. Он был раскован и отдыхал перед работой. Шли месяцы, когда единственный кормилец Бек-Назара, превосходный Бек-Назар-Ал особенно ощутимо пополнял казну своего владельца, которая, как правило, истощалась к началу сезона случки кобыл. Спрос на жеребца, прямого потомка золотисто-буланого Бойноу, был велик. Правнук Бойноу, прославленного в веках, непобедимого на скачках и вряд ли имевшего себе равных, крыл в день до пяти маток и давал превосходное потомство.

Сорокапятилетний Бек-Назар, большой знаток ахалтекинских лошадей, происходящих от «небесных» коней древней Бактрии, имевшей своим гербом галопирующую лошадь, много раз видел счастливые сны, наблюдая благоприятное расположение звезд и другие приметы. Он был уверен, что на этот раз именно ему Ильяс-Кара принесет счастье на все оставшиеся дни его жизни.

Пробудился Бек-Назар от легкого ржания. Оно было коротким, нетребовательным и лишь оповещало — «уже» и говорило «помоги». Бек-Назар моментально вскочил, будто и не спал.

Распахнув створки дверей загона, он увидел лежащую на соломе наполовину освещенную луной Ильяс-Кара. Она с трудом приподняла голову, бок ее натужно вздымался и опускался, по телу волнами ходила судорога. Бек-Назар приложил ладонь к морде кобылы, она приподняла верхнюю губу, нежно коснулась руки и осторожно взяла зубами его пальцы, затем широко, почти полностью разинула пасть. Бек-Назар схватил палку, лежавшую рядом, и сунул ее в рот лошади. Ильяс-Кара стиснула челюсти, послышался хруст, за ним стон и тяжелый, конвульсивный выдох. Большие, выразительные глаза кобылы излучали чувство глубокой благодарности.

Среди свойств ахалтекинской лошади, приближающих ее к племенному идеалу, у ученых неизменно вызывают удивление, казалось бы, несовместимые ее качества. Необузданный, огненный темперамент, неукротимое стремление вперед, будь то в поле или на дорожках ипподрома, строгость к чужому уживаются рядом с нежностью к хозяину, человеку за ней ухажи-

вающему. Объяснение кроется в том, что ахалтекинские лошади на протяжении веков слились со своими владельцами в неразрывное целое. Отсюда и появились такие качества, как преданность, покорность, умение быть благодарным и ласковым с человеком.

У задних ног Ильяс-Кара, накрытых тенью, зашевелился живой комок, Бек-Назар зажег керосиновую лампу. Мать с усилием резко поднялась на ноги, чтобы оборвать пуповину, и тут же вновь рухнула на солому.

Жеребчик подал голос и поднялся на тоненькие, дрожащие и расплзающиеся в стороны ноги.

— О! Ия аллах акбар!¹ — прошептали губы Бек-Назара, сердце его готово было выскочить из груди.

Он отер чистой тряпкой влажную спинку и бока жеребчика, проверил, как оборвалась пуповина, уложил его и тут же насыпал в деревянную миску тщательно просеянного ячменя, рядом положил пучок клевера, поставил миску ближе к морде кобылы, загасил лампу и присел, привалившись спиной к стене сарая.

С наступлением рассвета Бек-Назар внимательно оглядел новорожденного:

— Ягши! Ягши дор ат! Ягшин гермек женнет², — радостно шептали губы Бек-Назара.

И не мог тогда знать страстный и тонкий ценитель ахалтекинских коней, что судьба сведет этого, редкостной масти жеребенка, с удивительным человеком; об этом человеке Бек-Назар ничего не знал даже понаслышке. Он мечтал лишь о том, чтобы вырастить из новорожденного свою гордость, призера будущих скачек.

Телеграмму в банк принес помощник телеграфиста, с которым Кайгысыз встречался в доме Василия Дулова. Увидев своего знакомого, Кайгысыз тут же вышел из-за конторки. Телеграфист пояснил, доставая из кармана бланк с наклеенным на него текстом.

— Поступила рано утром в мое дежурство. Я принял и не стал регистрировать. Если сочтете необходимым, приходите ко мне. У меня удобно. Дулову я сообщу, — говорил служащий почтового ведомства, пока

¹ О! Аллах велик! (араб.).

² Хороший! Добрый коней! Видеть прекрасное — равносильно пребыванию в раю. (туркм.).

Кайгысыз, холодея, читал депешу из Красноводска, в которой жена Иомудского сообщала об аресте Николая Николаевича.

— Надо немедленно отправить телеграмму в Нохур! — сказал Кайгысыз.

— Это можно.

— Нет! Там уже должна быть точно такая. Значит, в моей нет смысла... Так... — Кайгысыз соображал, что нужно сделать прежде всего. Подумав, спросил: — Если вы свободны, я дам денег на лихача. Держите. Прошу, поезжайте в Тохтамышское училище и расскажите все учителю Эфендиеву. В случае его отсутствия, узнайте, не арестован ли он. Если все благополучно, в четыре дня я стану ждать его на почте. А как стемнеет, придите к Василию.

Телеграфист, выслушав его, молча кивнул. Кайгысыз горячо пожал руку молодого человека в чиновничьей форме.

В жизни такое часто случается. Как раз в тот самый день и час, когда Кайгысыз в доме Аминова говорил об опасности создания «какой-то организации туркмен», буквально в двух шагах от жилья персидского мануфактурщика, на той же Офицерской, в помещении уездной Мервской полиции, подполковник «Отдельного Корпуса Жандармов» Иванов, прибывший из Асхабада, на основании статьи 21-й «Положения о мерах к охране Государственного порядка и общественного спокойствия», допрашивал в качестве свидетеля Джапара Берды Худай Берды-оглы, сорока трех лет, жителя из аула Берсен, торгующего хлопком в городе Мерве. В протокол были занесены сведения о том, что «три года как среди туркмен Мервского уезда образована сильная партия Мамедом Оразовым и ханом Иомудским, которые заправляют всем делом». Участники ее Мухамед Бердыев, Анна Гельды Анна Курбанов, Мамед Мурад Овезов, Аминов и другие. Все они дружны с учителями Атабаевыми и Эфендиевым, а также с помощником начальника уезда Киясбековым, в чьих домах они собираются. «В Тохтамышском училище собралось сто туркмен, и Иомудский упал на пол и начал сильно плакать, то же сделал и Мамед Оразов. Иомудский говорил: «Я не боюсь пушек, но плачу за вас, как людей тем-

ных, неразвитых», и утверждал, что туркменам будет очень плохо. Они оба призывали объединиться с Турцией. В сентябре прошлого года в Мерве Мамед Оразов, Мухамедкули Атабаев и Топи-бай Тюре Баев ездили на фаэтоне и собирали деньги, так как должны были отправить в Турцию пятьдесят тысяч рублей. Оба они призывали мусульман клясться на Коране за дружбу против русских. И еще Иомудский говорил: «Я хочу помочь вам, я готов пожертвовать собой. Но вы должны дать клятву, что будете держать в тайне от начальства все, что я стану вам говорить. Вы помните, когда сюда пришли русские, они обещали и заключили соглашение, что не будут нас брать на военную службу, не станут трогать наших земель и нашей воды. А теперь лучшие земли заселяют русские, скоро и мирабами станут русские. На русских надейся, как на воду, на которую ляжешь. Никто из вас не умеет плавать, вы все утонете. Мы вас будем учить плавать, если крепко станете держаться друг за друга. Нам помогут избавиться от русского царя мусульмане Турции и Персии».

Заведующий асхабадским розыскным пунктом, подполковник Иванов допросил и старшину аула Берсен Отамышского района Орамеда соли Мергена-оглы. Тот начал свое свидетельское показание со слов: «Мой отец присягал быть верным русскому правительству и это самое завещал мне. Я, как верноподданный и старшина, показываю вам...». Далее этот, более чем сомнительной честности человек, о чем жандармскому подполковнику, конечно же, было хорошо известно, сообщил то, чего от него ждали и, в том числе, что Мухамедкули читал на втором этаже дома Мамеда Оразова письмо, тайно пришедшее из Турции; и что сам Мамед Оразов, собиравший деньги будто бы на постройку мечети в Санкт-Петербурге, на самом деле отправлял их в Константинополь, и что Иомудский требовал уничтожать все улики, бумаги, письма и меньше говорить и, наконец, что он, Иомудский, собирает с населения подписанные людьми чистые листы для того, чтобы потом он мог хлопотать перед начальством за туркмен, у которых отбирали земли.

— Погодите! — остановил подполковник ротмистра Пригару, который вел запись протокола, общаясь с

Орамедом Сопи то по-русски, то через переводчика Гулиева. — Это не надо! Или вот как запишите. Собирали с населения чистые листы с подписями людей, чтобы от их имени составлять жалобы... Нет! Чтобы от их имени просить Турцию, Персию и Афганистан о помощи. Вот так! Так будет вернее.

В общей сложности, по делу о «панисламистской партии», которое фабриковалось жандармерией, прошло тринадцать человек. Ох, какими оказались недальновидными чины Отдельного Корпуса... из-за отсутствия у них предрассудков. Поскупились! Что им стоило притянуть еще одного? Он просто был бы четырнадцатым. Однако у подполковника родилась и крепко засела мысль заполучить свидетеля на судебном процессе из среды самих участников этого «дела». Им, в виде раскаявшегося и понявшего всю пагубность своих действий, должен был стать учитель Эфендиев. Верно, фигура колоритная, и Эфендиева затаскали на допрос в качестве свидетеля, но он не дрогнул. Он очень спокойно все отрицал и ни на какие предложения не соглашался. Подполковника это бесило и неизвестно, что бы он сказал и как бы себя повел дальше, узнай он, что Эфендиев всякий раз перед встречей с Ивановым читал Салтыкова-Щедрина, а во время допроса вспоминал прочитанное.

То, как отнеслось население к аресту Иомудского, Мухамедкули и других радовало Кайгысыза. Во-первых, оказалось, что нет никаких компрометирующих документов, кроме свидетельских показаний. У Мухамедкули была изъята ученическая тетрадь с письменными упражнениями по персидскому языку, в которую были написаны его рукой еще в феврале 1907 года тексты «Варшавянки», «Марсельезы», «Дубинушки» и «Красного знамени». Во-вторых, аресты вызвали волнения среди туркменского населения как в Красноводском, так и в Мервском, Тедженском и Асхабадском уездах. Стихийно раздавались призывы к восстанию. Тедженские туркмены подали жалобу на имя начальника Туркестанского края. В-третьих, что поначалу Кайгысыза более всего порадовало, а потом стало раздражать, — незамедлительно, одно за другим, пришли письма от генерала Куропаткина и от министра Су-

хомлинова. Архивы, верные слуги истинной истории, сохранили их.

«22 июля 1913 года
с. Шешурино

Многоуважаемый Леонид Вильгельмович!

Все собирался написать Вам, пожелать успеха в Вашей важной для нашей родины деятельности и поблагодарить за добрую обо мне память. Сегодня получил несколько писем, которые понудили меня быстро написать Вам настоящее письмо. В этих письмах мне сообщают, что Н. Н. хан Иомудский арестован по обвинению в том, что будто бы «пытался подготовить и склонить население к ниспровержению существующего порядка».

Я очень близко знаю Иомудского 22 года и свидетельствую, что это обвинение может явиться лишь подлою интригою его многочисленных врагов, уличенных им разновременно в мошенничестве, уволенных от должностей и оставшихся жить в области. В числе его врагов есть и туркмены. Иомудский кристальной честности человек, преданный Государю и считающий себя русским. Припомните страшную болезнь от тифа в Мервском оазисе. Поручик Иомудский жертвовал своей жизнью, спасая население. Также действовал он и в голодный год. Еще недавно он ездил во главе депутации за свой счет представиться Государю по случаю 300-летия Дома Романовых.

Вы должны также хорошо знать, как и я, что составить ложное обвинение, найти подставных свидетелей, дать ложную присягу — все это не только в Азии, но и в России весьма легко. Не примите же на себя тяжкого греха осудить Иомудского, не приложив все усилия раскрыть истину. Такое дело опасно вести в порядке охраны. Даже не найдя достаточных поводов к обвинению, так легко поставить приговор: «удалить из области», а этого только и хотят враги его. Иомудский — представитель честной работы на пользу России и туркменского населения, и все уличенные во взяточничестве — враги его.

Помогите честному человеку. Эта помощь

проста: добейтесь направления дела Иомудского к энергичному и не партийному следователю и Вы увидите, как все обвинения окажутся выдуманными.

*Любящий и верящий Вам
А. Куропаткин».*

И другое письмо:

«ВОЕННЫЙ МИНИСТР

По Главному Штабу

28 июля 1913 года

№ 94

Милостивый Государь,
Василий Егорович.

Из газет и частных сведений мне стало известно о состоявшемся, в порядке охраны, аресте отставного полковника хана Иомудского и нескольких видных туркмен Закаспийской области, и о беспокойном, вследствие этого, настроении туркменского населения некоторых уездов.

Не касаясь по существу причин, вызвавших аресты, о чем я буду ожидать Вашего сообщения после справедливого и беспристрастного следования, я не могу не обратить внимания Вашего Превосходительства на необходимость крайне осторожного отношения к туркменскому населению области. Их всегдашняя, засвидетельствованная всеми в течение многих лет лояльность и преданность нам могут подвергнуться тяжелому испытанию, если принятые суровые меры не найдут себе подтверждения в достаточной вескости причин, их вызвавших.

*Уважающий Вас
В. Сухомлинов.*

Его Превосходительству

Е. В. Флугу

Вр. И. д. Туркестанского
Генерал-Губернатора».

Вперед, шагах в двадцати по тротуару Чернявской улицы шел мужчина, одетый в элегантную, сто-

личного покроя кремовую тройку. Кайгысызу показались знакомыми фигура и походка. «Как похож на капитана Карташева». Это действительно был капитан Карташев в непривычной штатской одежде. Он остановился у газетного киоска. Кайгысыз подошел и поздоровался:

— Добрый день, вы что же снова прибыли к нам на службу?

— Нет, Константин Сергеевич, я из отпуска. Проездом. Мне необходимо познакомиться с подлинником одного документа, составленного Алихановым, еще в бытность его прапорщиком. Документ сей хранится в городской библиотеке.

— И я туда иду.

По дороге Кайгысыз рассказал Карташеву историю ареста Мухамедкули и подполковника Иомудского.

— Иомудский, кажется, получил подполковника в связи с выходом в отставку? И чем же он стал заниматься?

— Работал помощником присяжного поверенного в окружном суде. За него вступились генерал Куропаткин и даже сам Сухомлинов. Но арестованные по-прежнему под стражей, хотя всем ясно, что их ложно обвинили.

— Да, нынче в Российской империи такое случается. Администрация на местах не повинует высшей власти. Власть принимает решение, а на местах читают его и кладут под сукно. Это, знаете, Константин Сергеевич, плохой признак. Опасная болезнь, от которой не так-то просто излечиться. Чаще всего подобная болезнь приводит к гибели строя.

Кайгысыз остановился у входа в библиотеку и пропустил вперед Карташева.

В начале сентября в Ташкент после двухмесячного отпуска возвратился генерал-губернатор Самсонов. Он довольно хорошо знал край и чиновников своей администрации. Просмотрев материалы дела, он немедленно отдал распоряжение генерал-лейтенанту Лешу: прекратить дальнейшее расследование и всех арестованных освободить.

Иомудский, хоть и содержался отдельно от остальных на гарнизонной гауптвахте в Асхабаде, был доведен до крайней степени истощения, изнурен и нуждался в

помощи врача-психиатра. Только в декабре покинувший область сразу после освобождения Николай Николаевич смог сесть за составление жалобы на имя царя. В первые дни нового, 1914 года, по высочайшему повелению в Асхабад отправился помощник главного военного прокурора генерал-майор Игнатович. Все «свидетели» при первом же допросе их генерал-майором дружно отказались от своих первоначальных показаний и довели до его сведения многое другое. Игнатович очень быстро сделал вывод: «Все первоначальные сведения, положенные начальником Туркестанского районного охранного отделения в основу своего доклада генерал-лейтенанту Флугу, были почерпнуты из таких источников и при таких условиях, которые лишают возможным признать за ними какую-либо достоверность».

Так писал занимавший высокий пост правительственный чиновник, которому, однако, уже было доподлинно известно, что причиной всему послужили политические мотивы. Но не по вине Иомудского и сколоченной вокруг него группы, а из-за вражды чинов администрации, их непомерных амбиций. Игнатович установил и такой факт, что мервский армянин Мелик Джанов, являвшийся агентом розыскного пункта, между тем, верой и правдой служил полковнику Пальчевскому. Мелик Джанов переводил подполковнику Иванову так, как то было угодно начальнику уезда, и одновременно не гнушался вымогать деньги у родственников подсудимых. В руках Игнатовича оказался обширный и достоверный материал, доказывающий, без тени каких-либо сомнений, что штабс-капитан Завалишин действовал в деле по указанию того же Пальчевского, а в своей обычной служебной деятельности принуждал туркмен давать крупные взятки начальнику уезда. Административные чиновники были уличены в превышении власти и проведении беззастенчивых поборов.

Полковник Пальчевский, а затем и штабс-капитан Завалишин были отстранены от должностей.

Перед возвращением в Петербург генерал-майор Игнатович счел своим долгом побеседовать с начальником области. На беседу он специально пригласил подполковника Иванова. Беседа длилась уже более часа. В конце беседы Игнатович заявил:

— Ну, господа, я все же не могу оставить Асхабада

с уверенностью, что вам обоим не было известно о стремлении полковника Пальчевского осуждением Мамеда Оразова покончить в свою личную пользу дело со спорной землей, прилегающей к Мерау. — Игнатович порядком устал от разговора, а собеседники предпочли от ответа уклониться. — Ну, хорошо, бог вам судья. Однако непростительно зам, генерал-лейтенант, ведь ясно, что арест таких, к примеру, влиятельных гуркмен, как Анна Гельды и, в особенности, Мухамед Берды-хана, удостоенных правительственных наград, неотвратимо приведет не только к личной обиде и значительным материальным убыткам для этих лиц, но, что всего важнее, вызовет нежелательные последствия в области русского дела. Аресты оставили у населения след общей обиды, поскольку это было истолковано не иначе, как общее обвинение против всех туркмен.

— Как бы не так! — выпалил генерал-лейтенант и васопел.

— Именно так, ваше превосходительство! Вот, например, старая Гюльджемал, чуть ли не со слезами на глазах заявила мне, что по наговору нескольких лиц, — заметьте, сколь она чиста и наивна, — оклеветаны все туркмены, им всем оказано недоверие. «Мы были всегда преданы белому царю», — сказала она напоследок. Вот чем оборачивается неряшливость в делах!

— Ваше превосходительство, все же извольте правильно понимать мои действия, — подполковник Иванов держался достаточно уверенно, жандармские погоны придавали ему вес.

— Однако как это вас угораздило, подполковник? Уж не преждевременное ли повышение в звании позволило вам сотворить такую глупость? Ваш малолетний сын и тот не поверит. «Туркмены пытаются сбросить с себя Россию при помощи афганцев и персов». Своих давних и кровных врагов. Ай-аяй!

Жандармский подполковник в очередной раз отер лицо и шею носовым платком и решил открыть последний козырь.

— Ваше превосходительство, мне было ясно дано понять, что Иомудского следует привлечь и убрать, так как вскоре в Закаспийской области должен решаться вопрос с кярендными землями и передачей их русским переселенцам.

— Ради этого, голубчик, надо было прежде лучше подумать. Теперь вот вы и покрутитесь, господа!

— Во всяком случае, ваше превосходительство, я остаюсь при своем мнении. Иомудскому, этому смутьяну, и врагу строя, следует воспретить пребывание в Туркестанском крае, а Атабаева, Топпи-бая и Мамеда Оравова выслать на два года под гласный надзор полиции в Мангышлакский уезд, — уверенно закончил подполковник и как бы в подтверждение своей правоты хлопнул себя по колену.

Генерал-майор Игнатович доложил в Петербурге о результатах своей поездки в Закаспийскую область, составив пространный рапорт. Военный министр Сухомлинов наложил на него резолюцию: «Действительно, все это дело, по-видимому, сильно раздуто». По всей вероятности, когда он знакомился с рапортом, голова его была занята содержанием тайных депеш, поступавших от агентуры в связи с занимавшимся пожаром первой мировой войны.

Министр внутренних дел, которому также доложили о рапорте Игнатовича, начертил на нем нечто более вразумительное. Мысль его была весьма характерна для царского министра внутренних дел того времени: «Напрасно начинают такие неверные дела; только раздражение этим вызывают, а пользы никакой!».

Гнедой жеребчик совсем недавно расстался с матерью. Ильяс-Қара отправилась в дом своего владельца. Дор теперь жил рядом с Бек-Назар-Алом, который, как говорил хозяин, был его родным отцом, но, — такова уж лошадиная порода, — к нему совсем не относился так, как славная Ильяс-Қара. Ал был старшим, так и вел себя по отношению к Дору, но тот благоговел перед отцом, его статью, умением быстро и красиво скакать и гордился тем уважением, которое, при одном упоминании имени Бек-Назар-Ала, проявляли к его отцу все вокруг.

Сейчас они втроем возвращались с прогулки. Было холодно и сыро, временами моросил дождичек, а Дору хотелось резвиться. В эти дни он впервые почувствовал силу окрика своего хозяина. Странно, однако, в нем порой и внезапно просыпался какой-то бес, который вставлял совершать поступки, вызывающие резкий

возглас и порицание хозяина. Дору нравилось и пересчитать ему, и подчиняться.

Они приближались к небольшому мосту через полноводный арык. Хозяин придерживал Бек-Назар-Ала. Это, естественно, означало и для него, Дора, что следовало умерить бег и пройти мост шагом. Но бес как раз тут и проснулся, Дор решил проскочить мост вскачь. Уже, казалось, он был позади, как неожиданно передние ноги опасно заскользили, Дор напряг силы и прыгнул вперед, оттолкнувшись задними. И в этот самый миг из ямы рядом взмыл стервятник. Он напугал жеребенка, тот прыгнул и угодил передними ногами прямо на оставленное кем-то бревно. Оно лежало на краю другой канавы и от удара копыт покатилося вместе с жеребенком на дно. Дор издал пронзительный крик, почувствовав чуть выше правого колена задней ноги острую боль, и понял, что не может подняться. Бревно придавило ногу. Он поднял голову в поисках хозяина, а тот был уже рядом.

Бек-Назар, сам не свой от страха, скатился на дно канавы, полной жидкой грязи, приподнял бревно, отпихнул его и властным голосом приказал Дору лежать. Хозяин положил свои теплые, нежные руки на место, откуда уже начинала уходить нестерпимая боль, Бек-Назар ощупал место ушиба, убедился, что кость цела, лишь разошлась кожа и появилась кровь. Дор снова хотел было вскочить на ноги, но хозяин лег на него и заплакал. Дор не знал, что такое слезы, но ему впервые так сильно передалось чувство, которое в ту минуту испытывал его хозяин. Он тоже страдал, был охвачен ни с чем несравнимым горем. Сердце Дора вабилося чаще.

Так они пролежали в холодной жиже минуту. Затем хозяин встал и принялся осторожно поднимать его на ноги. Дор поджал правую ногу и тогда Бек-Назар подлез под него, выпрямился и так, на плечах, вытащил из канавы и нес с версту по дому. Бек-Назар-Ал послушно плелся за ними.

Дор удивлялся и несказанно радовался тому, с каким вниманием и с какой заботой хозяин выхаживал его. Сразу же очистил и перевязал больное место, потом не позволял Дору подниматься на ноги. Только

через несколько дней хозяин, с тоской в глазах, разрешил ему пройти шагом перед кибиткой.

Дор вспомнил материнскую ласку и проникся горячей любовью к своему хозяину.

Время летело стремительно, как на крыльях. Бек-Назар внимательно следил за Дором. Казалось, что жеребец понимает смысл приготовлений, кони занимались его хозяин. Дор чувствовал, что ему предстоит, но вел себя при этом спокойно.

Во время первых выхаживаний на поводу и проезде со снопами клевера в седле Дор с удовольствием принимал участие, как ему казалось, в игре. Но вот в годовалом возрасте, когда на спину коня усадили мальчика, Дор тут же его сбросил. И никакая ласка, никакие уговоры Бек-Назара не помогли. Всех соседских мальчишек, кого только хозяин не водружал на спину Дору, тот упорно и ловко сбрасывал.

Сегодня предстояла первая заездка. Полутсрагодовалый Дор впервые должен ощутить тяжесть человеческого тела.

Бек-Назар сдернул попоу, старательно вытер спину жеребца и положил мягкий поярковый потничек, на него тонкий войлочный и еще сверху толстый войлок, старательно обшитый куском красного домотканого полотна. Седло, с особо сделанным деревянным ленчиком, аккуратно обтянутым нежной кожей, легло на спину словно составная часть тела коня. Уздечка, украшенная полудрагоценными камнями и металлическими бляхами, была надета с нежными словами. «Строгие» витые удила с лопатками, препятствующими перекадыванию языка поверх удила, вызвали раздражение жеребца, но Бек-Назар видел, что это ненадолго. Он чувствовал, что его приподнятое настроение передалось Дору, и тот тоже готовился к важному событию.

До околицы аула Дор спокойно прошел в поводу, но как только Бек-Назар вскочил ему на спину, тут же понесся, правда, не пытаясь сбросить хозяина на землю. Внезапно жеребец встал, закинулся в сторону, попятился назад, закусил удила и хотел было мчаться вновь, но Бек-Назар проворно выпрыгнул из седла. Он нежно положил руку на шею Дора, ласково похлопал. Жеребец скосил глаз, недоверчиво, но уже без злости. Он

вдруг понял, что за свое поведение, возможно, достоин наказания. Но что это? Дор еще сосунком усвоил сколь была сильна и властна рука хозяина. От мысли, которая пришла в голову, от точеной шеи, ощутившей ласку хозяйской ладони, по всему телу коня разлилось чувство, называемое людьми словом «нежность». Дор расслабился и хотел было вытянуть морду, чтобы мягкими губами прикоснуться к руке хозяина, но услышал: «Ягши, ягши!» Кто-кто, а Бек-Назар давно знал, что влонравность у лошади от человека. Жестокое и несправедливое отношение к ней вызывает у животного мстительность и недоверчивость.

Бек-Назар проверил как пригнана упряжь и вновь внезапно вскочил в седло. Жеребец сорвался с места, но тут же ощутил волю седока, передаваемую вожжами. Узды натянулась, удила вершили свое дело. Дор замедлил ход и почувствовал, как хозяин ободрил его, похлопав по шее. Бек-Назар ослабил повод, жеребец снова понес, но вновь должен был подчиниться воле хозяина, который, как только Дор перешел на рысь, коснулся поводом правой стороны шеи, слегка натянув его. Жеребец резко взял вправо и, к радости хозяина, сделал полный вольт. Бек-Назар оставил седло, погладил коня, заговорил с ним ласковым голосом:

— Умница, радуешь мое сердце. — Бек-Назар достал из кармана кусочек сахара. — На, лакомись, молодец. Очень хорошо! Ты хороший! Молодец!

С этими словами Бек-Назар перекинул повод через голову коня, завязал узлом, чтобы не болтался. Дор еще нервничал, дрожал всем телом. Хозяин бросил повод ему на шею и решительно зашагал прочь. Жеребец насторожился, а Бек-Назар знал, что делал. Это был один из его приемов, знающего свое дело сейнса-тренера, который, если удавался, обязательно приносил желаемый результат. Иные жеребцы начинали скакать, высоко закидывая голову, брыкаясь. А вот это станет делать Дор?

Бек-Назар шел, не поворачиваясь, он не слышал, чтобы жеребец, почувствовав свободу, принялся забавляться или в бесшабашной скачке успокаивать себя, снимать неприятное и обидное ощущение от необходимости подчинения чужой воле.

Очень хотелось обернуться, посмотреть, но опытный

лошадник твердым шагом уходил от коня. Наступил момент, когда в душу вкралось сомнение, и именно тогда до слуха донеслись призывное ржание и приближавшийся топот.

Бек-Назар остановился, повернулся лицом к скакавшему жеребцу, широко расставил в стороны руки и опустился на колени, воздавая дань благодарности всевышнему.

Глава девятая

ВОИНА

Жителей Мерва с каждой неделей все сильнее охватывал ажиотаж, порожденный добрыми патристическими чувствами. Новый начальник уезда, полковник Пересвет-Солтан, прилагал к тому немалые усилия. Собрания, расклеенные по стенам городских зданий плакаты, листовки, сборы пожертвований, встречи военных с учащейся молодежью, поощрения граждан, призывающих на бой за Россию, царя и Отечество, — было все это делом его рук.

Мухамедкули, до того работавший переводчиком асхабадской уездной канцелярии, теперь был назначен учителем-смотрителем Челекенского русско-туземного училища. Кайгысыз чаще теперь встречался с Атанязовым и Эфендиевым, которые, при всем их желании, не могли ответить на волновавшие Кайгысыза вопросы. Ата сам страдал от мысли, что лучших из туркмен забирают в армию для защиты власти, по существу угнетающей туркмен.

Ну, ладно бы, набирали в строй, давали в руки оружие, а то на строительные, тыловые работы, и семьи оставались без кормильцев.

Ата начал собирать сведения и вести учет именитых производителей из ахалтекинских коней, которые гибли на войне. Атанязов давно сетовал на то, что царские чиновники были не в состоянии оценить по достоинству ахалтекинскую лошадь, и потому действия русских властей Закаспийской области, если не прямо, то косвенно, вели к утрате этой исключительной и знаменитой породы.

Встречи с Василием Дуловым и его друзьями от-

крывали Кайгысызу глаза, помогали лучше понимать многие политические истины. Однако руководитель группы решительно не соглашался принять Кайгысыза в члены организации. Кайгысыз был далек от мысли, что ему могут не доверять, — Дулов и телеграфист часто пользовались различными его услугами. Атабаев полагал, что для политической работы он был слабо подготовлен. Потому и искал новых знакомых. Среди них были конторский служащий, однорукий Василий Мальков, и владелец недавно открытого в Мерве аптекарского магазина «Гигиена» Антон Лукич Григорьев. Последний убедительнее и доступнее, чем Мальков, умел разъяснить многие, пока не ясные Кайгысызу вещи; к Григорьеву он и ходил охотнее.

— Вы такой умный, такой образованный, а так быстро меняете свои привычки, — укорял Кайгысыза владелец самой крупной аптеки города Иосиф Лифшиц. — И что вы нашли интересного у этого лавочника от медицины?!

Аптекарь был далек от мысли, что молодой организм банковского служащего Константина Сергеевича Атабаева вовсе не нуждался в пилюлях и порошках и что молодой человек жадно искал лекарств духовных. Антон Лукич бескорыстно снабжал ими Кайгысыза. Только гдетьего дня он предельно четко объяснил, например, причину возникновения мировой войны:

— Зачинщики войны — германские голстосумы. Выражаясь научным книжным языком, это те, кто составляет молодой германский империализм. Он моложе английского и французского, возможно, поэтому ему и показалось, что сильнее. Он развязал войну с целью перекроить, то есть, заново переделать мир. Естественно, в свою пользу. Победить и отобрать у Англии ее заморские владения, а у Франции, Голландии и Бельгии — их колонии. Ничуть не лучше голстосумов-бошей и другие империалисты, которые сейчас воюют против них. Как же! Ты хочешь взять, а я не отдам! Они-то не противились развязыванию войны по двум причинам. Первая: их пугал неукротимый рост революционного движения во многих странах, а том числе в России.

Предновогодний вечер в Гражданском собрании Мерва, со сбором средств в пользу семейств воинов,

сражавшихся на фронтах, был затеей супруги командира гарнизона генерал-майора Редько. Открывая вечер, она, почетная блюстительница высшего начального и женского городских училищ, с похвалой отозвалась о детях, которые, по своей инициативе, отказались от устройства рождественских елок в пользу тех, чьи кормильцы защищают царя и Отечество.

— «Полезно слушать учителя, но иногда нужно послушать и ученика», — бытует среди местного населения поговорка. Вот мы, господа, как подобает взрослым патриотам, последуем за детьми и, в свою очередь, покажем им пример... — Когда жена командира гарнизона упомянула туркменскую поговорку, она достаточно выразительно взглянула на Кайгысыза, стоявшего неподалеку от нее.

Он был одет соответственно событию — из магазина «Бонер-дедам». Его владелец Круглов находился в тесных приятельских отношениях с управляющим Мервским агентством Учетно-ссудного банка Персии Михайловым и лично занимался подбором костюма для Кайгысыза. Круглов и Михайлов присутствовали на вечере и, по расчетам мадам Редько, должны были задать тон своею щедростью. Чуть поодаль толклись тесной группкой владельцы магазинов золотых и серебряных изделий Гукасянц и братья Парсаданян, владелец мануфактурных магазинов Тер-Погосянц, местные «короли» один — железа, стали и чугуна Мекертичанц и другой — винных погребов — Асадов. Не собирались, однако, уступать им виноторговцы Сандухалзе с Чхеидзе и местные дельцы Антонов, Кислов, Гусев и другие.

Цены на все, начиная от входных билетов и кончая цветами, предлагавшимися самыми красивыми ученицами, были взвинчены до предела. Работали буфеты, были организованы лотереи, конкурсы, продажа только что вышедших дорогих книг, различных сувениров. В зале гремел оркестр, одна мелодия сменялась другой.

Первым, с кем танцевала мадам Редько, был Круглов. Он имел перед другими веское преимущество — одевал местных дам во французское белое и английские туалеты. Да к тому же славился как большой знаток вообще по дамской части.

— Второй танец я дарю вам, Константин Сергее-

вич, — громко произнесла устроительница вечера, беря под руку Круглова.

Это светское обещание удивило Кайгысыза. Супруг ее подошел к явно смущенному Кайгысызу.

— Вы, я так полагаю, господин Атабаев, из банка Персии? Наслышан о вас, — в голосе генерала не звучало ни нотки иронии. — Представьте себе, в часы отдыха я люблю слушать женскую болтовню. Забавно, знаете, когда они представляют себя государственными деятельницами. Ну, учительницы женских гимназий, сестры милосердия — это прекрасно!.. Но... да вот, посмотрите, молодой человек, на эту государственную деятельницу, — генерал указал легким кивком головы на довольно солидную даму. Это была мадам Пономарева, содержательница Мервской частной женской прогимназии. — Это же унтер-офицер в юбке!

Кайгысыз молчал, будучи не в состоянии тут же осмыслить сказанное генералом. Командир гарнизона между тем продолжал:

— Да, не напрасно, однако, школьные дамы о вас так часто говорят. По-дружески, наиболее рьяной вашей защитницей является мадам Колленниченко. Ну и достается же всякий раз от нее за вас господину министру образования.

К их беседе напряженно прислушивался видный собой статский советник Греков, директор открывшегося в августе Мервского реального училища. Он был новичком в Туркестане, старательно изучал характер взаимоотношений русских с представителями местного населения, одолевших русскую культуру.

После минутного перерыва вновь загремел оркестр, и Кайгысыз вышел в круг со своей невольной партнершей. Оставившая за плечами балзаковский возраст, но еще статная и живая, мадам Редько привлекала общее внимание не только как устроительница вечера. Во время танца с генеральшей Кайгысыз взмок, хоть меняй рубаху. Мало того, что он не очень ловко танцевал: в круг решились выйти лишь смельчаки, которые не могли позволить устроительнице бала танцевать в зале одной. Но не только это привело в смятение Кайгысыза. Генеральша, используя каждую возможность, прижималась к нему своим пышным бюстом гораздо энергичнее, чем того требовал танец, а перед концом

его просто призналась, что Константин Сергеевич волнуется ее.

После легких закусок и мороженого участники вечера получили возможность передохнуть. Вокруг генерала Редько собрались мужчины: командиры казачьего и 13-го стрелкового полков, артиллерийский полковник, подполковник Александров — новый помощник начальника уезда, местный интендант, статский советник Вараксин и Михайлов. Кайгысыз попытался было уйти, но генерал, к удивлению присутствующих, попросил молодого человека остаться и тут же задал ему вопрос:

— Вот вы, Константин Сергеевич, личность выдающаяся, если верить слабому полу, — не мог отказать себе в удовольствии дружески поддеть этого генерала, — что вы думаете о войне?

Кайгысыз явно растерялся, с языка прямо-таки рвались, — ничего другого придумать он в тот миг не мог, — слова аптекаря Антона Лукича. На помощь своему служащему пришел расторопный Михайлов.

Тиха Россия и смиренна,
В молитвах грудится она,
Но от обиды дерзновенной
Она встает, как Бог, грозна.
Она идет за правду Божью,
Неодолима и строга.
Чтоб, победив, к Его подножью
Сложить орудия врага.

Кайгысыз припомнил, что это стихотворение печаталось в газете «Трудовая копейка».

— Bravo, Иван Михайлович! Вдвойне! И за товарищескую выручку в бою. Однако, Константин Сергеевич, следует быть расторопней! — попенял генерал-майор.

— «К Его подножью сложить оружие врага». И мы сложили это оружие в Галицийской битве! — пылко заявил казачий подполковник.

Греков, опытный педагог, чувствуя, что Атабаеву неизвестно то, о чем заговорил полковник, спросил:

— А кто из вас, господа, пояснит мне, сугубо штатскому человеку, в чем суть этой битвы. — Грекову хотелось проследить за реакцией молодого туркмена.

Генерал повел взглядом, как бы нища того, кто это сделает, поскольку ему ли касаться прописных, всем

известных истин. Ответ решился дать командир пехотного полка.

— Войну, как известно, Германия объявила России первого августа, но ударила тут же мощными силами по англичанам и французам, на плацдарме между реками Мозелем и Шельдой. Англо-французское командование допустило ряд серьезных ошибок, и германцы вынудили их армии к отходу. Они покатались под самый Париж, — полковник вспомнил этот божественный город и сделал паузу, которой воспользовался артиллерист.

— Тогда-то гальский петушок и потребовал от российской курочки немедленно снести золотое яичко. Наши армии еще не до конца были мобилизованы, но в России храбрыми оказались не только ее солдаты. И бог был на нашей стороне!

— Полковник, но вы же не станете отрицать, что мы выиграли Галицийское сражение не только храбростью, но и умением, военным мастерством, — заметил генерал.

— Да, в течение тридцати трех дней наша восьмая и третья армии расколошматили австро-венгерские силы. Но, господа, какой ценой?

— Мы обязаны были двигаться дальше, вторгнуться кавалерийскими дивизиями в пределы Венгрии, поставить ее на колени! — запальчиво заявил казачий полковник.

— Ну, так что же нас сдержало? — поинтересовался Греков.

— То, чего нам не хватало до конца операции: резервы, боеприпасы, должное обеспечение. Да и полегло там напрасно немало буйных голов, — артиллерийский полковник склонил голову на грудь.

— Однако, в результате австро-венгерская армия разбита и ей не организовать вновь, — как бы резюмировал спор генерал. — Да к тому же мы вынудили германское командование спешно снять с Марнского направления два пехотных корпуса, одну кавдивизию и еще один кавкорпус отправить в Восточную Пруссию. Наши доблестные воины в самом начале войны, что, заметьте, могло стать для Англии и Франции их концом, уберегли англо-французские войска от полного разгрома под Парижем и на Марне.

Греков видел, как глаза Кайгысыза засветились страстным огнем. «Темпераментен и чувствует, что Россия ему родина, или просто честен и потому благодарен за данное ему образование», — подумал статский советник, а вслух произнес:

— Ну, а что сейчас происходит на поле сражений?

— Кавказская армия в Сарыкамышском сражении крепко бьет гуток, — выпалил казачий полковник.

В груди Кайгысыза шевельнулось незнакомое доселе чувство. Подполковник Александров, достав из нагрудного кармана парадного мундира бумагу, заговорил:

— Господа, свежайшие сведения из действующей армии! Командир Текинского конного полка пишет начальнику уезда. Благодарит за посланные подарки. Послушайте! «Спешу принести глубокую благодарность Вам всем, оказавшим внимание и заботу моим подчиненным, которые своей доблестной службой, своей выдержкой и терпением в тяжелейших испытаниях, создали себе в армии славу и показали, что достойны своих славных предков и того внимания, которое им оказывается. Несказанно рад командовать полком, чины которого так беззаветно преданы царю и Родине, и проявили уже такую высокую воинскую доблесть. В летописях войны будет записано, что Текинский полк принимал участие в сорокадневной битве на фронте между Вислой и Бартой. Полковник Дроздовский». Вот какие там дела, господа!

— Ваше превосходительство, — неведомая сила подвела Кайгысыза к креслу, — я хочу на фронт! Помогите вступить в армию. Я хочу сражаться!

В соседнем зале заиграла музыка, вечер вновь набирал силу, а вокруг генерала воцарилась тишина. Греков глядел на Кайгысыза восхищенными глазами.

— У вас, Константин Сергеевич, нет военного образования, — умиротворенно и в то же время как-то потечески заметил Михайлов и жестом предложил Кайгысызу сесть.

— Иван Михайлович, ведь можно вольноопределяющимся!

— На войне от них мало толку, — вмешался в разговор пехотный полковник.

— Ну, а если он сядет на коня? — спросил генерал и решительно заявил: — Знаете ли, кто не видел ге-

кинского дивизиона, тот не видел настоящей конницы! Да, господин казак, вы не обижайтесь. Это было в прошлом, вспомните хотя бы Тамерлана, это есть и в наши дни. Что же касается вас, молодой человек, то следует подумать. Я попытаюсь вам помочь. Ну вот!

Генерал заметил, как к ним приближалась его раскрасневшаяся супруга, которая тут же подняла всех на ноги и увела в комнату, где начинался розыгрыш самой главной лотереи.

Вот когда Кайгысыз ругал себя последними словами за необъяснимое состояние, возникшее в тот предновогодний вечер в Общественном собрании, которое, вопреки его желанию, толкнуло его проситься на фронт. В банке его разыскала жена телеграфиста и со слезами на глазах сообщила, что ее мужа, Дулова, и еще одиннадцать человек высылают за пределы области. Их держат под арестом и отпустят только, когда семьи соберутся, а на руках уже будут железнодорожные билеты.

После работы Кайгысыз забежал к Петру Бессчетному домой и тот разъяснил:

— Такие меры приняты жандармерией в связи с вредной деятельностью, на основании пунктов 4-го и 16-го «Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия». Многим лицам в Асхабаде, Мерве, Чарджуе, Кизыл-Арвате воспрещено пребывание в местностях Туркестанского края, объявленного в полосу усиленной охраны. Уже высланы сорок один человек.

Буквально на следующий день Петр сообщил Кайгысызу, что полковник Пересвет-Солтан объявил по уезду розыск солдат, в том числе и Ерофея Потапова.

В то же время, — это Кайгысызу не было известно, — заведующий розыскным пунктом Закаспийской области, подполковник Иванов сообщал начальнику области о том, что среди туркмен Мервского и Асхабадского уездов распространяется слух, будто Иомудский предполагает в скором времени вернуться в Ашхабад. «Ввиду несомненного вредного влияния хана Иомудского на туркмен Закаспийской области и близких его отношений с Юсуп-ханом, на которого имеются основательные негласные сведения о сношениях его с Афганиста-

ном, появление в Закаспийской области хана Иомудского и особенно в настоящее время крайне нежелательно», — доносил подполковник, заботясь прежде всего о своем собственном покое. Генерал-лейтенант Леш же внял просьбе жандармов, и Николай Николаевич снова вынужден был надеть военную форму и немедленно отбыть в действующую армию.

С тяжелой душой Кайгысыз, по настоятельной просьбе Михайлова, согласился придти в дом генерала Редько на прощальный вечер. Генералу давали дивизию на Юго-Западном фронте.

Весь вечер в глазах генеральши светилась печаль по утраченной надежде. Это заметил и Михайлов. Уже пожилой человек, он понял эту женскую печаль. Понял и не отказал — дал ей слово, как только она попросила.

— Голубчик, Иван Михайлович, надеюсь на вас: не оставьте без внимания Константина Сергеевича! Он способный... милый, — женщина не скрывала своих чувств.

Вскоре Михайлов улучил минутку, и зная, что за ними наблюдает хозяйка дома, сообщил Кайгысызу:

— Константин Сергеевич, я вот думаю: помощник-го у Смирнова допускает ошибки, утратил необходимую быстроту. Ему пора на отдых. Готовьтесь!

— Но что скажет Пальтсер? У меня с ним, Иван Михайлович, не очень добрые отношения. Вы же знаете.

— Есть сведения, пока между нами, что в Тегеране готовят ему замену. Человек с какой-то итальянской фамилией.

— Если считаете, что справлюсь, я в радостью.

— Ну, вот и хорошо, а сейчас будьте хоть на прощание повнимательнее к хозяйке дома. Нуте-ка!

Кайгысыз внутренне сжался, но тут же отогнал от себя мысль, что предложение, только что ему сделанное управляющим банка, — протекция генеральши.

Она же на прощание попросила Кайгысыза поцеловать ее, накинула ему на шею и торопливо спрятала за ворот золотую цепочку с медальоном.

Когда Кайгысыз подошел к группе военных, окружавших генерала, тот говорил:

— Молодчина генерал Востросаблин, а ничего мне про него не говорите. Он мой давний приятель! Так, а

с вами, Константин Сергеевич, что-то не получается. На мой запрос начальник области молчит. Я же с удовольствием взял бы вас в адъютанты! Нет, что ни говори, гражданские власти норовят побольше взять от местных людей, но ставить их рядом с нами не дают. А они, глядите, какие молодцы!

— Ну, теперь, может быть, мне удастся уговорить господина Атабаева, этого блудного сына, вернуться в родное лоно. Я ему предлагаю хорошее место в реальном училище, — Греков улыбнулся.

— Если бы вы, господин Греков, были министром просвещения, и то серьезно не решились бы на это, — о обидой в голосе произнес Кайгысыз. — Прежде надо сделать так, чтобы большинство было способно думать, как вы. Так что о возвращении не может быть и речи.

Резкость и внутренний смысл сказанного несколько удивили присутствующих, а генерал уточнил:

— Вот видите, господа, обиды не забываются. Нам не следует их наносить. Это вопрос политический. Пока, однако, гремят пушки. Сейчас прикажу подавать шампанское. Выпьем за победу!

Кайгысыз удивился, когда увидел после работы на противоположной стороне улицы приказного казака Тимофея Пупа. Тот явно ждал его.

— Привет, Константин! Не ждал! А я вот пришел со старым дружкой попрощаться.

— Куда? Небось, на фронт?

— Ага! Там мало крови, надо в моей вемяцу полить.

— Совершенно не обязательно! Мне кажется, ты безучий.

Они шли по улице, косые лучи заходящего солнца падали на лицо Тимофея Пупа, и Кайгысыз сейчас особенно остро заметил насколько выражение лица этого непонятого, но определенно незаурядного человека схоже с глухариным: изогнутый нос и большие, обрамленные огненно-рыжими бровями, круглые глаза.

— Безучий или нет, гам поглядим. А только тебе скажу, едем карачуна задавать не немцам, а нашим собственным офицерам. Первым Мытного прикончу.

— То есть как? — изумился Кайгысыз.

— А вот так! На хрен они войну затеяли?! Она наро-

ду не нужна. Вот она всем где! — казак выразительно провел рукой по горлу. — С ней надо кончать! Революцию творить надо! Ты человек образованный, я понимаю, а вот всем господам пора карачуна дать.

— Может, не всем-всем, но многие власть используют в своих целях. Нет равноправия, жулик на жулике, а живут за счет трудового человека. Без него — давно бы зубы на полку, а к нему не по-человечески относятся.

— Ты молодец, Константин! Чует мое сердце, большим головой станешь. В атаманы выйдешь! Так что не поминай лихом, прощевай. Гора с горой не сходятся, а горшок с горшком столкнется. Бывай здоров! Дай пожму твою лапу и держись ближе к аптекарю Григорьеву — верный человек!

Глава десятая

ЛЮБОВЬ И СЕМЬЯ

За пять последних лет население Мерва удвоилось. По обе стороны Мургаба жилые дома, здания магазинов и лавок, особняки, окруженные садом и чугунными решетками, поднимались, как по весне тюльпаны. Аминов, Ширинов, Касумов и с ними, через своих посредников, полковник Пальчевский, оставивший пределы области, вели тайное, негласное соревнование за то, чей дом окажется лучше. В городе уже действовали десять хлопкоочистительных, три маслобойных, два кирпичных и холодильный заводы, работали четыре мельницы, насчитывалось восемь православных церквей, пять мечетей, костел, синагога, пять школ, четыре гостиницы и двадцать семь караван-сараев. Открыли торговые склады заводских машин «Братья Степпун», «Гиндус», торговый дом «Стуккен и К^о», а свои конторы — пароходные общества «Кавказ и Меркурий», «Россия» и «Русь». Главную улицу украшали витрины ювелирных магазинов Кона и Андреева, огромного книжного, принадлежащего типографу Когану, велосипедных — Баласанянца и Замберга.

Гордостью города были только что окрывшаяся «Баня Ширинова» с увеселительным заведением в це-

лый этаж и строительство стационарного цирка-театра. В городском саду функционировал театр-кинематограф, а некий Галковский, бежавший от войны из Житомира, поставил, прямо над зеленоватыми водами Мургаба павильон для электрического ночного фотографирования. На одной только Офицерской улице отставные урядники и унтер-офицеры круглые сутки услужливо распахивали перед «гостями» двери пяти патентованных домов терпимости. К услугам жителей и приезжих в городе имелось более пятидесяти ренсковых¹ погребов.

Один только предприимчивый фельдфебель Иванов руками солдат отстроил на ротные средства два жилых дома по восемь квартир. Капитан Крылов из артиллерийской части завел розарий с роскошными сортами «царицы цветов». Черенки он получал по почте из Марсея, Афин и Стамбула.

Константин Сергеевич Атабаев в начале 1916 года уже занимал должность помощника главного бухгалтера, некоего Жозефа Анатольевича Бернарди. Это был тот самый человек, которого управляющий Михайлов ждал на место контролера. Однако вышло так, что контролер Пальтсер остался работать как прежде, а главный бухгалтер и сам управляющий уехали из Мерва. Теперь агентством управлял православный сириец Федор Федулович Хацап.

Атабаев решил пригласить свое новое начальство на воскресный плов, поскольку в ту пору он уже занимал отдельный домик из трех комнат с просторной верандой и садом. На первое, вдвое большее, чем учительское, жалование он приобрел по случаю дорогое английское ружье «Пердей» и пополнил свою библиотеку сразу сотней книг.

Домашнее хозяйство Кайгысызу помогал вести пожилой туркмен, которого он называл не иначе, как Сапар-ага. Однажды в воскресный день, на текинском базаре, Кайгысыз обратил внимание на печальные глаза старого человека, продававшего летнюю и зимнюю одежду разных размеров и вещи, явно ему не принадлежащие. «Добыча калтаманов», — подумал Кайгысыз, а поинтересовавшись, узнал печальную историю — все четверо сыновей старика оказались жертвой куа ал-

¹ Так назывались лавки в погреба виноградных вин.

мака¹. Кайгысыз взялся помочь старику. Тот продавал вещи, чтобы собрать немного денег и уехать куда глаза глядят, но Атабаев пригласил его к себе.

Сапар-ага сотворил такой отменный плов, что господин Бернарди, уроженец Тегерана, окончивший Асхабадскую гимназию, завершивший свое образование в Англии и Германии, говоривший на двадцати шести языках, в конце обеда одарил Сапара-ага империалом². Управляющий тоже остался очень доволен и попросил разрешения иногда приглашать Сапара-ага к себе в дом, чтобы должным образом попотчевать заезжих гостей. Бернарди же, придя во всемя обеда в благодушнейшее настроение, на прощанье сказал хозяину дома:

— Двери моего дома для вас, Константин, открыты. Мы оба холосты и должны любить жизнь. Однако вы, эдакий туркменский князь Нехлюдов, должны знать, что для того, чтобы преуспевать в финансовых делах, то бишь с успехом служить в банке, надобно быть предельно сообразительным и честным. Это у вас есть, а вот желание делать добро и любить всех, тем более обиженных и немущих, оставьте Нехлюдову.

В понедельник Кайгысыз разыскал в третьем томе Полного собрания сочинений Толстого, изданного под редакцией Бирюкова московским издателем Сытиным, повесть «Утро помещика», внимательно прочел ее и записал в свою, начатую еще в Учительской семинарии тетрадь: «Ничего тут хорошего нет; только себя губишь, да и народ-то балуется. Ведь наш народ какой: он этого не чувствует, право». — «Так вот и надо сделать, чтобы чувствовал. Просто мало пока Нехлюдовых. Вот и все!».

Проехали Анау. Кайгысыз прервал чтение записей из своей тетради, — он готовился к встрече с Мухамедкули, — и подумал: «Конечно же, для совершенствования человека нет ничего более важного, чем образование и культура. Однако важно в чьих они руках. Кто знает, когда среди туркмен будут способные ученые? Кому как не нам самим вести бы раскопки в Анау и обнаружить здесь остатки древних землевладельческих поселений».

¹ Кровь за кровью

² Золотая монета, достоинством в 10 рублей.

Соседи по купе — земляк в форме поручика, только что листавший альбом Аргуса «Иримасы зойны», и русский, читавший Аркадия Аверченко «Чудеса в решете», — скорее всего богатый путешественник, ехавший из самого Ташкента, вели между собой разговор.

— Русскому трудно понять туркмена, — красавец-поручик говорил на русском языке с еле заметным акцентом. — Русскому крестьянину не хватает земли. У нас земли много. Но у нас нет воды. Туркмены очень нуждаются в ней, дерутся за нее, льют кровь. А русским это невдомек!

Кайгысыз поднял голову. Впервые это чисто русское слово «невдомек», произнесенное туркменом, показалось ему каким-то особенно значительным.

— Вам сюда, в Закаспийскую область, я и раньше бывал здесь, необходимо заполучить людей американского склада. Поясняю — людей с капиталом и энергией, которые наладят ирригацию. В ней альфа и омега всех ваших проблем! — с анкетом профессора на кафедре заявил «путешественник».

Кайгысыз подумал: «Обязательно поговорить с Беляевым о «повороте Амударьи» и украдкой вытащил фотооткрытку работы Шахвердова (Одесса-Ташкент-Асхабад), с которой ему улыбалась миловидная белокурая девушка. Звали ее Таня, жила она в Ташкенте. Это была сестра Наташи, почтальона из Мерва. Наташа приносила корреспонденцию в банк, и Кайгысыз попытался было поухаживать за ней. Но Наташа пригласила его к себе домой и познакомила со своим мужем Ежи, поляком из военнопленных. Там-то Кайгысыз и увидел фотографию и стал упрашивать подарить ему. Наташа, зная, что Кайгысыз получает письма из-под Петербурга от мадам Редько, долго не соглашалась. Однажды во время сбора очередных пожертвований на войну Кайгысыз снял с шеи дорогой медальон с золотой цепочкой и отдал его сборщикам. Столь щедрое пожертвование банковского служащего изумило многих, а Наташа поняла, что с генеральшей Редько, кроме писем, Атабаева не связывает ничего. Только тогда женщина уступила его настойчивым просьбам и подарила ему фотографию сестры, тем более, что Таня обещала летом приехать в Мерв погостить.

На вокзале Кайгысыза ожидал Мухамедкули. Они

крепко обнялись, будто оба знали, что видятся в последний раз.

Очередное открытое заседание членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока проходило в воскресный день, в здании, где размещался начальник Закаспийской области. Вел заседание председатель кружка, исполнявший должность начальника области генерал-майор Калмаков. После открытия он сразу же зачитал письмо «местного знатока истории» Остроумова, который предлагал, не откладывая в долгий ящик, приступить к подготовке и изданию «Истории Асхабада». Были заслушаны работы «О действиях Омар-шаха, сына Тимура, в Кашгаре, Фергане и Монголии», «Из истории туркмен Закаспийской области» и «Родословная туркмен». Кайгысыз узнал, что туркмены были первыми из тюркских племен, которые приняли учение ислама, и что слово «туркмен» образовалось от слияния двух слов: «тюрк» и «мэн», то есть «Я — тюрк».

До начала заседания Кайгысыз познакомился с полковником Михайловым, заместителем председателя кружка, был тепло встречен Ломакиным, теперь уже полковником. Глядя на молодцеватого, подтянутого офицера, Кайгысыз с горечью вспомнил Мешкова, по-глупому ушедшего из жизни, и подумал: «Разве погоны мешают человеку быть образованным и чутким к чужим бедам? Вот Ломакин — русский офицер, но как хорошо он понимает положение туркмен, как много делает для решения наших проблем, активно участвуя в нашем кружке...».

Полковник представил Кайгысызу, — Мухамедкула просто не успел это сделать, — двух наиболее близких сотрудников Беляева, который так тепло благодарил их, в том числе и Мухамедкула, за содействие в составлении первого «Русско-туземного словаря». Ими были Суюн-Берды Карриев, которого Кайгысыз знал по семинарии, и житель Нохура Реджеб-оглы.

После заседания Иван Александрович пригласил друзей и полковника Михайлова на обед. Тот согласился, откровенно заявив, что едет поближе познакомиться с Атабаевым-вторым.

— Наслышан я о вас, Константин Сергеевич, — на-

чал Михайлов, как только все уселись к столу.

— От кого, Федор Андреевич? — Қайғысыз испытал что-то похожее на смущение, как-никак, а Михайлов являлся начальником Асхабадского уезда.

— Да... от разных мужчин и женщин, от генералов, полковников и солдат. Все-таки прав Иван Александрович, который не устает сожалеть о том, что вы оставили педагогическую деятельность и пропали для науки. Ведь я следил за вами во время заседания. Не хотел бы думать, что ошибаюсь. Бы были крайне увлечены, всем сердцем были с нами, членами кружка.

— Конечно, Федор Андреевич, как же мне не быть с теми, кто искренне старается улучшить жизнь края, привить культуру туркменам, печется о развитии зачатков их собственной культуры. Вот я хочу воспользоваться вашей добротой и вашим авторитетом, Федор Андреевич, — Қайғысыз чужь отодвинул от себя стакан с чаем, достал из кармана длинный конверт, вынул из него листы и расправил их. — Здесь записка знатока своего дела Ата Атаниязова из Мерва по поводу судьбы ахалтекинских лошадей. Нельзя, чтобы лучших производителей увозили на фронт. А тут еще набор по мобилизации собираются провести. И так уже шестьдесят семь превосходных жеребцов пропали на войне!

— Да, штабс-ротмистр Мазан, из заводской конюшни, что-то подобное подал на решение Қалмакову. Прощу, Константин Сергеевич, вашу бумагу. Обещаю содействие, — Михайлов бережно сложил поданные ему листы.

— Что же касается науки, Федор Андреевич, то я еще во время заседания подумал, но не решился. О повороте вод из Амударьи в древнее русло ставьге на следующее заседание, я выступаю.

— Вот и здесь более государственный взгляд, чем научный. А тема может быть интересной. Как вы полагаете, Иван Александрович? Влияйте на своего ученика. Возвращайте его в свое министерство, к партам, так сказать.

— А вот тут, уверен, ничего уже не выйдет. Я предан другой идее. Убежден, что ни просвещение, ни науки при нынешнем государственном строе должным образом развиваться дальше не могут. Многие понимают, что таким путем, каким мы шли до сих пор, идти дальше нельзя!

Мухамедкули затаил дыхание, Беляев покачал головой, а Михайлов, глядя прямо в лицо Кайгысыза, произнес:

— Так, так! Что же вы предлагаете?

— Надо менять государственный строй! — Кайгысызу не просто было произнести эти слова, но он знал, что должен был сказать именно их, — и сделал это.

— Да, господин Атабаев-второй, я вас примерно таким и представлял. В большей степени по рассказам ротмистра фон Фиркса. А вы еще просились на войну, защищать Отечество!

— То был порыв души, а не разума, господин Михайлов. Тем более, новый начальник розыскного пункта... Да разве он допустит меня к паргам? И войну следует кончать! И как говорят умные люди, она обязательно кончится революцией.

— Ну, благодарствую, Иван Александрович, я получил полное представление о господине Атабаеве. Извинитесь перед вашей половиной. Я поеду к себе, — полковник Михайлов поднялся из-за стола.

— Что вы так заспешили, Федор Андреевич? Как будто вам кто-то сообщил, что вас дома разряженная жена ожидает, — произнес Мухамедкули и тут же понял, что получилось неловко. — Извините, это в Нохуре так говорят, когда кто-то уходит и ломает компанию.

— Те же туркмены говорят, молодой человек, ночное удовольствие — одеяло, а дневное — дети. Вот я и спешу к ним. Честь имею! — видно было, что Михайлов не обижен. — Да, и в знак того, что между нами не возникло неприязни, сообщаю, я сдаю уезд. Получил новое назначение на пост пограничного комиссара Закаспийской области. Всегда к вашим услугам.

Обед затянулся почти до вечера. Беляев после столь откровенных слов Кайгысыза поначалу насторожился, но потом, когда беседа вернулась в русло воспоминаний и чистой науки — этнографии, археологии, — Иван Александрович вновь получил удовольствие от общения с бывшими семинаристами.

Вечером Мухамедкули провожал Кайгысыза на поезд. В ожидании его они сидели за чаем в пристанционном буфете. Было шумно, много военных, и среди них раненые.

— Наконец мы с тобой совсем одни, цветок мой.

День прошел, а мы так и не поговорили по душам, — Мухамедкули произносил эти слова с таким печальным выражением, что Кайгысыз, тут же поглядевший на ручные часы, с сожалением сказал:

— Да, у нас осталось два часа.

— Так вот, прежде всего, свет очей моих, я выяснил не далее как вчера, что ты избежал ареста тогда, вместе с нами, только потому, что жандарм Иванов завел на тебя отдельное дело. За твои политические связи с социалистами. Потом генерал Редько взял тебя под защиту, — лицо Мухамедкули просветлело.

— Да, а моих друзей повыслали из области.

— Ты остался и теперь произносишь такие смелые слова.

— Ничего, они не солдафоны, не жандармы. Оба разумные, мыслящие люди. Пусть знают, что нас, и в том числе их, ждет впереди, — Кайгысыз положил свою ладонь на руку друга.

— Ты так уверен в этом?

— Да, революционеры всех направлений считают необходимостью прислушиваться к голосу масс, голосу народа, призывают войти в круг его мировоззрений; и в борьбе против царизма опираться на народ, а вовсе не на образованных людей.

— Значит, ты считаешь, что революционеры теперь пришли к выводу, что их конечная цель может быть достигнута только путем насильственного переворота? А не получится так, как в пятом году?

— Нет, Мухамедкули, тогда не было такой войны, как сейчас. Все обнажилось, стало видно то, что никуда не годится.

— Но это, может быть, их путь, там, в России, — Мухамедкули упорствовал. — У нас же все — образование. Выбирать из нашего народа лучших и при их помощи менять нашу жизнь.

Кайгысыз, удивляясь непонятному упорству друга, решил коснуться темы, которая всегда воспринималась им болезненно.

— Хорошо, а тебе муллы очень дают заниматься образованием? Или ты начался призывов из газет «В мире мусульманства»?

— О! Шейтана сапак берйэн адам! Я из-за них в больнице лечился. Сколько они крови у меня выпили! А что писали газеты?

— Они призывают мусульманскую интеллигенцию идти в массы, однако не с «Капиталом» Маркса, а с Кораном и шариатом. Пустое дело!

Кайгысыз знал, что перевод из Мангышлакского училища Мухамедкули попросил ради того, чтобы на свои собственные деньги построить здание школы в родном Нохуре и под защитой своих земляков спокойно заниматься просвещением. Но местные муллы повели против него кампанию, и Мухамедкули оказался в психиатрическом отделении асхабадской городской больницы. Особым нападкам он подвергался за свои просветительские статьи, опубликованные в «Закаспийской туземной газете».

— Вот и надо строить общество, в котором религия не будет играть решающей роли.

— Но для этого надо, чтобы люди изменили образ мышления.

— Не только, Мухамедкули. Я теперь часто встречаюсь с аптекарем Григорьевым. Он открыл свое фармацевтическое заведение уже после твоего отъезда. Вот это голова! Так он говорит, что надо менять не разум, конечно, и его хорошо бы, но главное, — следует изменить условия, при которых люди обращаются к богу. Во все времена истории религии возникали, когда людям становилось совсем невозможно. Эти условия надо менять!

— Я восхищаюсь тобой, мой брат, горжусь и зави-
дую! Ты крепко становишься на ноги. А я так чувствую, что рядом нет отца! Будь он, с его авторитетом, все пошло бы иначе. Новый арчин проданся приставу, лежит зад царским властям. А я, знаешь, жду конца учебного года. Я уговорил Овезгельды, ты его, конечно, помнишь, — он после окончания четвертого класса Асхабадской гимназии станет вторым учителем в новой школе. Ну, ладно, расскажи о себе. А то я все про себя, да про себя.

Кайгысыз ждал этого момента. Он тут же достал

! Который и черта научит. (туркм.). Так говорят об очень хитром человеке,

из кармана фотографию Тани, показал ее другу и поведал о своих чувствах к незнакомой женщине. И были они необъяснимо крепкими, настолько, что последними словами, которые произнес Кайгысыз перед тем, как послышался шум подходящего поезда, были:

— Если она такая же красивая в жизни, как на фотографии, я женюсь! Ты обязательно приедешь на свадьбу!

Главным увлечением Кайгысыза были книги. Читал он запоем. Мало спал, стали появляться огрехи в работе. Хорошо, что у Бернарди был острый глаз. Он работал быстро, не пропускал ни единой ошибки. Пальтсер, седобородый брюзга, был строг и придирчив. Кайгысыза он недолюбливал за политические увлечения, а Бернарди за свободную любовь и независимый образ жизни. Дом главного бухгалтера очень скоро превратился в светский салон, где собирался весь цвет Мерва, особенно офицерский состав местного гарнизона. Стройный красавец, изысканно одетый, умевший сорить деньгами, мгновенно оказался в центре внимания у местных дам и девиц. Он много знал, красиво говорил, был остроумен. Особенно удачно развлекал гостей рассказами о своих путешествиях по странам Востока и Азии, длившихся три года.

Как-то, когда Кайгысыз возвращал Григорьеву очередную партию книг, в том числе несколько журналов «Вестник русской революции», аптекарь спросил Кайгысыза:

— Как ваш Бернарди?

— А что?

— Как он ведет себя по отношению к вам, Константин?

— Хорошо. Я не жалуюсь.

— А то глядите, если что, мы потревожим его, как иностранного шпиона.

— Не может быть! — Кайгысыз искренне удивился.

— Сомнений нет! Не ясно только, для кого он собирает информацию — для Англии или Германии. Но салон, который он завел, огромные расходы на гостей, на содержание прислуги, постоянный лихач... И потом к нему часто приходят в дом купцы и прочий люд, приезжающий из Персии,

— Что касается расходов, то жалование у него вдвое больше, чем у меня. Да, кроме того, он каждый месяц получает ровно столько же от своих родственников из Тегерана.

— А кто эти родственники? Оклад у него, говорите, пятьсот рублей! А рабочий, за счет которого ваш Бернарди ведет такую жизнь, получает от силы сорок-пятьдесят рублей. И не за шесть часов работы, как он, а за десять-двенадцать.

— Да, вот и я думаю: отчего Жозеф Анатольевич отказался от предложения фирмы «Нобель» уехать в Баку, на тысячный оклад?

— Правильно рассуждаете, Константин. Там хватает других, а в Мерве он, если не один, то главный, и ловко всех веселит. Ну, да ладно, нам он не помеха. Пусть расшатывает трон!

— Его метод тоже, значит, можно назвать «хождением в народ»?

— Если хотите, Костя. Но как «хождение» русских революционеров, так и его, мало что дают народу. А вот если у первых оно не принесло желаемых результатов, то Бернарди снимает пенки. Кстати, Константин, вы себе уяснили четко, что наш опыт, не оправдавший надежд, все же был необходим? Он дал толчок к новым исканиям. Это для вас очень важно, понять диалектику.

— И научил революционеров тому, чего не следует делать.

— Тем более в нынешних условиях. Но все же, то было ценное наследство. Это признано сейчас социалистами и марксистами. «Даром ничто не дается: борьба // Жертв искупительных просит». Погодите, я сейчас вынесу вам кое-что поинтересней, про «господ Обмановых»¹. Но прежде послушайте еще одну важную истину. Это декабрист Одоевский: «Наш скорбный труд не пропадет: // Из искры возгорится пламя, // И просвещенный наш народ // Сберется под святое знамя». Я сейчас!

«Так все-таки просвещенный», — подумал Кайгысыз и повернулся к молодому туркмену, боязливо вошедшему в аптеку с запиской в руках.

¹ Представители царствующего дома Романовых.

Казалось, главные тревобления были позади. Когда Мухамедкули купил участок земли у родника, бывшего из-под великолепного чинара, и сообщил, что намерен построить школу, местное духовенство дружно поднялось против него. Тогда он сказал, что здание предназначается под медресе. Кое-кто поверил, но муллы продолжали пугать жителей Нохура тем, что как только их дети обучатся в школе русскому языку, их тут же заберут в армию и отправят на войну. Мухамедкули окончательно утратил поддержку братьев отца. Едва он начал строительство здания, как мусульманские духовники открыто проклинали это начинание, поскольку «гяурская школа» возводилась у «святого» чинара. Строил здание некий Атали из рода чарык. Не успел он поднять стены до уровня двух метров, как заболел и вскоре умер его семнадцатилетний сын. Духовники тут же объявили, что это наказание Аллаха, и никто больше не желал достраивать здание. Мухамедкули поехал в Асхабад, привез оттуда нескольких рабочих из персов и афганского знахаря, который успокоил жителей Нохура, объявив, что к смерти сына Атали чинара не имела решительно никакого отношения.

В списке желающих учиться в новой русской школе у Мухамедкули Атабаева было записано уже более десяти мальчиков, первыми из которых значились Рахмат Тачмурадов, Мамедяр Клычев и Ата Адыев.

Но теперь вновь возникло волнение в ауле. Чтобы поднять одну из стен под крышу, следовало обрубить ветвь чинара. Строители, с согласия Мухамедкули, так и сделали. Муллы тут же возмутили людей, которые, если даже совсем нет дров и не на чем согреть воду для чая, все равно никогда не жгут сухие ветви чинара. Ограждать Мухамедкули от нападок приезжал урядник из Бахардена. Он разъяснил, что у господина Атабаева есть разрешение от властей на строительство школы, и муллы до поры до времени притаились.

— Великодушные, доброе отношение к более слабому, даже к побежденному — достояние сильных; жестокость — признак слабости, — говорил Мухамедкули в момент, когда Курбан-бахши отдыхал, а Вепадар готовился к пению. Старый бахши только что исполнил военную песню «Кул-Сейдах».

В доме у Мухамедкули сидели его близкие друзья,

и среди них Поллад, сводный брат Мурадкули. Все после ужина слушали пение бахши.

Вепадар ударил по струнам, и все сразу стихли. Молодой бахши запел «Дос Магомет и Биби» — грустную песню о девушке Биби и ее убийстве. Вепадар пел о подвигах аламанщиков, о злых духах, о храбрости и ловкости джигитов. А когда почувствовал, что устал, завел песню «Нар агажи», про гранатовое дерево.

Мухамедкули очнулся от раздумий и произнес:

— А все же, друзья, нашему народу образование и наука нужны более, чем еда и питье!

— Но теперь, Мухамедкули, тебя больше не станут тревожить, — сказал Мурадкули, — Ты видишь, как они притихли?

— Да, но народ, который не в состоянии ценить своих интеллигентов, не достоин уважения, более того — он обречен на вымирание. Я сейчас об этом думаю и пишу статью в «Закаспийское обозрение». Мне поможет господин Беляев. А тебе, дорогой Поллад, я еще не подарил моей последней фотографии, — Мухамедкули поднялся с ковра, подошел к письменному столу, стоявшему у окна, зажег свечу и на открытке, сделанной в асхабадской фотографии Черняева, надписал: «Поллад, уважай друга, пока жив, и еще больше, когда умер».

Поллад поблагодарил и тут же хотел было протестовать по поводу подобной надписи, но Курбан-бахши коснулся пальцами струн дутара и вновь запел.

Было уже далеко за полночь, когда следом за бахши разошлись и друзья. Через час после этого Мухамедкули Атабаева не стало.

Получив сообщение о смерти Мухамедкули, Кайгысыз тут же выехал в Нохур. Там он встретил приехавшего из Асхабада Овезгельды, молодого, бравого юношу. Оба они тщетно искали могилу Мухамедкули, но так и не нашли. Никто толком не мог или не желал сказать, где захоронены останки человека, кому благодарные потомки будут ставить памятник.

— Все сидели до двух часов ночи, я ушел от него часа в три, — рассказывал Кайгысызу и Овезгельды удрученный горем Поллад. — Только уснул, как меня будят соседи и говорят: «Спешите, Поллад, Мухамедкули умер». — «Как, да ведь я только что был с ним. Я только сейчас видел его своими глазами!».

— Кто может точно сказать, как это случилось?

— Говорят, что перед сном он попросил воды. Жена подала ему пиалу. Он выпил и попросил еще. Его стало тошнить и сразу сделалось плохо. Когда пришел Аганияз-ахун, стал с ним говорить, то слов Мухамедкули он уже не разобрал.

Дня через три в Бахарден приставу, а затем с аналогичным текстом и инспектору народных училищ области Беляеву ушло письмо: «Честь имею донести Вашему Превосходительству, что Мухамедкули Атабаев по возвращении из психиатрического отделения имел головные боли и от этой болезни 2 марта с. г. скончался и был похоронен в Нохуре. И. д. учителя Х. Ниязкулиев».

Наташа слово свое не сдержала. Кайгысыз готовился встретить Таню на вокзале с огромным букетом белых роз из оранжереи капитана Крылова. Каждое утро, бреясь тщательнее обычного, он расчесывал и подстригал свои пышные усы.

Однако Наташа застала Кайгысыза не готовым к столь долгожданной для него встречи. Она пришла с корреспонденцией в конце дня и сообщила, что Таня приехала два дня назад и хочет с ним познакомиться.

В гости был приглашен друг мужа Наташи, новый помощник телеграфиста с молодой женой. Он прилично играл на гитаре и обладал приятным голосом. За ужином Кайгысыз полностью освоился, Таня, конечно, превзошла все его ожидания. Кайгысыз заметил: как только он вспоминал о Мухамедкули, Таня тут же обращалась к нему с каким-либо вопросом. Это тонкое ощущение и понимание, как ему казалось, его души кружило молодому человеку голову. На удивление самому себе, после ужина, Кайгысыз взялся рассказывать смешные истории.

Кто-то заговорил о том, что не мешало бы после столь сытного ужина испить чайку, и Кайгысыз тут же нашелся, что сказать.

— У нас, знаете, в народе все очень любят пить чай. Вот жизнь и поделила пьющих на семь разрядов.

— Какой самый лучший? А вы к нему принадлежите? — весело спросила Таня.

— Послушайте и решите сами. Тот, кто всегда пьет

настоящий чай, чай крепкого настоя, тот зовется «чай-хор». Тот, кто пьет чай постоянно с сахаром — «канд-хор». А вот тот, кто пьет на дармовщинку, где бы ни пришлось, а дома своего чая не заваривает, тот — «мухт-хор».

— Мой светик, «Аппарат Морзе», он такой, — весело заметила жена телеграфиста. — Ну, а я кто?

— Ну, думаю, что не «исле-хор»?

— А это что за категория? — поинтересовалась Таня.

— Те, которые в кипяток кладут совсем мало чая, для вида.

— Это не я! — воскликнула жена телеграфиста.

— И не я! — заявила Таня. — А дальше?

— Дальше идет, — Кайгысыз сделал грустную гримасу, — гот, кто пьет чай молча, не проронив ни слова, угрюмо созерцая наш лживый мир. Он «манг-хор».

— Вы серьезно так полагаете, Константин Сергеевич? — спросила Таня и очень забавно сложила свои алые губки.

— Конечно! Лжи нет только в любви, — от внимания Кайгысыза не ускользнул беглый взгляд Наташи в сторону мужа.

— И в любви тоже! — не улыбнувшись, заявил Ежи. — Я — «чай-хор».

— Скорее «канд-хор». Сладена! — заявила Наташа.

— Так слушайте дальше. «Басрым-хор» пьет чай в одиночку. Буквально, закрыв себя халатом. И последний «накыл-хор» — говорун! Попивая чаек, он не перестает что-либо рассказывать. Так вот это я!

Все захлопали в ладоши и тут же потребовали рассказать что-нибудь еще.

— Пожалуйста, Костя! — попросила Наташа, явно за сестру. Она поняла, что Кайгысыз понравился Тане.

— Но только не про электричество!

Это всех страшно заинтриговало, поэтому присутствующие хором стали упрашивать Кайгысыза поведать именно про электричество. Больше других настаивал Ежи, захмелевший немного от выпитой вишневой наливки.

— Прошу пана! Пше прошам, панове, тише!

— Смотрите, это опасно! — игриво предупредил Кайгысыз. И получив заверение, что все поймут его рассказ как надо, своими словами, лукаво улыбаясь, из-

ложил чеховский «роман в двух частях» — «Брак по расчету».

Все развеселились.

— А все-таки перину жалко! — вовсе так не думая, сказала Таня.

— Будто любить нельзя без перины! — вспылила жена телеграфиста и зарделась, опутив глаза.

— Ну, еще что-нибудь смешное! — попросила сама Таня, которой определенно нравился жгучий брюнет, с быстрыми черными, словно бездонными, миндалевидными глазами. — Костя, я жду!

Таня впервые за вечер назвала просто по имени того, кто, по сути дела, пришел на смотрины. А Кайгысыз в этом «я жду» никак не мог разобраться: была ли это просьба или кокетливый приказ.

— Из того же Чехова, или можно просто смешной случай, анекдот?

— Анекдот, анекдот! — потребовал Ежи.

— Хорошо! Один человек женился на женщине очень тощей. Все звали ее «доской». Друг его однажды и спрашивает: «Скажи, ты ничего лучше выбрать не мог?», а тот отвечает: «Лучше? Да нет. Я просто думал, что ее запросы будут соответствовать ее габаритам».

Это получилось не очень удачно. Но Кайгысыз тут же исправился, удивляясь себе: откуда только берутся у него эти смешные истории?

Телеграфист с женой ушли, и вскоре Таня встала, чтобы проводить Кайгысыза до калитки. Они простояли до тех пор, пока роты расквартированного неподалеку 6-го Сибирского запасного полка, которым командовал полковник Заремский, не пропели перед отходом ко сну «Боже, царя храни» и пока Наташа не погасила свет в доме.

Кайгысыз рассказал Тане еще одну забавную историю, которая приключилась с ним самим. Полковник Заремский был нелюдим, хоть и женат, но бездетен. Подчиненные боялись его пуще огня, поскольку полковник был чрезвычайно строг. Он сажал под арест даже свою провинившуюся лошадь. Узнав об этом, Кайгысыз однажды пошел в полк и предложил полковнику посадить на гауптвахту вместо бедной лошади себя.

Таня торопливо попрощалась. Кайгысыз нежно прив-

лек ее к себе и поцеловал. Девушка с фотографии ожила и целиком заняла не только воображение Кайгысыза, но и его сердце. Она стояла у калитки пока фигура Кайгысыза не исчезла за углом.

Знакомый лихач под № 13 уже ждал его у калитки. Кайгысыз впрыгнул в пролетку, и они с шиком подкатили к богатому особняку Бернарди. Жозеф Анатольевич появился на крыльце в сопровождении горничной. Главный бухгалтер пригласил своего помощника провести вместе воскресный день, который, по предложению Бернарди, было решено начать с посещения «Бани Широнова», а закончить на Офицерской улице.

Бернарди почти каждый день начинал с бани. В бане он появлялся к двенадцати, и к концу работы успевал сделать все без помарок.

Кайгысыз и прежде бывал в номерах этой бани, но не столь богатых. Теперь их провели в «люкс». Там разделли, накинули на плечи пушистые халаты, предложили чаю, лимонад, пиво. Затем их передали в руки банщиков, выписанных из Мешхеда, дипломированных массажистов. Когда после турецкой парильни они отдыхали, лежа на топчанах, под белоснежными простынями, Кайгысыз подумал: надо так устроить жизнь, чтобы каждому человеку подобное удовольствие было доступно.

— Не мечтайте, Константин! Не может быть такого, — заявил Бернарди хриплым голосом.

Кайгысыз даже приподнялся на локтях, он был ошеломлен: шеф читал его мысли.

— Да, да! Успокойтесь, лежите. Среди людей не может быть равенства. Никогда его не может быть среди живых особей. Нет среди животных. Тем более, нет среди разумных существ.

— Но это же несправедливо!

— И в то же время чистой воды пропаганда утопистов или тех, кто собирается, во имя воплощения своих идей, использовать широкие народные массы. Уверяю вас, что если даже кто-либо и добьется равенства среди людей, уравнивает их, то начнется распад рода, деградация человека. У него не будет стимула, цели, смысла жизни.

— Чтобы совершенствоваться!

— А зачем? Все равны. Все будут за любую работу получать одинаково. У всех будут одинаковые дома, костюмы, жены, дети.

— Мы говорим о разных вещах, Жозеф Анатольевич. Речь идет о равных правах.

— И их быть не может. Я трудолюбив, способен взять от занятий больше другого и потом больше отдать. Ну, возьмите, к примеру, Семена Шевцова.

— Нашего главного конторщика?

— Да. Сможет ли он стать таким, как я?

— Если его учить так же, как вас, станет.

— Вот это и неизвестно. Захочет ли он столько и так трудиться? А захочет, выдюжит ли? Вот в чем дело.

— Обязательно! Еще как выдюжит.

— Ну, ладно. А сможет ли физически! Хватит ли у него сил и способностей. Ведь не все люди способны в одинаковой степени. Учатся все, а изобретают, совершают новые открытия, движут жизнь вперед — единицы.

Под вечер лихач мчал Бернарди и Атабаева в город, на Офицерскую. Бернарди был немного под шафе. Все знали, что его извозчик постоянно возил под сиденьем плоские бутылочки с коньяком, и, в случае необходимости, для дам — с ликером.

Перед тем, как их коляска должна была свернуть на Офицерскую, лихач придержал лошадей, чтобы пропустить на перекрестке автомашину начальника уезда. Кайгысыз, воспользовавшись моментом, сошел.

— Жозеф Анатольевич, тысячу раз спасибо и две тысячи извинений, но меня ждет невеста.

Бернарди махнул рукой и приказал:

— Пшел!

...Свадьба была простой — без священника и генерала. Таня, уже будучи официальной невестой Кайгысыза, раза три, проходя с ним мимо витрины ювелирного магазина Гукасяна, намекала, что ей очень нравятся недорогие гранатовые сережки, убранные в серебряную вязь. Кайгысыз деликатно ей объяснил, что это мешанство. Зато комнату, в которой прежде жил Сапар-ага, теперь перебравшийся во флигелек, они вдвоем со стариком переоборудовали в удобную спальню.

На той стороне кровати, где, по предположению, будет спать Таня, поверх покрывала Кайгысыз положил распашонку голубого цвета. Он ждал сына.

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

*Мечи куем мы из цепей
И вновь зажжем огонь свободы,
И с нею грянем на царей —
И радостно вздохнут народы.*

Александр Одоевский.

Глава первая

ТЕЛЕГРАММА ФРУНЗЕ

К зданию облревкома, несмотря на довольно ранний час, верхом, на фаэтонах и просто пешими тянулся разный люд. За последний месяц авторитет облревкома заметно вырос, значительно расширился круг вопросов, которые теперь решались быстрее и, что было не менее важно, с большим знанием и учетом местных условий.

В приемной, где находились дежурный секретарь и машинистка, скапливался народ. Из-за двери кабинета председателя доносились громкие голоса. Там шло заседание. Вел его заместитель председателя облревкома.

— Вопрос о том, что следует открыть двери нашей партии для представителей местного населения, решен окончательно и бесповоротно. Также мы обязаны поступить и в отношении всех, кто желает сотрудничать с советскими учреждениями. От них не отворачиваться!

— Контру в товарищи брать! — с места произнес Мендельсон, еще вчера ответственный работник политотдела Первой армии, а теперь член Закаспийского облкома. — Ее давить надо!

— Время винтовки прошло. Наступило время лопаты. Однако ты, товарищ, отложив винтовку, не очень-то хочешь брать в руки лопату. Командуешь, да неумело. А нам надо, чтобы народ — туркменский и русский, с радостью брался за лопаты.

— На поклон идти. Революция и приказать может!

— Если надо, и на поклон пойдем, чтобы удержать

Советскую власть. 'А потом, для кого мы, собственно, совершали революцию?

— Для пролетариата!

— И трудового крестьянства. Вот! Но главное сейчас, чтобы арба двигалась. Ясно? Потом разберемся, кто в нее впряжен. Читайте почаще товарища Ленина и не забывайте, что товарищи Элиава и Фрунзе приезжали к нам и провели первый съезд представителей туркменского народа, всего народа, подчеркиваю, не для того, чтобы только доложить товарищу Ленину о его проведении. Они понимают ситуацию, и нам ее надо также как следует понимать. Всех, кто способен сделать что-либо полезное, принимать, а не отталкивать.

— И баев? — спросил Анна Мухамедов, один из руководителей областного мусульманского бюро.

— И офицеров? — не унимался Мендельсон.

— Была амнистия! Это закон. А, кстати, ты почему это, товарищ Мендельсон, вчера ходил к доктору Аросеву? Он прежде дергал зубы генералам и прочим капиталистам. Его, по твоему мнению, давить надо. Вот ты и попросил бы любого из своих друзей вырвать тебе зуб. Нет! Пошел к специалисту. Надо правильно понимать, товарищ, кто такой пролетарий, а не так, как каждому хочется. Ведь можно подумать, ты боишься, что рядом с тобой новую, Советскую власть станут строить грамотные люди.

Мендельсон ругнулся, про себя отметив, что зампредоблревкома бывший эсер, чего с него взять, а тот продолжал говорить:

— Настаивал и настаиваю на том, что мы обязаны отложить в сторону все дела, но принять самые экстренные меры для немедленного снабжения ячеек и Советов в аулах политической литературой. Это раз! Второе. К распространению этой литературы обязаны, прежде всего, привлечь грамотных людей. Не бояться привлекать в этих целях влиятельных лиц и почетных людей: мирзу, толмача, бывшего арчина и даже муллу, если согласятся. Им еще пока верят, и мы при их содействии сможем нести правду в народ.

В это время дверь кабинета раскрылась и вошел член Реввоенсовета Первой армии, руководитель ее политотдела и член облревкома и обкома партии Петр Баранов. Он держал в руке телеграфный бланк, кото-

рый тут же протянул Атабаеву. Тот стал читать, после чего замотал головой. Баранов и все остальные поняли: либо Атабаев не понимает смысл телеграммы, либо очень удивлен. Тогда Баранов взял телеграмму из рук Атабаева и громко прочел: «РЕВВОЕНСОВЕТ ТОВАРИЩУ БАРАНОВУ ЗИНОВЬЕВУ тчк НЕМЕДЛЕННО КОМАНДИРУЙТЕ ТАШКЕНТ ТОВАРИЩА АТАБАЕВА тчк ВРЕМЯ ОТЪЕЗДА СООБЩИТЕ СЕЙЧАС ЖЕ тчк АТАБАЕВ НЕОБХОДИМ КАК ЦЕНТР ОБЪЕДИНЕНИЯ МУСУЛЬМАНСКИХ КОММУНИСТОВ тчк ФРУНЗЕ — 29-в».

Все принялись поздравлять Кайгысыза. Заседание прекратилось. Многие присутствующие покинули кабинет, в двери рвались посетители. Атабаев попросил Баранова, в котором видел своего единомышленника по ряду принципиальных вопросов, Мендельсона, председателя обкома партии Андрея Солькина, недавно прибывшего из Ташкента, на работу в Полторацк, и его заместителя Александра Певзнера задержаться, а посетителей подождать еще не более четверти часа.

— Хочу в узком кругу ответственных товарищей, Петр Иванович, четко высказать, что думаю по поводу работы в нашем крае, главным образом, среди туркмен. Надо понять, что они собой представляют, понять их добром, и мы добьемся такого, о чем и не мечтали, — Атабаев вытащил из нагрудного кармана гимнастерки записную книжку. — Хочу напомнить золотые слова, если бы все знали, как туркменские массы их приняли! Послушайте! «Если вы теперь забудете, — это к туркменскому народу, — отрешитесь от старого познания к российской власти, если посмотрите на нас, как на людей, желающих не выгоды для себя, а добра и просвещения для туркменских масс, если это сознание между нами установится, то в ближайшее время мы добьемся величайших результатов, и Туркменистан станет образцом для всех соседних стран». Эти пророческие слова товарища Элиавы — правильное руководящее указание. К этому призывал и товарищ Фрунзе.

— Мы же все это понимаем, — спокойно произнес Баранов.

— Теоретически, а не на практике, Петр Иванович. Вот они трое здесь! Командуют, не желая выслушать и понять местных людей. Отталкивают сознательно — вот

в чем беда, отталкивают от нас уважаемых народом представителей родов и племен. Я понимаю так, что мы сразу не сможем показать народу преимущества Советской власти. Как же его привлечь на нашу сторону? Командовать? Обижать? Тут уже командовали тридцать пять лет. Это же надо понимать.

— Ну, знаешь, хватит, товарищ Атабаев! Ты, я смотрю, как получил вызов в Ташкент, так сразу взялся нас поучать, — без тени шутки произнес Певзнер. — Разбираемся не хуже тебя!

— Напрасно ты так, Александр. Сожалею, что Константин Сергеевич уезжает. Найдутся другие, конечно, но нам предстоит на обкоме разговор и, если вы с Солькиным и ты, товарищ Мендельсон, будете стоять на своем, не измените позицию, придется избирать новый состав обкома. Атабаев прав! Время махать шашками прошло. И потом, с каким настроением мы отправляем Атабаева в центр? Подумайте, — Баранов поднялся со стула. — Давайте кончать. А ты, Константин Сергеевич, сдавай дела и — на поезд. Два дня сроку. Тебя там ждут.

— Жаль расставаться, — Кайгысыз совершенно произвольно произнес эти слова.

— Ну, что поделаешь? Мы возражали. Однако, ты не огорчайся. Гора с горой не сходится, а человек о человеком...

«Вот как! Не хотели отпускать», — подумал Атабаев и улыбнулся.

Кайгысыз остановил облревкомовский фаэтон у особняка на Крымской улице. Дом принадлежал бывшему офицеру царской армии Хаджи-Мураду Ходжамурадову. Они заранее условились о встрече в середине дня. Хаджи-Мурад работал вместе с другим бывшим офицером Овезбаевым в туркменской комиссии по приему жалоб от населения. Комиссия эта была создана по рекомендации Фрунзе и Элиавы и действовала под руководством влиятельного туркмена Махтумкули-хана.

В доме Хаджи-Мурада, в беседке, расположенной в глубине тенистого сада, увитой виноградными лозами, отягощенными зреющими плодами, Атабаев неожиданно встретил Иомудского, которого собирался известить

вечером с тем, чтобы попрощаться. Атабаев знал, что Николай Николаевич был приглашен из Красноводска в Полторацк самим товарищем Куйбышевым; некоторое время работал в комиссии, но из-за несложившихся отношений с Овезбаевым ушел оттуда. Сам Иомудский не хотел тревожить Атабаева, занимавшего теперь высокий пост, просьбами о своем устройстве. Атабаев же, при постоянных заботах, — спал он по три-четыре часа в сутки, — не мог выбрать даже час времени, чтобы навестить Иомудского дома.

— Что, Кайгысыз-джан, так пристально меня оглядываете? Изменился? — Он действительно заметно осунулся и выглядел усталым. — А я рад вашему успеху.

— Что ж вы отстранились, Николай Николаевич? Теперь только бы и развернуться. Когда, если не сейчас, осуществлять наши планы?

Иомудский в некотором сомнении развел руками. Хозяин дома вежливо молчал, он только жестом попросил кого-то, находившегося за беседкой, подать чаю.

— Все не так просто, как хотелось, Константин Сергеевич, — Атабаев подумал, что Иомудский вот-вот перейдет на туркменский язык, но Николай Николаевич продолжал говорить по-русски. — Мы не ждали таких бурных событий.

— Ну, расскажите о себе, как ваша жизнь? — Атабаев удивительно ярко вспомнил их прежние встречи, особенно беседы в семинарские годы, и смешанное чувство охватывало его. Прошло всего каких-нибудь три года как они не виделись, а как резко изменилось их положение! Теперь Иомудский стеснялся беспокоить Кайгысыза.

— О, моя жизнь грустна, но увлекательна. Не знаю, ведомо ли вам, что летом восемнадцатого я был в Красноводске и возглавлял там ревтрибунал. Сразу после Асхабадского мятежа укрывался в аулах среди иомудов.

— Слышал я, что вы удержали иомудов. Они не участвовали на стороне белого правительства, — Атабаев не сводил пристального взгляда с лица собеседника.

— Отчасти, — Иомудский склонил свою небольшую, продолговатую, теперь уже почти лысую голову.

— Присутствие скромности — есть свидетельство

ума, — заметил Хаджи-Мурад. — Однако ни Куну, ни Дружкину¹, ни английскому командованию, ни после них, генералам Лазареву и Джунковскому, не удалось пополнить в свои ряды хотя бы одного иомуда.

— Поэтому-то летом девятнадцатого мне с семьей пришлось перебраться в Персию. Но генерал Лазарев достал меня и там. Я был арестован и этапом отправлен в Кисловодск, Ростов и далее в Таганрог. Мне удалось бежать, я добрался до Красноводска, а там, в первых числах января, уже в этом году, из-под носа генерала Казановича увел на персидский остров Ашур-Ада наливной пароход, со штабом текинского отряда на борту. Потом мирил, как обычно, джафарбайцев с атабайцами. Как только подошла Красная Армия, сразу установил с нею связь. Сначала мне не поверили, но Паскуцкий умный человек. И вот я здесь.

Атабаев отметил, что Иомудский ни словом не обмолвился о том, что Куйбышев, через линию фронта, посылал к нему ответственного работника штаба Рамазевича вместе с работником Особого отдела.

— А вы что, Константин Сергеевич, уезжаете в Ташкент? — хозяин дома, где чай пили по-европейски из стаканов в серебряных подстаканниках и самовара, разлил принесенный домработницей чай и подал гостям. — Это хорошо или плохо?

— Думаю, что хорошо. Если что-то не так, мы тут предлагаем, упрощаем, то в Ташкенте издадут приказы. Время сейчас такое, что ничего упустить нельзя. Это как дом строить — фундамент не заложишь, и дому долго не стоять. А я сплю и вижу наш народ объединенным, самостоятельным, — Атабаев посмотрел на Иомудского и всем корпусом наклонился в его сторону. — Вы помните, Николай Николаевич, наши планы? Они были мечтою. А теперь... Быть может, это и есть то самое настоящее счастье, которое мы желали нашему народу. Не знаю, чем буду заниматься в Ташкенте, но там должны быть туркмены, которые знают, что такое наш край, и в то же время понимают как много русский рабочий и крестьянин могут сделать для нашего народа. Так я говорю, Николай Николаевич?

¹ Деятели Закаспийского контрреволюционного правительства.

— Мы можем только гордиться тобой, Кайгысыз-джан, — Николай Николаевич провел белоснежным платком по вспотевшему лбу, потом снял пенсне, висевшее на шнурке, и насухо вытер глаза, повлажневшие от нахлынувших чувств.

— Нет дня, чтобы я не вспоминал Мухамедкули!

При упоминании этого имени Иомудский оживился, резко поставил обратно только что взятый им со стола подстаканник, потер руки.

— Я так и не знаю, умер он своей смертью или насильственной, — сказал хозяин дома. — Говорят, никто даже не знает, где его могила.

— Вот был светоч! Гордость наша. Герой наш, жертва темного мракобесия! Какие могут быть сомнения?! — Иомудский говорил, не скрывая гнева.

— Вот вы и подумали бы, Николай Николаевич, как лучше дело повести, чтобы оторвать народ от мулл и от религии. Декретом тут немногого добьешься. — Атабаеву очень хотелось услышать, что ответит умудренный жизненным опытом, высокообразованный человек, прекрасно знающий проблемы туркмен, но хозяин дома неожиданно сменил тему разговора.

— А вот Аннамухаммедов, Сахатмурадов и им подобные полагают, что все можно сделать декретом, их волей. «Мы опираемся на волю партии большевиков», — говорят они, однако, как я понимаю, вождь большевиков Ленин требует осторожности, призывает к гибкости, — сказал Хаджи-Мурад.

— Молодо-зелено! — Иомудский еще раз снял пенсне, потер уставшие глаза, и энергично пододвинул пустой стакан к самовару. — Неведома им истина — поступай с отцом и матерью так, как ты хочешь, чтобы с тобой поступали твои собственные дети. А если и знают ее, не могут в нее достаточно проникнуть. Потом спохватятся, но может быть поздно, — Иомудский взял стакан из рук Хаджи-Мурада. — Благодарствую, дорогой Лоллук, — подул и, смешно сложив губы в трубочку, чисто по-русски, потянул в себя горячую жидкость.

Атабаев воспользовался паузой и сказал, что пойдет отпустить извозчика. Когда он, возвратившись, уселся на свой стул, Иомудский тут же спросил:

— Кайгысыз-джан, а у нас не возникает сомнения, что активное привлечение влиятельных представителей

родо-племенной знати и лиц, как называют ваши товарищи, принадлежащих к старой интеллигенции, есть ход в шахматной игре, явление временное? Я тут кое с кем беседовал. У них существуют серьезные опасения.

— Опасения могут быть, Николай Николаевич, только у тех из этих лиц, которые сами рассматривают сотрудничество с Советской властью как меру временную! — Атабаев говорил уверенно и смело. — У вас лично на этот счет есть сомнения?

— Видите ли, Константин Сергеевич, вопрос классового расслоения для вашей партии, я так понимаю, есть величина постоянная, субстанция теории вашей партии, своеобразная ферула¹, только наоборот. С ее помощью вы, так сказать, спокойно отберете из среды нами поднятых и стимулированных к жизни наиболее достойных полупролетариев...

— Николай Николаевич, я уверен, что те, кто решительно порвет с прошлым и сожжет корабли или мосты к отступлению, могут не опасаться. Поглядите на множество военных специалистов. И чем больше таких найдется среди нас, тем лучше для общего дела. Но, скажите, а чем вы, Николай Николаевич, полагаете сейчас заняться?

— Целью жизни, как вы знаете, всегда считал создание, так сказать, вполне образованных среди нашего народа кадров, поднятие просвещения среди туркмен.

— Но ведь не только из среды иомудов? — Атабаев видел, что среди молодых туркмен, активно ставших на сторону Советской власти, родо-племенная рознь ушла на второй, а то и на третий план. Но он четко не представлял себе, как успешнее бороться с этим наследием прошлого у стариков, и знал, что Иомудский кому-то высказывал свои мысли: следует придерживаться идеи сохранения неприкосновенности родового строя и быта туркмен.

— Ну, что вы, Кайгысыз-джан! Будучи одно время приставом в Мерве, я искренне помогал текинцам. Вы знаете, как я решал споры между их родами. И не только это. Помощь тедженцам. А когда служил в Бахардене — жителям разных племен Ахала. Европей-

¹ Хлыст, розга (лат.), линейка, которой в старину бил провинившихся учеников,

ская культура подняла меня выше, излечила от недуга, который, — вот гут бойтесы! — может оказаться куда опаснее в решении и пагубнее в деле, чем муллы и их религия. Так что пока вижу свою роль лишь в деле культурно-просветительском. Грамотные, образованные туркмены очень скоро потребуются, и даже очень скоро. В них видел и вижу альфу и омегу процветания туркменского народа. Он сейчас, при этой власти, непременно сложится в единую туркменскую нацию и как непереносимое условие возможного создания этой нации должны быть образованные люди.

— Уважаемый Лоллук упоминал Ленина. Николай Николаевич, взялись бы вы за перевод тех из работ Ленина, которые, на ваш взгляд, наиболее необходимы для нас, чтобы легче было разъяснять туркменам идеологию новой власти.

— Это почетно, но, Кайгысыз-джан, вы не подумали хорошо. Мне не доверят это дело.

— Откуда такой пессимизм?

— Да и потом, у меня неумный характер. Слишком я требователен и придирчив. С годами, знаете, становлюсь невыносимым. Однако, поживем — увидим. Не забывайте Махтумкули и меня, и уважаемого Лоллука.

Беседа трех просвещенных туркмен затянулась до позднего вечера. Это в некотором роде поломало намеченный Атабаевым план. Однако он был благодарен судьбе. Перед отъездом в Ташкент, к еще неизвестным, но явно большим делам, он как бы пополнил свой хурджун¹ запасом прочности.

Глава вторая

УХОД В РЕВОЛЮЦИЮ

Швейцар поспешно распахнул дверь перед Кайгысызом. Старик был по-житейски умен. На ходу скинув зимнее пальто, — в начале марта что-то похолодало, и Таня настояла, чтобы муж его надел, — Кайгысыз бросил его на руки швейцара и прошел прямо в кабинет управляющего. Встревожены были и другие сотрудники. Атабаев запоздал, управляющий уже был

¹ Переметная сума.

на месте. Вскоре все услышали, что в кабинете идет разговор на повышенных тонах.

Ближе других к двери управляющего сидел Семен Шевцов, он даже вытянул шею, пытаясь расслышать слова.

— Так что, хотите вы того или нет, господин Хацап, я решил и уйду из банка, — Кайгысыз стоял перед массивным столом, отказавшись от предложения сесть.

— Вы нарушаете контракт и понесете неустойку, — управляющий не мог поверить своим ушам — молодой человек, вероятно, не выспался. — Как можно отказываться от такого завидного положения?

— Каждому, кто увольняется, положено выходное пособие. Я отказываюсь от него. Это покроет неустойку. А потом, с чем вы говорите, Федор Феодулович, — Кайгысыз пересилил первый момент волнения, — царя нет, зачем нужен царский банк?

— Вы не читали приказа генерал-губернатора Куропаткина от четвертого марта. Константин Сергеевич, — Хацап взял со стола газету.

— Читал.

— Вот тут ясно сказано: «Признав прежнее правительство виновным в создании в России внутренней разрухи, Государственная дума, в лице избранного из ее состава Исполнительного комитета, двадцать седьмого февраля сего года взяла управление страной в свои руки, с целью восстановления государства, и общественного порядка и направления всех усилий России...» — управляющий опустил газету.

— Нет, вы читайте дальше! — погребовал Кайгысыз.

— Ну и что? Дальше: «Всех усилий России к обеспечению победы над нашим нынешним врагом!».

— Значит, продолжение войны! Разруха и голод! С войной следует кончать! Самым решительным образом. Она несет только страдания и несчастье народам.

— Ну, если больше нет царя, так вы, господин Атабаев, идете против Отечества! — управляющий стукнул рукой по столу.

— В бывшем царском банке, а теперь банке, который собирается наживаться на голоде и крови народа, я не желаю работы! Вы это понимаете, господин управляющий?

— Что ж вы станете делать, позвольте узнать-с?

— Все, что потребуется для прекращения войны! А здесь у нас — помочь населению, чтобы оно меньше голодало.

— Подумайте, Константин Сергеевич, вы только обзавелись семьей, появятся дети. Чем станете их кормить? Где вы еще найдете такое жалование?

— Ничего, кто не видел черного, тот не увидит и белого.

— Ну, ну! Не забывайте, однако, что туркмены говорят: стреляй, только если уверен, что попадешь в цель. Ну, ладно себя, но вы губите молодую жену.

— Не вмешивайтесь в мои личные дела! — Кайгысыз повысил голос. — Принимайте мою отставку.

— Не подпишу! — Хацап еще раз хлопнул ладонью по столу. — Революционер какой! Подумайте, куда вы идете? Под пули солдат!

— Теперь не девятьсот пятый год! Солдаты не те. В народ стрелять не станут.

— Ну, ладно, «не станут». Идите, подбейте дела, приведите в порядок, — управляющий явно рассчитывал, что за делами порыв Атабаева уляжется. — Идите, а я подумаю.

— Нет! Вы подпишите сейчас же! Дела, которые я вел, в полном порядке и находятся у господина Бернарди. Я сдал их ему еще вчера.

— Ах вы, неблагодарный! Вас кто выучил? Кто дал путевку в жизнь, поставил на ноги? — управляющий начинал сердиться, говорил, брызгая слюной. — Как смею на груди не грей, обязательно ужалит.

Кайгысыз вспыхнул, швырнул лист бумаги на стол управляющего и вышел из кабинета со словами:

— Мы еще с вами встретимся, господин управляющий царским банком! Все, что нажили, отдадите народу!

Сотрудники никогда не видели Константина Сергеевича таким рассерженным. Он с силой хлопнул дверью кабинета, кивнул служащим, — посетителей еще не было, — взял из рук швейцара пальто и покинул банк.

В Мерве многие знали, что в столице происходят серьезные революционные события. Однако никаких точных сведений на этот счет ни у кого не было. Газет

ты молчали. Слухи селя пассажиры, приезжающие из России, а то и из самого Петербурга. Железнодорожные рабочие были осведомлены о событиях лучше других.

В Асхабаде генерал Калмаков, исполнивший обязанности начальника области, прежде всего, с конца февраля приостановил выпуск газеты «Асхабад». И только 4 марта собрал совещание, на которое пригласил начальников всех правительственных учреждений и главных редакторов газет. Все волновались, поэтому никто не опоздал. Большинство испытывало чувство страха.

— Господа, в России свершилось событие, еще вчера казавшееся невероятным! Положение в Петербурге и ряде других городов обязало Родзянко послать в ставку государю депешу о бедственном положении и о необходимости сформировать новое правительство. Это было двадцать шестого февраля. К нам посыпались разные сообщения. Я приказал задерживать все агентские телеграммы, поскольку в них содержались сведения чрезвычайной важности. Их надлежало тщательно проверить, получить подтверждение высших инстанций. Государь ответил Родзянко указом распустить «мятежную думу», назначить выборы новой не позднее апреля сего года. Тогда в ставку последовала вторая депеша. — Калмаков, костлявой рукой, обтянутой морщинистой, желтой кожей, взял из открытого бювара телеграмму. «Настал последний час, когда решается судьба родины и династии».

В просторном кабинете, за окнами которого весело чирикали воробьи, было слышно, как кто-то откровенно хлюпал носом. Сам Калмаков чувствовал, что вот-вот и он не выдержит, голос генерала дрогнул.

— Господа, произошло неслыханное несчастье! Двадцать седьмого к вечеру стало ясно, что смута одержала верх и Его величество отрекся от престола в пользу Михаила. Однако и тот тут же отказался. Сейчас полковник Цуриков прочтет задержанные телеграммы, и нам предстоит решать, что делать дальше.

Совещание, после бурных обсуждений, постановило обнародовать все поступившие сообщения в газетах и специальными плакатами. А десятого марта Калмаков собрал войска на центральной площади Асхабада и они дали присягу за верность Временному правительству,

Все эти дни Кайгысыз встречался с Григорьевым и Петром Бессчетным, который вот уже год как являлся активным членом партии социал-революционеров. В аптеке бывали и другие члены партии. Особое внимание к Кайгысызу проявляли конторский служащий Черняков и слесарь депо Казанцев, которые, как и Григорьев, считали, что без привлечения в партию местных интеллигентов дело дальше успешно не пойдет. В это же время Кайгысыз встречался и с Мальковым, познакомившим его с бывшим рабочим хлопкоочистительного завода, а ныне солдатом Иониним. Ионин называл себя социал-демократом, получал брошюры и книжки из Ташкента. В них было больше конкретных предложений, а не рассуждений, как в изданиях, получаемых Кайгысызом от Григорьева. Мальков и Ионин свели Кайгысыза с мервцем Борисом Алесковским, призванным во время войны и теперь служившим во 2-м батальоне 6-го Сибирского запасного полка. С первого же дня знакомства Кайгысыз с почтением слушал Алесковского, который так ловко, красиво и умело говорил о зажигавших душу вещах: «Война войне!», «Да здравствует Российская революция и свобода!», «Да здравствует демократическая республика!». Алесковский призывал к созданию Советов с избранием совершенно новых людей, без участия бывших царских приспешников. В батальонах и полках, расквартированных в Мервском гарнизоне, проходили митинги. На них, на основании Приказа № 1 Совета рабочих депутатов Петрограда, — Алесковский не расставался с первым номером «Известий», где этот приказ был обнародован, — избирались солдатские Советы.

Приближался погожий мартовский полдень. Пустыня начинала цвести. Фруктовые деревья в некоторых садах уже одевались в свой праздничный бело-розовый наряд. На душе было радостно. Таня немного посокрушалась по поводу ухода мужа с работы, но быстро поняла его, нежность ее к мужу росла изо дня в день.

С утра Кайгысыз и Атаниязов собрались в школе у Эфендиева.

— До меня дошли слухи, что Николай Николаевич в Красноводске создал особую организацию «Совет

уполномоченных туркмен-иомудов», — говорил Эфендиев.

— Да и у нас кое-кто из влиятельных собираются создать комитет, — сказал Атаниязов и лицо его приняло неприятную мину.

— Кто конкретно? — спросил Кайгысыз.

— Первым делом братья Бердыевы, Батмановы, Оразов, Хасанов.

— Вредное они дело затевают, — Кайгысыз поднялся на ноги. — Народ мутят автономией. Мой приятель Петр Бессчетнов говорит, что Пересвет-Солтан получил сообщение о создании в Ташкенте мусульманской партии «Шуро-и-Исламия». Автономия... во главе с нею — дело не пойдет!

— Конечно! Самый раз. Когда же еще подумать о самостоятельном правлении, — согласился Атаниязов. — Но, вот, смогут ли они?

— Не смогут! Но боюсь, что наши за ташкентцами потянутся. Для этого ума много не надо. Слух по Мерву идет, что туркмены всех русских собираются вырезать.

— Чем? — с улыбкой спросил Атаниязов.

— Ну, ладно, друзья, мы идем на митинг? Так пошли, а то опоздаем, — сказал Эфендиев и тоже поднялся со стула.

Добравшись до центра города, они пошли кратчайшим путем через знакомый проходной двор, но, как только вышли на соседнюю улицу, остановились как вкопанные. К дому на противоположной стороне на рысях подъехала группа туркмен на отличных, богато украшенных лошадях. В одном из них нетрудно было узнать Эзиз-хана. Он гарцевал на чистокровном ахалтекинце. А одет был в красный шелковый халат, белый тельпек и блестящие хромовые сапоги.

Эзиз Чапык, родом из аула Ак-Аланг, Тедженского района, был сыном Чапык Сердара, известного в прошлом аламанщика. В 1916 году Эзиз Чапык ходил в мирабах. Когда по царскому указу туркмен стали набирать на окопные работы, волостной старшина по имени Мухаммед распорядился призывать только бедных дехкан. Эзиз Чапык возмутился, поднял народ, возглавил восстание. Потом вынужден был бежать в Персию, откуда, как только узнал о свержении царя, немедленно возвратился в родной аул. Вокруг шли грабежи. Влия-

тельные жители аула попросили его возглавить отряд в пятьдесят всадников. Эзиз Чапык стал именоваться ханом.

Эзиз-хан ловко спрыгнул с коня, оправил одежду, взял из рук своего адъютанта огромный букет алых, явно крыловских, роз. Всадники спешили, а Эзиз-хан толкнул калитку и твердым шагом направился к веранде.

— Да ведь это дом смотрительницы женской гимназии! — воскликнул Атаниязов.

— Конечно! Он давно к сестре Сахаровой припал, — объяснил Кайгысыз.

— Интересно! Она — настоящая красавица, — заметил Эфендиев.

— К ней и приехал. С полгода как не было. Влюблен по уши. Все знают. И раньше часто приезжал. Каждый раз с цветами. Отдаст через перила веранды и стоит как вкопанный. Бедная женщина не знает, что делать. В дом приглашает, так он не идет. Стоит, стоит минут десять и уходит.

— Странная любовь, — бросил Атаниязов и предложил друзьям идти дальше.

— Самая верная, — возразил Эфендиев. — Только вот сам-то он нехороший человек.

— У Джунаид-хана выучился. Твердо усвоил: чтобы править, надо быть жестоким.

Вскоре друзья поравнялись со сквериком, в котором стоял храм — городская церковь Покрова. Вокруг толпилась масса народа. До слуха доносился густой бас диакона Василия Безуглова.

— Что тут происходит? — спросил Эфендиев.

— Сам благочестивый настоятель Иоанн Пашковский молебен служит. И граф Дорер, приехавши, при сем присутствуют, — пояснил мужчина из толпы.

— А по какому случаю? С чего бы это? Вроде праздника никакого нет, — поинтересовался Кайгысыз.

— По поводу завоевания русским народом давно желаемой свободы. — Послышался бас диакона: «Многие лета Временному правительству». — Вон, слышали? Молебен, значит, по поводу освобождения от власти царя-батюшки. Если б не на паровоз спешить, на смену надо заступать, не ушел бы, — рабочий махнул рукой и зашагал прочь,

— Вот она новая власть! — сказал Атаниязов по-туркменски. — Вчера подавляли, к смирению призывали, а сегодня — за «долгожданную свободу». Вчера всем, чем только могли, защищали трон, а сегодня — «за освобождение от царя». Вот как!

— Так у власти остались те же чиновники. Царю исправно служили, теперь народу так же «исправно» будут служить, — Кайгысыз сплюнул себе под ноги. — Только вместо «господин полковник», «господин капитан» просят называть их «господин комиссар».

— В партии требуют создания Советов рабочих депутатов, — сказал Атаниязов, чем вызвал живой интерес Эфендиева.

— В какой партии, дорогой Ата?

— В партии социал-революционеров, Гасан-Муса-эфенди, — пояснил Кайгысыз. — Там есть левое крыло, они настанвают на изъятии у баев земли. Думаю, не записаться ли мне в ее ряды.

— А я давно в ней состою, иначе за бортом останешься, — заявил Атаниязов.

— Вот только оба руководителя эсеров мне лично не по душе, — Кайгысыз свел брови, потянул в сторону свой левый ус. — Эти Зимин и Сакулин — начальник почты, люди с душком. Оба они мне не симпатичны. По-моему, они больше преследуют личные цели, чем пекутся об общих интересах. Так я говорю, Ата?

— Есть и другие руководители, Кайгысыз. Николай Казанцев, например, или Черняков. Они справедливые. Ориентируйся на них! — решительно заявил Атаниязов.

— Я в политику не пойду. Вы как хотите! Мое дело образование. Тут я знаю, что надо делать. — Эфендиев приложил руку к груди.

— Бурный поток несется, Гасан-Муса-эфенди, останетесь один, все мимо проплывет, — заметил Кайгысыз.

Служба закончилась, и народ повалил из церкви. Многие направились на Пушкинскую, к зданию уездного комиссариата. Там уже собралось множество народа, в основном, рабочие и солдаты. В ожидании прибытия известного адвоката графа Георгия Дорера, всего неделю назад избранного областным комиссаром вместо Калмакова, спешно уехавшего в Россию, собравшиеся пели «Дубинушку».

Граф Дорер высокопарно, хорошо поставленным голосом присяжного поверенного начал свою речь, и вокруг воцарилась тишина. Однако она длилась недолго. Пустые слова раздражали народ, а когда граф призвал население терпеливо ждать выборов учредительного собрания, из толпы выкрикнуло несколько голосов,

— Хватит дум! Даешь Советы!

— Буржуев снова к власти?!

— Долой! Да здравствует народная республика!

Оратор попросил тишины и, к удивлению Атаниязова, Кайгысыза и Эфендиева, не нашел сказать ничего другого, как: «Учредительное собрание и решит форму правления Россией и судьбу династии». Толпа взорвалась бурей протеста.

Группа людей проникла в здание комиссариата, и через минуту вновь появилась на крыльце с огромным портретом царя в тяжелой, позолоченной раме. Портрет был снят со стены еще в марте, но мервцы знали, что он на всякий случай стоит в чулане. Публика подалась назад, а рама полетела на землю и разбилась в щепы. Портрет тут же изодрали на мелкие куски.

Кайгысыз испытывал доселе неведомое ему чувство, граничащее со сладострастием. Среди тех, кто рвал портрет императора, был ученик реального училища.

Послышались выстрелы. То в воздух стреляли милиционеры, вчера еще ходившие в городских. Люди побежали с крыльца, а ученик помчался в сторону, где стоял Кайгысыз с друзьями. Эфендиев поймал его за руку.

— Стой! Ты кто?

— Василий, Федоров сын, — пытаюсь вспомнить, где он видел эти лица, ответил ученик.

— А фамилия?

— Карпов, зовут Василий.

— Из реального. А если я сообщу господину Грекову?

— Он — действительный статский мракобес и вовсе больше не господин. Мы свободные граждане России! Я — председатель ученического комитета.

— Вот так-то! — восхитился Кайгысыз. — Давайте, Гасан-Муса-эфенди, не отдадим его в полицию, он, вроде, хороший парень. Отпустим, а?

— О! Я вас узнал! Вы — смотритель Тохтамышского

училища, а вы — Атабаев из банка. — Василий сразу понял, что Атабаев шутит насчет полиции и что ему ничего не грозит. — Какой граф может говорить о народом, да еще им управлять?

— А граф Толстой? — спросил, прищурив один глаз, Эфендиев.

— Каждое правило имеет исключение.

В это время голпа, продолжавшая шуметь, выдавила из себя Ионина и Алесковского.

— Ну как, вмазали графскому комиссару? Видишь куда прислужники буржуев тянут? — спросил Алесковский, поздоровавшись за руку с Атаниязовым и Эфендиевым.

— Ты, Борис, эсеров не цепляй! Думаю записаться в их партию, — заявил Кайгысыз не без гордости.

— Вот и напрасно, Костя! Мы говорим «Война война!», и ты ведь с этим согласен. Как же пошел против себя? Эсеры призывают, нет, ты только послушай! Рабочих хотят, как и прежде, заставить работать по двенадцать часов. Теперь не на царя, а на войну, до полной победы над Германией. Это против интересов народа!

— Не все эсеры, Борис. Аптекарь Григорьев, Черняков, Казанцев не за войну, а за рабочих. А потом, где ваша партия? Где?

— Скоро будет. Она уже есть в России, в Петербурге, Ташкенте, Асхабаде. Будет и у нас. Так я говорю, Ионин?

— Тогда и поговорим. Я не могу сидеть сложа руки! Одному в такой борьбе — в песке утонешь.

— Что делать-то станешь, Константин? — спросил Алесковский.

— Что? — Кайгысыз задумался. Возьмем, к примеру, город, любой почти полностью заселен русскими, он — русский, а аулы — туркменские. Между ними пропасть. Надо сначала перебросить мост, а потом засыпать и пропасть.

— Правильно рассуждаешь, Атабаев, молодец! Только гляди, чтоб бан да воротилы из туркмен не потянули в свою сторону. Бердыев, Оразов, да и всякие ханы — Махтумкули-хан, Юсуп-хан. Они в сторону Турции смотрят.

На улице, идущей от текинского базара, показалась

огромная толпа женщин-туркменок. Они шли к комиссариату с требованием освободить из тюрем мужей, арестованных во время осенних беспорядков прошлого года. Вел их молодой туркмен, чисто говоривший по-русски. Он, видимо, какое-то время жил в России. В осанке его ощущалась гордость, вера в свою правоту. Он с достоинством нес свою непокрытую голову, возбужденно размахивал руками.

Граф Дорер, чтобы как-то сохранить престиж, поддерживал требование женщин, и сотни арестованных туркмен Мервского уезда были выпущены на свободу.

Многие расходились с митинга с пением «Марсельезы». Непривычно, но громко звучали слова:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног!
Нам не надо златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог...

Бек-Назар сидел на кошме, скрестив ноги, и пил чай. Он только что возвратился с последней в этот день длинной поездки на Доре. Кошма была расстелена с теневой стороны его новой кибитки, в которой он спал один. Кибитку он приобрел после того, как Бек-Назар-Дор выиграл в прошлом году большую осеннюю скачку. Новые чарыки, черные миткалевые шаровары и белую сатиновую рубашу, как и богатый тельпек, он купил не по случаю того, что оба его жеребца хорошо начали случный сезон, а потому, что на завтра была объявлена первая весенняя скачка в соседнем ауле.

Он, владелец двух прославленных жеребцов Бек-Назар-Ала и его сына Бек-Назара-Дора, становился а один ряд с такими авторитетами, как Танрыкули-ата, Анна-Кули, Кичи-Курбан и Анна-Сеид — знаменитые на весь Ахал сейисы¹!

Поглаживая свою небольшую черную бородку, Бек-Назар обдумывал как завтра проведет свой день. Его Дор непременно обязан выиграть эту скачку!

У тамдыра, откуда тянуло ароматом свежего чурека, хлопотала жена. Дети — пятнадцатилетняя красавица дочь и девятнадцатилетний сын сидели в ожидании ужина около другой кибитки и переговаривались о

¹ Тонкий знаток коней ахалтекинской породы.

чем-то своим. Сыну не передалась страсть отца к лошадям; он осваивал ремесло у местного кузнеца.

Перед кибиткой Бек-Назара, рядом с бегущим тут же арыком и ветвистым деревом урюка, стояли покрытые попонами оба его коня, причем Дор был накрыт двумя, чтобы сильнее потеть.

Мысли Бек-Назара перекинулись на базар, где за последние месяцы неудержимо росли цены на ячмень, овес и клевер. Чего дальше ожидать от падения белого царя и замены привычного слова «пристав» на непривычное «комиссар»? В городе, как рассказывают бывавшие там односельчане, никто пока толком не знает ничего. Все ждут. И он будет ждать. Благо, сейчао ему так хорошо, как никогда прежде не бывало.

Утром следующего дня Бек-Назар, скинув попоны с Дора, внимательнее прежнего осмотрел жеребца и остался доволен. Ребра и маклаки его отчетливо выделялись. Бек-Назар раз и другой с наживом провел рукой против шерсти. Гнедая, лоснящаяся, она осталась взъерошенной.

— Эрэн ягши! — сказал он громко и стал седлать жеребца.

Дор во время утренней резвой поездки вел себя так, словно говорил хозяину: «Напрасно беспокоишься!» Бек-Назар повернул коня обратно к дому, когда увидел, что пот ручьями заструился по крепким ногам любимца.

Однако по мере того, как солнце отрывалось от горизонта, волнение Бек-Назара росло. Чтобы его волнение не передавалось лошади, перед выездом на скачку послал дочь задать Дору зеленой люцерны.

Бек-Назар-Ал провожал их грустным ржанием. Многое угадывалось в нем, но хозяина беспокоила скачка. Если Дор выиграет ее, слава и почет владельца коня возрастут. О них троих будут говорить во всем Закаспии.

Первым отрадным признаком было то, что штабс-капитан Мазан, руководивший областной казенной заводской конюшней и любивший лошадей, как своих детей, ждал приезда Бек-Назара и выехал ему навстречу. Никому другому Бек-Назар не позволил бы процедать то, что сделал Мазан, сразу как только поздоро-

вался. Мазан подъехал вплотную и провел рукой против шерсти по крупу Дора. Удовлетворенно закивал головой. Однако они оба знали, что в главной скачке участвуют призерки Киевской сельскохозяйственной выставки кобылы Гомели и Гули-Бай.

Дор уже был спокоен и не обращал внимания на то, что на него глазели все. Он как-то нехотя взял из рук хозяина пригоршню ячменя, которую обязательно дают каждому коню перед самым началом скачки.

Со старта вперед устремилось восемь лошадей. Начало скачки сложилось для Бек-Назара и Дора неудачно. Жеребец был затерт и шел так почти половину дистанции. Зрители без удержу проявляли свой темперамент, неистово кричали каждый свое. Это было в порядке вещей, все к этому привыкли. А вот почему хозяин не взгреет Дора камчой и отчего молчит, когда седоки на других лошадях гикают, надрываясь, было скакуну непонятно. Он увеличил ход, но четырехлетний золотисто-буланый жеребец, как и он, потомок непревзойденного Бойноу, и обе призерки не давали себя обойти.

Пройдена была половина дистанции, и Дор, идущий, как принято на свободном поводу, снова попытался вырваться вперед, но соперники его нашли в себе нужные силы. Дор ощутил передавшуюся ему через колени тревогу хозяина и, сам было заколебавшись, одолеет ли он на сей раз своих противников, озлобился.

Впереди показался финиш — высокий шест с куском белой материи, и Дор, ощутивший прилив новых сил, почувствовал, как одна из кобыл задышала тяжелее, чем прежде. Он с жеребцом и другой кобылой ее обошли. Они приближались к финишу ноздря к ноздре, и, когда до цели оставалось чуть более трехсот аршин, хозяин послал Дора камчой и гикнул. А конь словно того и ждал. Он ушел от соперников на голову и выиграл скачку на чистые полкорпуса.

Ликованию публики не было предела. Она умела ценить все то, что было поистине незаурядно, обладало силой, мужеством и волей.

Как только они подъехали к судьям и Бек-Назар сошел с седла, первым поздравил его Мазан.

— Он сравняется в славе с Мелекушем. Я вижу.

— Как он? — спросил Бек-Назар.

— Пока не кроет. В этом году попробовали, но, уверен, впустую.

— Может быть, еще рано, — согласился Бек-Назар, — но у вас он исправится. Обязательно!

Бек-Назар и Дор видели, что не все рады их успеху. Одни даже не поздравили, а другие поздравляли, но неискренне. Оно и понятно. Получив приз, хозяин приблизил свою голову к морде жеребца. Говорить что-либо он воздержался — слишком много было вокруг посторонних людей. Бек-Назар зашепшил, следовало прохаживать коня. Он повел его прочь, благодарно заглянув в смеющиеся глаза любимца, словно говорящие: «Напрасно переживал, хозяин». А Дор и на самом деле удивлялся тому, как до сих пор Бек-Назар не может понять, что за его любовь к нему и к его отцу Дор скорее падет, чем проиграет скачку.

Глава третья

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРОДКОМИССИИ

Иомудский сидел в кабинете собственного дома с отекавшим от бессонницы лицом. Пил черный кофе по-турецки, заваренный женой и поданный обожаемой им дочуркой Дестегюль. Неделью назад в обратный путь отправилась делегация полкового комитета: подпоручик Джуматый и солдаты Черных с Петренко. Они привезли своему полковому командиру пуд разных круп, муки, соли, сахара и полпуда сала. Мало того, что продукты пришлось как нельзя вовремя, — в Асхабаде нечего было есть, — Николай Николаевич испытывал еще и радость по случаю своего заочного избрания командиром полка. Высокое доверие подполковнику Иомудскому оказал солдатский комитет. Фронтовики приглашали вернуться в полк с тем, чтобы скорее свернуть войну с немцем, но понимали, сколь уважительна причина, по которой избранный командир отклонил приглашение солдатского комитета. В Асхабаде проходил областной съезд представителей туркменского населения.

Иомудский являлся председателем съезда, его товарищами были капитан Хаджи-Мурад и штабс-капитан

Овезбаев. Съезд избрал областной туркменский исполком, в который вошли также Рахман Бердыев, полковник Махтумкули-хан, полковник Ораз-сердар, Юсуп-хан и другие влиятельные туркмены. Но Иомудского угораздило на первом же заседании комитета поднять вопрос о том, что Юсуп-хан присвоил себе солидные средства, которые собирались текинским населением Мервского уезда летом и осенью шестнадцатого года на подарки царю. Туркмены Мерва таким образом мыслили откупиться от набора на тыловые работы. Юсуп-хан пришел в бешенство: заручившись поддержкой Махтумкули-хана и полковника Ораз-сердара, он повел кампанию против Иомудского и основательно подорвал его авторитет. Оба графа, областной комиссар Георгий Дорер и лидер партии эсеров Закаспийской области Алексей Дорер, прежние приятели Николая Николаевича, не одобрили его поступка. Теперь честность и справедливость им были не нужны. Иомудский мучился бессонницей вторую ночь.

«Как поначалу все было хорошо! Полно лукошко розовых надежд, — Николай Николаевич с наслаждением отхлебнул тягучей черной жидкости, облизал губы. «В надежде славы и добра // Гляжу вперед я без боязни: // Начало славных дней Петра // Мрачили мятежи и казни...» Да, дорогой Александр Сергеевич, так вот! Но сдаваться — не по мне. Скорее корабли сожгу. Ну, ладно, сбили авторитет Иомудского. Иомудский — не туркмен! Подумать только! Он принял православную веру. Он не может быть в комитете! Я — гяур! Подумать только! И с такими мне предстояло варить кашу. Черта-с два! Ну, ладно. Дело не в них. Сколько туркмен возвратилось с тыловых работ? Вот сила! И они мои сторонники. Пусть пока еще к ним попадают в кабалу, однако, это материал для скульптора, размятая глина. Уже граф Дорер жалуется на них в Ташкент, как на крайне беспокойный элемент. На них и надо опираться, — Иомудский забылся и, отхлебнув большой глоток, обжегся. — Но, господа правители туркмен, я не тот, которому вы можете сказать: «Лакей, сиди себе в передней, // А будет с барином расчет». Дудки-с! Сидеть у моря и ждать погоды — это не по мне! Где, интересно, сейчас Атабаев, Эфендиев! Как жаль, что нет в живых Мухамедкули!

Ех unque leanem! Поеду в Теджен, Мерв, Красноводск и прежде всего пусть знают все, что пущен лживый слух. Туркмены по-настоящему не собирались и не намерены выступить против русских. Лишь кучка алчных и глупых, с умом коротким, как у черепахи хвост. Хватило только, чтоб смуту пустить, разжечь рознь, нагреть руки. А дальше что? Хоть бы заняли рассудок! В книгах разума набрались. Слабы еще силенки. Как ни крути, без русских другая кабала придет немедленно. Себялюбие — худший порок. Кто свадьбу играть собирается, когда не на что гостей звать? Сегодня жить, как жили раньше — глупость азиатская. Дикость! Извечная зависимость и беспросветная неволя. Вновь распри с персами и войны. А вот республика позволит продолжить дело образования народа. Создаст условия для роста грамотного капитала, своего, а не посреднического. Вперед, без страха и сомненья! А Советы... так это еще лучше. Русский рабочий и солдат нам ближе, чем чиновник».

Так рассуждал Иомудский, а в то время в Мерве шло заседание Туркменского уездного исполкома. Основное ядро его составляли крупные землевладельцы и заводчики братья Бердыевы, Велихан Батманов, Чалор Оразов, Бяшм Хасанов. Атабаев и Атаниязов являлись его членами. В тот день никто из основных руководителей не явился на заседание, на которое собрали многих старшин из волостей. Не было и Атаниязова. Атабаев к встрече был не готов, но и откладывать ее не решился: стыдно отправлять обратно приехавших из дальних аулов, даже не выслушав их просьб. Последний раз комитет собирался три дня назад. Председательствовал сам глава Велихан Батманов. Кайгысыз избрали на нем председателем продовольственной комиссии, а остальное время все спорили и дошли до ругани.

— Я — старшина аула Суфты Пендинской волости, давно обратился с письмом не в уезд, а прямо в волость. Так вернее. Просил разъяснить, когда и как производить теперь выборы ответственных лиц взамен старых, вместо тех, кого назначил старый режим. Ответа нет. Мы хотим знать, как быть?

— Ответ есть, — Кайгысыз открыл папку, нашел

¹ По когтям узнают льва (лат.).

нужную бумагу, стал читать. — «Мервскому уездному комиссару. Для исполнения резолюции областного комитета. Предложить просителям указать, кого они обвиняют из должностных лиц и требуют устранить. Новый строй вовсе не предполагает повальной замены всей аульной администрации, которая выбирается за по партиям. Исполняющий должность правителя канцелярии Цветков». Так что пока надо ждать.

— Этот полковник Цветков — сволочь! Меня три раза в день заставлял чистить сапоги, обращался со мной, как с собакой. Он плохой человек! Он не может сейчас управлять! — прямо с места выкрикнул молодой человек, который, видимо, совсем недавно сменил военную форму на привычную ему с детства одежду.

Кайгысыз слушал и невольно, опустив руку в карман, нащупал в нем брошюру на узбекском языке — «Манифест Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которую ему утром передал, по поручению Ионина, мервский машинист Андрей Лысенко. Он за последние дни несколько раз смело выступал на митингах, открыто призывая упразднить городскую думу и уездный комиссариат, создать Совет рабочих и солдатских депутатов, передать ему всю полноту власти и установить первым его решением для всех трудящихся восьмичасовой рабочий день.

— И я хочу выразить жалобу! Мы против! Чье это указание? Почему полковник Пересвет-Солтан посылает арбы под конвоем, и не только к нам в аул? Говорят, на нужды войны. Собирают одежду, халаты, тельпеки и ковры. А когда кто не дает сам, у того отбирают силой. Зачем такая новая власть нужна? — голос говорившего звучал громко и гневно.

— Правильно говорит уважаемый доган¹, — с места поднялся туркмен лет сорока, подстриженный на русский манер, глаза его сверкали от возмущения. — Я был на войне, вернулся, а дом пустой. Муллы, старшины, мираб и мирза своевольничают. Надо решение принять — ни один туркмен ни одного рубля на войну не даст! Митинговать надо, а не в кабинетах заседать! Для народа каждый туркмен последней горстью пше-

¹ Брат.

нишы поделится. Все знают! А они берут — и на базар. Деньги от выручки себе в карман кладут!

Кайгысыз слушал и радовался: он видел туркмена, обладавшего уже новым сознанием. Парень и в речи своей употреблял новые слова.

— Могу сообщить, что полковник Пересвет-Солтан смещен. С понедельника уездным комиссаром будет другой человек.

— Кто такой?

— Говорят, подполковник Москаленко, его заместитель.

— Старый враг не станет другим, черная кошка — белой.

— Мы все ваши просьбы учтем, граждане, — это последнее слово Кайгысыз произнес по-русски, но его поняли, оно уже начинало входить в туркменскую речь. — Но, помните, что в связи с войной из России перестали поступать нужные для жизни аулов товары. Мы их снова начнем получать. Пока только нужно сделать так, чтобы жители городов не страдали от голода. Следите за теми, кто укрывает продукты, сообщайте нам о них.

Разговор затянулся до самого обеда. Домой Кайгысыз вернулся усталый, но довольный.

Августовское солнце пекло нещадно. Орлы, парившие над городом в мареве раскаленного воздуха, казались диковинными птицами с двумя головами и двумя парами крыльев. Но пуще зноя жителей терзал голод. Матери в страхе думали, чем завтра кормить своих детей.

После расстрела Временным правительством июльской демонстрации в Петрограде, глава уездной думы, бывший царский начальник уезда подполковник Москаленко и его комиссары запретили в городе всякие митинги и демонстрации. Тогда начались самостийные погромы хлебных и бакалейных лавок, владельцы которых немощно взвинтили цены.

Не взирая на палящее солнце, народ в полдень собрался на Пушкинской улице, у здания городской думы. В основном это были женщины, рабочие и солдаты, кое-кто с винтовкой через плечо.

— Я был сегодня на текинском базаре! Видел!

Своими глазами видел, как туркмен вывел на базар своего сына, чтобы его продать. Отцу надо было купить хлеба для остальных голодающих членов семьи! — голос председателя уездного продовольственного комитета Атабаева, стоявшего на высоком крыльце городской думы, срывался, но в наступившей тишине был слышен каждому. — Однако, допускать стихийных погромов лавок, даже спекулянтов, при этом нельзя. Так вы лишите городские власти возможности распределять поровну продукты для каждой семьи.

— Катись со своей проповедью! Когда вы распределяли поровну? — густой бас солдата в расстегнутой гимнастерке прозвучал как набат. — Моя женка крохи во рту не держала неделю!

— Хватит!

— Довольно языком молоты!

— Хлеба давай! — неслось из толпы.

Атабаеву обидно стало, что его не дослушали, и он повысил голос.

— Я повторяю, продовольственный комитет принимает меры. Мы пригласили на завтра братьев Гусейновых, Аветисовых, Антонова, Тертерьянца и Кащенко...

— Так они к вам и разбежались! — выкрикнул однорукий Василий Мальков, член недавно созданного Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов. И его тут же поддерживали.

— Плевать они на вас хотели!

— Не придут!

— Самим надо брать!

— Реквизировать! — гаркнул громче всех солдат в расстегнутой гимнастерке, и толпа еще пуще заволновалась.

— Граждане, граждане! — пронзительным фальцетом закричал Лев Зимин, новый директор реального училища, заместитель председателя городской думы и руководитель местных социал-революционеров. — Мы наведем порядок! Верьте нам!

— Хлеба давай!

— Не корми словами!

К крыльцу, расталкивая людей, придвинулся шуплый солдат, скинул с плеча винтовку и, сунув ее в руки солдата в расстегнутой гимнастерке, отпихнул опешившего Зимина. Солдатик поднял руку,

— А я скажу вам так, дорогие братья и сестры, хлеб и жратву надо брать! Тыфу на ваши разговоры, едрена палка! Ей-бо!

— Хоть домой не иди. Голодают детишки, — на крыльцо протиснулся сцепщик вагонов Тихон Васильев.

— Граждане, прекратите митинговать! Предлагаю добром! — Зимин потрясал кулаком. И в следующий же миг щуплый солдат и сцепщик вагонов первыми поспешили ему на выручку. Влетевшие на крыльцо разъяренные женщины готовы были на куски разорвать заместителя председателя городской думы. В конце концов женщин успокоили вооруженные милиционеры.

— Предлагаю избрать комиссию! — выкрикнул из толпы Андрей Лысенко, один из мервских большевиков, и поднялся на крыльцо. — Здесь верно говорили, товарищи, что продукты надо учесть, взять под строгий контроль. Это дело нельзя пускать на самотек. Начнутся погромы — не остановишь. Так завтра больным и детям нечего будет давать. Предлагаю избрать комиссию! — Рядом с Лысенко появились Мальков и Борис Алесковский. — Осмотреть магазины, лавки, склады. Переписать все продукты, скрывающиеся торговцами, передать в распоряжение продкомитета.

Всем эта мысль пришла по душе, раздались возгласы одобрения.

— Вот ты, Тихон Васильев, все знают, что у тебя шестеро детей! И ты, солдат, не грабитель, а переписывать и охранять продукты пойдешь. Бери свою винтовку! Пригодится. И ты, — Лысенко указал на солдата в расстегнутой гимнастерке, — и еще две женщины, кто посвободней. Наведите порядок! Вместе с продорганами. Вот с Атабаевым — он честный человек.

Куделин, товарищ по партии Зимина, тоже член городской думы подал знак милиционерам и те уже было направились к группе большевиков, но из толпы понеслось:

— Не троны!

— Пусть, дело говорят!

— В шею предателей!

— Тихо! Тихо! — надрывался Зимин. — Тихо, граждане! — он понял, что большевики взяли верх. — Граждане, раз вы так решили, комиссия сегодня же начнет

работу. — Зимин повернул голову в сторону Атабаева. Тот чуть помедлил, выждал пока Лысенко, Мальков и Алесковский не затерялись в толпе и только тогда позвонил избранным членам комиссии. Отобрал двух милиционеров и крикнул:

— Мы начнем сейчас же! И начнем с горгового дома Николая Форунца! Оттуда на Грибоедовскую, на интендантские склады.

Таня с нетерпением ждала возвращения мужа. Днем приходил владелец дома и потребовал погашения задолженности по арендной плате. Они еще в мае переехали из отдельного дома в небольшую квартирку и продали все, что можно было продать. Пошли в ход и сбережения Сапар-ага. Таня нервничала, не знала, что делать. С другой стороны, ей хотелось порадовать Кайгысыза: женщине удалось раздобыть две дыни, а Сапар-ага привез из аула виноград и пару больших свежих чуреков.

Наконец, Кайгысыз появился в конце улицы. Он шел, пошатываясь, словно был пьян. Таня заспешила навстречу. Последние месяцы не расхोдившиеся над переносицей борозды разгладились, Кайгысыз улыбнулся, обнял жену.

— Ты знаешь, Таня, так трудно продукты доставать! Спекулянты паршивые... А гут еще не знаешь кому подчиняться.

— Совет рабочих и солдатских депутатов себе власть хочет забрать, — сказала Таня, явно желая услышать одобрение мужа.

— Не напрасно я приношу домой газеты. Читаешь «Нашу жизнь». Там тоже борьба. Главный редактор газеты, адвокат Колленниченко, муж Александры Вукановны. Я тебя с ней знакомил, из приходского училища. Она хороший человек. И он честный, правдивый!

— Так Советы мешают, Костя?

— Нет, но и у них власти мало. Голодающий народ, Таня, понял, что февральская революция ничего путного ему не принесла. Особенно туркменам. В аулах сейчас, у кого есть оружие, тот и грабит. Порядка нет, а раз так, и народ не хочет помогать комиссарам: Советы дело говорят, да их мало кто слушает. Ну, вот и пришли.

— А у меня дыни, виноград и чурек, Костенька! Быстро умывайся, я воду приготовила, и за стол.

За ужином Таня выложила ему массу новостей, услышанных в шелкомотальной мастерской, где она работала. Разговор об уплате за квартиру она решила отложить до утра.

— Костя, говорят, ты разругался с Батмановым и Бердыевым. Они нет-нет помогали нам. Может зря? А, Костенька?

— Да что ты, Таня! Я так доволен, что их комитет развалился. Я им не пара, и они мне не товарищи! Не туда глаза держат.

— А почему, Костя?

— Ума не хватило подняться выше родовой борьбы и личных амбиций. Цапались, не доверяли друг другу.

— А что это такое амбиция, милый?

— Самолюбие, спесивость! Каждый думает, что он великий хан! Один делает предложение, иногда и хорошее, дельное. Остальные обязательно против выступят. Потом другой что-то скажет толковое, все на него наваливаются. Разругались и разбежались. Таня, дай отдохнуть от дел. Скажи лучше, куда голубую распашонку задевала? Где она лежит? Не под подушкой?

Таня зарделась, но еще ближе под села к мужу, нежно положила ему руку на плечо.

— А что будет, Костя, малышу в такое смутное время?

— Вырастим! Давай старайся, — Кайгысыз привлек жену к себе, погладил ее светло-пшеничные волосы, поцеловал...

В городском саду, который прежде назывался Романовским парком, а теперь был переименован в парк Свободы, играла музыка. В павильоне Тиграна Григорьянца крутили рулетку, в зале Авака Торосова — душещипательную иностранную «фильму», на площадке Гавриила Орловского резались, делая крупные ставки, в кегельбан. Ни война, ни революционные потрясения, ни разруха и голод не мешали хозяевам мервских хлопкоочистительных и маслобойных заводов, торговых фирм и складов, спекулянтам хлопком, хлебом и маслом, управляющим банками и оказавшимся не у дел царским офицерам и чиновникам «казенных» палат

беспечно веселиться. Пять патентованных домов терпимости на Офицерской улице, как и прежде, приносили их содержателям невиданные прибыли.

В духане Гулама, у самого канала Акиль-Яб, под сенью густых карагачей, где часто встречались и проводили свои собрания члены группы «Гуммет» азербайджанской социал-демократической организации, было немногочисленно. Когда Кайгысыз вошел в духан, он еще продолжал думать о причине, по которой Атанязов решил вдруг встретиться с ним именно у Гулама. Мысли вертелись вокруг деятельности «Гуммета», стоявшего ближе к большевикам, чем к эсерам. «Скорее всего кому-то из азербайджанских товарищей необходимо помочь продовольствием», — заключил Кайгысыз и увидел Атанязова, сидевшего у окна.

Поздоровавшись, Кайгысыз встревоженно спросил:

— В чем дело, Ата-джан? Говорите скорее, мне спешно надо домой. Слезать все-таки приходится, а куда — не знаю...

— Я нашел куда, да вот, оказывается, съезжать уже не нужно! С утра заходил к вам. Таня говорит, что хозяин еще наполовину скинул плату за аренду и готов ждать, когда у вас заведутся деньги.

— Вот какой человек, Ашот, оказался! Поначалу наполовину сбросил цену, а теперь еще наполовину. В чем дело?

— По словам Тани, Ашот утверждает, что если бы все люди были такими, как его жильцы, рай бы на земле был, а не на небе.

— Ну ладно, Ата-джан, зачем, однако, вы меня пригласили?

— Не спешите, дорогой! Кто быстро ест, тот плохо переваривает. Чайку попейте. Садитесь! — и Атанязов пододвинул Кайгысызу стул. — Время у нас есть.

— Какое там! Время! В Мары были, в аулы бумаги ушли — документы второго мусульманского съезда в Ташкенте. Требуют отделения от России, призывают к объединению всех мусульман, намерены создать единое тюркское государство.

Сам Гулам с заметно опавшим за последний год животом, но с непременным белоснежным фартуком до пола, принес на блюдечках пузатенькие армуды крепкого черного чая.

— Пейте спокойно, Кайгысыз. Колючка считает себя садом, укус — медом. Как было у нас, и они перегрызутся. Хана избирать станут. Как в Бухаре? Это не прогрессивно. Думу избирать или учредительное собрание? К этому они менее всего готовы, и те, кто в главари метит, и тем более народы Туркестана. Не гоняйтесь за этими бумагами! Пустое. Вам тут хотя бы поинтереснее дело предложить.

— Кто?

— Да вот и он сам идет, — Атаниязов указал через окно на Бориса Николаевича Алесковского.

— Чего это он через вас, Ата-джан?

— Атабаев был нужен, да меня встретил. Посоветовался.

Алесковский вошел в духан и по-дружески подсел к их столу.

— Ассалам аллейкум! — поздоровался он по-туркменски. — Как здоровье? Как родные? Как дела? — задавал Алесковский обязательные у туркмен по правилам вежливости вопросы.

Атаниязов пододвинул Алесковскому только что принесенную армуду с чаем. Алесковский вопросительно поглядел на него.

Тот покачал головой.

— Вам, Константин Сергеевич, выходит, неизвестно, почему я срочно встретился с вами?

— И не догадываюсь, — Кайгысыз шутливо поднял кверху руки, а самого распырало любопытство, — он хотел бы поскорее узнать.

— У меня к вам просьба, но, если откажете, пусть все останется в секрете. Между нами троими.

— Я могу уйти, — Атаниязов уже хотел было встать из-за стола.

— Нет, Ата-джан, зачем же? Оставайтесь, пожалуйста. У меня нет от вас тайны. Говорите, Борис Николаевич, я слушаю.

Алесковский вытащил из заднего кармана вчетверо сложенные листы, отпечатанные на mimeографе по-русски.

— Очень прошу вас, Константин Сергеевич, переведите на туркменский язык этот документ. Нам очень надо. У туркмен говорят, окажи помощь, и тебе всегда ее окажут, — Алесковский улыбался.

— Давайте поглядим, — Кайгысыз взял листки, развернул, и глаза его побежали по тексту: «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии. Ко всем трудящимся, ко всем рабочим, солдатам и крестьянам России. Товарищи! Пять месяцев прошло с того времени, как революционный пролетариат и войска свергли господство кнута и палки и посадили под замок Николая Романова».

Кайгысыз оторвал глаза от бумаги. Ему вспомнился сентябрь двенадцатого года, небольшой, но уютный и светлый кабинет директора Бахарденского русско-туземного училища. Все эти годы, при упоминании имени царя Николая, перед мысленным взором Кайгысыз всегда видел тот кабинет.

«...Рабочий сбросил с себя цепи, в которые заковал его полицейский порядок. Солдат стал свободным гражданином», «Мир и братство народов», «Хлеба, мира, свободы». Но вот брови Кайгысыза сошлись. В тексте он увидел суровые обвинения в адрес партии, к которой принадлежал.

— Здесь же против эсеров!

— Не сердитесь, Константин Сергеевич, прочтите вот здесь, — и Алесковский указал пальцем на подчеркнутое место.

«...И ликующие тузы банка и биржи нагло бросают теперь вызов демократии, открыто заявляя о своем желании вести войну «до конца», то есть без конца, до тех пор пока не лопнут от напора золота погреба американских Морганов, пока кровавая роса не промочит насквозь полей и истерзанной земли».

Перед глазами Кайгысыза сразу встало искаженное злобой лицо управляющего банком, господина Хацапы, которое особенно запомнилось ему в день ухода со службы в банке.

— Константин Сергеевич, Атанязов не даст со-
враты! Да, ваша партия призывала к братству, к миру между всеми народами, за мировую революцию. Но то было раньше. А теперь что? Теперь она забыла все и призывает за продолжение войны, — прищурившись, бросал обвинительные слова Алесковский, и Атабаев в душе согласился с правотой его слов. — Да вы, Костя, знаете, все, кто приезжает из России, в один голос говорят: юнкера и казаки не могут

ничего сделать с народом. Он не хочет войны. Какой туркмен желает войны, скажите? И там также! Вот народ и против таких Советов, которые держатся на штыках.

— Не пойму я вас, Борис Николаевич! Вы же сами зампред Совета, как же вы против Советов? Разъясните, пожалуйста!

— В Совдепе Мерва большинство составляют эсеры, меньшевики, бывшие царские чиновники, офицеры. Раньше они боялись лозунга «Вся власть Советам!» Власть требовали рабочие, солдаты и беднейшая часть крестьянского населения. Теперь Советы оказались в их руках, а сами они — соглашатели. Вон подпоручик Ладыгин — член РСДРП, а предлагает меня, Анисимова, Малькова и Лысенко, солдате Ионина и адвоката Колленниченко изгнать из исполкома.

— То есть как? — Кайгысыз окончательно сбился в голку.

— Все, кого я только что перечислил, выделились во фракции большевиков. Мы за Ленина, за его лозунги «Долой войну!» и «Вся власть рабочим и крестьянам», словом, грудящимся. Вы оба — грамотные люди, азяли бы да и перешли к нам, в партию большевиков. Решайтесь, это я вам говорю, слесарь-металлист. Победа будет за нами!

— Борис, я думаю, Атабаев согласен перевести текст, — перебил Атаниязов. — Мы вам не враги. Не считайте нас своими противниками. Мы против войны. Мы знаем, что рабочему человеку нужно дать хлеба и свободу. Если снова на войну, да милиция грозит стрелять в народ голод...

— «Пулей не накормить голодных. Казацкой плетью не отереть слезы матерей и жен», — читал Кайгысыз вполголоса. — Арканом и петлей не высушить море страданий. Штыком не успокоить народов». Я переведу, Борис Николаевич! Приходите ко мне через неделю! Нет, через два дня!

— Ну, и молодец! Но знайте, нас, большевиков, уже около сорока человек. С Ладыгиным не общайтесь! Спасибо вам обоим. Я пошел, — Алесковский легко поднялся и быстро покинул духан.

— А вы сами-то, Ата-джан, чего не взялись?

— Он вас искал. Да вы это лучше сделаете. Я, ес-

ли надо, на митинге выступлю. Только вот Алесковский нас приглашает, а остальные не очень-то на нас внимание обращают. Думают, сами все сделают, — Атаниязов жестом подозвал Гулама, чтобы рассчитаться.

— Ране или поздно поймут. Если за народ, го туркмен и казахов в области больше раз в пять, — Кайгысыз поднялся из-за стола.

— Думаю, намного больше. А вы, Кайгысыз-джан, не заметили? Что-то Борис лукаво улыбался. Я вот думаю: сейчас у него закадычный друг Арташез, а он брат твоего хозяина Ашота.

Кайгысыз почти бегом направился домой, где его с нетерпением ждала Тania.

Атабаев сидел на подоконнике и ел виноград, которым его угостила секретарь Мервского городского присутствия.

С утра Алесковский назначил Атабаеву встречу в городской думе, а сам почему-то запаздывал.

Рядом лежали старые газеты. Внимание Атабаева привлек заголовок: «В Ташкенте создан Совет мусульманских рабочих депутатов». Он развернул газету. Оказалось, что еще в июне, в основном, из «тыловиков», в старом городе сложился Совет, который возглавил Санджар Асфендияров. Атабаев внимательно прочел информацию.

— Зиночка, эти газеты вам не нужны? Можно я возьму один экземпляр?

— Берите все, Константин Сергеевич!

— Вот спасибо! Но где же Алесковский? — Атабаев говорил машинально, а сам продолжал думать о газетном сообщении, которое только что прочитал: «В своей работе мы, без сомнения, будем идти рука об руку с русскими демократическими организациями. Мы надеемся, что нам в будущем удастся создать новые отношения между русскими и мусульманами, ибо только демократические организации могут найти общий язык и уничтожить исконное недоверие туземной массы и русских. Являясь пионерами рабочего движения среди мусульман Туркестана, мы приступили к настоящей трудной задаче с искренней верой в грядущее освобождение и раскрепощение нашего народа и приобщение

его, как сознательных борцов, в ряды всемирной армии труда».

Статья была опубликована в «Нашей газете», а Кайгысыз, подумав, что автором ее непременно должен быть Асфендиаров, сразу проникся к нему глубоким уважением.

Борис Николаевич пришел не один. С ним были Анисимов и незнакомый человек, по внешнему виду — рабочий. В руках он держал сильно поношенный плед, из которого одним углом высовывалась думка.

— Вот, товарищ только в поезда, идемте, Константин Сергеевич, жаль, но наши с вами планы расстроились. Извините.

Как только все четверо оказались на ступеньках лестницы городской управы, приезжий нетерпеливо заинтересовался:

— Ну, так как у вас здесь? Не пойму, полный раскол что ли?

— А что ты имеешь в виду? — удивился Анисимов.

— Два месяца назад, в Ташкенте, проходил съезд большинства туркменских организаций РСДРП. Съезд осудил раскол в социал-демократии, призвал к объединению. От вас кто был? Да вы же знаете. Так вот, как тут у вас?

— Я и говорю, что надо не раскалываться, а всем вместе бить в одну точку, — с горячностью заявил Атабаев.

— Да нет, товарищ, ты не в курсе. Большевики за это на съезде не голосовали, — пояснил приезжий.

— И у нас произошел раскол. Корниловская авантюра помогла. Мы вышли из РСДРП и создали свою партию большевиков. Председателем избрали Андрея Лысенко, — пояснил Алесковский.

— А сколько вас?

— Человек сорок, но в Совете мы овладели подавляющим большинством.

— Ну, а кто конкретно будет помогать оружием, людьми? Их сегодня же надо отправить в Ташкент.

— Постойте! Погодите! Я ничего не пойму. Какое оружие, какие люди? — Анисимов был страшно удивлен.

— Видишь ли, Петр, товарищ прибыл ночным из Ташкента. Там рабочие и солдаты разогнали исполком, избрали революционный комитет, Генерал Черкес при-

был с отрядом и арестовал ревком. Весь город загудел и поднялся. Ночью их освободили, а Черкес едва избежал самосуда, — стал пояснять Алесковский, которого перебил приезжий.

— Тогда нуда Керенский приказал Наливкину, председателю комитета Временного правительства, задушить всенародное движение. Мы, большевики, уж возглавляли это движение. Наливкин игнорировал приказ, а вот «очкарик», генерал Коровниченко, и всякая прочая контра двинули против нас казаков и юнкеров. В Ташкенте идут бои! Нужна помощь!

— Да, оружие и люди у нас есть! — горячо заверил Кайгысыз. — Пошли к Григорьеву.

Приезжий вопросительно уставился на Атабаева, и Алесковский пояснил:

— Он примыкает к левым эсерам, но верный человек.

— Едрена вошь, однако, айда в большевистский комитет!

— Нет, сначала в Совдеп, здесь рядом, — предложил Алесковский. А ты, Константин Сергеевич, если не уеду, давай завтра, в это же время сюда. Нам с тобой и Анисимову, как депутатам Совета, предстоит съездить в Иолотань. Говорят, там дехкане чуть не убили комиссара.

— За что? — спросил Кайгысыз.

— Он раздавал хлеб баям. Теперь заперся в своем доме, как в крепости. Поедем выручать.

— Чтобы он снова хлеб раздавал баям? Кто не бережет трудовой копейки, сам рубля не стоит.

— Ты это правильно! Но мы накормим голодающих.

— Тогда поехали.

Глава четвертая

ОКТАБРЬ.

Лето и осень 1917 года вошли в историю как период ожесточенной борьбы в Советах рабочих и солдатских депутатов; ни большевики, ни представители буржуазных партий и соглашатели не собирались уступать руководство своим идейным противникам, Так

было в Москве, Петрограде, во всех больших и малых городах России и ее окраин.

В Мервском уезде в эту борьбу жестокою особенностью внес лютый голод. Весной в Закаспии не упала ни одна капля дождя.

Во всем Туркестане наиболее активную часть населения составляли мелкая буржуазия, ремесленники, чиновники и офицерство — среда, в которой особенно густо коренилась эсеро-меньшевистская идеология. И мервский рабочий класс, незначительный по своему количеству, больше гянулся к лозунгам местных вождей эсеров — Зимина и меньшевиков — подпоручика Ладыгина. Возглавившие небольшую группу большевиков Ионин, Анисимов, Алесковский, Лысенко и Мальков, в основном, работали среди солдат, которые активно их поддерживали.

Известие о свершившейся в Петрограде революции, о переходе власти в руки большевистских Советов пришло в Мерв утром 27 октября. Город затих. Руководители различных политических групп, как и все население, выжидали и присматривались к тому, что им принесет с собой революция. Торжествовали большевики и некоторые из левых эсеров. Тут же в Мерв поступило сообщение о том, что в Ташкенте рабочие и революционно настроенные солдаты вступили в вооруженную борьбу с силами Временного правительства. Им на помощь пришли боевые отряды Советов Кушки, Самарканда, станции Кауфманская. Один из вооруженных отрядов прибыл из Байрам-Али. Мервский же Совдеп вновь прозаседал до тех пор, пока 1 ноября вооруженное восстание в Ташкенте не одержало верх, и власть в столице края полностью не перешла в руки Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В Мерве весь ноябрь митинговали. В сутки проходило по три-четыре стихийно возникающих собрания. У Дома Свободы выступали большевики. А тем временем, где-нибудь на соседней улице, эсеры и меньшевики перетягивали народ на свою сторону. В те дни они вели озлобленную борьбу против большевиков. Однако, приходившие в Мерв известия о работе II-го Всероссийского съезда Советов, его воззвания и первые декреты Советской власти о мире, земле, об образовании рабо-

крестьянского правительства неотвратимо делало свое дело.

Солдаты 14-го Туркестанского пехотного полка и саперного батальона, в основном крестьяне, получили реальную демобилизацию и обещание стать владельцами собственной земли. Они с криками «Долой соглашателей!», «Долой буржуев и их приспешников!», «Да здравствует Ленин!», и «Даешь Советы!» силой стаскивали с трибун эсеров и меньшевиков. Городская управа, уездная дума, прежние комиссары и прежняя милиция были разогнаны. Чаша весов склонилась в сторону большевиков, и когда, в середине декабря, провели выборы нового состава Совета, в нем большинство представляли сторонники Ленина. Возглавил Совет Василий Мальков. Исполнительным городским комитетом, в который входило семь большевиков, три левых эсера и один беспартийный, стал руководить Борис Алесковский.

В это же время в Асхабаде IV-й областной съезд Советов постановил, ввиду явной засоренности контрреволюционными элементами, распустить областной Совет рабочих и солдатских депутатов и вместо него создать Совет народных комиссаров Закаспийской области из семи членов, пятеро из которых были большевиками.

Атабаев часто покидал город. Из аулов поступали сведения, что люди умирают с голоду, и он спешил туда. Ему было не до митингов. Главной его заботой, отбравшей последние силы, стало облегчение тяжелого положения жителей Мерва и уезда, обнаруженные скрытых запасов продуктов. Нужно было вовремя получить их из Ташкента, следить за правильным распределением, бороться со спекуляцией. Когда выпадала свободная минута, он с жадностью набрасывался на газеты. Как искренне Кайгысыз радовался обращению СНК РСФСР «Ко всем грудящимся мусульманам России и Востока», в котором говорилось: «Мусульмане России, отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции».

ее органов — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное правительство!».

Атабаев вырезал этот текст из газеты, носил его в кармане брюк пока бумага не поистерлась. Тогда он разыскал обращение в другой газете и аккуратно написал текст в свою тетрадь.

В Мерве, одна за другой, из аулов появлялись делегации дехкан. Они хотели получить подробные объяснения сути декретов и обещаний новой Советской власти. Атабаев, Атанязов, член исполкома Абдуллаев и бойкий туркменский юноша Сапаржа Аманеков терпеливо растолковывали, что власть теперь народная и она призывает население сплотиться вокруг нее, покончить с голодом и одолеть хозяйственно-экономическую разруху. А затем строить новую, свободную и счастливую для всех жизнь. И Кайгысыз видел притягательную силу первых действий большевиков, однако жить пока еще никому не становилось лучше.

Таня старательно натирала жесткие волосы мужа размятой глиной. Мыла не было, и голову приходилось мыть таким способом.

— Костя, милый, когда это кончится? — в голосе Тани звучала неподдельная грезoga.

— Когда смоешь и сполоснешь волосы тогда и кончится, — ответил шутливо Кайгысыз, отплеываясь от кусочков глины, попавшей в рот.

— Я не о том, шутник худосочный, грамотный ты у меня слишком. Правду говорят, что в тебя стреляли? — Таня прервала свое занятие.

— Ты мой, мой! Кончай, а то я наглотаюсь глины и ужинать не стану. Небось, у тебя там пироги с грибами, да гуляш?

— Не смейся, Костя, я серьезно спрашиваю. Кто стрелял в тебя? Ведь люди зря не скажут.

— Был тут один казак... офицер. На войне его свои собирались кокнуть. Да вернулся живой и невредимый. Хорунжий Мытный. Я хотел его арестовать, а он — стрелять.

— Не попал? — голос Тани дрожал, а наивность ее рассмешила Кайгысыза.

— Прямо в сердце? Ты что, не видишь? Скорее го-

лову смывай! Мы его все-таки арестовали, да Мальков и Алесковский выпустили. Говорят, нет состава преступления. Надо по закону. А он враг, настоящий враг.

— Ну, как же ты теперь-то будешь? Ведь не всегда с оружием ходишь. Застрелит он тебя.

— Не волнуйся! Думаю, сам от греха подальше уедет из города. Не волнуйся! — повторил Кайгысыз и мокрыми руками, в которые жена совала полотенце, обнял ее за талию. — Ты лучше послушай, Бернарди твой — ты все им любовалась — бежал. Да как! Прихватил из банка деньги, правда, немного, и первую красавицу Мерва — ты ее видела, жену...

— Неужели Тер-Микертычеву? — живо спросила Таня, ее, конечно, сразу же заинтересовала такая сенсационная новость.

— У него Совет собирается заводы отбирать, а Бернарди всех опередил. И Широкову рекомендовал подаваться в Персию. Сам через Серахс на фаэтоне бежал, — Кайгысыз с удовольствием, насухо вытирал волосы. — Так и сказал: «От большевиков одно только спасение — бегство!».

— И действительно, Костя, я не пойму, а Ежи удивляется. Ну, как они, малограмотные, станут управлять хозяйством и целым государством?!

— Ты же сама рабочая. Как такие слова говоришь?! Среди них есть грамотные, профессиональные революционеры, их возждей Ленин — человек огромного ума. Все это признают. Но рабочие и крестьяне не могут своей же власти вредить, как продажные чиновники.

— Да дело не в том, что станут вредить. Я говорю, сумеют ли управлять. Для этого много знаний нужно.

— Чистое сердце, Таня, и чистые руки. Вот что надо! И то и другое у них есть. Ведь те, кто с большевиками, желают только помочь народу и больше ничего, чтобы он легче и лучше жил. В таком случае найдутся образованные люди, которые помогут. А сила в народе, Таня.

— Так уж и найдутся! Вон Зимин, Наибов, Ладыгин, Куделин помогают? Только и норовят тебе запортить!

— Ну, хватит политикой заниматься. Давай, чего у тебя там есть? Пирог?

— Кусочек хлеба и чай без сахара.

— Вот и хорошо! Пошли ужинать! Главное — голова чистая,

Совет рабочих и солдатских депутатов размещался в двухэтажном здании бывшей гостиницы «Гранд-отель», теперь названной «Домом революционного пролетариата». В банкетном зале сидело и стояло не менее ста человек, все в халатах и тельпеках. Для разъяснения политики Советской власти и конкретного разговора об увеличении хлопковых посевов в Мерв были приглашены представители родов из аулов. В городе вот уже две недели находился уполномоченный московских текстильщиков товарищ Пивоваров. Он прибыл с крупной суммой денег и вел прямую закупку хлопка у ростовщиков, перекупщиков и дехкан.

Говорил Василий Мальков, когда в зале появились Атабаев и посланный за ним Сапаржа Аманекон. Мальков говорил степенно, с чувством собственного достоинства. Атанязов переводил и часто заканчивал фразу под одобрительные возгласы присутствовавших.

Мальков сообщил, что Мервский Совет принял решение установить на всей территории уезда твердые цены на хлопок и семена.

— Никаким спекулянтам не удастся теперь подорвать наше хозяйство! — выкрикнул он в зал. — Советская власть будет строго стоять на страже ваших интересов! Из Москвы приехал представитель союза «Хлопкомасломыл». Кое-кто из вас его уже знает. Здесь, в Мерве, мы откроем отделение этого союза и выдадим бедняцким хозяйствам семенные ссуды.

— Аллаха шукур! Слава Аллаху! — слышалось в зале.

— Это отделение, как единственная правительственная организация, в дальнейшем будет вести все закупки хлопка среди населения, и будет выдавать дехканам, которые производят хлопок, мануфактуру, сельскохозяйственный инвентарь, хлеб и другие продукты питания, тогда каждый из вас станет хорошо жить.

Когда Мальков закончил речь, он предоставил слово Атабаеву.

— Товарищи! — собравшиеся недоуменно задвигались, стали спрашивать друг друга: «Что сказал?» — Слово это для всех новое. Оно пришло с новой властью.

Означает оно больше, чем друг, брат, сосед и даже гость, который, как принято считать у нас, — выше отца. Мы все теперь при новой, народной власти, должны стать друг другу товарищами! Многие из вас хорошо знают Иомудского. Он не раз защищал ваши интересы от несправедливых царских чиновников. Он выступил перед народом и сказал, что для туркмен Советская власть необходима и другой власти быть не может, что туркмены будут держать Советскую власть обеими руками и выпустят эту власть только в том случае, если им отрубят руки! — Атабаев говорил и внимательно всматривался в лица находившихся в зале. Он знал, что среди них были такие, которые в душе стояли за Кокандскую автономию, призывающую к созданию отдельного от Советской власти тюркского государства. — Но я знаю, сколько ни говори «мед», во рту от этого слаще не станет. Однако Советская власть слов на ветер не бросает. У нас с вами сейчас голод только потому, что царский генерал Дутов поднял восстание, захватил железную дорогу и отрезал наш край от богатых хлебом районов России и Сибири. По реке Волге руководитель советского государства Ленин, через Красноводск в Асхабад, направил к нам хлеб, чай, сахар, масло. Однако этот путь долгий. Сейчас в Асхабаде на человека выдают в день сто граммов ячменя и пятьдесят граммов риса. У нас немного больше, но и наши запасы на исходе. Все будет зависеть от вас, люди, от того, что и как вы посеете в этом году и как соберете. На нашу помощь рассчитывайте. Выдвигайте из своей среды лучших людей в Советы. Мы будем доверять Советам в аулах, через них и поддержку вам станем оказывать.

Многие уже после официальных выступлений еще долго расспрашивали Атабаева, Аганиязова и Аманекова о самых разных делах, задуманных новой властью.

Атабаев направлялся по Кавказской в бывшую типографию Когана, теперь национализированную. Там печаталась газета «Трудовая мысль». Одет Кайгысыз был в свою неизменную белую косоворотку. Несмотря на довольно раннее утро, солнце уже основательно припекало. Приближался месяц май. Кайгысыз шагал и механически отвечал на приветствия знакомых. Из

головы его не выходил разговор, который вели между собой, в задней комнатке аптеки, Григорьев и Зимин в присутствии Атанязова и Атабаева.

Они обсуждали возможные негативные последствия действий председателя краевого Совнаркома Колесова, который в феврале этого года, прибыв из Ташкента с отрядом Красной гвардии, разоружил эскадрон Теклинского конного полка и разогнал панисламистский мусульманский комитет, который действовал в Асхабаде под началом бывшего полковника царской армии Ораз-сердара, и вроде открыто против Советов не выступал. Зимин, не таясь, злорадствовал по поводу того, что Колесов, когда весь личный состав дивизиона отказался разоружаться, вместо того, чтобы разъяснить причину, вызвавшую такое его распоряжение, отдал приказ произвести несколько артиллерийских залпов. По взглядам, которые то и дело бросал на него Атанязов, Кайгысыз видел, что и Ата признавал такие действия Колесова досадной ошибкой. Зимин так и сказал: «Это же ясно, как божий день, что туркмены, у которых силой отобрали оружие, коня и, по сути дела, выгнали из армии, вернувшись к себе в аул, тут же окажутся под влиянием буржуазной националистической верхушки. Какой от этого толк большевикам?» Тот же Зимин убеждал Григорьева, что еще более несерьезным просчетом Колесова явилось вызванное им столкновение с эмиром Бухары. «Здесь получается, что большевики сами вооружили против себя многих своих врагов. А это нам с вами, Антон Лукич, на руку». Да, Атабаев знал, — об этом с ним говорили Анисимов и Алесковский, — события в Бухаре вызвали необходимость поставить под ружье не только преданных Советской власти красногвардейцев и рабочих. В красных отрядах также неустойчивые и сомнительные элементы. Он знал даже несколько конкретных случаев, когда, например, дашнаки, правые эсеры и меньшевики, получив оружие, создавали свои боевые дружины.

Атабаев шел в типографию, чтобы повидать Коллепниченко, редактировавшего газету, и большевика Гейвандова. Последний прибыл в Мерв в конце прошлого года и теперь работал в газете и одновременно являлся секретарем исполкома. Кайгысыз хотел знать, что думают эти люди и как расценивают то, о чем вчера

говорил Зимин. Атабаев относился к обоим уважительно. Кайгысыз шагал, рассуждая про себя, но странное дело: как ни понимал он сам, что действия председателя краевого Совнаркома не могли способствовать изменению к лучшему отношений туркменского и русского населения, он все же не мог разозлиться на Колесова. Зато последними словами костерил Зимина.

В апреле восемнадцатого года из Мерва разъехались по домам все солдаты. Местный Совет, в целях обеспечения охраны своей власти, вынужден был по договору набрать так называемую социалистическую роту бойцов, которым выплачивали жалование, как рабочим. В казармах города действовали «ликвидкомиссин», состоящие из офицеров, кому Октябрьская революция «попортила» карьеру. Бывшие господа беззастенчиво торговали оружием и боеприпасами, сбывая их любому покупателю, особенно бандитам-калтаманам и тем, кто приезжал в город от хивинского хана. Голод становился невыносимым. Рабочим часто вместо муки выдавали жмых, в аулах люди давно ели лебеду.

Город бурлил. Эсеры полностью сомкнулись с меньшевиками — действовали дерзко и слаженно. Антонов, Гусейновы, Аминов, Тер-Микертычев, Ширинов, Форуни, братья Батмановы и Мамед Оразов открыто снабжали эсеров и меньшевиков средствами. Они понимали, что прежняя власть с каждой неделей все ощутимее уходила из их рук. Совет медленно, но уверенно набирал силу. И тогда правые эсеры и меньшевики сумели подбить жителей города на открытое выступление и вынудить Совет провести в Мерве новые выборы.

Атабаев, целиком перешедший на сторону большевиков, не спал три ночи подряд. Предпочтение им оказало и население. Руководителем нового Совета был избран Анисимов, а председателем исполкома остался Алесковский. Новыми членами исполкома стали большевики Лысенко, Гейвандов и левые эсеры Черняков, Атаниязов, Казанцев и Атабаев. В Мерве левые эсеры частенько перегибали палку. Атабаев иной раз предлагал такое, что Алесковскому, Гейвандову и Лысенко, с которыми он теперь работал рука об руку, приходилось разъяснять его заблуждения и излишнюю торопливость.

При новом Совете была создана туркменская сек-

ция, которую возглавил Атанязов. Он собрал вокруг себя почти сотню людей из близлежащих аулов, в основном, немущих, и секция повела активную работу среди дехкан. Она также активно помогала и продовольственному комитету, возглавляемому левыми эсерами Бессчетным и Ладыгиным.

Атабаеву было поручено вплотную заняться созданием Советов в аулах уезда.

В Мервский уездный Совет стали приходить состоятельные люди и сами — кто добровольно, а кто за деньги — сдавать продукты. Комитет усилил реквизицию излишков у баев. Положение, казалось, начало улучшаться.

Вместе с тем ощущалось, что какие-то скрытые силы ловко и упорно противодействуют решениям Совета и его исполкома. То активизировались члены офицерских групп правых эсеров, потерявшие было в первой половине года свое влияние, то принимались за дело меньшевики, дашнаки, члены «Союза фронтовиков» и даже женского союза.

Вечно шиныряющие в поисках пищи воробьи укрылись в тени, смолкли горлинки. Ишаки, беспрестанно орущие от голода, и те утихомирились, улицы города опустели, а у хлебной лавки железнодорожного района росла и росла очередь.

Стоявшая одной из первых жена кочегара жаловалась соседке:

— Мария, не поверишь, плачу каждую ночь. Как укладываю детей спать, мочи нету. У Мишутки, ему уже восьмой пошел, только полезли настоящие зубы, так шатаются, того гляди выпадут. И у девчушки, меньшей, не десна, а сплошная язва. Хоть удавись! Что делать? Жисть-то какая! Будь она неладна!

— Не гнечи бога! Ищи полезных, добрых людей.

— Где они есть-то? Вон лавочник, гад! С утра, думаю, пораньше схожу за хлебом. А сейчас, поди, одиннадцать уже. А дети одни дома голодные.

— Я подскажу тебе как быть, — и Мария зашептала на ухо. — Мои день и ночь в саду дежурят. Урюк караулят, чтоб не ободрали, когда чуть больше станет.

— Зачем? Толку-то от него?

— То-то и оно! В прошлом году врачиха, жена на-

чальника пути, присоветовала, и спаслись мы. Все! Только зеленый, неспелый урюк. Цинга как рукой снялась. Сходи к ней. Сходи, она добрая. Детям зубы спасешь.

— Правду говоришь?

Мария перекрестилась и тут с конца очереди поплыл нарастающий гул. Появился лавочник.

— Тихо! Тихо! Еще матерятся! — лавочник принялся отбиваться от наседавших на него женщин. — Ну, лайтеся! Бейте! А сообразить, что нет меня, потому как и хлеба нет — кишка тонка!

— Как это нет? — вывернулась из толпы бабка Агафья. — Нет! Я по ночам не сплю, милок! Видела как фургон приезжал.

Лавочник — эсер, исполнявший приказ своих вождей, поначалу опешил, но тут же огрызнулся.

— Как приехал, так и уехал!

— Чего? — Агафья наступала.

— Хлеба не было! Приезжал сообщить!

— Врешь! Духом-то хлебным пахнуло, свежим, горяченьким.

Бабы дружно загалдели и неизвестно чем и как закончился бы этот внезапно возникший инцидент, если бы к соседней мясной лавке не подкатила крытая телега. Из нее выгружали три коровьих туши. Толпа хлынула туда и — отпрянула. От туш невыносимо несло тухлятиной.

Возмущение людей достигло предела: поднялся немалый гвалт, захлопали калитки дворов и двери соседних домов. Народу прибавлялось, злость нарастала и, конечно же, нашелся человек, который предложил:

— К ответу Совдеп! Айда к ним!

Люди двинулись по улицам разъяренной лавиной. Перекидной мост над станционными путями заходил ходуном, казалось, он не выдержит тяжести бегущих людей и рухнет.

По дороге толпа все увеличивалась, а у Дома Свободы ее уже ждали те, кому позарез необходим был стихийный митинг такого накала.

Когда Атабаев, Бессчетный и Атавиязов, заседавшие до этого в здании бывшего Офицерского собрания, отданного под продовольственный комитет, подоспели к

месту митинга, на трибуне уже находились Зимин, Ладыгин, бывший военный комендант города Мерва полковник Наилов, известный в городе адвокат Гольдштейн — ярый меньшевик, Иван Куделин, бывший рабочий, выдвинутый на руководящую должность в Управление железной дороги «Райпуть-12». За ним шло большинство железнодорожников. Речь держал Ладыгин. Тряся головой, поправляя то и дело слетающее на кончик носа пенсне, Ладыгин выкрикивал в толпу:

— Мы делали дело, которое до нас еще никто не делал, — пролетарскую социалистическую революцию! И появились они! Откуда? Зачем? Кто приглашал их? Появились и захватили власть. Узурпаторы! Немецкие шпионы! Кому вы верите, граждане? Кому доверяете судьбу уезда? — Ладыгин распалялся. — Да разве это люди?! Это же дураки! Разве приведут они народ к благополучию? Справиться с голодом не могут. Муки нет, мясо держат для себя, пока не протухнет. А туда же! Кто у них там командует? Кто прибрал Совет к рукам? Кто там сидит? Малляр, наборщик, стрелочник да пекарь!

Атабаев подумал: «И хорошо! Все выкрасим, наберем, что народу надо, людей обучим, поставим нужные стрелки и хлебом всех накормим». Он с трудом протиснулся на трибуну, где не было ни одного большевика — их сюда не пустили: Алесковский, Гейвандов, Лысенко и другие стояли внизу, перед трибуной.

— Долой узурпаторов! Долой власть большевистских Советов! — уже вопили из толпы, а оратор все не понимался.

— И находятся же нуды! Я имею в виду начальника дистанции пути, инженера Тимофеева и его благоверную. Лечила бы себе больные зубы. А то нет, большевистскую политику ей подавай! А доктор Казаков — гордость русской армии! Продались большевикам! Продались! А люди мрут! Голодают! А комиссарам что? Комиссары ни в чем не нуждаются. Берут себе сколько надо! Как сыр в масле катаются!

Атабаев видел, как безрезультатно пытались прорваться сквозь кордон руководители Совета. Они что-то кричали, но из-за гвалта толпы их не было слышно.

Атабаев отпихнул стоявшего перед ним Куделина,

полетел еще кто-то, ухватился за рукав грузного Гольдштейна, рванул его на себя и оказался рядом с оратором.

— Стойте! Стойте! — Он поднял обе руки кверху. — Вот я еще вчера был комиссаром продовольствия. Идите ко мне! — толпа онемела. — Идите! Идите и к комиссару здравоохранения Абдуллаеву, он на Кавказской живет. Идите и к Бессчетному. Там хлебные склады, навалом круп и мяса. Идите к Алесковскому, и к Гейвандову идите!

Из глоток людей, многие из которых знали Атабаева, вырвался возглас одобрения.

— Идите, идите! Только, только... — гвалт снова стих. — Только когда придете ко мне, будьте милосердны. Жена моя в положении, четвертый месяц носит. Не забудьте спросить у хозяина Ашота сколько я задолжал ему за квартиру. — Последние слова Атабаева потонули в крике людей, которые как бы нашли выход из безвыходного положения и больше ничего и ни кого не желали слышать.

Атабаев перевел дыхание. Он видел, как люди, только вчера с уважением относившиеся к избранным ими же самими представителям власти, теперь хватали за руки Алесковского, Гейвандова, Лысенко и тянули за собой. Затея с митингом была сорвана.

Глава пятая

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЙ МЯТЕЖ

Со двора на веранду несло дымком. От мысли, что очень скоро на столе появится давно не виданная вкусная еда, на пустой желудок мутило еще пуше. Кайгысыз сидел на просторной, затененной террасе дома Атаниязова и пил чай, заваренный в пятый раз. Атаниязов только что вернулся из кратковременной поездки по аулам. В одном из них жители собрали с миру по нитке и уговорили взять с собой в город немного провизии.

Халлы и Сапар-ага готовили в казане нечто похожее на хейгенекли кебаб: залитые яйцами куски баранины, пережаренной в сале с луком и помидорами,

Атаниязов выплеснул остатки чая из пиалы в стоящую на столе миску. Это означало, что он напился.

— Что я тебе скажу, Кайгысыз? Дела, конечно, идут, не спотыкаются. Хорошо, конечно, что Туркестан признали автономной республикой в составе РСФСР. Правильно, что пятый съезд в Ташкенте отдал судьбу Туркестана в руки самого народа. Тем самым съезд поставил мусульман в ряды активных борцов за дело всемирного пролетариата. Так писала «Наша газета».

— А разве плохо, что Российская Федерация ассигновала на оросительные работы в Туркестане пятьдесят миллионов рублей? — Кайгысыз подлил себе еще немного чая. — Нашу систему давно надо чинить, а средств не было.

— Это хорошо. И дехкане, которые засеяли свои земли под хлопок, ждут обещанные мануфактуру, семена на будущий год и жмых на удобрение. Если все это вовремя им доставим, каждый скажет: «Хочу новую власть». В аулах сильное брожение. Много агитаторов против Советов. Приезжают разные люди. Говорят, и от эсеров приезжают, они ругают большевиков, мутят воду.

— А ты послушай, — Кайгысыз достал из заднего кармана изрядно помятую записную книжку, — вот один узбек сказал на съезде в Ташкенте: «Мы будем у вас учиться, мы пойдем за вами. Теперь мусульмане поняли, что русский пролетариат идет рука об руку с мусульманами. Не оставляйте нас без надзора, учите нас».

— А сколько таких убежденных? Сколько таких, как мы с тобой, Кайгысыз, у нас в уезде? Мало! — Атаниязов потер руки от удовольствия, увидев, что жена несет ложки и свежее испеченный чурек, а Халлы и Сапар-ага идут следом с полным казаном.

— Утром в Совет заходил один приезжий из Ташкента. Много разного поведал. Из Москвы, по направлению самого Ленина, приехал Кобозев.

— Петр Кобозев, старый русский большевик, я о нем слышал. Хороший человек.

— Да, все говорят. А у него с Колесовым и другими — разногласия. Съезд принял постановление, а на деле вроде все видят, что Колесов не очень доверяет мусульманам. Молва разносит, а есть люди, которые сразу из этого слона делают,

— Но Ленин Туркестанский университет открыл. Ты думаешь, только для русских? Прежде всего туда пойдут студенты из местных.

— Конечно, здорово! Но до учебы ли? Маслобойный завод национализировали, и он встал. Хлопкоочистительный Микиртычева растаскивают на части. Банки прекратили операции. Все бывшие саботируют новую власть.

— Тебя не было, я с милицией ездил в банк. Припугнул Хацапу, и он открыл сейфы. Маргулиса сняли, сделали начальником Чернякова и — сразу несколько судебных дел.

— Это мелочь, Кайгысыз, я чувствую, что назревает беда. Ну, давай поедим. И вы, эй, Халлы, Сапар-ага, садитесь с нами!

Говорили уже в полсилы. Заседание Совета длилось пять часов, время приближалось к полночи. Жарче всех других дебатировался последний вопрос о действиях Коллениченко, руководителя недавно созданной в Мерве Чрезвычайной комиссии. Василий Мальков охрип и изнемог. Ему было непросто вести заседание, на котором ораторствовали прекрасно владевшие словом директор реального училища Зимин, поднаторевший из меньшевистской литературы, поручик Ладыгин и адвокат Гольдштейн. Выручали своим красноречием и убедительными доводами Алексеевский и Анисимов. Исидор Коллениченко умел и сам за себя постоять. Он заключил спор такими словами.

— Так что, если по каждой акции Чрезвычайной следственной комиссии ей придется докладывать и отчитываться перед Советом, деятельность ЧК в Мерве будет лишена смысла. А это — безнравственно! Вождь революции, глава Советского государства призывает свято соблюдать законы и предписания Советской власти и не менее строго следить за исполнением их всеми, без исключения. Позволительно будет напомнить здесь и слова Оноре де Бальзака о том, что «закон это не паутина, сквозь которую крупные мухи пробиваются, а мелкие застревают». Здесь говорили, что у Советской власти еще нет свода законов. Напрасно! Есть определение закона, данное тем же Лениным. Выражение воли классов, которые одержали победу и держат в

своих руках государственную власть. Вот мы и стоим на страже этой воли. Не мешайте нам! По делу группы бывших офицеров и «золотой молодежи», арестованной нами, проведем следствие и будем судить их за продажу оружия врагам революции. Бежавших из-под стражи баев разыщем и вновь подвергнем аресту.

— Я говорил и продолжаю утверждать, что вы сами придумали историю с английским оружием для калтаманов Хивы, чтобы вывести отряд в пески и дать баям возможность бежать, — не поднимаясь с места, произнес Ладыгин то же охрипшим голосом. — Баи выложили крупную сумму!

— Сведения были точными. Группа Скоробогатова видела следы. Вот они — лживые участники похода в пески: Алесковский, Черняков, Гейвандов. Контрабандистов просто не настигли, они сумели уйти. Однако только плуты склонны думать, что все остальные подобны им. Что же касается Атар-хана, скупающего оружие у нас под носом, приказ отдан, и он будет арестован, — Колленниченко не без усилия опустил на свое место.

— Товарищи, предлагаю всем изучить статью Ленина «Очередные задачи Советской власти». Она напечатана в «Трудовой мысли» полностью, — Мальков вытащил из ящика стола экземпляр газеты, потряс им в воздухе. — И дальше мы будем работать по ней. На сегодня хватит. Давайте расходиться.

Члены Совета и участники совещания покидали просторный кабинет неспеша. Ионин, Анисимов и Алесковский знаками предлагали большевистской группе остаться. Атабаев попросил разрешения и ему позволили. Он сел у самого входа.

— Вопрос серьезный, товарищи! Я хотел предложить Атабаеву не уходить, да он словно чуял, сам попросил. Нам негоже в этом случае следовать примеру Ташкента. Я уверен, в конце концов, линия Кобозева возьмет верх. Мы не обойдемся без того, чтобы не опереться на широкие массы аульной бедноты. Атабаев выбивается из сил, а мы ему мало помогаем. Только вовлечением беднейших слоев коренного населения в работу Советов мы оторвем их от влияния мусульманской буржуазии и мулл. Этот вопрос — уже не теория. Это уже — практика. Ленин призывает нас, чтобы мы,

однако, помнили о традициях, которые здесь сильны, но вместе с тем мешают сближению городского пролетариата с трудовым дехканством. Предлагаю тебе, Андрей, поговори с Атабаевым и поставь на комитет обсудим, что нам мешает повернуться лицом к аулу.

— Не до этого сейчас! — ответил Малькову Лысенко и стал раскуривать трубку.

— А до чего? — запальчиво спросил Гейвандов. — До чего? Антанта сжимает кольцо вокруг Москвы. Только одна четвертая часть России принадлежит Советам. Мы отрезаны. Вокруг нас стаи волков. Разве это не было ясно весной на съезде? Надо вооружать народ и силой оружия давить гадов! А мы что? «Долой войну!» — можно сказать на этом выиграли. А теперь всех мужчин взять на учет. Снова на войну!

Гейвандов распалился и сделал паузу, чтобы немного поостыть, а Кайгысыз подумал: «Аульное население всполошится... Опять разъясняй, успокаивай».

— Думаете, враг дремлет?! Накось, выкуси! — между тем продолжал Гейвандов. — Обязательно выступит!

— Шибко ты умный, Самуил, — сказал Лысенко, энергично загасил трубку, выбил пепел, встал и вышел. За ним поднялся Мальков, пустой рукав его дергался.

— Ты новенький здесь и ни хрена не знаешь! Попробуй вооружи наших, так Куделин завтра из тебя состряпает бифштекс.

Гейвандов, однако, был прав в том, что весь ход VI-го съезда Советов Закаспийской области явно и недвусмысленно показал, — непролетарский элемент, эсеры и меньшевики владели крепкими позициями в Советах многих городов области и вели в них ничем не прикрытую борьбу за власть против большевиков. Ликвидированная, казалось бы, в начале года, оголтело антисоветская «Туркестанская военная организация» на самом деле сберегла свои основные силы. Были арестованы лишь некоторые из ее активных членов, а основные руководители генералы Кондратович, Савицкий, полковники Бловатский, Цветков, Герман, Фольберг, Джунковский оставались на свободе. Они при помощи сотрудников прибывшей в Ташкент официальной английской миссии сколотили еще более мощный и более законспирированный «Туркестанский союз борьбы

с большевизмом». У кого истинная цель этого союза могла вызывать сомнения?

О положении в Туркестане и Закаспии хорошо знали в Лондоне. Там все прежние правительства умели ловко поедать каштаны, извлекаемые другими из огня. С двух сторон к занимавшемуся костру направились военные миссии. Одна из Багдада на автомобилях, под командой генерала Дентстервилля, через Луристан и Энзели, в Баку к дашнакам-белогвардейцам, а другая, под началом генерала Маллесона, через Сеистан и Мешхед, в Закаспий.

Сообщение о восстании в Асхабаде поступило в Мерв утром. Однако сразу не было ясно, кто восстал и против кого. Все члены Совета, собравшись в Доме Свободы, обсуждали это известие. Не явился только Зимин. Неожиданно призывно, долго и тревожно, заполняя собой все улицы и дома города, загудел гудок депо. То Зимин призывал население на митинг. Он-то хорошо знал, кто восстал в Асхабаде, поэтому сразу отправился в депо, сагитировал там рабочих и распорядился дать гудок для того, чтобы собрать народ на общегородской митинг.

Многих усилий стоило большевикам отвести предложение эсеров и меньшевиков немедленно отправить в Асхабад вооруженный отряд, и добиться, чтобы митинг принял резолюцию: послать лишь рабочую делегацию, во главе с Алесковским и Анисимовым, и на месте разобраться в сути происходивших событий. Мервцы, вслед за большевиком Житниковым, пламенно выступили на решающем митинге в депо станции Асхабад и тем самым перетянули чашу весов на сторону большевиков. Представители эсеров-меньшевистских загворщиков вынуждены были покинуть митинг. Однако им удалось договориться с большевистским Советом о перемирии и начать переговоры. Немалый опыт политической борьбы эсеров и меньшевиков и недостаточно сильное пока влияние большевиков в широких массах позволили склонить большинство членов созданного Ревкома и областного Совнаркома к тому, чтобы, во-первых, отменить распоряжение о взятии на воинский учет мужчин в возрасте от 18 до 35 лет, а во-вторых, провести выборы новых Советов с участием всех политических партий и организаций. При такой ситуации, —

и это, конечно, впоследствии оказалось роковой ошибкой, — ядро большевиков не позаботилось о немедленном роспуске боевых отрядов мятежников. Они сохранились целиком при полном вооружении.

В Ташкенте, где в эти дни проходил первый съезд Коммунистической партии Туркестана, понимали, что Совнарком и большевистская организация Закаспия недостаточно сильны, чтобы самим справиться с возникшим там положением. Было решено послать им на помощь чрезвычайного комиссара с отрядом красной гвардейцев. Выбор пал на молодого и горячего Андрея Фролова, председателя исполкома Самаркандского Совета. Он прибыл в Асхабад, оказал некоторую помощь, однако до конца не разобрался в сути заговора, недооценил силы заговорщиков, их возможности, а свои явно переоценил. К тому же, он не знал, что каждый его шаг, каждое намерение в ту же минуту становились известны контрреволюционерам через активного члена Совета, бывшего железнодорожного рабочего, эсера Фунтикова.

Фролов отправился в Кизыл-Арват, хотел там провести перевыборы Советов, чтобы очистить их от эсеров. Остальные же комиссары-большевики разъехались по другим городам. Асхабад, по сути, остался без руководства. А в это время Колесов из Ташкента дал Фролову открытую телеграмму: «Еще раз вам повторяю, вырывайте с корнем ненавистное нам асхабадское контрреволюционное гнездо. В средствах не стесняйтесь, подкрепление немедленно будет выслано». Фунтиков перехватил эту телеграмму и заговорщикам все стало ясно.

Не мешкая, Фунтиков разослал в наиболее важные точки Асхабада вооруженные эсерово-меньшевистские дружки, захватил телеграф и телефон. В течение дня он встретился с военным специалистом, полковником Проворовым и разработал с ним дальнейший план действий. К вечеру полковник поднял всех членов асхабадского отделения «Туркестанского союза борьбы с большевизмом» и почти всех проживавших в городе бывших офицеров царской армии, которые с готовностью примкнули к заговорщикам. В стане контрреволюционеров оказалось до четырех тысяч хорошо вооруженных лю-

дей. Мятеж начался 11 июля, а к шести вечера следующего дня пала последняя позиция защитников Советской власти — здание, которое занимал Совет.

Сильный отряд мятежников в этот же день 11 июля отправился в Кизыл-Арват. Там в неравном бою геройски погибли комиссар Фролов и весь его красногвардейский отряд. А через два дня после этого были арестованы девять асхабадских комиссаров.

В Ташкенте не знали о положении дел в Асхабаде, но догадывались, что оно — угрожающее. Колесов не получил ответа Фролова на свою последнюю телеграмму. И ТурЦИК вместе с Совнаркомом решают направить в Асхабад комиссию во главе с наркомом труда Павлом Полторацким, которой вменялось разрешить «конфликт» мирным путем. Решение было именно таким, хотя и раздавались одинокие голоса, призывающие применить к Асхабаду, ставшему крепким контрреволюционным гнездом, самые решительные военные меры.

— Итак, товарищи, в связи со сложностью и неясностью обстановки хочу, чтобы каждый серьезно высказался. И первыми надо послушать местных товарищей, — Полторацкий сидел на председательском месте, обхватив ладонями лицо, обычно ясное и приветливое, без морщины. Сейчас его высокий лоб пересекали у переносицы резкие поперечные морщины. — Жаль, не подошли еще Лысенко и Мальков. Прощу тебя, Гейвандов.

Самуил Гейвандов и Николай Казанцев были отряжены от Мервского Совета в состав комиссии Полторацкого. Оба они вместе с Полторацким только что пришли в Совет со станции, где вели телефонный разговор с Асхабадом.

— Мне самым решительным образом не нравится поведение руководителя так называемого стачечного комитета Фунгикова. Этот Фунгиков — хорошенький фрукт. Я без сомнений верю Алесковскому и Анисимову, — они были свидетелями, теперь совершенно ясно, — первой, неудавшейся попытки мятежа. Но вот он удался! Кто может сомневаться в том, что руководители-большевики Совнаркома арестованы? А расстреляны они или нет, не столь важно. Если еще живы, то рас-

стреляют! Вот так! Фунтиков ни на один ваш вопрос, товарищ Полторацкий, не дал ясного ответа.

— Приезжайте, мол, к нам, здесь на месте поговорим! — вставил Казанцев, который нервно мял в руках какую-то бумагу.

— Точно, Коля, он нас и приговорит! Вы слышали, как он настойчиво, несколько раз спрашивал, едем ли мы одни или с нами идут войска? А? Вот так! Это ловушка! Я смерти не боюсь, но бессмысленно действовать не привык.

— Да, я почему-то был уверен, что конфликт можно ликвидировать мирным путем, но их лозунг «За Советскую власть, но против отдельных комиссаров» меня настораживает. Это ложь! Они идут против Советов! И меня удивляет, как мертвые рабочие, я говорил о железнодорожниках, этому верят. Василий Бритов, он кто? Не понравился он мне, — Полторацкий положил руки на стол.

— Бритов — начальник железнодорожной охраны, — ответил Казанцев.

— А мне стало не по себе от разговора с вашим Куделиным, — слово взял член комиссии от Самаркандского Совета Константинопольский. — Я бы не стал ему доверять руководство вооруженными железнодорожниками.

— Куделин — сотоварищ Фунтикову, — сказал Казанцев и поднялся со стула. — Я согласен с Гейвандовым. Ехать в Асхабад нельзя. Товарищи уже предлагали превратить комиссию в военный штаб обороны, предлагали связаться с Ташкентом, вызвать Красную гвардию. Я — за! Второе, пригласить сюда Колленниченко, он найдет надежного человека, которого можно послать в Асхабад. Срочно! Надо знать, что там происходит...

В соседней комнате Дома революционного пролетариата, где располагалась гуркменская секция, вели жаркую собой жаркий спор Атанязов, Атабаев, Абдуллаев, Ишанходжаев, Аманекон. Речь держал Кайгысыз:

— Хитрый ход! Мятаж! Разве его гуркмены устроили? Тогда почему во главе мятежных войск стоит Ораз-сердар? А с ним Эзиз-хан? Есть слух, я ему верю, что в Безменне провели гуркменский съезд. Среди мятежников есть умные люди. Они знают, что за Овезбаевым, Халлы Мурадом, Қакаджаном Бердыевым пой-

дут многие туркмены. Оружие раздают. Какой туркмен не ухватится за оружие? Их руками теперь будут бороться с Советской властью, — скулы Кайгысыза нервно напряглись, глаза загорелись недобрым огнем. — Сволочи! Ата, надо думать, кого из верных «стариков» сейчас же послать в Асхабад. Он вернется, мы будем знать, что там происходит.

— Человека найдем. Он есть, — начал было Аганиязов, но его перебил Сапаржа.

— Я поеду!

— Молод еще! — отрезал Аганиязов. — Кто знает, сколько людей пошло за этим, туркменским комитетом из Безменна? И наших здесь не поднять. Проснал весной — заплачешь зимой.

— Сколько говорил я Лысенко, Малькову и Алесковскому! Только Анисимов один поддержал. Говорил я, хоть хлеба и мало даем, но Советы в аулах быстрее создавать надо. Сейчас бы оружие им раздали, народ бы пошел защищать новую власть.

— А кто против нее воюет? — спросил Абдуллаев. — Хотят только большевиков спихнуть.

— Вай! — в один голос воскликнули Аганиязов и Атабаев, и в этот миг отворилась дверь, на пороге появилась Зиночка, технический секретарь Совета.

— Константин Сергеевич, вы ждали Малькова и Лысенко. Они пришли, совещание с товарищем Полторацким пока не кончилось.

Мальков и Лысенко новых сведений не принесли, поэтому было решено немедленно отправить в Асхабад надежного товарища; Полторацкому же связаться с Ташкентом по прямому проводу и просить вооруженной помощи.

Кайгысыз проснулся от выстрелов. Это мятежники, вошедшие в город глубокой ночью, при помощи Куделина и его железнодорожников, вели перестрелку с часовыми социалистической роты. Он все моментально понял, Таня широко открытыми глазами смотрела на мужа. Руки ее прикрывали уже заметно выросший живот. Он позвал Сапара-ага.

— Таня, немедленно одевайся. Бери самое необходимое. Все здесь останется. Сапар-ага приглядит. Мы уходим к Ашоту. Немедленно. Утром разберемся!

Полторацкий, разместив штаб обороны на телеграф, проводил членов комиссии в гостиницу «Лондон» и стал устраиваться на диване на ночлег. Павел Герасимович услышал выстрелы, и следом в помещение ворвались вооруженные люди с красными повязками на правой руке. Они схватили его, избили и отправили в одиночную камеру тюрьмы. Остальных членов комиссии и нескольких работников Совета арестовали и заперли в помещении железнодорожного вокзала.

Оставшиеся на свободе большевики Лысенко, Анисимов, Мальков, — Алесковского не было в городе, — ходили по домам знакомых и призывали народ на выступление против мятежников. После полудня на текстильном базаре появился Кайгысыз. Он забрался на мешки со жмыхом и закричал в толпу:

— Люди, вас предали! Эзиз-хан, Ораз-сердар и Сеидмурад Овезбаев не друзья вам! Полковник Наибов, Зимин и Куделин — ваши враги! Идите на вокзал — там арестованы ваши сторонники! — большего он сказать не мог. К нему проталкивались вооруженные люди, и, спрыгнув, он затерялся в толпе.

В тот же день к вечеру, в городском саду собрался митинг. Вел его Лев Зимин. Три часа он, Куделин и прибывшие с войсками мятежников представители асхабадского стачечного комитета убеждали народ в правоте действий этого комитета, который, мол, полностью за Советскую власть, но только без большевистских комиссаров.

Участники митинга, однако, твердо стояли на своем, они требовали: «Свободу нашим товарищам!», «Свободу революционерам!». Видя упорство членов Временного исполкома, назначенного мятежниками, которые продолжали призывать «За Советскую власть, но без коммунистов», митинг двинулся к вокзалу, где находились арестованные, среди них и члены комиссии Полторацкого. Куделин, теперь уже глава Временного исполкома, не мог удержать людей, и всех, кто находился на вокзале под стражей, народ освободил. Полторацкий и председатель ЧК Мервского Совета Колленниченко содержались в городской тюрьме. Через сутки мятежники расстреляли их. Репрессии против большевиков и их сторонников в городе усилились.

Гейвандов сумел укрыть Лысенко, Агаянзязова,

Чернякова и Казанцева за кипами шерсти на загородном складе фирмы «Стуккен», где работал его дядя. Петр Анисимов, однако, не верил в серьезность контрреволюционного переворота. Не послушавшись товарищей, сбрил усы, облачился в туркменский халат и тельпек, пошел в город. Там очень скоро был опознан, схвачен и затем расстрелян.

Атабаев поначалу скрывался вместе с Таней в доме родственника их квартирного хозяина Ашота. Таня полагала, что ее муж преувеличивает размеры опасности. Однако, когда она узнала, что у них в доме побывали мятежники, которыми командовал сам полковник Наибов, и что они, не найдя Кайгысыза, увезли с собой Сапар-ага, женщина не стала противиться переезду в близлежащий аул Кунгур. Там их укрыл в доме своего отца член туркменской секции Абдулрызак. В доме ахуна Атабаевы были в полной безопасности.

Атаниязов и с ним еще трое советских работников-туркмен за неделю сменили три места, пока Ата не узнал, где остановился прибывший в Мерв с туркменским отрядом Сендмурад Овезбаев. Атаниязов был знаком с Овезбаевым, но их теперь разделяла принадлежность к враждебным лагерям. И все же Ата, зная Овезбаева как человека чести, решил воспользоваться правом гостя. Овезбаев укрыл всех четверых у себя дома. Узнав об этом, полковник Наибов потребовал выдачи Атаниязова, подлежащего «выписке в расход», то есть расстрелу. Овезбаев, сославшись на древний закон гостеприимства, не выдал находившихся у него товарищей.

У двери кабинета, в котором две недели назад заседал Полторацкий со своими товарищами, стоял стройный человек, с живыми черными глазами, полными негодования. Одет он был в ладно пригнанные хромовые сапоги английского покроя, военного образца галифе и нарядный, шелковый халат, перехваченный офицерской портупеей. На поясе висели наган и шашка. То был Эзиз-хан. В душе его клокотала злость на самого себя. Он только что побывал у Сахаровой, в пятый раз за эти дни, и она, приняв цветы, видеть по-прежнему не пожелала.

Он, перед одним упоминанием имени которого содро-

гались люди, который безжалостно грабил кого хотел, терзал кого желал и умел произносить смертный приговор фразой: «Проводите от собак», был не в силах что-либо поделаться с хрупкой женщиной. Но еще более злился Эзиз-хан на себя потому, что в сознании все крепче свивала гнездо мысль: он обманут белыми, их дело не выгорает и потому ему не видать обещанной высокой ханской власти. Ожидать же прощения от новой, Советской власти Эзиз-хану нечего — слишком много смертей тех, кто верил в нее, лежало на его душе.

Вокруг широкого письменного стола расположились командующий войсками мятежников Ораз-сердар, начштаба полковник Битный-Шляхт, Куделин, Зимин, полковник Наибов и прапорщик Залкин, владевший туркменским языком, как своим родным.

— Эзиз-хан, что с тобой? — по-русски спросил Ораз-сердар в ту минуту, когда неудачливый поклонник вспоминал конец разговора, состоявшегося именно с Ораз-сердаром менее месяца назад в Безменне: «Или будь с нами, или уходи к большевикам!». Эзиз-хан тогда ответил: «Я не царь, посоветуюсь и отвечу».

Сейчас он с горечью думал, что совет надо было держать не со старшиной рода, баями и муллами, а с народом.

— Останови своих людей, Ораз! — решительно потребовал Эзиз-хан, — он говорил по-туркменски и бывший прапорщик сразу же стал вполголоса переводить его слова. — Не отбирай у народа пшеницу! Они погибнут с голода! Подумай, стоило ли нам восставать, чтобы потом грабить собственный народ?

— Мне нечем кормить войска! Любишь розу — не гнушайся ее шипов, — произнес недовольным тоном Ораз-сердар и отвернулся.

— Тогда незачем было вести за собой столько людей! — Эзиз-хан распахнул дверь и вышел из кабинета.

Присутствующие многозначительно переглянулись. Эзиз-хан не подозревал, что вынес себе приговор.

Овезбаев вместе с адъютантом подъехал к дому, в котором жил. Бросив поводья коноводу, он не спеша шел в комнату, где находились Атаниязов и его товарищи.

— Дорогие гости, я дам вам надежных людей. Они проводят вас, куда укажете. Вам следует немедленно уходить. Мы покидаем Мерв.

Атаниязов поднялся с ковра, огляделся вокруг, не забыл ли чего. Друзья последовали его примеру.

— Под Байрам-Али идет бой! Ваши товарищи подтянули свежие силы, выиграли двухдневное сражение под Чарджуем, затем под Барханами, Репетеком и Песками. Мы сдаем позиции у Курбан-кала. Мерва нам не удержать. — Овезбаев всячески давал понять, что медлить не следует.

— Сеидмурад, почему вы с нами? Зачем против народа идете? — Атаниязов почти вплотную приблизился к хозяину дома. — Эти господа, с которыми вы сейчас заодно, счастья вам не принесут. Не все ли равно — черная свинья или белая?

— Начинаю видеть.

— Завтра еще и англичане придут. Обязательно!

— Об этом и думаю.

— Бросайте их, Сеидмурад! Мы вам поможем.

— Так будет нечестно. Хоть я и не давал присяги, но если чему-то служу, служу верой и правдой. Спасибо за разговор, я буду о нем помнить. А сейчас прошу поспешить!

— Зачем позволяете командовать Залкину, точнее Ораз-сердару, — вы ж его знаете! И что стоит за его спиной? Невежество, несправедливости! Зачем позволяете людям из аулов обманом брать под ружье! Они не внают в кого стреляют. Потом будут за все своей кровью отвечать, — у Атаниязова не было возможности как-то по-иному отблагодарить Овезбаева за великодушие.

— Не так уж народ наивен, как вы себе представляете, Ата. Очень многие поднялись и ушли в пески. Но, прошу вас, поторопитесь!

Как бы в подтверждение слов Овезбаева до слуха донеслась артиллерийская канонада. То части красных начали артподготовку перед наступлением на позиции, которые заняли офицерские роты по приказу Ораз-сердара и Битного-Шляхта, в пяти верстах от Мерва, с тем, чтобы можно было без потерь эвакуировать город.

Куделин, Зимин, Гольдштейн и Наилов грузили свои семейства и имущество в один вагон.

Казалось, неудержимое движение мятежников на Ташкент невозможно остановить. Однако чарджуйские рабочие во главе с крепким большевистским ядром поднялись на защиту города и железнодорожного моста через Амударью. За рекой мятежники беспрепятственно могли соединиться с войсками эмира Бухары и отрядами ферганских басмачей. Сложилась бы наилучшая ситуация для незамедлительного выступления «Туркестанского союза борьбы с большевизмом» совместно со своими «боевыми очагами» во всех других городах края. Лозунги мятежников: «На Ташкент!», «На Москву!», «Уничтожим узурпаторов-коммунистов, вырвем с корнем гнездо большевиков!» захлебнулись на позициях в десяти верстах от Чарджуя. Ташкент подослал подкрепления, и уже 27 июля в тяжелейших условиях — стояла дикая жара, и у бойцов не было воды, — началось сражение у станции Равнина. Противник был отброшен до станции Барханы и покатился до самого Каахка.

Дехкане группами с оружием в руках переходили на сторону красных, ушедшее в пески население возвращалось в аулы к своим очагам. Однако генерал Маллесон, от имени правительства Англии, под предлогом защиты Индии от германо-турецких войск подписал с эсеро-меньшевистским «правительством» Закаспия соглашение, дававшее английским войскам право оккупировать Туркестан. И именно отряд сипаев, английскими пулеметами и пулями, изготовленными на британских заводах, остановил под Каахка победоносное движение красных частей на Асхабад, где уже началась паника и повальное бегство.

К ноябрю измотанные части красных, без обмундирования, боеприпасов и провианта вынуждены были отойти на станцию Равнина, где началось «великое стояние», длившееся полгода.

Жители Мерва встречали возвращение красных с радостью, помогали налаживать работу Советов. Ко времени вторичного занятия Мерва белыми, Атабаев, вместе с Атаниязовым, большевиками Алесковским, Лысенко, Мальковым, Гейвандовым и левыми эсерами Черняковым, байрамалийцем Панасюком и тедженцем Николаем Паскуцким, составлявшими часть делегации Советского Закаспия на VI-й съезд Советов, находились

в Ташкенте. Тая, которую Кайгысыз привез с собой, в конце ноября родила дочь, которую назвали Зоей. Атабаев помнил, как преподаватель церковно-славянского языка семинарии протоиерей Марков объяснял, что Зоя от греческого — Жизнь.

Глава шестая

ШЕСТОЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ ТУРКЕСТАНА

В добротном, каменном здании бывшего кадетского корпуса шли такие жаркие дебаты, что, казалось, даже стены актового зала принимали в них участие. Шестой съезд Советов Туркестана обсуждал серьезные, набравшие жизненные вопросы. Атабаев, как делегат съезда, получил только что вышедшую в свет книгу «Азбука коммунизма», первый советский учебник политграмоты. Он не расставался с ним, везде носил с собою и открывал в поисках объяснения всякий раз, как только ему становилось что-либо неясно. Борьба на съезде, проходившем в присутствии ряда делегаций коренного населения, началась сразу, хотя в его работе уже не принимали участие ни меньшевики, ни правые эсеры. В президиуме оказались одни большевики и левые эсеры, количество которых составляло, примерно, треть делегатов. Дальнейшую работу предложили вести по секциям, с равным числом представителей от левых эсеров и большевиков. После долгих пререканий съезд отверг это предложение. Тогда эсеры подняли вопрос о «неправильном» действии мандатной комиссии, о «неправомочии» съезда. И эта попытка захватить лидерство им не удалась. Страсти разгорались, и левые эсеры на второй день работы съезда решением своей фракции провели грандиозное собрание в главных железнодорожных мастерских — рабочем оплоте Ташкента. Они пытались организовать «рабочую конференцию» и ею подменить съезд. Вынос на это собрание в мастерские обсуждения вопросов, дебатировавшихся на съезде, был недопустимым. Верх начинало брать уже ничем неприкрытое недружелюбие.

Кайгысыз, слушая всех, вспоминал пословицу: «Два дервиша на одной подстилке ютятся, два шаха и на

всей земле не уместятся», рассуждал: «Но моя партия и большевики, какие же мы шахи? Одно дело делаем. Хорошо сказал Ата: «Два сокола дерутся — корм ворону достается». Большевики ничего дурного не предлагают. Опять прав Ата, когда говорит, что Панасюк власть из рук выпустить не желает. И Тоболин со своими «старыми коммунистами» не прав. Если он не признает работников, присланных из Москвы, где уж ему признать права революционеров из местных».

Руководитель левых эсеров Байрам-Али Панасюк, обладавший крепкими голосовыми связками и крутым характером, волею судьбы в один из тяжелых дней Туркестана оказался во главе Военно-политического штаба Закаспийского фронта. Не обладая, однако, достаточными знаниями и опытом, он не мог должным образом справиться ни с военной, ни с политической работой в боевых отрядах фронта. Вместе с тем, председатель Совнаркома Колесов и председатель ЦК коммунистов Туркестана Тоболин поддерживали Панасюка. Колесов, считавший, что крепкой революционной фразы вполне достаточно, чтобы дело двигалось вперед, души не чаял в Панасюке. Тоболин, полагавший, что главное в революции — это ее вождь, не терпел критики, все решал самолично, с мнением приехавших из Центра и товарищей из ЦК не считался и открыто призывал Панасюка к единоначалию.

Кайгысыз не пропустил ни единого слова из выступления комиссара путей сообщения большевика Дубицкого и был страшно удивлен его заявлением, что в Ташкенте левые эсеры готовят контрреволюционное выступление типа Асхабадского мятежа.

Он сидел рядом с представителем красноводских рабочих Иваном Бухаренко, с которым познакомился сегодня утром. В кругу своих, у входа в зал, стояли Лысенко, Алесковский, Мальков, Атаниязов, еще кто-то и двое незнакомых, плохо знавших Туркестан, но интересовавшихся положением коренного населения. Кайгысыз неожиданно для самого себя решительно заявил:

— Что хотите делайте, но без местных революционеров дело не пойдет! Надо не за власть драться, а народ вытаскивать из невежества, чтобы он понял: новая власть во сто раз лучше старой! Вот как!

Приезжие товарищи одобрили его слова, и Бухаренко сказал:

— Айда в зал! Вместе сядем. Ты молодец, Константин Сергеевич!

Теперь они сидели рядом, и Бухаренко, вдруг толкнув Кайгысыза в бок, произнес:

— Гляди сейчас в оба! Ваш Гейвандов речь толкнет, шуму будет!

Гейвандов поднялся на трибуну. Он заметно волновался.

— Товарищи делегаты съезда, на коммунистической фракции Мервской делегации было решено просить съезд внести в повестку дня вопрос о реорганизации Военно-политического штаба Закаспийского фронта. Президиум съезда уважил, и большое вам спасибо!

Далее Гейвандов, успокоившись, толково и рассудительно говорил о насущной необходимости изменить методы руководства штабом и войсками, упорядочить работу среди красноармейцев, повысить роль политкомиссаров частей, ввести их в состав штаба, а сам штаб обновить новыми, более достойными членами.

Слово получил представитель Тедженского Совета левый эсер Николай Паскуцкий, который с первых же слов призвал съезд отрешиться от ведения споров между левыми эсерами и большевиками, положить конец межпартийным разногласиям в решении военных вопросов.

— Решительно призываю, перед лицом грозной опасности иностранной интервенции и белой контрреволюции, объединить наши силы и слить обе партии в одну — коммунистическую!

Поднявшийся было в зале невообразимый шум был более чем красноречивым доказательством слабости руководства как ЦИК, Совнаркома, так и ЦК Компартии Туркестана.

Съезд принял Конституцию Туркестанской автономной республики, избрал новый состав ЦИКа, назначил новый Совнарком. Председателем ЦИК был избран большевик Всеволод Вотинцев, являвшийся до этого председателем исполкома Ташкентского Совета, а Совнарком возглавил Владислав Фигельский, прежде руководивший исполкомом Самаркандского Совета. Значительно был обновлен состав Военно-политического

штаба Закаспийского фронта, в который теперь вошли Паскуцкий, Мальков, Алесковский, Бухаренко, Феоктистов, Окунев, Волжинский. Однако, еще на некоторое время во главе штаба оставался Панасюк.

После съезда Советов для решения жизненно важного дела — сохранения единства партии — собралась на заседание коммунистическая фракция, которая объявила себя партийной конференцией. Фракционная деятельность Ивана Тоболина и Федора Колесова, ставших во главе ими же самими так названных «старых коммунистов», была энергично осуждена партийной массой. Конференция избрала Временный центральный комитет, который должен был созвать в ближайшие недели партийный съезд.

Кайгысыз глубоко переживал остроту момента. Он подолгу размышлял и вел многочасовые беседы с Атаниязовым, испытывая порой нескрываемый страх по поводу того, что ни руководители левых эсеров, ни «старые коммунисты», осужденные конференцией, не сдвигали своих позиций. В канун съезда Компартии, назначенного на середину декабря, в Ташкенте проходил съезд представителей Красной Армии и Красной гвардии. Левые эсеры вновь пытались увлечь за собой массы. «Старые коммунисты» просто попытались восстановить съезд против новых центральных партийных и советских органов. Дело кончилось арестом Тоболина, Гушина, Петрова, Костюка и проведением расследования их деятельности. Только на съезде они признали свои ошибки.

Ташкент пребывал в состоянии тревоги. Партийные и советские работники, население старого и нового города жили в предчувствии надвигающейся грозы.

— Ата, так могут поступить только барышни из института благородных девиц. Надо понимать, где кончается час-разговоров и где начинается время действий. Я осуждаю Домогатского, пусть он и член ЦК нашей партии и нарком иностранных дел, — Кайгысыз стоял с Атаниязовым перед входом в городскую библиотеку.

— Я тоже думаю, что чирей назревает, но Домогатскому надо быть дипломатичным. Ты имеешь в виду консулов или офицеров?

— И тех, и других. Но ты не прав, Ата, я точно знаю, Ленин телеграфировал Колесову о необходимости арестовывать всех подозрительных лиц, а Домогатский их выпустил. Глупый бросит в колодец камень, а выгаскивать его — сорока умным.

— Понимаю, Кайгысыз, на что намекаешь. Но дай волю такому, как Тоболин, всем башку открутит. А потом что?

— Проморгаем, потом все сначала начинать. Не забывай Асхабад.

— Приятели вели этот разговор после того, как Кайгысыз прочел заметку в «Нашей газете», о осуждении позиции Домогатского и заместителя председателя ТурЦИКа левого эсера Успенского в отношении бывших офицеров, уличенных в заговоре против Советской власти. Еще в конце октября из Ташкента в Москву была послана телеграмма, в которой говорилось, что в Туркестане раскрыта контрреволюционная организация, руководимая Джунковским и содержащаяся на деньги англичан. «Туркестанский союз борьбы с большевизмом» был ликвидирован, арестовано более пятидесяти человек. Однако, по указанию Домогатского, многих из его членов посадили под домашний арест, откуда они преспокойно бежали.

— Ну, ладно, Кайгысыз, я пойду. Ты в библиотеку?

— Да. До встречи.

Кайгысыз испытывал глубокое внутреннее волнение, о котором не говорил даже Атаниязову. Что делать дальше? Пытаясь получить ответ, он многие часы проводил в библиотеке, встречался с разными людьми. Особенно тянулся он к тем, кто недавно приехал из России.

На плацу пехотного училища, в казармах которого разместились семьи советских работников, оставшихся Теджен, Мерв и Байрам-Али, шли занятия. До слуха Атабаева и Атаниязова доносились команды. Они подавались зычным, профессиональным голосом военного и необъяснимо радовали слух, вселяя подобие уверенности, спокойствия. Оба приятеля меж тем вели отнюдь не радостный для себя разговор. Сидели они на скамейке у дорожки перед домом. Она была усыпана желтым речным песком и оторочена кирпичами,

побеленными и уложенными ребром один на другой.

— Не кипятись, Кайгысыз, оуйная твоя голова, — тоном увещевания говорил Атаниязов. — Эти слухи могут быть раздуты или, подумай сам, пущены специально. Одних они убедят в правильности действий этого комитета, других напугают, третьих заставят последовать примеру, а самого Николая Николаевича повяжут.

— Если все, что о нем говорят, правда, я при встрече не подам ему руки! Он для меня перестал быть человеком чести. Никто не дергал его за язык, я выяснял, ситуация была не такой, чтобы обязательно враг. Он сам заявил, что для туркмен нет и не может быть лучшей власти, чем власть народных Советов, — какой-то жук полз рядом с ногой Кайгысыза, он растер насекомое носком сапога.

— Не увидев воды, одежду не снимай! Я почти уверен, Иомудский не может видеть в Турции спасение для туркменского народа. И против русских у него никогда не было злобы. Против плохих людей — да! А он разве виноват, что ими оказывались русские чиновники и офицеры? С ними сейчас покончено. Я уверен — навсегда!

— И я так думаю.

— Другое дело Ораз-сердар и Эзиз-хан, может, Юсуп-хан и еще другие. Они видят себя ханами всей Туркмении. Хаджи-Мурад? Сомневаюсь. Он достаточно образован!

— Ну, что Эзиз-хан хотел бы изгнать всех русских, чтобы объединиться с Афганистаном и стать всеильным ханом, я в это верю.

— Всех русских, кроме Сахаровой, — заметил Атаниязов. Кайгысыз кивнул головой и увидел, как на дорожку вышел человек, к которому Кайгысыз внимательно присматривался последние дни. — А ханства ему не видать, как коню своих ушей. Не дадут ему стать ханом те же Ораз-сердар, Юсуп-хан и им подобные. Думаю, Кайгысыз, что только большевистская власть может положить конец родоплеменной вражде. За что туркмены Аллахом так наказаны?

Кайгысыз поднялся, когда Андрей Суздальцев поравнялся со скамейкой.

— Чем вы так озабочены, товарищ? — спросил Кай-

гысыз. — Поделитесь, легче станет. Присаживайтесь к нам. Мы оба из Мерва, Там, кажется, мы в Совете встречались.

— Я помню вас. Даже фамилию вашу знаю, вы — Константин Атабаев. Мне такие, как вы, очень нужны. Вы из гуркмен, а пишете по-русски. — Суздальцев сел и представился. — Я — Суздальцев, прибыл сюда эмиссаром, агентом Бюро печати Совнаркома РСФСР. На-лаживать работу газет и журналов. Прежде всего работать с товарищами из местных национальностей. Таков был наказ в Москве.

Кайгысыз был наслышан о «приключениях» Суздальцева. Он прежде бывал в Туркестане, знал условия жизни и некоторых людей. Был послан 15 августа из Москвы с заданием в Ташкент. В Астрахани, также как и в Москве, не знали об Асхабадском мятеже. Но когда Суздальцев приехал оттуда в Красноводск, он был сразу арестован, прямо на пристани, потому что показал мандат центрального советского учреждения, кроме того, при нем было рекомендательное письмо к товарищу Колесову. Суздальцев был не один. Среди прибывших вместе с ним представителей центральной власти находились специалисты, составлявшие изыскательную партию ВСНХ, направлявшуюся в Чарджуй с целью изучения возможности проведения железной дороги Чарджуй — Александров Гай. Услышав об этом, Кайгысыз поразился, и душа его возликовала.

— Скажите, а в Красноводске или Асхабаде вам не встречался Николай Николаевич Иомудский? — спросил Кайгысыз.

— Что-то не припомню. Нас задержали, отобрали оружие, все документы, потом на заседании Совета решали, что с нами делать. Я спросил: «Какая же у вас власть?» Мне ответили: «Власть Советов. Борьба идет против отдельных личностей центральной власти Туркестана. Мы сами ее не ведем. Такое предписание из Асхабада».

Кайгысыз знал, что Суздальцев оказался в Асхабаде, где сразу установил контакт с типографскими коммунистами. Там скрывался, так как в городе была объявлена повальная мобилизация. Суздальцев сумел пробраться в аул Карадамак, где жил некогда работавший у него переводчиком парень-туркмен. Тот согла-

сился доставить Суздальцева в Мерв на лошадях, в городе Суздальцев нарвался на облаву и попал в казармы запасного батальона. Однако, он ухитрился получить отсрочку на три дня и воспользовался ею, чтобы отправиться в Мерв. По дороге чуть было не стал жертвой Эзиз-хана, чьи люди козьяничали в степи.

— Скажите, товарищ Суздальцев, в чем причина застоя в Асхабаде? — спросил Атаниязов.

— Первопричину, бесспорно, нужно искать в том, что Туркестан вообще, а Закаспий и Асхабад, в частности, не испытали гражданской войны и бурных революционных потрясений. Буржуазия и капиталисты там оказались сильны. Их не то что не раздавили, даже не потревожили. Классового и пролетарского самосознания у рабочих и трудящихся маловато.

Атабаев выразительно поглядел на Атаниязова. Кайгысызу нравилось, как говорил Суздальцев, а тот продолжал:

— К сожалению, немалую долю вины следует отнести и на счет товарища Фролова. Он действовал нерассудительно, невозддержанно. Этим восстановил против себя даже сознательную часть рабочих. Конечно, ему особенно не на кого было опереться. Это тоже факт. Советы и профсоюзы засорены. Все остальное — наследие старого. Что же касается туземного населения, то в этом отношении абсолютно ничего не было сделано. О том, что партия коммунистов и левых эсеров — это партии бедняков, стоящих на защите интересов трудящихся, в аулах ничего не знают. В их представлении, благодаря наговорам и лжи мулл и баев, большевики — это подобие зверя, который все забирает и ничего не дает, которого нужно опасаться и уничтожать. Вы понимаете?

— Поэтому так легко и произошел переворот, — высказал свое мнение Атаниязов.

— Да, но новая власть сконструирована совершенно сама по себе. Ее никто не выбирал. И сразу стало ясно, что временный исполком существует только на бумаге, что за его спиной, околпачивая рабочих лозунгами, теперь уже «Даешь учредилку!», работает какая-то червоточинная организация. Военный штаб целиком находится в руках полковников. Предполагается денациона-

лизация промышленных предприятий. Объявлена свободная торговля. Однако одураченные рабочие уже начинают понимать, что борьба идет не против отдельных личностей и что власть у них отбирается. Они перестали говорить, что у них власть Советов и пачками уходят с фронта, несмотря на угрозы расстрела.

— Так и надо, при помощи вашей печати быстрее открывать им глаза. Так я говорю? — спросил Кайгысыз.

— Я думаю, это и делается, хотя и не очень шибко. Гораздо быстрее на местах, само по себе, происходит расслоение. Часть буржуазии и офицерства открыто призывает провести аресты всех членов Временного исполкома и с помощью англичан учредить военную диктатуру. Экономические условия жизни резко ухудшаются, в широких массах нарастает недовольство. Многие ждут возвращения советских войск, а также дня, когда окончится эта авантюра.

— А как себя ведет Туркменский комитет? — спросил Атаниязов.

— С его деятельностью я не сталкивался, а вот население в аулах сильно возбуждено ввиду прихода английских войск, которые, как они думают, пришли забрать их земли.

— Правильно думают. Туркмены хорошо помнят, зачем англичане приходили в Афганистан. Так я говорю? — Кайгысыз оживился. — Людей туда надо верных посылать. А войска у белых сильные?

— Думаю, не очень. Сильно рассчитывают на помощь Баку, меньше на англичан. Те пока имеют около тысячи солдат, из коих всего двести шотландцев, остальные сипаи. Примерно столько же в рабочем батальоне, в основном из кизыларватцев, и туркмен столько же под командой Овезбаева. Еще отряд офицеров, штыков в пятьсот. Вот и все! Важно, что рабочие и туркмены охотно идут на братание с советскими войсками. Рабочие начинают сознавать, что с ними сыграли скверную шутку. Однако своими силами им теперь не справиться. Тюрьма забита, там томится более трехсот арестованных.

— А как левые эсеры? — спросил Атабаев.

— Почти все перекочевали в правые и центр, остальные скрываются. А вы кто?

— Мы к левым эсерам принадлежим, — ответил Атаниязов.

— Напрасно! Только партия коммунистов, единственная в мире, может дать истинную свободу трудовому народу! А вы согласитесь, я завтра буду говорить с Вотинзовым и Фигельским. Если понадобится, согласитесь поехать со мной в Асхабад? — Суздальцев поднялся со скамейки.

— Я поеду! У него только что родилась дочь, — ответил Атаниязов. — Меня здесь найдете, фамилия моя Атаниязов.

— Если надо, я гоже поеду! — Кайгысыз протянул руку Суздальцеву. — Поеду! В Асхабаде найдем нужных людей!

— Ну, ладно. Буду вас помнить. Я пойду. До свидания!

Для того, чтобы принести большую пользу делу, которое представлялось ему светлым, радостным, но несколько отличным от того, что пока его окружало, Кайгысыз взял да и записался бойцом партийной дружины, в которой разногласий между членами партии большевиков и левыми эсерами не замечалось. К тому же нужны были и постоянные средства к существованию. Жить на пособие было трудно. Дружина, в основном, несла охрану важных объектов.

Кайгысыз страстно ждал сына, но Таня родила дочь, и это было прекрасным, большим событием в его жизни. Он стал отцом!

Купив небольшую записную книжицу, Кайгысыз своими излюбленными коричневыми чернилами аккуратно разлиновал ее и завел своеобразный кондуит поведения дочурки, куда старательно, почти каждый день, заносил, примерно, такие записи: «22 декабря 1918 года, воскресенье. На дворе лежит выпавший уже несколько дней глубокий мерзлый снег, ездят на санях. Зоя капризничала с утра, приходилось весь день носить на руках». На следующий день, в понедельник: «С утра кричала и грудно было ее унять. Наконец мы поняли, что молока матери не достает и что Зоя голодает. Сегодня же первый раз покормили ее жеваным хлебом и чаем». В следующее воскресенье: «Сегодня первый раз вышли с Зоей гулять по городу. Были

в городке Полторацкого в гостях у Наташи, Вес Зои — 12 фунтов. Волосы черные, первородные, стали выпадать и заменяться русыми. Вчера купили матери пальто за 235 рублей, Кишмишу купили 2 п. 20 ф. за 15 рублей».

Глава седьмая

Я — КОММУНИСТ!

В самый капун Нового года, на выходе из «Белого дома» — здания бывшего Туркестанского генерал-губернатора, в котором теперь размещался Совнарком, Атабаев нос к носу столкнулся с Алесковским. Кайгысыз только что выполнил поручение: по пути домой после ночного дежурства передал в канцелярию срочный пакет и собирался пройти от Соборной площади вниз до Карла Маркса в Дом Союзов, где в библиотеке имени Полторацкого договорился о встрече с ученым-энтомологом Иваном Александровичем Севастьяновым, обещавшим принести интересную книгу.

— Чем занимаешься сейчас, Константин? — спросил Алесковский после обычных в таком случае традиционных вопросов.

— Я — член новгородской партдружины! — с гордостью сообщил Атабаев, а Алесковский подумал: «Скромничает. Наверное хороший пост занимает».

— А где это?

— Штаб на Советской, угол Гоголя, как раз напротив Дома Свободы.

— Командуешь?

— Нет, я простой боец дружины, Борис Николаевич, нахожусь при штабе и, бывает, несу охрану банка, телеграфа или казначейства.

— Только и всего? — искренне удивился Алесковский. — Да ты что? Тебе не пристало. Чего это так?

— Сам попросил, Борис Николаевич, — Кайгысыз хотел было поделиться своими сомнениями, но к Алесковскому подлетел молодой парень в форме телеграфиста. Он радостно показал зажатую в руке бумагу.

— Разрешили! Так, когда мы едем? Я в РВС и — готов, — помчался он дальше.

— Вот, видишь счастливый человек! Наверное командовать батальоном будет. Поехали и ты с нами! На фронте нужны люди для работы с местным населением. Хочешь, я в два счета договорюсь!

— Нет, Борис Николаевич, у меня маленькая дочь. Ей месяц только, — сказал Кайгысыз не то, что думал, и почему-то обрадовался появлению «телеграфиста», что помешало ему излить душу Алесковскому.

— Последний съезд обязал наладить агитационно-пропагандистскую работу, издание литературы на местных языках. Ты же учитель, Константин. Я поговорю с товарищами. Хочешь, сейчас же? У меня есть время. Пойдешь работать в издательство?

— Спасибо, Борис Николаевич, не надо.

— Да это мой партийный долг. В резолюции съезда так и записано — приобщить мусульман к ответственной работе, выдвигать их, а ты? Ты же и есть как раз такой! Давать им опытных помощников, приучать командовать! — Горячо произносились эти слова, но скажи Алесковскому в ту минуту, что не пройдет и двух лет, как Атабаев станет первым лицом в этом «Белом доме», мервский большевик, по всей вероятности, не поверил бы. — Ну, не желаешь в издательство, поехали на фронт! Там вот как нужны партийные кадры! — Алесковский провел ребром ладони по шее. — Кстати, ты уже ушел от эсеров?

— Еще нет, — к лицу Кайгысыза прилила кровь. Но из-за смуглой кожи Алесковский этого не заметил.

— Ну ладно, все равно ты наш. Хочешь, как только вернусь в Чарджуй, пришло тебе вызов от имени штаба Закаспийского фронта?

— Мне пока здесь надо быть, — эти слова Кайгысыз произнес тоном, хорошо знакомым Алесковскому и который ему всегда не нравился, так же как излишняя прямолинейность Атабаева и его резкость в суждениях.

— А то смотри, у нас сейчас председателем штаба стал Николай Паскуцкий, — то ли Алесковский апеллировал к тому, что Паскуцкий был левым эсером, то ли мервский большевик знал, с каким энтузиазмом Атабаев принял выступление Паскуцкого на VI съезде Советов, где тот призывал объединиться с большевиками.

— Вы вот скажите, это правда, что мервские турк-

мены вернулись из песков, как только пришли белые?

— Правда, но не прошло и месяца, увидели они, что вытворяют белые, и снова скрылись. Только уже теперь больше их ушло...

— Имейте в виду, Борис Николаевич, туркмены отколятся от белогвардейцев сразу же, если им разъяснить настоящую причину прихода англичан в Закаспий. Туркмены уже и сейчас сильно возбуждены — они думают, что англичане пришли забирать их земли, — Атабаев еще не окончил мысли, как Алесковский его перебил.

— Вот, Константин, в штабе и нужны такие люди!

— Ну, ладно, Борис Николаевич, я пойду. Передавайте всем нашим привет. Говорят, не знаю верно ли, что в октябре бандиты Эзиз-хана в Теджене взяли в плен мать Паскуцкого. Надо бы кого через линию фронта послать. Поговорите с Атанязовым, он здесь, в Ташкенте. Надо ее освободить. А то будет плохо.

— Передам, Константин. Ну, давай руку! Будь здоров!

У читального зала, где они договорились встретиться, Севастьянов беседовал с пожилым человеком интеллигентного вида, должно быть ученым или профессором-преподавателем. Кайгысыз остановился в отдалении.

— Прошу вас, Константин Сергеевич, присоединяйтесь к нам!

Собеседник Севастьянова оглядел Кайгысыза, его дорогое «бухгалтерское» пальто, серую каракулевою шапку, которую тот вертел в руках, и кивнул, возможно, рассудив: «Друзья наших друзей — наши друзья», а Иван Александрович продолжил:

— Я давно вам собирался сказать и думаю, что сейчас это уместно. Дело в том, что как раз здесь в Туркестане, в пример всему Востоку, мы и обязаны свершить чудо — перепрыгнуть из феодализма в социализм. Я думаю, это возможно. Перед нами стоит задача, грандиозная по своей уникальности и значению для всего человечества: неуклюжего, неотесанного, малограмотного и забитого человека сделать всесторонне развитым, духовно богатым, во всем гармоничным. От этого напрямую зависима мировая революция: быть ей или не быть. Так что, дорогой мой коллега, не чурайтесь, а беритесь за дело! Помогайте! «Капля воды,

поданная жаждущему в пустыне, смывает грехи за сто лет», — вам это известно. Поднимите его и всех ему подобных до своего уровня. А там... там, проявляя еще большее великодушие, подставьте свою спину, чтобы он поднял еще выше. У него, в отличие от нас с вами, большие преимущества. Мы испорчены, хотя кое-чего и стоим. Испорчены нашим прошлым... А он... Ему, хотя он пока и мало стоит, принадлежит будущее! Мы поделимся тем, что имеем, чем уже располагаем или...

— Что? Говорите, говорите!

— ...или если он не возьмет, не дай бог, не сумеет взять, или вдруг не пожелает — теоретически такое может быть — не будет у него светлого будущего.

— Я всегда считал вас человеком образованным, хорошим специалистом в своей области, Иван Александрович, но что вы такой блестящий философ — и не подозревал.

— Загнули. Это просто необходимость, суть интеллигента — не делать ничего без убеждения, без веры в правоту. Здесь уместно вспомнить Достоевского, — Севастьянов, будучи убежден, что его собеседнику это несомненно известно, повернулся лицом к Атабаеву. — Русский гений считал высшей мерой наказания принуждение человека вычерпывать воду из одной бочки, переносить ее в пустую, а затем из этой черпать и снова носить в первую.

— Да, да! Я уже не раз замечал, что теперь у нас появились такие: сами носят и других к тому принуждают.

— Правильно, что это вас настораживает. Тем более наше с вами значение возрастает. Только переборите в себе этот ваш снобизм, социальную неприязнь. Тяжело и страшновато, но жизненно необходимо. Или вы возьмете себя в руки и поможете ему взлететь, или он потянет вас до своего уровня — третьего не дано!

Кайгысыз стоял и часто моргал глазами. Перед его мысленным взором возникла фигура названного брата — Мухамедкули Атабаева. «Да. Мы еще в студенческие годы все вечера напролет рассуждали, как лучше решить проблему, о которой сейчас так четко и ясно сказал Севастьянов, и во имя этого одолевали знания с удвоенным усердием». А в ушах звучал голос их

наставника по Учительской семинарии Меркуловича: «Знания, и только знания делают человека свободным и великим».

Севастьянов проводил своего коллегу до дверей читального зала и вернулся к Атабаеву.

— Константин Сергеевич, вот вам обещанная книга, — и Севастьянов протянул новенький том Бартольда «Культура мусульман». — Прочтете, поговорим.

— Хорошо, но два слова, Иван Александрович. Что вы скажете по поводу декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви»?

— Ну, прежде всего, что это повторение январского декрета СНК Российской Федерации, перелицованного на туркестанский лад.

— Но десяти месяцев мало, чтобы здесь можно было это понять.

— Молодцом! Верно мыслите, но я спешу, а разговор этот не короткий. — Севастьянов показал на книгу Бартольда и поклонился.

— Вакуфы так просто не могут стать народными, — еще по инерции произнес Кайгысыз.

Дела отнимали много времени и сил, однако и личная жизнь шла своим чередом.

Записи в дочкин кондуит продолжались. «6 января 1919 года, понедельник. При кормлении стала шалить, теребя грудь матери. Стали отучать от рук. Смеется, то есть улыбается уже с неделю. В глазах сознание. Чтобы обращать на себя внимание, издает звуки «о». Купили ей тележку на 200 рублей. Кормить и переворачивать стали реже. Выпал вторично снег».

«После разворачивания Зюечка долго-долго потягивается. В это время она представляет самую прекрасную картину. Ручонки закидывает под голову, вытирает глазенки и вся вывернется в полукольцо. Куплено: дров, 4 сажени — 640, сапоги, 2 пары — 485, туфли теплые — 150, печка — 150, тележка — 200, топор-колун — 30, акушерке — 150, крещение — 30, залог в банковский кооператив — 60, газета — 25».

И на следующий день, во вторник, 7 января. «Сегодня с утра снова шел снег. Зоя спокойна, более чем вчера. Первые попытки к речи. Она, будучи в веселом настроении, стала издавать односложные звуки «у»,

«оу», напоминая отдаленный крик туртушек¹. Делала попытки смеяться вслух. Сегодня первый день рождения. Несмотря на то, что она кричала, мы не берем ее на руки, и она начинает мириться со своим положением. Зое — сорок первый день. Любит смотреть на свет. Лежа постоянно кряхтит, если не спит. Во сне улыбается, соску не выпускает изо рта. Когда роняет соску изо рта, начинает искать ее губами, сопит, начинает кряхтеть, наконец, плакать. Для нас она большая радость. Когда она кряхтит, кому-нибудь из нас достаточно подойти и приложить лицо к ее лицу, и она тут же успокаивается. Мать здорова. Очевидно инфлюенция окончательно оставила ее. Она болела с 15 декабря по 20-е число того же месяца. Получил за октябрь — 350, за декабрь — 805, пособие — 818, своих денег — 110, взяли у Наташи — 300. Расходы: самовар — 350, квартира — 50, новоселье — 50».

Кайгысыз поставил точку. За окном было темно, завывал ветер. Он сидел в одной гимнастерке, а в комнате тянуло сквозняком. Он намеревался сказать, чтобы Таня оделась потеплее и укрыла шалью дочурку, как услышал за спиной шаги жены.

— Мне страшно, Костя! — Таня испуганно глядела на мужа. — Ей-богу, что-то ужасное должно случиться с нами!

— С чего это на тебя нахлынуло? Ну, воет ветер. Холодно. Накинь на себя пальто. Главное, чтобы Зочка не простудилась.

— Тревожно на душе! И разговоры всякие. Как трудно стало жить! Костя, когда все это кончится? Священник то же говорит — грядет беда!

Кайгысыз резко поднялся, но печальное лицо жены, ее жалкий вид остановили рвавшиеся наружу суровые слова.

— Ты утомилась, устала, давай ложиться спать. Все плохое позади. Ты здорова. Зочка нормальна. Может, нервы сдают после болезни? Это бывает, вроде как осложнение.

— Не знаю, Костенька, но лучше бы мы уехали отсюда!

— Куда? А потом — зачем? Бежать. Таня, туркмены

¹ Дикая степная курочка.

бегают только вперед. Я чувствую, что многое могу, но не знаю как. А в Асхабаде арестован Фунтиков. Теперь никто не сомневается, что там — чистой воды контрреволюция. Коли это так, все рабочие и многие дехкане пойдут против них. Закаспийскому правительству скоро конец.

— А здесь что делается? Ты же сам, Костя, не знаешь кто друг тебе, а кто враг.

— Идем спать. Думай о дочке, — Кайгысыз нежно обнял жену и бережно повел ее к двери спальни.

Мороз невиданно долго держался в том январе. Кайгысыз, сменившись с дневного дежурства, во время которого он основательно промерз, крепко спал. Разбудил его Танин крик. И тут же Кайгысыз услышал отдаленную стрельбу. Он вскочил, оделся. Таня повисла на нем, со слезами упрасывая не выходить из дому.

Он, как мог, успокоил жену, сел к столу. Ружейная пальба и револьверные выстрелы доносились из разных частей города.

Дав Тане слово далеко не отлучаться, Кайгысыз вышел во двор, даже не одев пальто. На улице — оживленное не по времени движение людей, фаэтонов. Вернулся сын соседа, который ходил поглядеть, что происходит в городе. Он сообщил через дощатый забор:

— Восстание! Военные и люди в штатском бегут с оружием в руках. Пароль у них — «Левые эсеры».

Сердце Кайгысыза сжалось. «Левые эсеры» — сверлило мозг. Он вспомнил, как именно сегодня днем сын ответственного работника Совнаркома, приятель и сосед замнаркома внутренних дел Василия Билика, под «большим секретом» рассказал, что ЧК не напрасно арестовала личного адъютанта военного комиссара республики Осипова. Однако Осипов собственной персоной пожаловал — да еще в окружении видных командиров — на Воронцовскую 49/52, прямо в помещение ЧК в кабинет Фоменко. Адъютанта освободили, но чекисты думают, что готовится крупный заговор.

Хлопнула калитка соседа справа, и Кайгысыз поспешил к другому забору. Хозяин дома, железнодорожный кондуктор, по партийной принадлежности эсер, только что вернулся со смены.

— Вы дома, Константин Сергеевич, что так? Там,

знаете, дела! Жаль стар годами, да толстоват я — жена раскормила, а то повеселился бы!

— Да что там происходит? Скажите голком! Чего тянете? — не выдержал Кайгысыз. — Кто стреляет?

— Левые эсеры, мы бьем большевиков!

— С чего это? Меня никто из партии не ставил в известность. А вы знали о выступлении?

— Да нет. Я в поездке был.

— Такие дела в два дня не делаются. Разве не понимаете?

— Одним словом, все, кто с оружием, друг другу говорят: «Левые эсеры», «левые эсеры».

— Завтра разберемся, — Кайгысыз крепко выругался и пошел к себе, а сосед искренне удивился.

В коридоре он сбросил сапоги, обнял Таню, повел в комнату. Теперь жена Атабаева плакала от радости. Она полагала, что Костя послушался ее совета, уважил. А он в это время думал: «Левые эсеры... Так против кого, если не против большевиков? Нет! Наверное, мне поэтому ничего и не сказали. Конечно. Знали, что с ними я не пойду! Но, если это мятеж, тут не левые, а правые виноваты».

Красноармеец в коротковатой шинельке быстро прошел мимо постового у входа в крепость.

— Дай закурить, товарищ! — попросил часовой.

— В другой раз. Некогда, браток. Спешу!

Красноармеец разыскал курсового командира Дубового.

— Слышишь, командир, я только что из Александровского сквера. Там твоих друзей-большевиков с трибуны стаскивают. «Хватит!», «Довольно!», «Долой его!» — кричат. — А кто-то даже таякнул: «Нам войны не надо, война нужна комиссарам». Чуешь?

— Слышал, что Белов утром сказал?

— Конечно!

— Ну, а что?

— Что? Что? В городе назревают события, какие — трудно сказать. Известно одно — контра поднимает голову. А я про митинг-то зачем толкую?

— Я и говорю, молодец! Всех оповести — быть на чеку! Никому не отлучаться, помнить, что утром гово-

рил командир крепости. Не спускать глаз с Шашерина и Казакова!

— Я спрашивал, их благородий нет в крепости!

Перед самым Новым годом личным приказом военного комиссара Туркестанской республики Константи́на Осипова начальником учебной команды ташкентской крепости был назначен бывший офицер Шашерин, а его заместителем Казаков, тоже бывший офицер. Пошел слух, что артиллерийскую учебную команду собираются разоружать и тогда прислали нового командира крепости Ивана Панфиловича Белова, члена ЦК левых эсеров. В субботу утром, 18 января, Белов собрал курсовых командиров, и в присутствии некоторых красноармейцев заявил:

— Требую особой бдительности! Ни на какие провокации не поддаваться. Что бы ни произошло, крепостной гарнизон остается верным революции, рабочему классу и будет защищать его интересы до последней капли крови!

Дубовой подумал тогда, что левый эсер ловко пускает пузыри, но тут же унял себя. Никому из других командиров, ни одному из двух с половиной сотен красноармейцев Белов таким не казался. Всего за несколько дней вся крепость прониклась к нему уважением. А в отношении Шашерина и Казакова этого сказать было нельзя. Оба замкнуты, высокомерны, не нравились красноармейцам.

В крепости они появились в семь вечера, прошли по казармам, сунулись в канцелярию, словно что-то выматривая. Дубовой насторожился. Ходики в его кабинете показывали девять с четвертью. Он сквозь оконные стекла увидел в свете фонаря на плацу фигуру бывшего прапорщика и распорядился усилить за ним наблюдение. Через четверть часа красноармейцы доложили:

— Значит так, товарищ командир, эта контра самолично отперла парадный ход.

— Как?! Его приказано не открывать!

— Слово солдата! Я — большевик, хотя еще и не значусь в вашей ячейке, — отчеканил красноармеец.

— Едрена вошь! Знаешь, где квартирует Белов? Где сейчас Шашерин? Чего стоишь? — завокнулся Дубовой. — Дуй к Белову!

Командир крепости пришел немедленно. Красноармеец по дороге рассказал ему, что из карманов шинели Шашерина торчали ручные гранаты, а сам он отправился к себе на квартиру.

— Никому не спать! Усилить охрану у главных ворот! Парадный ход закрыты! На барбетах, орудия и пулеметы привести в полную боевую готовность!

Когда же Белов остался один на один с Дубовым, то спросил:

— Что думаешь, большевик?

— Что думаю? — Дубов поднялся и, глядя прямо в глаза Белову, произнес: — Козни строят ваши левые эсеры!

— Ты сиди, не волнуйся. Я не из тех. Но, знай, это не левые эсеры. Гораздо хуже, — Белов повернулся и ушел.

Почти в самую полночь со стороны казармы бывшего второго Сибирского полка до крепости донеслись звуки глухих залпов.

6 января, по старому стилю, праздник Крещения господня. С наступлением темноты по Пушкинской, в обе стороны задефилировала публика. В основном, разодетая по погоде буржуазия и люди с военной выправкой, ублажали слух свой малиновым звоном колоколов Сергиевского собора, вознесшего в небо свои купола невдалеке на углу Ассакинской улицы. Беспечно смеются, кто-то громко читает стихи, а мужчина, с холеной бородкой и в котелке, сказал своему спутнику:

— Голубчик, кто старше, кто моложе, кто сильнее, кто умнее, кто занимает выше положение, кому оно положено, а кому нет. Помните мои слова, передзвонят из-за власти.

Уже после одиннадцати тротуары начали пустеть, а в сторону расположения бывших казарм второго Сибирского полка, где стоял теперь 2-й Туркестанский, потянулись одна за другой автомашины председателя Ташкентского исполкома Шумилова, наркомов продовольствия Першина, путей сообщения Дубицкого, внутренних дел Малькова, председателя ТуркЦИКа Воинцева, Совнаркома — Фигельского, ЧК — Фоменко, военно-полевого суда — Червякова. Туда же проследовали на фаэтонах и с другой стороны нарком финансов

Качуринер, редактор газет «Туркестанский коммунист» и «Красноармеец» Троицкий, верхом на лошади командир гашкентской боевой дружины Шпильков. Подъезжали и другие.

Их созывал на срочное совещание тревожными телефонными звонками военный комиссар Осипов.

В полночь город взбудоражили зловещие звуки отрывочных залпов.

Грузный, с густыми бровями, нависшими над большими, круглыми глазами, командир Ташкентского отряда Красной гвардии сидел за столом. Ухватившись за голову широкими ладонями, тер виски. Ему казалось, что залпы, как молоты по наковальне, бьют его по голове. Командир с трудом переводил дух.

Дверь в его кабинет распахнулась, и на пороге появился военный. Он вытянулся, шелкнул каблуками.

— Началось, Колузаев! Пошли!

Колузаев тряхнул головой, выдохнул, поднялся, молча подошел к двери и крикнул:

— Дежурный! Комендантский взвод ко мне!

Тут же появился дежурный командир и красноармейцы со штыками, прижатыми к винтовкам.

— Арестовать! Обезоружить!

— Ты что, Колузаев? — выложенный военный опешил.

— Держать под стражей! Судить будем всем отрядом! — Классовое сознание бывшего крестьянина-бедняка пересилило возможные рассуждения бывшего фельдфебеля. — Отряд, в ружье! Боевая тревога! В Ташкенте восстание контрреволюции. Занять оборону помещений!

— Стой! Кто идет? — окрикнул часовой.

— Я — свой, рабочий! В городе беда! Один я!

— Проходи!

В крепости — было уже два часа ночи — стало известно: в казармах бывшего второго Сибирского полка большая часть членов правительства, в основном, большевики, арестованы и расстреляны на месте. Мятеж против Советской власти возглавил военком Осипов.

Осипов к бунту готовился давно. Бывший офицер, со скрытыми личными амбициями, он привлек к тайному заговору контрреволюционное офицерство, сумел повести за собой и отдельные воинские части. Главной

опорой Осипова оказался второй Туркестанский полк, сформированный наполовину из красноармейцев-мусульман и руководимый бывшими офицерами. Он умело воспользовался несознательностью красноармейцев из местных национальностей. На стороне мятежников в общей сложности оказалось втрое больше военных сил.

Верными Советской власти остались боевая новгородская партдružина, артиллерийская учебная команда, стоявшая в крепости, часть красноармейцев 4-го Туркестанского полка, курсанты Оренбургской школы военных инструкторов и первых Туркестанских командных курсов — общим числом не более полторы тысячи человек. Узнав о восстании, рабочие Красновосточных и Бородинских железнодорожных мастерских взялись за оружие.

Выяснив у рабочего некоторые подробности, Белов больше не сомневался в том, что произошло. Однако были нужны более точные сведения. Переодев воспитанника отряда, мальчугана четырнадцати лет, в штатскую одежду, он направил его к «Белому дому» и к Дому Свободы с заданием установить связь. Телефонные провода, соединявшие крепость с городом, мятежники перерезали, однако электричество и вода поступали в крепость.

За полчаса до рассвета часовой заметил, как со стороны леса появилась развернутая пехотная цепь штыков в пятьсот.

— Стой! Кто идет? Стой! Стой, буду стрелять!

Цепь молча продолжала приближаться, и тогда Белов приказал открыть по ней пулеметный огонь. Цепь залегла, а со стороны главного, парадного входа, изнутри крепости, прозвучали револьверные выстрелы. Были арестованы Казаков и Шашерин, а еще час спустя у главных ворот цитадели остановился броневик. Из него вышел военный командир, который прокричал:

— Я представитель военкома Осипова. Хочу переговорить с товарищем Беловым.

Иван Панфилович вышел.

— Передаю приказ военкома сложить оружие и сдать крепость! Железнодорожные мастерские, отряд Красной гвардии Колузаева на стороне Осипова.

— А Осипов на чьей стороне? — спросил Белов. — Осипов — бывший офицер. Он не мог подобный приказ передать устно!

— Есть и письменный приказ. Извольте! — парламентар вручил коменданту крепости машинописный текст на полстраницы листа.

— Ответ получите через полчаса! Честь имею! — Белов взял под козырек, четко развернулся и зашагал к воротам.

На плацу собрался почти весь личный состав крепости. Белов зачитал письмо Осипова крепостному гарнизону.

— «Советская власть пала. Город находится в руках войск. Объявляется военная диктатура. В последний раз, во имя народа, прошу избежать кровопролития. Условия соединения крепости с гарнизоном таковы: гарнизон крепости остается с оружием в руках и поступает в общее командование. Командующий войсками Осипов». — Белов выдержал паузу, где-то рядом кричал петух. — Есть и приписка. «При присоединении — всем полная гарантия неприкосновенности личности».

— Царь нашелся! Глядите, братцы, он нас милует! — произнес густой бас, и послышались возгласы негодования.

— Долой диктатуру!

— Да здравствует Советская власть!

Здесь же на плацу писарь, на принесенной из канцелярии машинке, отстукал: «ПРОТОКОЛ общего собрания крепостного гарнизона под председательством тов. Белова. Обсудив, настоящее положение и письмо военного комиссара Осипова, постановили: «Долой самочинных диктаторов. Да здравствует Советская власть, как власть трудового пролетариата. Мы, красноармейцы крепостного гарнизона, категорически протестуем против каких бы то ни было диктаторов и до последней капли крови будем отстаивать нашу твердыню-крепость».

19 января, в 11 часов вечера заседал Временный революционный совет. Его секретарь вел протокол № 3. Председатель Совета Панасюк и командующий красными войсками Колузаев информировали о результатах ведения переговоров с Осиповым и о положении

дел. Совет постановил, что если к 5 часам утра не поступит от противника ответ о его сдаче, то в 6 часов утра повести наступление на город со всех сторон, т. е. с таким расчетом, чтобы, постепенно продвигаясь правым и левым флангами, город сжимать в кольцо. В то же время открыть оружейный перекрестный огонь, т. е. с мастерских и крепости по второму полку, а потом направить оружейный огонь туда, где будут главные силы противника».

К Белову в крепость отправили посыльных. Одному из них удалось проникнуть за ворота крепости. Он сообщил ее защитникам план Временного революционного совета. К тому времени накал злости красноармейцев учебной команды достиг предела. Они постановили Шашерина и Казакова расстрелять немедленно. Утром к крепости подошли, отогнав мятежников, отряды красных командирских курсов и партдружины. Белов тут же отдал необходимые распоряжения. Артиллерия открыла огонь по противнику, и Белов повел верных бойцов на захват «Белого дома».

Утром 21 января пали казармы бывшего второго Сибирского полка. Люди, выдавшие рукопашные схватки в окопах первой мировой войны, оцепенели от ужаса. Полковой плац представлял собой месиво из тел убитых большевиков.

Осипов, с группой приближенных, ограбив государственный банк, сумел уйти по Чимкентскому тракту, а ватем, через горы, в Фергану. Оттуда он подался к эмиру Бухарскому.

Зюечка улыбалась. Ей было неудобно, она возилась, устраивалась получше. Подошел отец, поправил одеяльце, прижался щекой к ее личику.

— У-у! У-у! Зюечка! — произнес Кайгысыз, но Таня, стоявшая за его спиной, уловила, что в этом обращении к дочери не было прежней радости.

— Все еще горюешь, Костя? Ведь обошлось. Ты живой! Ты жив остался! Для нас. Подумай!

— А стыда перед женами погибших товарищей ты не чувствуешь? О чем ты говоришь? Не вспоминай.

Таня знала: Константин, когда мятеж был подавлен, отправился к месторасположению своей партдружины. У него в кармане лежало заявление о переходе из пар-

гии левых эсеров в партию большевиков. Знала она и то, что товарищи, оставшиеся в живых, упрекали Кайгысыза и даже обвиняли его в малодушии. Но когда узнали о его заявлении, написанном в дни мятежа, простили ему и решили поддержать просьбу Атабаева на общем собрании.

Оно состоялось сегодня. Кайгысыз только что пришел домой, по привычке помыл руки и лишь после этого приблизился к дочурке.

— У-у-у! Улыбнись, Зочка, — просил Кайгысыз, взяв ее на руки. — Улыбнешься, тогда я сейчас тебе что-то скажу. Ну! У-у! Зоя, твой папа — коммунист! Ага! Смотри, смотри, Таня, она улыбается! Я — коммунист!

Мятеж в Ташкенте встревожил Ленина, правительство РСФСР, Центральный Комитет РКП(б). К счастью, в конце января была ликвидирована Оренбургская «пробка». Из России в Туркестан потянулись специальные маршруты с хлебом, продовольствием, медикаментами, сельскохозяйственными инструментами, семенами, с тюками тканей и одежды. В Ташкент, одна за другой, стали прибывать группы опытных партийных и советских работников. Они ориентировали местных коммунистов на более тесную спайку и совместную работу с коммунистами-мусульманами, призывали в строительстве советской работы больше опираться на беднейшие слои кишлачного и аульного населения. VII-й Чрезвычайный съезд Советов Туркестана в этой связи восстановил комиссариат и секции по национальным делам, которые были упразднены по настоянию председателей ТуркЦИКа Аристарха Казакова и крайкома партии Андрея Солькина.

В начале апреля в Ташкент возвратился с Астраханского фронта Петр Кобозев, избранный членом Особой временной комиссии ЦК РКП(б) и СНК РСФСР, и с мандатом, подписанным Лениным. Комиссия была создана для руководства партработой и надзора за исполнением в Туркестане декретов и постановлений советского правительства.

Однако положение выравнивалось медленно. Общую картину нам помогает постичь вот такой документ.

«Вне всякой очереди. Циркулярная телеграмма. Приказ № 99. Центральный Исполнительный комитет Туркестанской республики 13.IV.19 г., г. Ташкент. По Республике всем Совдепам и Штабам фронтов, всем, всем! Объединенным заседанием ТуркЦИКа, Совнаркома, Реввоенсовета, Президиума Краевого комитета партии, Краевого комитета иностранных коммунистов, представителей штаба асхабадских фронтовиков, представителей военного комиссариата, президиума Ташкентского исполкома и Ташкентской организации коммунистической партии, 12-го апреля с. г., учитывая положение Туркестанской Советской Республики, в связи с разложением воинских частей интернационалистов и других на Асхабадском фронте, выразившегося в открытых требованиях смены, объявляется настоящим приказ к точному и неуклонному исполнению, заявляя, что положение республики чрезвычайно серьезное и революция в опасности, каждый воин, считавший себя защитником интересов пролетариата, должен еще и еще проявить максимум напряжения энергии и сил. Интернационалистское объединенное заседание, напоминая приказ Интернационала и Венгерского Советского правительства, подтверждая таковое, приказывает оставаться на своих местах в чем бы они не выражались и продолжать общее дело пролетарской революции. Русские солдаты, находящиеся в Венгрии, стали под ружье защитников революции и Венгерской Советской Республики. Поражение Советского Туркестана, поражение рабочего класса, неуспех в Туркестане, неуспех в советских республиках России, Венгрии, Баварии равносильно гибели всего социалистического движения. Покинувшие самовольно фронт, будь то целые воинские части или отдельные лица, будут считаться предателями пролетарской революции и с ними будет поступлено по законам таковой. Момент грозный — все к оружию!

Именем Туркестанской Республики Российской Советской Федерации. Председатель Центрального Исполнительного Комитета А. Казаков, това-

риши Председателя ЦИК Темлянцев, Успенский, Рыскулов, Председатель Совета Комиссаров Сорокин, управляющий делами Зимин, Председатель Реввоенсовета Панасюк, Командующий войсками республики Белов, Председатель Крайкома партии Солькин, представители Комитета иностранных коммунистов Фариго и Свобода, представители Штаба Асхабадского фронта Окунев, Паскуцкий, Иванов, Мальков и Кустинов, Председатель Ташкентского исполкома Гриднев, представитель Ташкентской организации коммунистической партии Фотьев, секретарь ЦИК Файзулин».

За широким дубовым столом сидели сразу трое: Панасюк, Белов и только что назначенный новым военкомом Республики Федермессер. Нарком взял поданную Атабаевым бумагу, прочел.

— Из заявления следует, что ты, товарищ Атабаев, имеешь желание отправиться на Асхабадский фронт. Военной специальности нет? — Федермессер расстегнул ворот гимнастерки.

— Я говорил с товарищем Кобозевым. Мне предлагали возглавить секцию в издательстве. Надо выпускать литературу на туркменском языке. Я понимаю, что надо. Только сначала, я так думаю, следует освободить туркмен от ига белых.

— Мы знаем его по Мерву. Достойный товарищ, — вставил Панасюк.

— Ну, а что станете делать на фронте? — Федермессер смотрел пристально и строго.

— Агитировать за Советскую власть!

— Добро! Я думаю, что и у Паскуцкого можно писать и издавать прокламации на туркменском языке, Николай Антонович перед возвращением в Чарджуй просил прислать для этого товарищей. Надо командировать от реввоенсовета, а потом вернется и здесь возглавит это дело, — Белов говорил неторопливо, и каждое его слово ложилось на душу собеседника, как готовое к всходу семя.

— Ну, так и порешим. Приходите завтра, товарищ Атабаев, за назначением. Желаем вам успеха. — Федермессер взял графин, стоявший на конце стола, налил в стакан воды.

Яростный собачий лай поднял Бек-Назара на ноги. Издали послышался выстрел, ржание коня. Полная луна то светила, то скрывалась за тяжелыми осенними тучами. Сон отлетел мгновенно, каленым железом прожгла его мысль: «Конни!» Бек-Назар кинулся к заго-ну, рванул трок, сорвал попону с Дора, наложил тол-стый потник и сразу седло.

Конский топот слышался с разных сторон аула, приближаясь к кибиткам Бек-Назара. Он вырвал из земли колышек, которым крепилась длинная веревка, идущая от «ришмэ»,¹ и вскочил в седло. За спиной послышался крик.

— Держи! Уходит! — властным голосом кричал, как показалось Бек-Назару, русский офицер.

Дор понял, что приближается беда, и понес. На нем не было упряжи. Сзади скакал Бек-Назар-Ал, но попона сковывала движения коня. Погоня усиливалась. По гиканью, которым понуждал одну из лошадей всадник, Бек-Назар понял, что то был туркмен и узнал его — житель аула Бабараб, владелец трех отличных скакунов, которых все эти последние годы его Дор постоянно обходил на скачках.

Бек-Назар наконец-то в полную силу осознал серьезность слов, которыми Мазан предупреждал его: надо быть внимательным к тому, что происходит кругом, чтобы в любую минуту увести своих коней в пески.

Год назад в Асхабаде снова сменилась власть. Пришла та, при которой люди вновь стали обращаться друг к другу со словом «господин». Бек-Назару ближе была другая, та, которая принесла с собой слово «товарищ» — она обещала новую, свободную, равную для всех и зажиточную жизнь без господ и баев, — так все говорили вокруг. Теперь власть, вернувшая былую силу тем, кто носил на плечах погоны, призвала в За-каспий англичан, о которых все говорили, как о гра-бителях.

Кибитки аула были далеко позади, когда вырвавший-ся немного вперед житель Бабараба поравнялся с Бек-Назар-Алом. Тот шел, метров на пять отставая от сына, заметно уставший. Бек-Назар почувствовал это по натяжению веревки. Дикой кошкой, с отчаянным

¹ Недоуздок.

воплем, бабарабец перемахнул из своего седла на спину Бек-Назар-Алу, цепкими руками обхватил шею, слился с нею воедино. Бег обеих лошадей сразу замедлился и те, кто шли в погоне, стали их настигать. Бек-Назар отпустил веревку. Он понимал, что следовало как можно быстрее уходить, пока преследователи не начали стрелять. Дор застелился по барханам и в ушах его навеки осталось обреченное ржание отца, жгучий, страстный крик-призыв о помощи.

Остаток ночи они провели среди барханов в песках. Утром, когда Бек-Назар пробудился от состояния полубытья, Дор второй раз в своей жизни увидел слезы хозяина. Конь подошел, приласкался к нему мордой, хотел многое сказать, но, при всем желании, не мог изъясниться, как это делали между собой люди.

Глава восьмая

ЗАКАСПИЙСКИЙ ФРОНТ

Соприкосновение с противником произошло на четверть часа раньше, чем было предусмотрено приказом № 63 Реввоенсовета фронта. Комбат Пильщиков, несмотря на то, что кругом темень, хоть глаза выколи, наверное знал, что первый взвод 7-й роты, наткнувшись на проволочные заграждения, не залег в ожидании команды, а с ходу пошел врукопашную. «Черт возьми! — ругнулся Пильщиков и подумал: — А, была не была! Все равно впереди бой!»

Едва различные тени, метавшиеся у арыка, который тянулся не далее чем в сотне метров от того места, где стоял комбат, звон стали, глухие удары и истошные крики людей, — он слышал их в короткие промежутки оружийных залпов, — не вызывали сомнений в том, что бой начался.

Ровно в два тридцать ночи тяжелые батареи ударили в лоб и по правому флангу расположения противника с целью отвлечь его внимание от наступавших войск Закаспийского фронта. Там, на правом фланге, предполагалось силою 1-го Туркестанского кавалерийского полка и 1-го боевого поезда нанести решающий удар по позициям врага.

Командование белогвардейских войск сосредоточило свои основные части на хорошо укрепленных позициях перед городом Байрам-Али. Со знанием дела, используя резко пересеченную местность, изрезанную канавами и арыками, белые покрыли подступы к своим оборонительным линиям густой сетью проволочных заграждений. Их артиллерия не отвечала на артподготовку красных батарей. Командованию Закаспийского фронта были более или менее известны позиции противника, чего нельзя было сказать о последнем, поскольку полки Красной Армии выходили на рубежи атаки глубокой ночью.

Не успел Пильщиков, все же решивший придержать-ся приказа, отправить своего помощника Лобачева с распоряжением первому взводу отойти и дождаться начала общей атаки, как гул орудий стих, и над едва-едва начавшей прорисовываться местностью всколыхнулось дружное «ура». Роты батальона уже были развернуты в цепи. Пильщиков вскочил на бугор с нага-ном в руке:

— В атаку! За мной! Ура!

Третий батальон 1-го Туркестанского полка вышел на участок, который защищала офицерская рота, а за ней тянулись окопы 2-го Закаспийского батальона. На них полковник Ораз-сердар, командующий белыми войсками, возложил оборону своего левого фланга.

Завязался ожесточенный штыковой бой. Красноармейцы входили в азарт, кололи с напором, скрежетом зубов, площадной бранью. Скоро защитники передовой линии обороны начали отходить, бросая убитых и раненых.

Ружейный и пулеметный шквал белых, однако, вынудил бойцов батальона Пильщикова залечь. Офицерской роте выслали подмогу, и контратака белых принесла им временный успех. Взводы 8-й и 9-й рот отступили. Седьмая — Самаркандский добровольческий отряд из русских, узбеков, таджиков и интернационалистов — стойко вела бой. Ее действия умело поддерживали пулеметчики 2-й роты, идущего справа 1-го батальона, где большинство бойцов — байрамалийские рабочие.

Заговорила артиллерия противника. Шрапнель при-жала бойцов к земле, кое-кто начал экапываться.

Контратакующие цепи офицерской роты поднялись. Орудия белых, поддерживая их, перенесли огонь в глубину красных позиций, и Пильщиков отдал приказ — Ротам, вперед! В штыки! Ура-а-а!

Батальон сбил напор белых, отогнал их шагов на сто назад, но был вынужден снова залечь. Во время одной из контратак, ударившей с фланга белых, роты 3-го и 1-го батальонов смешались, но тут же, увлекаемые отвагой командиров, пошли в штыки и потеснили врагов еще дальше.

Первый помощник комбата Величко, в криком «ура» перемахнув канаву, увидел картину, которая повергла его в изумление. Справа, чуть впереди группы красноармейцев бежал совершенно безоружный человек и что-то кричал по-туркменски. Сильнее забили вражеские пулеметы, многие бросились на землю, а тот стоял во весь рост. Из окопа напротив, прямо в него, целился офицер в погонах штабс-капитана. Долго целился, но, вероятно, не решился стрелять в безоружного, опустил винтовку, однако тут же вскинул ее и перевел на Величко. Раздался выстрел, второй, но — мимо. Величко же не промахнулся, и штабс-капитан, выбросив руки вверх, повалился навзничь. А безоружный стоял и только часто моргал. Величко сбил его в ног.

— Кто такой? Откуда? — выкрикнул он.

— Из политотдела. Кайгысыз Атабаев я. А как тебя зовут? Ты спас мне жизнь.

— Алексей Величко звали с детства. Где твоя винтовка?

— У меня не было. Я с байрамалийцами проводником пошел. Хорошо местность знаю.

— А пуля, она не разбирает, браток.

Вторая цепь, шедшая в атаку, как прибояная волна, увлекла за собой всех, но, достигнув очередного арыка, большинство бойцов бросились на землю. Кайгысыз видел, как Алексей Величко, несмотря на убийственный огонь, преодолел арык и не менее чем в десятком бойцов устремился вперед. Было слышно, как Величко отдал приказ:

— На батарею! Взять орудия! Вперед!

Рослый, уже немолодой красноармеец схватился за грудь, прошептал «матка боска», выронил винтовку, упал. Другой оступился, запрыгал на одной ноге, по-

валился на песок и стал кататься по нему. Третий вскрикнул: «мама», прижал левую ногу к животу, лег на землю, заскрипел зубами. Величко же продолжал бежать, увлекая за собой красноармейцев.

Орудийная прислуга поспешила подвести лошадей, зацепить постромки к пушкам. Но сил двигаться дальше не было, да и огонь оборонявшихся стал плотнее. Величко замедлил бег, пригнулся, лег.

— Прицельный по лошадям и прислуге! — вырвалась хриплая команда из тяжело дышавшей груди.

Кайгысыз озирался вокруг в поисках кем-нибудь оброненной винтовки и заметил, что совсем рядом с батареей, из-за кустов гребенщика и саксаула, где не могло быть красноармейцев, кто-то начал стрелять меткими залпами по артиллеристам. Две лошади упали, забили ногами, солдаты принялись поспешно отходить.

Величко поднялся, а к нему уже приближалась вся наступающая цепь. Кайгысыз тоже побежал, и тогда из-за кустов один за другим стали выходить солдаты-туркмены. Они приветливо размахивали руками, бросали винтовки.

— Друзья, братья! Пусть отцы и дети ваши живут вечно! Да прославятся во веки веков ваши имена! — восторженно прокричал Кайгысыз. — Поднимайте заши винтовки, зовите остальных и пошли со мной.

Когда же третья и четвертая цепи наступающих ушли вперед, около захваченной батареи появилась группа красных командиров. Среди них Кайгысыз узнал командира 1-го Туркестанского полка Сергея Тимошкова, и тот тоже узнал Кайгысыза.

— Товарищ Атабаев, а ты почему здесь? Да еще без оружия. Мне докладывали, но я не поверил. Давай в тыл! — и потянул Кайгысыза за рукав. — Давай, давай!

— Да не хватай ты меня, командир Тимошков! Мое оружие — слово! Вот оно! Погляди! — и показал в сторону перешедших туркмен, — там стояло уже не менее тридцати человек.

Это произошло во время боя 21 мая 1919 года, между десятью и одиннадцатью часами утра. А еще через час остатки конных и пеших частей противника в беспоряд-

же отошли в Байрам-Али, и оттуда, взорвав за собой железнодорожный мост, без задержки подались в Мерв.

Свет лампочки, ярко вспыхнувшей в помещении, где на скорую руку разместился штаб фронта, как бы прибавил сил людям, утомленным бессонной ночью и напряжением боевого и жаркого дня. Рабочие Байрам-Али, с радостью встретившие части Красной Армии, обещали к десяти вечера исправить повреждения, и слово свое сдержали.

Комната, где собралось командование фронтом, была полна табачного дыма, и хотя окна были распахнуты настежь, керосиновая лампа мигала и коптила. Ее загасил Иван Бухаренко, заросший до ушей, как и все остальные. Когда-то прапорщик царской армии, потом завскладом красноводского отделения фирмы «Мазут», большевик Бухаренко заведывал теперь отделом снабжения фронта.

— Я полагаю так — победу одержали! С большой буквы! — Командующий фронтом Алексей Соколов говорил, стремясь придать необходимую весомость своим словам. — Надо хорошенько подсчитать трофеи, наши потери, только тогда составим реляцию в Ташкент. Наша короткая телеграмма, я думаю, уже ушла.

— Полностью согласен, — поддержал его председатель Реввоенсовета Николай Паскуцкий. В это время в дверь просунулась голова Кайгысыза Атабаева.

— Разрешите?

— Входи, товарищ Атабаев, — дружески пригласил Паскуцкий. — Ну, что там? Уточнил?

— Да, товарищ Паскуцкий, все три случая подтвердились.

— Считаю необходимым, товарищи, издать приказ, отпечатать типографским способом и широко распространить листовку по боевым частям, — предложил Паскуцкий. — Если нет возражений, зовите машинистку.

— Ты готов диктовать прямо на машинку? — спросил командующий.

— Готов! Я сейчас в настроении. — Паскуцкий улыбнулся и закурил очередную папиросу из пачки с надписью «Элегантные».

В здании железнодорожного училища, которое занял штаб, во всех комнатах валялись коробки с папиросами

производства чарджуйской табачной фабрики Кирпич-
никова. Если вы не согласны, тогда давайте я запишу, —

— Николай Антонович, тогда давайте я запишу, — это предложил заведующий оперативным отделом Ефимов. Он тут же проверил обжег оточик, уселся, пригладив к себе лист чистой бумаги и вытерев из нагрудного кармана карандаш. — Приказ номер пятьдесят четыре.

[illegible]

Европейский совет и Комиссия ЕС одобрили проект директивы, устанавливающей минимальные стандарты для защиты интересов потребителей в отношении информации, предоставляемой продавцами и поставщиками услуг. Директива будет применяться к информации, предоставляемой продавцами и поставщиками услуг, в том числе к информации, предоставляемой в интернете. Директива будет применяться к информации, предоставляемой продавцами и поставщиками услуг, в том числе к информации, предоставляемой в интернете.

— Если же вы не согласны с тем, что в настоящее время в стране нет возможности для осуществления реформ, то вы должны доказать, что в настоящее время в стране нет возможности для осуществления реформ.

— Так вот и получается, что мы не сможем, к сожалению, затеяв капитальную реконструкцию, обеспечить достаточные выплаты пенсий, а также обеспечить выполнение социальных обязательств перед населением от счета капитальных вложений, поэтому мы исполняем наши обязанности.

— Я бы хотел — самые обязанности, — предложил Соколов.

— Снятие обязанности борьбы за справедливость, а это нас призывает быть честными бойцами, показать миру нашу доблесть и благородство!

— Правильно, Николай! — взволнованно произнес Мжельский.

— И последнее. Резвоенсовет питает полную уверенность в том, что товарищи красноармейцы не запятнают своего красного знамени!

— Коля, лучше тебя, ей-богу, никто не сочинил бы! —

похвалил Соколов, его поддержал начштаба Попов.

— Товарищ Паскуцкий, разрешите я отнесу текст машинистке и сразу сделаю перевод на туркменский язык. Это необходимо, я уверен.

— Правильно, товарищ Атабаев. Действуй, Костя! — сказал Паскуцкий, видя, как согласно закивали все присутствующие.

— И еще могу доложить: я по пути побывал в типографии. Там ребята из политотдела наводят порядок. Все кассы на месте. Так что типография готова.

— Спасибо за инициативу, Константин Сергеевич! Когда Атабаев вышел, Соколов спросил:

— Он ведь из местных? — И добавил: — Смышсленный товарищ.

— Кайгысыз Атабаев, из Мерва. В Ташкенте мы вместе с ним после осиповского мятежа вступали в партию, — ответил Паскуцкий.

— Мы хорошо его знаем, товарищ Соколов, — заговорил Василий Мальков. — Толковый! Бывший учитель, банковский служащий, в прошлом бывший левый эсер, но всегда дружил с передовыми рабочими. После февральской бросил банк, хотя имел там очень приличный заработок. Вскоре возглавил мервский продовольственный комитет. После расстрела белыми Полторацкого скрывался у друзей. В октябре добрался до Ташкента, стал простым красногвардейцем...

— Товарищи, об Атабаеве мы еще поговорим. Тут вот Рахматуллин и Караханов; это твои работники, Василий, и, говорят, с тобой советовались Коля говорил, что они предлагают, по-моему, хорошее дело! Издать обращение, и уже готов текст, — Михаил Мжельский развернул листок, который держал в руке, и стал читать.

По существу редакции высказались Попов и Соколов, и приказ № 65 обрел свою окончательную форму.

«Именем Туркестанского советского правительства, РВС Закаспийского фронта призывает население Закаспийской области, как часть Туркестанской Советской Республики, временно отторгнутой от Советской власти, ныне же победоносными красными войсками очищенной от поработителей пролетариата и беднейшего крестьянст-

ва, при вступлении советских войск сохранять полное спокойствие и не нарушать нормальной жизни, помня, что РВС фронта принимает все меры к недопущению грабежей и насилия, с чьей бы то стороны ни было. Личность угнетенных масс и беднейшего населения, к какой бы нации и религии она не принадлежала, будет оберегаться авторитетом Советской власти.

Со всеми нарушителями настоящего приказа Советская власть будет беспощадна.

Именем Туркестанского советского правительства Реввоенсовет Закаспийского фронта».

На дворе уже занималась заря, когда усталые, но довольные Рахматуллин и Атабаев, сдав листовки с приказами РВС, отпечатанными на русском и туркменском языках, улыбнувшись, ударили друг друга по рукам и отправились хоть немного отдохнуть.

Скверик перед штабом быстро заполнялся народом. Бойцы, стоявшие на посту у входа, заволновались, вызвали начальника караула. И внутри здания захлопали двери. Толпа недовольно гудела. В скверике перед самыми дверьми штаба родители оплакивали приведенную с собой пятнадцатилетнюю дочь, изнасилованную красноармейцем.

Паскуцкий гулками шагами мерил комнату из угла в угол. По стенам ее стояли приглашенные сотрудники политотдела, командиры полков и некоторые комбаты. Они чувствовали себя виноватыми.

— Где он сейчас? — спросил глухим голосом Паскуцкий.

— В своей части, — ответил комполка Тимошков.

— Арестовать его надо немедленно! — возмущенно произнес Атабаев.

— Немедленно взять под стражу! Распорядись, товарищ Тимошков, — четко, с расстановкой произнес Паскуцкий. — Ну, как же это так?!

Все правильно поняли, что заданный председателем Реввоенсовета фронта вопрос относится лично к каждому, и сразу все заговорили. Негодование было общим. Паскуцкий попросил гишины, подумал, потом решительно подошел к двери, за которой только что

скрылся комполка Тимошков, и пригласил в комнату стенографистку.

— Пишите, Мария Павловна, — обратился Паскуцкий к молодой, со вкусом одетой блондинке. — Приказ номер, поставите потом очередной номер...

— Семьдесят три от 22 мая, — подсказал Ефимов.

— Так! Красноармеец 5-й роты 1-го Туркестанского стрелкового полка Фальван Рузаев за изнасилование 15-летней девушки при занятии станции Байрам-Али приговаривается, на основании приказа Революционного Военного Совета Закаспийского фронта от 21 мая сего года за номером шестьдесят четыре, к смертной казни через расстрел!

В комнате воцарилась мертвая тишина, отчего еще отчетливее стал слышен гневный ропот людей в сквере.

— Настоящий приговор привести в исполнение взводу, — Паскуцкий повел головой, увидел комбата Пильщикова и подумал о седьмой интернациональной роты, — взводу 3-го батальона 1-го Туркполка!

Одни закивали, другие возбужденно заговорили.

— Значит правильно! — подытожил Паскуцкий. — Возражений нет! — посмотрел на Мжельского и поискал глазами Соколова, но того в помещении не было. — Ставьте подписи мою, товарища Соколова, Мжельского и секретаря РВС Шитова.

Мальков подошел ближе к Паскуцкому, показал кивком в сторону окон.

— Николай Антонович, надо бы утихомирить. Сказать два слова.

— Пойди ты, Василий Васильевич. Дело говоришь. Надо! — Паскуцкий почувствовал за своей спиной движение, повернулся и выразительным жестом остановил Атабаева. — И возьми с собой Рахматуллина. Остальным товарищам можно расходиться. А ты, товарищ Атабаев, останься.

— Ты больно горяч для этого случая, — заговорила Николай Антонович, когда в комнате кроме него и Атабаева остались только Мжельский и Шитов. — Для тебя есть другое важное поручение. Прямо с машинки переведи текст этого приказа. Дождись пока мы его не подпишем и давай в типографию. Отпечатай, как вчера, но не более полсотни экземпляров. Больше не надо. И вывешивать не надо. Через товарища Попова распрос-

шали его завполитотделом фронта Мальков, его сорудники Борис Алесковский, Атанязов, Рахматуллин, Николай Белкин, Караханов и только что подошедший Кайгысыз Атабаев.

Гейвандов воодушевленно рассказывал о самом ярком впечатлении, которое он вынес из боя под Байрам-Али, ознаменовавшем собой блестящую победу войск Закаспийского фронта. Это был тот момент, когда Мальков в азарте схватил своей единственной рукой кем-то оброненную винтовку, залег в цепь бойцов и повел из нее прицельный огонь. Тот же Мальков, когда пришло время, первым поднялся под пулями врага и с криком: «Вперед, товарищи!» увлек за собой красноармейцев в последнюю, решительную атаку.

— И ты тоже отличился, Константин Сергеевич! Верно ли рассказывает комполка Тимошков, что встретил тебя в гуще огня без оружия? — Гейвандов хитро прищурился.

— Товарищ Тимошков схватил меня и начал ругаться. А я ему и объясняю, что мое оружие — слово! — Кайгысыз был доволен, что заговорили о нем. — Мы с седьмой ротой и байрамалийцами были на правом фланге проводниками и заняли бархан. Там батарея. Я вижу, кругом туркмены. Я им кричу: «Братья, бросайте оружие!», а товарищ Тимошков меня за рукав хватает. Ну, я, конечно... — Кайгысыз не договорил, поскольку к зданию на полном скаку, оставляя за собой клубы пыли, подлетел кавалерист, наверное, посыльный.

Бросив лошадь без привязи и придерживая на бегу шашку, боец влетел внутрь здания, чем сильно озадачил тех, кто стоял у входа. Не прошло и минуты, как появился дежурный по штабу.

— Атабаева срочно вызывает командующий!

Кайгысыз подтянулся, одернул залатанную в нескольких местах гимнастерку, быстрым движением отер носки порядком стоптанных сапог, поднялся по ступеням. В кабинете, кроме командующего Соколова, находились заведующий оперативным отделом Ефимов, член штаба Бухаренко, политкомиссар Мжельский и прискакавший боец.

— Товарищ Атабаев, вам что-нибудь говорит ямя Кизыл-хана? — начал командующий с вопроса, не дав Кайгысызу сделать и двух шагов по комнате,

— Имя знакомое, товарищ командующий.

— Ну, поделитесь с нами вашими сведениями.

— Прежде всего — это правая рука, ближайший сподвижник Эзиз-хана. Сколько он хороших людей на тот свет отправил...

— Кто? Кызыл-хан? — настороженно спросил Соколов.

— Нет, товарищ командующий, Эзиз-хан.

— Но речь не о нем. Не отвлекайтесь.

— Хорошо! Кызыл-хан — четвертый сын ремесленника Сары-ойчи, прозванного так односельчанами за умение мастерить, как мало кто умеет, войлочные кибитки. С детства Кызыл-хан, — родом он из Теджена, точнее из аула Ак-Аланг, — подпаском гонял овец у бая богатого рода амаша. Чабаном же стал у другого бая — того же рода по имени Кырлек. В шестнадцатом году, говорят, выступил вместе с Эзизом Чапыковым, то есть Эзиз-ханом, против угона на гыловые работы тедженских туркмен. Скрывался в песках, а после, в середине семнадцатого, яшули¹ и муллы родного аула дали ему джигитов и вооружили их, чтобы он мог охранять спокойствие аульчан.

— Так, так, — Ефимов хотел было что-то спросить, но командующий жестом остановил его.

— Продолжайте, товарищ Атабаев. Это интересно, а что дальше?

— Дальше... Дальше его отряд влился в банду Эзиз-хана, который надеялся получить у белых большой куш. Теперь Эзиз-хана нет. То ли белые, то ли англичане его расстреляли. Ходил слух, что Кызыл-хан поэтому и ушел от них. Стоит он где-то в песках недалеко от родного аула. — Кайгысыз сделал паузу, ею воспользовался Ефимов.

— Алексей, — обратился он к Соколову, — агентурные сведения подтверждают, что в стане Кызыл-хана наблюдаются политические колебания. Паскуцкому это отлично известно.

— Я уже послал за ним. Скоро должен быть. Он в «Гранд-отель» пошел, в ревком. А что, Вокзальная улица отсюда далеко? — спросил Атабаева командующий.

— Нет. Близко. Но товарищ Гейвандов здесь, он

¹ Старик, почтительное обращение к пожилому мужчине.

находится в штабе. Однако я еще хочу сказать, что есть такие, может быть, неточные сведения: Кизыл-хан три или четыре дня назад занял свой аул — там большие запасы хлеба, фуража, от Эмиз-хана остались. Кизыл-хан будто бы ведет переговоры с представителями белогвардейцев.

— Ну, а какую цель он может преследовать, как вы полагаете? — спросил Соколов.

Кайгысыз ответил не сразу. Возникла тишина. Сквозь открытые окна издали доносились звуки марша, исполняемого духовым оркестром.

— Конечно, если правда, что Кизыл-хан ведет переговоры, то какой в этом смысл? Ведь он все равно в белых. У него, наверное, другие мысли..

— Мысли, которые были бы нам на руку, Атабаев, — в разговор вступил прежде молчавший Мжельский. — Туркестанское население было здорово обмануто белым правительством Закаспия и частично пошло за ним. Против нас сражался не один отряд. За последние дни много сделано, и это заметно по находящемуся вблизи Мерва населению. Нас перестают бояться, начинают тянуться к нам. Хорошо бы, чтобы на сторону Красной Армии перешел полностью какой-либо отряд. — Мжельский щелкнул пальцами.

— Скажите, товарищ Атабаев, вам известны эти имена? — Соколов взял со стола небольшой лист бумаги. — Молла Берды Овез оглы, Акмурад Ораз оглы и Ораз Аррык.

— Нет, товарищ главнокомандующий. Я их не знаю. Хотя Акмурад Оразов может быть старого геджженского рода.

— Похоже! Эти люди сейчас находятся в расположении оставшейся роты Черняевского полка. Товарищ Астраханцев пишет, что они являются делегацией от Кизыл-хана. С ними надо встретиться. Вам, товарищ Атабаев, придется помогать. Возглавляют переговоры товарищи Паскуцкий и Бухаренко. Паскуцкий лучше меня знает сколь важен и в политическом смысле добровольный переход на нашу сторону целого туркменского отряда. Ты, товарищ боец, немедленно возвращайся в расположение своего отряда. Передай комполка Астраханцеву, чтобы он препроводил делегацию в штаб,

близких. Три дня назад яшули Теджена собрались на маслахат в Ак-Аланге, где главный предводитель наш Кызыл-хан держал с нами совет. Там решили, что ваша армия — за справедливость и что жители Теджена не могут быть вашими врагами. Мы пришли заявить вам, что мы ваши друзья, — Акмурад Овез полез за пазуху, достал сложенный концами внутрь цветастый платок, развернул его и подал Паскуцкому письмо. — Вот, мой начальник Кызыл-хан Сарыев наказал вручить это самому главному русскому Красной Армии.

— У нас, Акмурад, все национальности равны, а главный у нас — штаб Красной Армии, — Паскуцкий увидел, что письмо написано арабской вязью, и потому протянул его Атабаеву. — Константин, будь любезен, переведи это вслух.

Атабаев кашлянул и начал читать:

— «Мы, представители тедженского населения, совместно с командиром тедженского отряда Кызыл-ханом, собрались вместе, посоветовались, выбрали делегацию и послали к вам Молла Берды Овез оглы, Акмурад Ораз оглы и Ораз Аррык оглы, дабы уверить вас в нашей дружбе. Мы не враги ваши. Все наши люди приблизительно два месяца тому назад по выбору Кызыл-хана в командиры отошли и отходят с фронта в Теджен. Поэтому штаб Закаспийских войск...».

— Белых, надо понимать? — заметил Паскуцкий.

— Да! Тут дальше говорится: «находящийся в данный момент в Теджене, считая нас своими врагами, ежедневно угрожает нам и населению посылкой отряда, обвиняя нас в измене и желании соединиться со свободной республикой. Поэтому мы, беднота — тедженское население и отряд тедженский посылаем настоящее письмо с целью мириться с вами и просим вас принять наше предложение, не считать нас своими врагами, а своими детьми!»

Паскуцкий, который все это время сам стоял и не предложил членам делегации Кызыл-хана сесть, быстро подошел к ним и принялся искренне и дружелюбно трясти руки поначалу стушевавшимся от неожиданности делегатами. Потом Паскуцкий жестом о чем-то попросил Ивана Бухаренко, тот вышел из комнаты и вскоре возвратился с красноармейцами, которые несли пилы и чайники с крепким зеленым чаем. Паскуцкий же при-

нялся подробно расспрашивать о делах в Теджене, о размещении в нем белогвардейских отрядов, их количестве и силе, отношении населения к ним, о разрушениях в поселке, о наличии водосборных ям и о многом другом, и был чрезвычайно доволен тем, что пришедшие в штаб гуркмены во всем проявили полную откровенность и истинную решимость стать на сторону Советской власти.

Когда до слуха собеседников донеслись звуки грубы, игравшей «Бери ложку, бери бак...», Паскуцкий спохватился и сказал:

— Товарищи, надо бы и наших гостей накормить как следует! — В помещении, где принимали делегацию Кизыл-хана, уже находились Мжельский, Гейвандов, пришедший с Андреем Лысенко, работники политотдела Мальков, Рахматуллин, Окунев и начальник штаба фронта Попов.

Проводить тедженцев к месту, отведенному им для жилья, Паскуцкий попросил Атабаева. По дороге Берды Овез оглы неожиданно произнес:

— Человек не может быть наделен с самого начала от природы добродетелью или пороком, так же, как он не может быть при рождении ткачом или писцом.

Кайгысыз увидел, что через дорогу катил свою ношу, скарабей, и сразу понял, чего ждет от него говоривший.

— Аль-Фараби! Второй Учитель. «Афоризмы государственного деятеля». Так я говорю?

— Так, так! Я уже заметил, что вы ученый. Господь возвысил тех, которым дано знание.

— «Ученый есть факел земли», — Кайгысыз не желал уступать собеседнику, потому ответил ему так же изречением мудреца и продолжил: — «Добродетели нет без разума и знаний. И добродетелей лишь тот, чьи чувства соединены со светом их разума, чьи испытания направлены на поиски истины, чья цель заключается в том, чтобы придерживаться истины и выявлять ее, равно как и судить о ней!».

— Хх-аа! — Берды Овез оглы даже крикнул от удовольствия. — Аль-Кинди, ведь не ошибаюсь? Вот здорово! Я — Берды, сын Кербаса. Овезом деда моего вову. Мне приятно быть вашим другом, — говоривший дружелюбно протянул Атабаеву руку. — Только скажи-

те мне, вас Кайгысызом зовут, вы что, у них простой солдат?

— Да! По профессии я — учитель. Работал помощником главбуха в Учетно-ссудном банке Персии в Мерве, был и председателем мервского уездного продовольственного комитета, а в Красную Армию простым солдатом пошел. И горжусь! Теперь вот работаю в политическом отделе Реввоенсовета фронта.

— А смерть в глаза видели?

Кайгысыз хотел было рассказать о последнем бое под Байрам-Али, но вспомнил, что с ним приключилось летом восемнадцатого года, когда он прятался от белых в Мерве.

— Мой старший брат Агаджан Тац Сердар, — Кайгысыз понял, что его собеседнику знакомо это имя, хотя тот вроде бы и виду не подал, — сражался на стороне белых и погиб в бою в августе прошлого года. Я разыскал его тело, отвез родным. Что там было! Вот тогда...

— Я думал, братец мой, что должен знать вас. Мы земляки! Как же! Агаджан Тац Сердар — бывший арчин Меана. Его мать, Хал, а сын Силаб, офицер царской армии. Потом переехал жить в Аладжа Гез. Слышал, слышал я, что с вами тогда чуть беда не приключилась. Вот только не знал, что это были вы. Как же! Вас обвинили в том, что вы сами убили брата.

Перед взором Кайгысыза встала страшная картина, когда родственники грозились убить его своими собственными руками.

— Ага! Вас выручил приехавший в аул в самый для вас критический час человек, который видел, как погиб Агаджан, и объяснил всем, что вы не убийца.

— Да, так было! Вот мы и пришли. Вот ваш дом. Располагайтесь. Но мне бы очень хотелось продолжить наш разговор. Сегодня вечером. Не возражаете? Ведь я из политотдела. Совсем недавно был в Ташкенте. Мне много надо вам рассказать о наших делах и наших планах.

Вечерняя беседа Кайгысыза Атабаева с делегатами Кызыл-хана длилась чуть ли не до рассвета. Кайгысыз рассказывал тедженцам, что такое партия Ленина, что такое Советская власть и почему она народная — защи-

щает интересы дехкан и рабочих всех национальностей без различия. Он поведал землякам и то, что женат на русской женщине и недавно, в ноябре прошлого года, у него родилась в Ташкенте дочь, и что советские органы по этому случаю выдали ему бесплатно шесть метров материи, и что сейчас его семья находится в Ташкенте, на содержании Советской власти.

Уже за калиткой, почти распрощавшись, Кайгысыз ни с того ни с сего спросил, чем вызвал восторг не перестававшего им восхищаться Ораза Аррыка:

— Скажите, а кто из вас знает, куда девался конь Эзиз-хана? Я его видел. Эзиз-хан в семнадцатом, когда возвратился из побега в Персию, часто бывал в Мерве. Он ухаживал за молодой красавицей Сахаровой. Сестра ее была смотрительницей женской прогимназии, Эзиз-хан оставлял коня с охраной у дувала, а сам с букетом цветов шел во двор. Замирал у веранды, где сидела красавица, на полчаса, час, — он плохо говорил по-русски, — молчал, потом кланялся и уходил. А коня его — лучше я не встречал! Золотисто-буланый жеребец, четырехлетка, сын непобедимого на скачках Мелекуша и внук еще более прославленного Бойноу. Кому он достался?

— Мы не знаем, — в один голос ответили тедженцы.

— Может, Кызыл-хан на нем ездит? По наследству перешел.

— Нет, скорее всего к англичанам попал. В Красноводск увел.

— Жалы! Ведь Мелекуш уже больше не кроет. Терьяком испортили. Так и потомков не останется! А надо беречь наше богатство.

— Клянусь небом, проливающим дожди, вы правы, брат мой, — Берды вознес руки к небу.

Прошло три дня. Сотрудники оперативного отдела штаба не раз беседовали с посланцами Кызыл-хана и составили себе полное представление о положении белогвардейских войск в Теджене. Работники политотдела проинструктировали кызылхановцев и убедились, что они хорошо усвоили главную задачу — по возвращении попытаться уговорить туркмен в решающий момент, как только красные войска подойдут к Теджену, оставить ряды противника. А также заверить всех тех, кто принимал участие в войне против Советской власти, но

теперь готов выразить ей полное доверие, в том, что им будет гарантирована полная свобода. Сотрудники отдела набили хурджуны тедженцев революционной литературой, снабдили делегацию на дорогу необходимым провиантом, водой и проводили в обратный путь.

Акмурад Ораз увозил с собой письмо Реввоенсовета фронта к Кизыл-хану, которое начиналось так:

«В ответ на Ваше предложение от 26 мая 1919 года, Революционный Военный Совет Закаспийского фронта с глубокой верой в Вашу искренность принимает предложение о заключении мира между отрядом и населением Тедженского уезда, с одной стороны, и советскими войсками Туркестанской республики, с другой стороны, и в то же время считает своим долгом заявить, что Советская власть Туркестанской республики не считала и не считает беднейшее туркменское население, насильно вовлеченное в войну с пролетариатом Туркестана, своим врагом.

Враги трудящегося народа, воспользовавшись случаем, подняли мирный, братский по труду нам народ против Советской власти, тем не менее, мы никогда не теряли уверенности, что рано или поздно глаза народа откроются и увидят на чьей стороне правда и справедливость. Час этот настал. Правда восторжествовала. Мы верим, что при благоразумии Вашем больше не прольется ни одной капли крови...».

Когда же Берды Кербаб на прощанье гряс руку Кайгысыза, тот, пристально поглядев в глаза Берды, сказал:

— Я старше тебя на семь лет, Берды. И хочу только, чтобы ты хорошенько помнил, что существуют весы, на которых обязательно будут взвешены дела человеческие. Красная Армия — она сегодня есть наш философский камень.

— Да будут молитвы Аллаха вечно звучать над вами. Я никогда не забуду этой нашей встречи. Хочу сказать, что давно вижу — перед вами расстилается светлая дорога. Быть вам, Кайгысыз-джан, большим человеком!

— Взаимно желаю! — Кайгысыз подумал, что вот и такие минуты действительно можно головой коснуться неба,

Как только Кайгысыз возвратился в штаб, он услышал, что Паскуцкий срочно вызвал к себе помощника заведующего снабжением фронта Абдуллу Мирзоева, который ни разу почему-то не появился на глаза делегации тедженцев. Кайгысыз в течение часа восемь раз заглядывал в кабинет председателя Реввоенсовета, пока, наконец, Паскуцкий не сказал:

— Входи, Константин Сергеевич! Вижу, ты догадался о деле, и знаю, что хочешь предложить себя. Не сомневаюсь в тебе, но и Абдулла не сделает хуже. Он тоже опытный. И его меньше знают. Поэтому молчи. Это большой секрет, военная тайна. А сейчас найди-ка Мжельского и Малькова и приходите сюда, — Паскуцкий, который был моложе Атабаева на семь лет, побратски обнял его, похлопал по плечу и ласково выдворил за дверь.

Когда же в кабинете собрались все приглашенные, в Мирзоева уже не было, Паскуцкий сказал:

— Товарищи, я позвал вас затем, чтобы обсудить очень важный вопрос. Сегодня в штаб поступили материалы закончившейся в Ташкенте Первой краевой конференции мусульманских коммунистов. Это значительное событие и оно обязывает нас серьезно подумать, как мы построим политическую работу в прифронтовой полосе.

— Мы же готовы, Николай, — слово взял Мжельский. — Говорили уже об этом. Вот — Рахматуллин, Атабаев, Караханов, ребята они отличные. Мое предложение: создать при политотделе мусульманскую секцию. Они ее и возглавят...

— А как? Вот ты, товарищ Атабаев, сознаешь всю ответственность? — И Кайгысыз сразу понял, что Паскуцкий, задавая этот вопрос, желает показать, что предстоящая работа куда важнее, чем тайный поход с риском для жизни Абдуллы Мирзоева в ставку Кызыл-хана.

— Я, товарищи, понимаю ответственность так. Надо разработать мероприятия по нормализации жизни трудящихся, по ликвидации тех бед, которые натворили здесь белогвардейцы, серьезно вести разъяснительную работу среди туркменской части населения.

— Правильно! Молодец, товарищ Атабаев! И еще было бы неплохо, если бы ты нашел время и помог

бою очевидна. Усугублялась же она и становилась, на взгляд многих, неодолимой потому, что среди туркмен почти не было членов партии. Рассеять ложь и провокационную клевету на Советскую власть и ее сторонников не составит особого труда. Однако на кого потом опереться, особенно когда фронт двинется дальше, штаб, политотдел с мусульманской секцией и боевые части уйдут из Мерва? Поиск ответа на этот вопрос лишил покоя и сна.

Кайгысыз хорошо знал, что некоторые туркмены, обманутые религиозно-националистической пропагандой, поддерживают банды, в которых было немало белогвардейцев, рассказывающих о бесчинствах, якобы творимых большевиками. «Страх о том, что большевики во главе с мадьярами и китайцами убивают и грабят мирное население, — думал он, — белогвардейцы ухитрились нагнать, и теперь кто-то всячески поддерживает эти настроения среди туркмен. Но с этим легко справиться. Стоит только туркменам увидеть своими глазами действительность, и они поймут обман белогвардейцев. Отпадет страх быть убитыми и видеть свой дом разграбленным. Эта весть быстро достигнет слуха остальных и облегчит нашу работу как на фронте, так и в тылу. Это ясно. А вот где найти, из кого выбрать тех, кто сознательно войдет в ряды партии?»

Рассуждая о предстоящих делах, Кайгысыз вдруг всполошился — он ведь давно не получал писем от Тани из Ташкента: «Что там с ними? Зюечке уже полгода и три дня».

А в это самое время в номере люкс «Гранд-отеля», который всего пятье сутки как служил временным кабинетом председателя ревкома нового состава, Самуил Гейвандов диктовал текст письма прямо на машинку. Осунувшееся, обросшее лицо, глаза ввалились, волосы над широким лбом взъерошены. Он был возбужден и не замечал, как откровенно зевала в момент пауз, старательно прикрывая рот рукой, машинистка. Помимо приказов, приказаний и распоряжений она отстукала массу писем. Вот и сейчас в каретке машинки было заложено письмо, которое будет зарегистрировано в книге учета исходящих бумаг под № 90. Ревуездком же работал менее чем неделю. Отношение было адресовано в политотдел РВС Закаспийского фронта товарищу Маль-

лову. Содержание его было кратким и весьма конкретным:

«Ввиду крайней нужды в партийных рабочих мусульманах, просим об откомандировании в распоряжение политотдела фронта для последующей работы среди туркмен Мервского уезда товарища Атабаева, мобилизованного в Ташкент и находящегося в распоряжении Реввоенсовета республики.

Председатель Мервского ревкома С. Гейвандов.

В ту же ночь, по дороге домой, Гейвандов зашел в штаб, застал там Малькова и получил его поддержку: «Просьбу Ревкома нахожу вполне основательной и прошу уважить». 2 июня председатель РВС фронта Николай Паскуцкий возвратился в Мера из поездки в освобожденный Теджен, где части Красной Армии готовились нанести новый удар противнику, и сделал на письме собственноручную надпись: «Затребовать телеграммой на имя Реввоенсовета республики».

Ровно через сутки в приказе по штабу фронта № 44, параграф XVI появилась запись: «Ташкентской партдружины товарищ Атабаев с 1-го сего июня прикомандировывается к Политотделу Штаба фронта для организационных работ и с того же числа зачисляется на все виды довольствия, на положении красноармейца, согласно приказа № 197. Справка: приказ ПО Фронта от 2.VI. за № 17».

— Конечно, я рад этому назначению. Лучше бы, однако, двигаться с фронтом на Асхабад, до победы. Но я подумал — армия не создается и не существует для того, чтобы просто быть армией. Скоро в ней вообще нужда отпадет...

— Когда свершится мир-ровая р-революция пролетариата, — перебил говорившего Атабаева кушкиский большевик Роберт Кизнер, чьи пронзительные глаза способны были видеть насквозь каждого, а крючковатый нос, делавший его похожим на филина, как-то сразу убеждал того, кто с ним знакомился ближе, в том, что Роберт Кизнер обладает мудростью этой ночной птицы.

— Нами она создана с целью завоевать свободу и создать новую жизнь. Так я понимаю. Вот эту новую жизнь, главным образом, и надо строить...

— Правильно понимаешь, Константин Сергеевич, — заметил Гейвандов. — Вот ты и возглавишь в уездкоме работу среди туземного населения.

В кабинете председателя Мервского ревкома сидели его заместитель Куприянов, бывший заведующий организационно-агитационным подотделом политотдела РВС фронта, назначенный два дня назад председателем исполкома Борис Алесковский, председатель Мервского совдепа Андрей Лысенко, Роберт Кизнер, который последние месяцы был членом фронтового суда, а сейчас председательствовал в уездном суде, новый секретарь следственной комиссии уезда Михаил Беляев, Чары Мурадов — журналист-переводчик этой же комиссии и откомандированная из культурно-просветительного подотдела Валентина Петровна Арсеньева, молодая стенографистка-ремингтонистка первой руки, недавно окончившая курсы в Петрограде. Они обсуждали положение дел в уезде и выдвигали задачи, которые надлежало решать в первую очередь.

— Ну вот, если правильно, тогда я хочу, чтобы мое предложение было записано, обсуждено и принято, — и, не дожидаясь, что скажут на этот счет остальные товарищи, Кайгысыз глянул в сторону Валечки Арсеньевой и продолжил: — Прежде всего, я уже говорил об этом Николаю Антоновичу и Малькову, я хочу, чтобы все знали: работаю я в уезде, но остаюсь в списках политотдела!

Атабаев сердитым взглядом обвел присутствующих.

— Ваше предложение учтено, — Гейвандов произнес слова с расстановкой и перешел на «вы». Он увидел, что Алесковский и Лысенко, прежде занимавшие более высокие посты в Совете Мерва, не разделяют исключительности созданного Атабаеву положения.

— Тогда, если не возражаете, — Кайгысыз два дня и две ночи размышлял о том, что собирался сейчас сказать и даже, проверяя себя, записал свои мысли на бумаге, которую потом сжег, — я поясню: сейчас главная наша трудность состоит в том, что напуганное всевозможными слухами туркменское население, бежавшее в пески и горы, до настоящего времени не возвращается к месту своего постоянного жительства. Причина одна — боязнь! До него в настоящее

злова: «С освобождением восточных окраин перед пар-
тийно-советскими работниками встанут задачи вовлече-
ния трудовых масс национальностей этих окраин в об-
щую работу строительства социалистического государ-
ства. Необходимо поднять культурный уровень трудовых
слоев, просветить их социалистически, развить интел-
лигенту из местных кадров, ввести наиболее близкую к
пролетариату, нодей «советские» организации, организо-
вать их к делу строительства страны».

— Как же тебе понравился? — Роберт Ханнер сверкал глазами. — Каким образом ты можешь сказать, что тебе понравился? Ты же была так близко к разрушению этого прекрасного здания.

В) $\frac{1}{2} \left(\frac{1}{2} + \frac{1}{2} \right) = \frac{1}{2}$ — вероятность того, что в первом и втором испытаниях выпадет орел, а в третьем — решка.

Вопрос о том, как правильно использовать эти средства, является предметом исследования. В настоящее время в России отсутствуют единые стандарты, регламентирующие порядок использования средств массовой информации. Это приводит к тому, что одни и те же средства могут использоваться по-разному, что не способствует достижению поставленных целей. Поэтому необходимо разработать единые стандарты, которые будут регулировать использование средств массовой информации в России.

[illegible]

К ним, из-за угла, приближался Атабаев. Шел он вялой походкой, утирая шею платком. Кайгысыз услышал окончание произнесенной Окупсым фразы: «...активно скупают оружие для Бухары у туркменского населения».

— Сегодня же приму меры к ускорению сдачи оружия населением, — решительно заявил Мещеряков.

— Спешите, потому как штаб и части уйдут из Мерва, существовать здесь вам будет вдвое сложнее. Наличие оружия у населения в тылу фронта недопустимо, — по-доброму посоветовал Герарди. — И потом, мир неспроста скупает боевые единицы. Надо препятствовать.

Атабаев поздоровался. В это время в конце улицы показалась голова обоза, груженного мешками и пучками клевера. Впереди, эле держась в седле, ехал Исаа Бухаренко, а с ним — отделение красноармейцев, один из которых нес ручной пулемет «Льюис».

Атабаев забеспокоился и пошел навстречу обозу, потом остановился у гополей, укрывавших своей тенью чайхану и, когда Бухаренко поравнялся с чайханой, жестом подозвал его.

— Привет! — произнес пересохшими белыми губами Бухаренко, сполз с лошади, передал повод красноармейцу. — Вы следуйте до склада. Сдайте под расписку и отдыхайте. Свободны до завтрашнего утра.

«Только вчера ввели комендантский час. С восьми вечера в городе, кроме патрулей, никого не должно быть», — подумал Кайгысыз и спросил:

— Ну, как рейд? Без осложнений?

— Беспоконься? Я никого не тронул, — сказал Бухаренко, сел на край топчана, рывком расстегнул ворот и с нетерпением облизнул сухие губы: из чайханы уже несли пиалы и два чайника.

— Беспокоюсь, — Кайгысыз скользнул глазами по стене чайханы. По обе стороны от входа среди других он увидел знакомую ему листовку, текст которой он с Карахановым и Атанязовым, местным руководителем просвещения, переводил, и за неимением типографской бумаги отпечатали на обратной стороне обертки зеленого чая № 3 бывшего мервского чаоторговца Джамшида Агобова. Крупным шрифтом были набраны первая фраза и призыв: «Советская Красная Армия освободила Мервский уезд от врагов трудового народа, и туркменский народ получил полную свободу... Призывайте ваших братьев туркмен покидать ряды наших противников, возвращайтесь по домам и занимайтесь мирным трудом».

Бухаренко, обжигаясь чаем, пил его большими глот.

ками, Кайгысыз же наполнил пиалу, вылил ее содержимое обратно в чайник и повторил эту операцию еще два раза.

— Дело делаем, товарищ Бухаренко, которое до нас никто не делал. А народ, сами знаете, отсталый и запуганный.

— Ладно, ты лучше скажи: живешь до сих пор в гостинице «Европа»? Это верно?

— Да.

— А что, правду говорят, будто ты отказался от хорошей квартиры? На Асхабадской в доме Газиянца?

— Отказался! — глаза Атабаева вспыхнули, в вопросе ему послышалась скрытая усмешка. — Там любовница полковника Наибова жила. А теперь что, я буду со своей женой спать на этой постели?!

— Так ты вышвырни кровати к чертям собачьим, и дело с концом.

— Так и из души можно кое-что вышвырнуть, товарищ Бухаренко.

— Да зови ты меня, Костя, просто Иваном. Ты хороший человек. Мне нравишься.

— Спасибо, Иван. А заплатили?

— И за зерно, и за фураж сполна! Остались довольны. Не волнуйся. Только в одном месте дело чуть до оружия не дошло. Баи не только не продают, а и других пугают. И мы должны пугать, чтобы боялись.

— Вот я все время и говорю, надо скорее бедноту на нашу сторону привлекать, на нее опираться.

— Валяй! — сказал Бухаренко и дал понять, что эта тема для него ясна, налил себе еще пиалу, осушил ее, и сразу лицо его покрылось потом.

Кайгысыз оставил пиалу, задумался.

— Ну, а еще что туманит буйную голову?

— Будете смеяться, Иван. А я серьезно. Думаю о том, что сейчас на съезде Советов в Ташкенте делается. Будущее Туркестана и нашего края находится в руках тех, кто гуда поехал.

— И тебе хотелось бы поехать?

— Конечно! Еще как!

— Ты тут больше нужен! Завтра Теджен возьмем, послезавтра Каахка, Асхабад. Людей нет. Ты тогда, в прошлый раз, сам не зная, заставил меня подумать: «А с кем работать в тылу?» Им на фронте хорошо —

стреляй, вперед и побеждай! А мне доставай, поставляй! Как посмотрю сколько их примазывается, и все прут в учреждение повыше. А сами смотрят на свои обязанности не как на высокий и честный долг работать в пользу трудящегося пролетариата и народа. Расточают средства, расхищают народное имущество. Для них — это средство наживы и доставления себе всякого рода удовольствий. А другие — так возмутительно и нагло издеваются над личностью и телесной неприкосновенностью ближнего.

— Это как так? Непонятно мне, товарищ Бухаренко.

— Ты опять за свое? Иваном меня зови. Свои интересы ты, Константин, понимаешь, а тут не тумкаешь. Они, эти чуждые нашему делу люди, под видом служебных действий разного рода просто издеваются, дело доводят до истязаний. Под видом обысков учиняют разбой и грабеж, совершают разного рода другие проступки и отвратительные преступления. Туркмены видят, отворачиваются от нас.

— Это ты правильно говоришь, Ваня.

— Вот, наконец, чувствую, раскрылась ко мне твоя душа. Надо же! Ну я пойду, Костя. Мне надо доложить, надо распорядиться, чтобы сегодня же ночью фураж ушел к Теджену. Заходи ко мне всегда задростю. Нам еще вместе, Костя, горы воротить, — Бухаренко допил остывший чай и пошел по направлению к штабу.

Спички ломались. Коробок упрямо выскакивал из дрожащих пальцев. Василий Мальков, прежде ловко закуривавший с первой попытки, ломал одну спичку за другой и упрямо отказывался от услуг начштаба Попова. Завполитотделом матерился. Пустой левый рукав гимнастерки выбился из-под поясного ремня и бессмысленными движениями еще пуще увеличивал гнев Малькова.

— Василий, трезвее смотри на вещи! Накажем, пресечем! Но не устраивай трагедии, — увещевал начштаба.

— Какого дьявола ты уговариваешь меня? Вчера Самуил, едри его в корень, без нас с тобой донес Паскуцкому, что солдаты с эшелонов грабят окрестные аулы, терроризируют население. Сегодня уже не красно-

— Да что твой Атабаев?

— Да то, что он прав! Правда на его стороне. Чую! Всем нам нос утрет, он дело делает, а Володин твой — враг, и его судит надо...

— Володин — хороший командир. Ну, а с Атабаевым легче. Он теперь, Василий, твой подчиненный. Вызови и предупреди о дисциплине. Сами накажем Володина. Это, спору нет, обязательно надо сделать.

— А из песков туземцев как возвращать будем?

— Ну, хватит, Василий, я пишу. Диктуй! Передовая. Паскуцкому. По месту нахождения.

Мальков докурил папиросу, швырнул бычок в окно, справил рукав, сел на стул.

— Вот Паскуцкий взвинтится! Ну, пиши. Кавалерийская часть, отодвинутая в сторону Кушки, разграбила аулы вокруг Иолотани. Дайте указание о принятии строгих мер.

— Эх ты, шумел камыш! — Попов подал бланк Малькову на подпись, а сам быстрым движением придвинул к себе другой и набросал текст: «Прошу по распоряжению политотдела срочно арестовать командира первого эскадрона Володина, доставить конвоем штаб фронта начала следственного производства самочинных действий поселке Иолотани. Попов».

Спустя два дня, в самый разгар торжества по случаю взятия Теджена, председатель Реввоенсовета фронта запросил Малькова и Попова срочно донести ему, чем вызвана необходимость ареста комэска Володина. Паскуцкий сообщил, что Володин, в связи с отсутствием Быченко, исправно исполняет обязанности командира кавполка, держит себя образцово, кавполк же выдвинут на передовую линию и преследует противника.

Белая кибитка стояла на отшибе, у арыка, который нес воду в аул. Полумесяцем окружали кибитки жен, детей и близких родичей. В шель, оставленную в палатке, который прикрывал вход, было хорошо видно всякого, кто шел из аула к юрте старшины рода. Долгую жизнь прожил Язкули-бай и славную. Рослый и крепкий, в былые времена удачливый аламанщик и неодолимый пальван¹, он за последние годы раздобыл нас-

¹ Богатырь, силач, борец.

только, что старые халаты уже не лезли на плечи. Но не этот факт печалил Язкули-бая, герзал душу одного из самых состоятельных людей округа, кого многие считали умом и совестью, судьбой и благодетелем соген людей. Он понимал разумом и ощущал кожей, что приходит конец его безграничной в прошлом власти. Царские чиновники, и не только уездные, но и асхабадские, купленные им и послушные ему, канули в лету. Оттуда хода назад не знал никто. Управлять краем стали другие, но Язкули-бай быстро понял, что появились лишь новые слова, понятия, лица, сменилась лишь вывеска и не было беды. А теперь она надвигается как самум, который стороной пройти не может. Оружие в руки взяли те, — и это он намного глубже других уяснил себе, — которые прежде ничего не имели, а теперь хотели иметь все. «Но чье это все? — спрашивал тысячу раз Язкули-бай и сам себе отвечал: — Мое, мое! Мое уважение, моя сила, моя власть».

На дворе дымилась костры, сновали люди, младшая жена у своей кибитки хлопотала сразу у двух тамдыров¹ — пекла чурек. Язкули-бай ждал гостей, и час назначенной встречи уже наступил. Был зарезан не один жирный баран, все давно приготовлено для отменной шурпы² и доброго плова. Знатных гостей Язкули-бай намерен был принять в своей кибитке, а чабанов и чолуков³, которых он тоже созвал, чтобы как следует угостить, — у кибитки зятя. Старшина рода хорошо знал, что ум человека становится податливым, когда живот полон. Да и туркмен погрешит против совести, если пойдет против того, чей чурек и плов только что ел.

Язкули-бай, в одиночестве лежа на подушках, обдумывал последние детали составленного им плана и с удовольствием курил чилим⁴. На стоявшем у стены красно-зеленом, обитом полосами белой шерсти, сундуке лежал приготовленный по случаю встречи дорогой хивинский халат. Над сундуком висело оружие: боевые винтовки ватерли и бердана, три нарядные шашки о

¹ Круглая глиняная печь.

² Суп из баранины.

³ Подпасок.

⁴ Курительный прибор, в котором дым проходит через воду.

позолоченными эфесами, охотничье ружье зауэр — подарок бывшего начальника уезда полковника Пальчевского, терский кинжал в ножнах, украшенных дорогими камнями, и убранная в серебро камча, приносившая ему удачу во всех набегах на персидские и афганские поселения.

То, что приглашенные Язкули-баем люди стали дружно подъезжать, и кибитка сразу наполнилась возбужденным говором, доказывало высокое почитание старшины. А среди гостей были предводители других родов, аульные старшины, знатные ишаны¹ и влиятельные муллы.

Чай был душистым и крепким, а последовавшая за ним еда — вкусной и обильной. Когда гости насытились, Язкули-бай заговорил о главном.

— Надо угонять скот! Быстро и всем сразу! Самим уходить к дальним колодцам. Слепец тот, кто не видит летящей на нас беды. Промедлим, поленимся и наступит конец нашему счастью, а то и жизни! Капыры лишат нас достатка. Так я говорю, ишан-ага? — обратился Язкули-бай к тшедушному, с орлиным носом, седенькому старику, огненные глаза которого из-под кустистых белых бровей излучали волю и были полны ума. Он, чуть сгорбившись, сидел меж подушек и неторопливо перебирал чигарные четки, привезенные им из Мекки.

— Да говорит ясный разум твоими устами, бай-ага. Велик Аллах!

— В священной книге сказано: «А не польстится никто на чужое». А новая власть, которую несут теперь с собой капыры, стоит на том, чтобы лишить нас накопленного добра и раздать его голодранцам. Армия их сильна. Англичане отказали в помощи асхабацкому правительству. Скоро сами уйдут, — к дымохвосту полетел недовольный ворчливый говорок. Язкули-бай выждал и счел возможным больше не разпространяться. — Красных капыров силой не одолеть. Но без пищи скотдохнет и люди мрут. Они нуждаются в хлебе, мясе, в конях, верблюдах и корме для них. Все надо забрать, уйти и оставить им золу да помест. Всех чабанов моего рода я вызвал из песков. Они здесь,

¹ Старшее духовное лицо у мусульман.

Если мы порешим, я на грядущую ночь снимаюсь. Могу любому предложить свою помощь. Будем дружны и едины, тогда красным капырам наступит скорый конец!

Первым заговорил Берсен Джабар-бай, в недавнем прошлом правая рука начальника Управления населением отамыш, не раз пытавшийся оспорить знатность Язкули-бая. Теперь он полностью и горячо поддержал своего бывшего соперника. Одобрил предложение Язкули-бая и почтенный ишан. Он сказал, что оно благостно Аллаху. После этого хор одобрения прозвучал как единый голос.

— Иншалла! — все присутствующие подняли ладони к лицам и провели ими по бородам.

Проводив гостей, Язкули-бай прошел к месту, где угощались чабаны и чолуки.

— Ассалам-алейкум, бай-ага, — дружно приветствовали хозяина служившие у него пастухи, проворно вскочив на ноги.

Он ответил добродушно, сладко заулыбался.

— Бай-ага, — обратился к нему Меред-ага, старший из чабанов. — Мы все благодарны за угощение, но не знаем с чем оно связано.

Язкули-бая. Теперь он полностью и горячо поддержал слух — новая власть собирается имущество туркмен сделать общим, общими станут скот и жены, а детей отнимут у родителей и увезут в чужие города.

— Я всегда беспокоился о судьбе рода нашего, и о всех вас, которые верили мне и поступали, как я говорил. Чтобы спастись, мы уходим. Отары мои угоняйте этой же ночью и у дальних колодцев готовьте место для всего нашего рода. И пусть Аллах продлит ваши жизни и укажет вам дорогу!

Молодой чолук по имени Мердан, услышав такие слова, первым делом подумал о жене, ушедшей к своим родителям по обычаю кайтармы. Теперь, чтобы она возвратилась в его дом и стала по закону настоящей его женой, ему следовало доплатить ее отцу оставшуюся часть калыма. Недостающую сумму денег отец Мердана за два ковра, шорные изделия и два десятка баранов должен был получить от одного мервского торговца в следующую пятницу, то есть через неделю. Сердце Мердана тревожно забилось. «Как же отец сделает это, если все уйдут в пески? — в десятый раз

спрашивал себя Мердан — Надо немедленно предупредить отца!».

Мердан знал, что Меред-ага, по указанию Язкули-бая, запретил кому-либо из пастухов отлучаться. Следовало выждать пока аул уснет и, никому не говоря ни слова, приниматься за дело — гнать коров, быков, верблюдов и баранов подальше от жилья.

Мердан сделал вид, что ему необходимо оправиться и, как голько тень его слилась с ночной мглой, пустился бежать что было мочи прямо по бездорожью к дому отца. Отец его уже спал, но когда услышал быстрый и сбивчивый рассказ сына, понял, что Мердан поступил правильно, хотя и будет наказан за то, что посмел ослушаться чабана Мерета.

— Отец, придумай что-нибудь! Поезжай завтра к торговцу, упроси его дать тебе деньги раньше срока. Останусь я без жены, отец!

Старый шорник покачал головой и сказал:

— Нет, сынок, ты не прав! Когда надвигается несчастье для всех, о своей беде думать не следует, Язкули-бай боится потерять богатства, а значит, и свою власть. Беднякам аула уход в пески принесет ненужные затраты, лишения и горе. Новая власть, сынок, насколько я слышал, как раз за бедных и собирается сделать все, чтобы не было так — один в белой кибитке живет, а другие настоящих чарыков не имеют. Ты возвращайся скорее к отаре, а я знаю, что надо делать. Не беспокойся, у тебя будут дети, а у меня — внуки.

Проводив младшего, старый шорник пошел в кибитку старшего сына. Разбудил его, рассказал о затее Язкули-бая и предложил с утра пораньше сесть на коня и скакать в Мерв.

— Вот бумажка, сын. Найди в Мерве кого-либо из них, и расскажи все, как есть, и передай, что нужно спешить. Они хорошие люди. Прежде всего разыщи учителя Эфендиева. Он лучше других поймет какую подлость задумал Язкули-бай. Скажи, сынок!

На листе бумаги, выданном из школьной тетради, были написаны чернильным карандашом фамилии: Эфендиев, Ходжаев, Степанов, Алексеев, Андо, Вайзер, Грегор и Урх. То были красноармейцы кушкинской тяжелой батареи, партгруппа которой во главе с агитаторами уездкома Тахта Ходжаевым и бывшим мервским

учителем Эфендиевым совсем недавно была в ауле, разъясняла, что такое новая власть, призывала создать аулсовет и обещала вскоре возвратиться. Федор Степанов — мастерской с уральского завода; Степан Алексеев — хлебопашец из Бессарабии; Янош Андо — мадьяр, официант из Будапешта; Франц Вайзер — германец, парикмахер; Федор Грегор — румын, бывший младший офицер-артиллерист и Айлоз Урх — австриец, член социал-демократической партии с 1897 года. Все — большевики, стойкие борцы за мировую революцию.

Комната председателя ревкома была набита народом. Многие сидели по двое на одном стуле. Было душно. Лопасти вентилятора вращались под потолком, но не приносили людям облегчения. Заседание длилось уже целый час, а дебаты шли вокруг первого вопроса повестки дня — хлебная монополия. Высказались более 15 человек, но репликами с мест и вопросами активное участие принимали поголовно все. Присутствовали советские, партийные и военные руководители Мервского уезда и Закаспийского фронта во главе с Паскуцким, Мальковым и командующим Алексеем Соколовым. Все заседание Гейвандов.

Председатель РВС фронта терпеливо молчал, но когда страсти раскалились до предела, он поднялся.

— Товарищ Гейвандов, разреши мне подытожить и подвести черту.

— Да, да, Николай Антонович, я думаю, давно пора, — Гейвандов сделал жест рукой, говоривший, примерно, как это, мол, он сам до этого не додумался. — Тише, товарищи!

— Вопрос оказался очень важным и большим. Мнения по нему расходятся, но большинство, на мой взгляд, стоит на верной позиции. Можно резюмировать. В силу понятной причины Центральное правительство Российской Федерации не знакомо с положением дел в Туркестане и конкретно в Закаспии, поэтому, объявив хлебную монополию и воспротивившись ведению частной торговли хлебом, не сделало исключения. Наиболее печальный пример — вооруженное выступление в Фергане. У нас пока спокойно, но следует собирать материал для обстоятельного доклада ТуркЦИКу, а может быть, и прямо в Москву. Были очень убедительными

выступления товарищей Окунева, Малькова и прекрасного оратора Бориса Алесковского. Очень мне понравилось, как товарищ Атабаев закончил свое выступление: «Да будь я ослом, если здесь еще есть о чем думать». Я гоже, как и он, за полную отмену монополии и продразверстки. Будем настаивать перед Центром. А сейчас я, с вашего разрешения, заберу Гейвандова, Алесковского и Лысенко. Нам надо в штабе составить донесение в Ташкент.

Половина присутствующих последовала за Паскуцким. За председателя остался Куприянов, который, как только затворилась дверь кабинета, заговорил:

— Я хорошо помню, товарищи, как перед решительным наступлением советских войск, именем правительства Туркестанской Советской Республики, Реввоенсовет фронта приказал уничтожить все спиртные напитки. И вопрос был поставлен так: за хранение — строгое наказание, за торговлю — расстрел на месте без суда.

В комнате стало слышно как квохчет курица на соседнем с «Гранд-отелем» дворе. Куприянов достиг того, к чему стремился.

— Так вот, я и предлагаю принять, без обсуждения, постановление и просить РВС фронта его утвердить. Каждого, кто будет пойман за изготовлением кишмишевки и за ее продажей, в ревтрибунал и к расстрелу. Справились же мы с повышением цен на рынке.

Михаил Куприянов не договорил. Дверь в комнату резко распахнулась, видимо, ее сильно пнули ногой, и на пороге показался военный. Молодое, симпатичное лицо его было багровым не только от гнева. Только что выпитая кишмишевка не в малой степени являлась причиной, побудившей его на «подвиг».

— Кто здесь Гейвандов? — почти выкрикнул он. На портупее висела богатая бухарская шашка, на поясе — револьвер и две гранаты.

— А в чем, собственно, дело? Кто вы такой? — спросил Куприянов.

— Кому надо, тому ответчу! Где этот правдоискатель? Интеллигентная вошь!

— Председателя реввоенсовета нет. Я его замести-
тель. Но кто вам давал право врываться в таком виде на заседание и выражаться?

— Вот кто! — непрошенный посетитель хлопнул обе-

и руками по гранатам, я на присутствующих полились потоки нецензурной брани.

— Это Володин, — тихо произнес секретарь ревкома Родионов.

— Да, Володин. И он покажет этим губошлепам Гейвандову и Мещерякову, где Макара телят пасет, — командир эскадрона рванул пуговицу на кобуре револьвера. — Где они?

Куприянов открыл было рот, но осекся.

— Бумажные черви, где Гейвандов, я спрашиваю?! Гнида кабинетная!

— В штабе у Паскуцкого, — тихо ответил Куприянов.

То ли сознание того, что нужного человека действительно нет, то ли упоминание имени председателя РВС, возымело действие, но Володин круто повернулся к выходу, с силой хлопнув дверью.

— Я сейчас, извините, одну минуту, — Кайгысыз быстро поднялся и последовал за командиром эскадрона.

Догнал его Атабаев уже на крыльце отеля.

— Товарищ Володин, почему позорите имя красного...

— А ты еще откуда взялся? — вновь вспыхнул «мститель», презрительно сощурив глаза. — Дай-ка я на тебя посмотрю поближе. Кто такой?

— Просто Атабаев! Не важно, кто я есть, важно кем я буду. А вот вы, товарищ Володин, никем не будете. Никем! Партийную карточку отберут, звания командира лишат. Под трибунал пойдете.

— Что? — теперь Володин схватился за эфес шашки, выдернул ее из ножен. — Порублю!

— Можете. Но всех не порубите! Вы — хулиган, а я — представитель Советской власти. Меня порубите, а с Советской властью как поступите? — Кайгысыз видел, что от этих слов Володин слегка оторопел. — Не браврируйте тем, что у вас есть оружие. Оно вам дано, чтобы нас защищать! А вы, товарищ Володин, шашкой на безоружного. У туркмен — это самый большой стыд. Позор!

— Ну, давай на кулачках!

— Нет, лучше вам пойти и извиниться.

— Что?! — вновь было вскипел brave командир, но тут же продолжил: — Они вместе с тобой бюрокра-

тию разводят, чернилоглотатели, а я кровь проливаю, под пулями живу.

— И они лили, я не меньше вас рисковал жизнью. А без дисциплины и кровь ваша революции не нужна.

— Откуда ты такой грамотный взялся? Мусульманин?

— Коммунист, туркмен, учитель я!

— А... так знай, учитель, у доброй девки ни ушей, ни глаз. Помни! И помалкивай, учитель. Шашки не испугался, — и Володин пошел к коноводу, державшему коня.

Ни Гейвандова, ни Мещерякова комэск не встретил я, получив пополнение конского состава, погрузился в вагоны. Вскоре состав отправился в сторону Каахка.

За сутки до боя полковая ячейка строго осудила командира 1-го эскадрона Володина за действия в Иолотани и скандал в ревкоме Мерва, который потребовал от РВС фронта предания Володина суду. Ячейка постановила окончательное решение по существу вынести после боя.

Жаркое кровопролитное сражение, ставшее одним из узловых в истории Закаспийского фронта, унесло с собой многие жизни борцов за свободу. Был тяжело ранен и командующий фронтом Соколов, которого заменил командир 1-го Туркестанского полка Тимошков. Комэск Володин проявил личную отвагу и героизм. Он тоже был ранен, но остался в строю и в самый решающий момент повел эскадрон в сабельную атаку на пулеметы противника. Тем самым был создан перелом в пользу войска Красной Армии, которые заняли Каахка, нанесли огромный урон противнику и захватили большие трофеи.

Среди других был представлен к боевому ордену я Володин. Паскуцкий вычеркнул его фамилию из списка, однако парторганизация признала возможным на сей раз простить Володина.

Кайгысыз не обращал внимания ни на жару, ни на пыль, ни на надоедливых мух. На душе было легко. И к этому были достаточные основания. Фронт победоносно двигался вперед, состав мусульманской секции политотдела организовался за счет присланных из Ташкента политически грамотных товарищей, вырос и укрепился коллектив агитаторов и организаторов работы

среди местного населения уездкома. Теперь вместе с Атабаевым грудились Халмурад Сахатмурадов, Тахта Ходжаев, Аннаберды Бурунов, Агаджан Атабаев, Худайкули Ханов, Пералиев, Ишмамедов и другие коммунисты-туркмены. Они активно помогали создавать аульные советы. На днях, — он с нетерпением ждал телеграммы, — к нему выезжает из Ташкента Танечка с дочуркой. К их приезду все было уже готово. Но главной радостью, наполнявшей душу гордостью, а сознание — победой правого дела, была радиogramма ЦК РКП(б) от 12 июля 1919 года.

Эту радиogramму все его друзья и единомышленники приняли как первую ласточку, возвестившую появление новой весны на Востоке. Центральный Комитет партии, вождь пролетарской революции Ленин категорически высказались за право местных народов широкого и пропорционального представительства и участия в государственной и партийной жизни Туркестана, с тем, чтобы сосредоточить власть в руках самих трудящихся края, укрепить союз рабоче-крестьянской России с Красным Туркестаном, осуществить в Туркестане самоопределение народов, уничтожить всякое национальное неравенство и показать местным трудящимся массам, что строй рабочих и крестьян есть власть, которая резко отличается от всех других форм управления и является истинно народной.

Глава десятая

ЗАМПРЕД УЕЗДКОМА

— Ты узнаешь его, Ата? — Кайгысыз поманил пальцем невысокого роста юношу, с торчащим на голове вихром волос и живыми, любопытными глазами.

— Где-то видел. А, из реального, — ответил Атаниязов.

— Ну, как жизнь, Василий, так кажется? — Атабаев протянул руку Карпову.

— Так точно, Федоров сын, — юноша горячо пожал протянутую руку, поздоровался с Атаниязовым.

— Где же сейчас ваш мракобес Греков? С белыми подался?

— Он немного не дожил до Октября. Зимин его заменил. Да оказалось, хрен редьки не слаще.

— А чем теперь занимаетесь, Василий?

— В политотделе фронта, у Малькова работаю. Начинаем в Мерве комсомол создавать.

— Давно пора, — у Кайгысыза потеплело в груди: он увидел шумную толпу молодежи, подходившую к зданию бывшего Гражданского собрания, делегатов 1-го Мервского уездного съезда Советов. — Ребят молодых много. Успех обеспечен.

— А вас, Константин Сергеевич, можно поздравить. — Василий Карпов видел, как вопросительно вскинулись плечи и брови Атабаева. — Мальков в политотделе вас ставил в пример, как вы ловко изолировали Язкули-бая. Думаю, мы сразу после Мерва, первым делом, к нему в аул поедем.

— Хорошо, чтобы скорее такие, как вы, Василий, как мы все не говорили «аул Язкули-бая», а «аул шорынка Чары».

— Вас понял, Константин Сергеевич. Разрешите, если что, обращаться к вам за советом?

— Совет не хомут, на плечи не давит. Однако, вам уже пора.

К зданию гесной группой подошли сотрудники мусульманской секции политотдела Рахматуллин, Абу Джабаров, Худайкули Ханов, Ишмамедов, Санд Каримов, Какаджан Бердыев. Какаджан за последние годы заметно изменился. Жирок, выросший в царское время, сошел, простая военная форма сменила богатый халат, взгляд стал более открытым и глаза его совсем по-иному смотрели на мир. С Атабаевым Какаджан поздоровался кивком головы и тут же отвел взор. Почему-то именно взгляд Кайгысыза напоминал Бердыеву о черном пятне в его жизни, о промахе, который был им совершен, когда он оказался в стане белых.

Подъехали на автомашине «адлер» начальник штаба фронта Попов, начальник политотдела Мальков и Гейвандов, недавно назначенный, после расформирования резкома, секретарем отдела. Как штаб, так и политотдел еще находились в Мерве.

Рядом с Кайгысызом, в первом ряду, сели Бухаренко и Роберт Кизнер. Им удалось, до того как Атабаев

был избран в президиум, перекинуться несколькими фразами.

— Так вот, Костя, покомандовал я Асхабадом ровно десять дней. Всего-то! И опять хлеб, мясо, пиалы, мажут, — сокрушенно проговорил Бухаренко, — Только что и выполнил постановление ТуркЦИКа, переименовал «о момента вступления советских войск» Асхабад в Полторацк и опять сюда.

— Гордись, Иван Васильевич, что это дело тебе поручили. Дело важное, а никого другого не нашли, — заметил мудрый Кизнер.

— Так что, Константин, будем вместе снабжать фронт.

Кайгысыз поначалу не придавал значения этой фразе начальника тыла фронта, отнесся к ней в разряд просто уважительных. Бухаренко будет заниматься серьезным делом, ну и говорит во множественном числе, как бы отдавая дань вежливости собеседнику. Смысл сказанного им дошел до сознания Кайгысыза только тогда, когда Алесковский в конце своего вступительного слова-доклада о положении дел и задачах, назвал его фамилию среди тех, кто способен взвалить на плечи самую тяжелую ношу дня — бесперебойное снабжение фронта всем необходимым.

Съезд избрал Атабаева заместителем председателя Уездгоркома, председателем которого остался Алесковский. В конце работы делегаты съезда, под пение «Интернационала», приняли приветствие, которое в виде телеграммы за № 1956 от 24.VIII.19 года ушло адресатам:

«Закаспийскому и Актюбинскому фронтам, Ташкент, Турпуть, Казалинская секция, всем, всем. I-й Мервский уездный съезд Советов от имени всего уездного пролетариата, приветствует Вас, доблестные борцы за дело пролетариата, за полнейшее освобождение от гнета капиталистов и гвердо уверен, что Вы стойко защитите час от гнусного покушения империалистов на нашу свободу и что каждая капля пролитой драгоценной крови Вашей, каждый стон страдающего за свет борца не пропадет бесследно для счастья пролетариата. Товарища блестящих штыков, на которых Вы несете конец рабству всего мира, Ваш

успех уже отразился на западном пролетариате, начавшем устраивать забастовки и стачки, требуя от своих буржуазных правительств невмешательства в дела России. Отразился он и на мусульманском пролетариате Востока, который стал варажаться большевизмом и начинает выступать за свое освобождение от ига кровавой своры империалистов. Съезд самым категорическим образом протестует против разгона Венгерской Советской Республики сворой капиталистических шакалов и их низких приспешников-соглашателей и уверен, что эта гнусность только усилит нашу мощь, даст больше твердости нашему движению и скорейшее уничтожение кровопийц всего мира. Да здравствует Красная Армия! Да здравствует III-й Интернационал! Да здравствует наш вождь, товарищ Ленин! Председатель Алесковский, товарищ председателя Атабаев, секретарь Пономарев. Нач. штаба Закаспийского фронта Попов».

Воды в Мургабе было, как говорится, воробью по колено. В иное время года в реке никто не решался купаться, а сейчас ее можно было перейти вброд. Река лениво несла воды мимо городского парка.

Кайгысыз только что вернулся из поездки в Иолотань. Красноармейцы Бухаренко конвоировали обоз. Атабаев шел медленно, он очень устал, ноги сами завернули в парк, в чайхану, где он, Мухамедкули и Иомудский не раз мечтали о будущем. У Кайгысыза ваныло на душе. Как далеки они были тогда в своих планах от того, что теперь с собою несла жизнь. Люди получили свободу и власть, но мало кто знал как ею распорядиться должным образом и сделать так, чтобы новая власть процветала, строила для всех счастливую жизнь.

На открытой веранде за одним из столиков сидели работники политотдела Аннакули Клыч Мамедов, Худайкули Ханов, Тахта Ходжаев. Они пили чай. Худайкули придвинул к столу еще один стул, пригласил Кайгысыза присесть с ними. Он тяжело опустился на стул.

— О жизни разговор ведете? Говядина гриннадцать рублей стоит, я слышал, как кто-то из вас сказал. Ну, а баранина и пятнадцать за фунт!

— А разве не дорого, когда зарплата триста рублей? — спросил Ходжаев.

— У красноармейца, а у комроты — триста шестьдесят, а у комполка — триста девяносто.

— У комбрига — четыреста пять, — вставил Ходжаев.

— Точно! Вот и надо смотреть на эту справедливую разницу. Сейчас пятнадцать за фунт, завтра будет пять, а потом и рубль. Только надо всем как положено грудиться. А то вот вы, Худайкули и Аннакули, как прибыли в аул, сразу в белую кибитку к Язкули-баю. А? Хотя бы председателя аулсовета шорника Чары прихватили. Вы чаек крепкий пошли пить, а народ думает совет держать. Как это получается? И потом, кого из вас угораздило там свадьбу чолука по-мусульмански запретить?

— Со старым, я так полагаю, надо кончать, Кайгысыз, — заметил, встав на защиту своих товарищей, Ходжаев.

— Надо, только с умом. Знать с какого конца подходить. Как к лошади, а то лягнет. Приказ по штабу фронта номер сто двадцать пять не знаете? Напомню! Ввиду наступления мусульманского праздника курбан-байрам седьмого сентября приказываю всем красноармейцам и рабочим мусульманам выдать по восьмушке чая, три фунта риса, три фунта кишмишу, три фунта мяса, табаку и по сто рублей каждому, — Кайгысыз сделал ударение на последнем слове. — Это что? Головы вы садовые?

Присутствующие сочли это за обиду. Вскоре встали и ушли. Кайгысыз в одиночестве погрузился в свои нелегкие думы, от которых и ночью трудно было отвязаться.

Утром, не выспавшись как следует, Атабаев направился в политотдел.

— Константин Сергеевич, танцуйте, вам письмо. Личное от товарища Паскуцкого, — не без кокетства сказала Мария Павловна, как только Кайгысыз вошел в приемную.

— Спасибо, я очень рад письму! Николай Антонович еще находит время сочинять письма. Он очень хороший человек!

— А вы, Константин Сергеевич? — еще откровеннее кокетничая, с улыбкой спросила Мария Павловна. —

Видела я вчера вашу Таню. Бедняжка! — не совсем искренне вздохнула женщина.

— Она? Почему?

— Не она, а вы. Не быть вам долго с ней. Глаз у меня такой. Не сердитесь, — Мария Павловна теперь говорила серьезно. — Не снейайтесь на меня. Пожалейте. Я скоро уезжаю.

— В Полторацк, с политотделом?

— Нет, в Ташкент, — радость и грусть звучали одновременно в этой короткой фразе.

— Как? — вопрос вырвался прежде, чем сработала мысль, и Мария Павловна это уловила, опустила глаза.

Кайгысыз знал, что тяжело раненного Соколова, бывшего командующего фронтом, отвезли на лечение в Ташкент, и теперь она ехала за ним, совершенно не надеясь, найдет ли там взаимное чувство. Глубина и тонкость чувства этой молодой женщины порадовали Атабаева, но к этой радости почему-то примешалась горечь. Неловко попросившись, Кайгысыз пошел в Управление тылом, и без стука переступил порог начальника Ивана Бухаренко. Насупив брови, Атабаев недовольно произнес:

— Ваня, так дело не пойдет! Я понимаю, что без вас нам не удержаться, снова в Ташкент ехать. Но если мы власть, которую армия защищает, почему для тебя постановления исполкома не закон? Алесковский там не один командует. Решение принято и давай подчиняться!

Бухаренко было поднялся из-за стола, как глыба, с приподнятыми вверх плечами, готовый в прямом смысле слова к драке, но тут же обмяк, сел, сложил руки крест-накрест на груди, а Атабаев продолжал:

— Не мы на тебя, а ты на нас, в случае чего, должен жаловаться. Думай на чем мы стоять должны.

— Ладно! Ты не кипятись, Костя. Из-за этого с тобой дружбу рушить не желаю. Понял? Только Алесковский твой, гоже порядочный фрукт, помнить должен, что нечего принцип гнуть. Амбиционный он чересчур.

— А если хочешь знать почему так решаем, приезжай на исполком. Свое слово скажешь, всегда учтем.

— Изволь. Только вы не забывайте какие и у меня полномочия. Стоп! Как дрова перевезу, Константин, слово даю, весь транспорт возвратим в аулы.

— И компенсацию заплатите, всем до копейки! Ладно коллегия Наркомпрода, люди не местные, не понимают. Им бы только хлеб заполучить, а сам, как говорят, хоть грава не расти.

— Ну, все, Костя! Убедил. Ты не сердись. Дел столько. Спать некогда. Зашел бы ко мне домой. Посидим, потолкуем.

— Спасибо, я пойду, — Кайгысыз дружелюбно махнул рукой и вышел.

Теперь ему надо было спешить на занятие трехмесячных курсов учителей, которые были открыты сразу после освобождения Мерва советскими войсками. Сто курсантов — будущие учителя аульных школ и просветители в сельской местности — слушали лекции Атабаева, Атаниязова, Оразгельды Ходжадурдыева. Атаниязов, который вот уже два месяца как возглавлял отдел народного образования, выбивался из сил. Опытных преподавателей не хватало. Коллежниченко, обе Сахаровы и еще один бывший офицер с педагогическим образованием читали лекции на русском языке. Учебных пособий на туркменском вовсе не было.

Лучшим учеником на курсах был знакомый Кайгысызу Берды Кербабоев, тот самый, который в мае, под именем своего дедушки, Берды Овез оглы, был одним из членов делегации Кизыл-хана, присланной им в Реввоенсовет фронта.

Уже вечером, когда друзья возвращались домой, Кайгысыз сказал Атаниязову:

— Послушай, Ата, я завтра на исполкоме думаю на пост заведомо народного образования Оразгельды выдвинуть: он смысленный, справится. А тебе надо более важное дело поручить. Возглавишь отдел сельского хозяйства.

— Но там же работает...

— Неважно, и ему дело найдется. Ты все же курсы кончал.

— Садоводства. Мне учительство ближе.

— Ата, за книги сядешь. Плотику надо срочно ремонтировать, каналы и арыки чистить. Семена получим, народ подыдем. На будущий год надо, чтобы у всех вдосталь было хлеба.

— Ну дай хоть подумать, Кайгысыз! — Атаниязов только было сдвинул с места воз отдела образования,

а тут новая работа, да еще такая сложная, в сто раз тяжелее.

Кайгысыз остановился, пристально поглядел на Атанязова. Все, кто близко знал Атабаева, особенно последние месяцы, хорошо понимали смысл этого взгляда.

— Ну, ладно, и девять хватит...

Атанязов вспомнил один рассказ про Эфенди¹. Тот как-то во сне увидел, что ему дают девять таньга и тут же попросил: «Дайте десять». Ему давали только девять, и тогда он начал спорить да так, что даже проснулся. Открыв глаза, Эфенди увидел, что в ладони у него ничего нет. Он тут же поспешил натянуть на себя одеяло, высунул из-под него руку и сказал: «Ладно, и девять хватит».

— Я уверен, Ата, что лучше тебя никто не сделает. Пригласи Торе-ахуна, Оразмухаммеда Аманова, Нобат Каушут-хана. Они помогут. Да и когда речь о плотине пойдет, весь народ помогать станет. И еще, Ата, вы готовите список слушателей, чтобы направить на педагогические курсы в Полторацк. Прошу тебя, первым поставь Берды Кербабаева.

— Но мы на него рассчитываем здесь. Кончит курсы, в Теджене наробраз возглавит.

— Бедный жаден всегда. Это тебе, Ата, лучше меня известно. И потом не забывай, большому кораблю — большое плавание. До встречи, Ата. Передай привет Халлы. Я так часто вспоминаю Сапар-ага.

Отделение красноармейцев цепью, с винтовками наперевес приближалось к группе кибиток. Оттуда раздались выстрелы. Один товарищ был ранен. Атабаев шел в цепью вместе с комиссаром Телешем, совсем недавно еще старшим адъютантом главнокомандующего, а теперь отвечающим по линии штаба за работу с местным населением. Телеш приехал в Мерв вместе с Паскуцким, на встречу пополнения, прибывшего под командованием Коновалова с Актюбинского фронта, и решил побывать в аулах. Исполком направил с ним Атабаева.

Они вышли из-за кибитки. Вдруг Телеш крикнул:

— Стой! Назад! — они оба услышали щелчок зат-

¹ Ходжа-Насреддин.

вора, еще до того, как увидела, что красноармеец оттолкнул от себя дехканина и вскинул винтовку. — Отставить!

Красноармеец опустил винтовку, поднял валявшийся у него под ногами лист с типографским текстом, протянул его Телешу.

— Вот, контра, меня агитировать вздумал!

Комиссар быстро взглянул на листовку и передал ее Атабаеву.

— Бэрик гелы! — как можно приветливее произнес Телеш, сам сделал два шага в сторону горевшего у кибитки костра, присел на корточки, улыбнулся. — Ягдай ничик?!

Атабаев тем временем прочел:

«Славные туркмены! От наших уральских казаков, волею судьбы заброшенных много лет тому назад к Вам на далекую Амударью, недавно узнавших о той смелой борьбе, которую Вы начали и ведете с кровопийцами комиссарами.

Мы призываем как можно скорее свергнуть, уничтожить ненавистное иго народных комиссаров.

В добрый час, Степные орлы!

Мы, казаки и лучшая часть русского народа, крепко храним память о тех славных днях в жизни нашего народного героя, сибирского генерала Л. Г. Корнилова, когда он, связав свою судьбу с отрядами текинцев, смело пошел из Быховской тюрьмы навстречу врагу, народным комиссарам...»

Далее Атабаев не стал читать. Он только поглядел на подписи: «Командир Уральского отделения армии и Войсковой атаман Уральского казачьего войска, генерал-майор Толстов, член правительства А. Михеев».

Телеш поднялся, отошел к бойцу, Атабаев вернул листовку комиссару, заговорил с дехканином.

— Тебя Федором зовут?

— Да, товарищ комиссар.

— Так вот, Федор, пойми, сейчас ты одного убил бы и сразу, по меньшей мере, пятерых сделал бы нашими врагами.

— А чего он меня агитировать взялся?

1 Иди сюда! Как здоровье? (туркм.).

— Погоди, давай разберемся. Что скажешь, товарищ Атабаев?

— Дехканин говорит, что добровольно хотел отдать винтовку представителю новой власти. Я ему верю. Он отдавал листовку как доказательство того, что это единственное, что его связывало с белыми. Он добровольно отдает листовку. Ты пойми, товарищ красноармеец, его чистоту, наивность даже, если хочешь. И знай, он тебе больше друг, чем враг.

Телеш вернулся к костру, протянул листовку дехканину, которому было, наверное, лет за сорок.

— Ата¹, сам брось в огонь, — и комиссар показал рукой на костер. — Брось, брось сам.

Когда смысл предложения дошел до сознания дехканина, он радостно заулыбался, закивал головой и со словами: «Ягши адам» и «Орэн ягши»² бросил листовку в огонь.

Остальные красноармейцы возвратились, не обнаружив того, кто стрелял, и все вместе направились к кибитке председателя аулсовета.

— Так что, Федор, запомни этот случай и остальным расскажи, — говорил комиссар, когда за их спинами послышались крики.

— Выходит, они как дети?

— Не скажи. Видишь, бегут за нами. Уверен, несут хлеб, да соль, то бишь чай. Угощение несут. Так что, за минуту ты сделал сразу шестерых, а то и больше друзьями Советской власти. А хлопнул был... Думать надо, Федор, как здесь Советскую власть строить. Дурное в пример не брать. Больше своим сердцем кумекать.

— Новую жизнь на штыках не построишь, товарищ красноармеец, — добавил Кайгысыз и остановился в ожидании бежавших людей.

— Идеи наши, товарищи, — комиссар обращался ко всем присутствующим, — самые подходящие для народа. Только вот оттого, как мы с вами будем нести эти идеи в народ, зависит вся наша дальнейшая жизнь и судьба мировой революции.

Подбежавшие дехкане стали приглашать комиссара и его бойцов возвратиться и принять угощение. Телеш,

¹ Отец.

² Хороший человек. Очень хорошо. (туркм.).

через Атабаева, вежливо отказался. Он сказал, что им надо срочно ехать дальше, но когда прибудет следующий отряд, тех пусть и угостят.

У кибитки председателя аулсовета шел громкий разговор. Яшули, одетый в старенький, весь в заплатах халат, что-то возбужденно втолковывал остальным.

— Царь был один, один раз ел, — много ел, но один раз. Советы три раза едят. Не годится это, — перевел Атабаев.

— Константин Сергеевич, ты умеешь лучше меня. Объясни, что это ненадолго. Очень нужно, чтобы врага одолеть. Ведь яшули еще не один год будет жить. Скоро придет время, когда мы втроене отплатим. То есть Советская власть даст все, что им надо, и вместо кибиток кирпичные дома построят. Все будет — мануфактура, нитки, керосин, лопаты, плуги, все, что надо для жизни. Ну, ты лучше меня пояснишь.

Паскуцкий радостно и возбужденно жестикулировал. Это было непохоже на сдержанного Николая Антоновича. Он, вместе с Атабаевым направлялся из исполкома по Кавказской, ныне уже Советской улице, в сторону вокзала, где в здании бывшего железнодорожного училища размещалось Управление тыла фронта.

— Так что, это очень поможет фронту. Спасибо!

— Есть еще одно важное дело, Николай Антонович. Тут недавно был случай. Яшули в ауле сказал, что царь один раз ел, а Советы три раза едят.

— Объясни, Константин Сергеевич, не понимаю.

— Мы в аул приезжаем — берем, Управление тылом — берет и еще краевая коллегия Наркомпрода. Я помню, как сопротивлялись некоторые товарищи, а мы все же толковый материал собрали, центр только молчит долго по поводу отмены у нас монополии на хлеб.

— Согласится. Не сегодня-завтра получите приказ РВС об отмене продразверстки. Но одновременно следует строго запретить частным лицам всякую спекуляцию. Ответственность ложится на исполком.

— Опоздали мы! Надо бы параграф в этот приказ об отзыве коллегии Наркомпрода обратно в Ташкент. С Управлением тыла мы тесно работаем, а коллегия здесь лишняя.

— Почему?

— Насколько мне известно, крайком партии был против, он наперед видел последствия, а в Наркомпроде люди приезжие, местные условия не знают. Вот коллегия прибыла в Мерв, взяла да и объявила себя единственной заготовительницей хлеба в уезде.

— Начинаю понимать, — верхняя губа Паскуцкого нервно задергалась.

— А кроме пяти уполномоченных, другого аппарата у них нет. Они, имея деньги, начали действовать через частных агентов. Мы с ними боремся, в тюрьму сажаем, а коллегия потворствует.

— Какие результаты, конкретно, Константин Сергеевич?

— Результаты — одни слезы. К моменту, как коллегия развернула свою деятельность, мы и Управление тыла уже закупили для уезда, Ташкента и армии значительное количество хлеба. Во всяком случае, у бедняков было куплено все. Коллегия стала закупать, в основном, у баев и не по сорок, как мы, а по пятьдесят за пуд, да отоваривала эти деньги мануфактурой и продуктами питания. Бедняки остались в накладе. Кто же сообразит? Баи тут и попрдержали продажу. Подвоз на рынки хлеба прекратился. Цены взлетели до потолка. Я послал телеграмму в Ташкент. Теперь хлеб берем с оружием в руках и в нас, конечно, стреляют.

— Не дело! Вот мы и пришли. Но заходи, Константин Сергеевич, надо продолжить разговор.

В кабинете Бухаренко, кроме самого Ивана Васильевича, находился военный, по выправке, видно, бывший офицер. Паскуцкий, как вошел, тут же представил Атабаева.

— Вот, Дмитрий Ефимович, зампредуездгоркома Атабаев — наш кормилец. А это, Константин Сергеевич, товарищ Коновалов, боевой командир, с которым мы теперь белых в два счета сбросим в Каспийское море.

Коновалов учтиво пожал руку Атабаеву, после, положив на стол телеграмму, которую читал, сказал:

— Рад знакомству, — и обратился к Паскуцкому. — А не думаете ли вы, Николай Антонович, что самовольничаете?!

— А! — Паскуцкий понял, что речь идет о телеграмме-приказе РВС, отменяющем продразверстку. — Местные условия обязывают. Нам надо, чтобы в тылу,

фронта было спокойно. Приедем в Полторацк, познакомитесь с делами, а затем на практике сами увидите, что в Закаспии все не так.

Коновалов вспомнил наказ Фрунзе и то, как Михаил Васильевич, готовясь к поездке в Туркестан, изучал Коран.

— Население почти год находилось под белыми, само поголовно неграмотно, русского языка не знает. А агитация против нас крепка, — пояснил Бухаренко, желая поддержать Паскуцкого, который в эту минуту вспомнил строки из недавней записки заведующего политотделом Малькова Реввоенсовету фронта: «К величайшему сожалению Центр, будучи не знакомым с положением дел в Закаспии, не имея представления о настроении туркменских масс, сразу же принял совершенно неправильный курс политики, объявив хлебную монополию и воспротивившись частной торговле. Эта мера, в условиях Закаспия, является результатом или глубокого непонимания Центром экономического положения республики, или же просто желанием выкачать у местного населения хлеб за деньги, не дав ему взамен ничего из продуктов потребления».

— Духовенство и баи окончательно поняли, что новая власть создается не для них. Однако они обладают знаниями, деньгами и влиянием на массы. Не учитывать этого нельзя, — пояснил Николай Антонович. — А у нас просто не хватает людей, которые могли бы должным образом заняться строительством новой жизни на освобожденной территории.

— Знаете, во время агитации за создание Советов в аулах, когда агитаторы излагали уставные и программные требования Коммунистической партии, немало туркмен плакало. — Атабаев старался говорить как можно убедительнее. — Они были очень благодарны Советской власти за то, что она дала им покой от белых и англичан. Туркмены сами издавна занимались аламанством, грабежом, но такого, что устраивали отступавшие белые, туркмены отродясь не видали. «Мы никогда не забудем, — говорили дехкане, — помощи, оказанной нам советскими войсками, когда мы умирали от голоду». Это весной, до урожая. Теперь, к сожалению, положение изменилось. Приказы приходят, и приезжают люди, которые не хотят считаться с нашими условиями

жизни. И получается, чуть что, целые аулы уходят в пески, или угоняют всех верблюдов, или прячут хлеб, или не сеют, что надо.

— Ты вот что скажи нам, Константин Сергеевич, конкретно и ясно, — Николай Антонович подошел к Атабаеву, положил руку на плечо. — Впереди еще несколько месяцев войны. Думаю, не менее двух, но и не более четырех. Положение чрезвычайно трудное. Ждать эффективной помощи ранее чем через полгода не пригодится. Я понимаю, Дмитрий Ефимович, пополнение людьми уже идет и организационно мы фронт перестроим. Однако прибывающие соединения надо кормить. А чем? Перевозить. А на чем? У нас нет ста литров бензина, чтобы организовать один-единственный, позарез нужный, вылет аэроплана-разведчика. Так что, Константин Сергеевич, хочу знать, как ты мыслишь о положении дел и какие можешь сделать конкретные предложения.

Атабаев поглядел на Бухаренко, но тот молчал, хотя на лице читались уверенность и желание, чтобы Атабаев сказал все, что думает.

— Злостью дня сейчас является продовольственный вопрос, вопрос снабжения населения. Я имею в виду аульное население, которое необходимо обеспечивать и промышленными товарами. Агитаторы наши без этого бессильны разъяснить огромным массам народа, забитого царизмом, совершенно бесправного, преимущества Советской власти. Народ живет на уровне родо-племенных отношений. Словом, я хочу сказать, понятие коммунизм связано у них с простой формулой: даем — хорошо, берем — плохо. А мы только берем и не всегда говорим спасибо. Хлеб, мясо, топливо — дрова и транспорт — верблюдов, все это мы можем получить только у населения. На сегодня же положение такое, что мы вынуждены брать это у него с оружием в руках. Мы сами ставим население в ряды врагов Советской власти. Они могут прекратить всякую помощь, а то и взбунтоваться.

— Звучит это убедительно, но ведь мириться с этим нельзя, — заметил Коновалов.

— Надеемся на вас, товарищ Коновалов. Скорее с белыми кончайте. Из армии многие вернутся в аулы. На них рассчитываем, — заключил Атабаев.

— Ну и дела гут у вас! — Коновалов с искренним интересом слушал Атабаева, который нравился ему четким и смелым изложением мысли и тем, что был коммунистом из местных.

— Да, такое и во сне не приснится, Дмитрий Ефимович. Продолжай, пожалуйста, Константин. Предложения давай.

— Надо разъяснить Ташкенту, в первую голову, что мероприятия, которые вполне подходят для городов, неприемлемы в аулах, — Коновалов, который проездом останавливался в Ташкенте всего на сутки, уехал отсюда с ощущением того, что побывал в кратере вулкана, и он подумал: «А там грандиозно спорят: следует или нет опираться на местное население. Вот послушали бы хоть минуту такого Атабаева». — Это раз. Выбить как можно больше промышленных товаров нам сюда, в Мерв, и мы обеспечим питание фронту хоть на полгода. Это два. Продразверстку отменили, значит, мы допустим мелкую продажу хлеба на рынках и полностью закроем покупку крупных партий хлебных злаков и скота в целях спекуляции. Вплоть до расстрела! РВС приказом должен запретить вывоз хлеба и скота за границу и границу закрыть, установить там строгий надзор. Это три. Четыре. Наладить обмен хлеба и скота, через исполком, с Персией и Афганистаном и снабжать промтоварами население аулов. Оно гут же увеличит передачу нам зерна. И, наконец, последнее, но самое срочное, Николай Антонович, и необходимое. Ликвидировать все имеющиеся в Мерве закупочные аппараты, как местные, так и центральные, и создать единый закупочный центр во главе с товарищем Бухаренко. Этот центр должен, в первую очередь, удовлетворять нужды фронта, потом местного населения и только затем — голодающие области республики. Разъяснить Ташкенту, что фронт важнее! Если мы проиграем войну, вообще хлеба не будет.

— Вот такие дела, товарищ Коновалов, — сказал Паскуцкий.

Коновалов крепко пожал руку Атабаеву.

— Вы где получили образование?

— В учительской семинарии в Ташкенте и в школе

жизни при царе, товарищ Коновалов. Много лет я дружил с социал-демократами, много читал.

— Похвально! Мне очень приятно с вами познакомиться. Молодец вы, Константин Сергеевич.

— Но я еще не все сказал, Николай Антонович. У нас растет бюрократизм. Бесконечно создаются какие-то новые организации, как инфлуэнца распространяется. В них мы набираем черт знает кого. В советские учреждения идут скрытые и открытые наши враги. Туркмены не знают русского языка и новые законы им неведомы. Они попадают под влияние антисоветского элемента. Достойные люди на фронте, а здесь уже в бумагах начинаем тонуть. Пьяный разгул допускаем. Бывшие конторщики, писари, приказчики, царские чиновники, даже бывшие хозяева командовать начинают. Мы сами на себя ярмо надеваем. Из-за бумаг дело медленно движется. Так я говорю, Иван Васильевич?

— Так-то оно так, только зачем ты на себя ваго вариваешь?

— Умный винит себя, глупый — врага. Так туркмены говорят, ты это знаешь. Так что, Николай Антонович, конкретное предложение: запретить приказом РВС до окончания войны создавать какие-либо новые организации.

— Спасибо тебе, Константин Сергеевич! Над всем этим мы подумаем. Все это правильно!

— Я — коммунист, товарищ Коновалов, и другим быть не могу. Извините, если что не так сказал. Николай Антонович, я пойду, уже поздно. Жена с дочуркой из Ташкента приехали, так я их совсем не вижу. Да, Николай Антонович, я все хочу вам сказать. Вчера были люди из Теджена. Они продолжают искать могилу вашей матери. Говорят, обязательно найдут. Быть не может, чтобы не нашли. Мы сразу вам сообщим.

Как только за Кайгысызом затворилась дверь, Коновалов вернулся к столу, у которого прежде стоял, раскрыл лежавшую с краю картонную папку с красивым типографским тиснением «Дело №» и каллиграфически выведенной фамилией «Коновалов Д. Е.». Извлек копию радиogramмы и протянул ее Паскуцкому.

«МОСКВА ВЦИК РЕВВОЕНСОВЕТ ОРЕН-
БУРГ ШТАБАМ тчк СЕМИРЕЧЬЕ НАКАНУНЕ
ПАДЕНИЯ тчк СТОРОНЫ СЕРГИОПОЛЯ

ЭНЕРГИЧНО НАСТУПАЮТ 12 ТЫСЯЧ КОЛ-
ЧАКОВЦЕВ тчк СЕЛЕНИЕ ЧЕРКАССКО-АН-
ТОНОВСКОЕ И ДРУГИЕ ОКРЕСТНЫЕ ЛЕП-
СИНСКОГО УЕЗДА 12 ДНЕЙ УЖЕ ОТБИВА-
ЮТСЯ ПОДАТЬ ИМ ПОМОЩЬ НЕКЕМ И
НЕЧЕМ тчк ЕСТЬ ОРУЖИЕ НЕТ ПАТРОНОВ
тчк СОБИРАЕМ СТРЕЛЯНЫЕ ГИЛЬЗЫ ПУЛИ
ПОЛЯХ СРАЖЕНИЯ тчк СПАСЕНИЕ ТУР-
КЕСТАНА ЗАВИСИТ ВСЕЦЕЛО НАШЕГО СКО-
РЕЙШЕГО ЭНЕРГИЧНОГО ПРОРЫВА ОРЕН-
БУРГСКОГО ФРОНТА тчк ПРОЛЕТАРИАТ
ТУРКЕСТАНА ГОТОВ ОТДАТЬ КРОВЬ И
ЖИЗНЬ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ, НО БОРЬБА
ГОЛЫМИ РУКАМИ БЕЗНАДЕЖНА тчк ПРИ-
НИМАЙТЕ САМЫЕ СРОЧНЫЕ РЕШИТЕЛЬ-
НЫЕ МЕРЫ тчк ВАШИ РЕШЕНИЯ НЕМЕД-
ЛЕННО СООБЩИТЕ НАМ тчк ПРИ ПЕРВОЙ
ВОЗМОЖНОСТИ ПРИШЛИТЕ БЕЗДЫМНОГО
ПОРОХА ДЛЯ СНАРЯЖЕНИЯ 3-Х ЛИНЕЙНЫХ
ПАТРОНОВ У НАС НЕТ СОВСЕМ ПОРОХУ
НИКАКОЙ МАРКИ тчк НЕТ МАТЕРИАЛОВ
СПЕЦИАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И СПЕ-
ЦИАЛИСТОВ тчк ПРЕДРЕВВОЕНСОВЕТА
СЕЛИКОВ ГЛАВКОМ БЕЛОВ НАЧШТАБА
БЛАГОВЕЩЕНСКИЙ».

Николай Антонович покачал головой, развел руками,
но сказал:

— И все-таки мы выстоим!

В безбрежных песках Каракумов — может такое во-
дится и в других местах, — если взглянуть на них с
высоты, — можно наблюдать загадочную картину. Люди
в одиночку, парами, группами движутся в разные сто-
роны пешком, на ослах, лошадях и верблюдах. Но стоит
встретиться на пересечении путей, особенно вдали от
жилья, даже если они прежде никогда не встречались,
люди обязательно останавливаются, традиционно при-
ветствуют друг друга, сходят каждый со своего транс-
порта, присаживаются на корточки, начинают разговор.
В тех случаях, если предвидится, что путь будет длин-
ным, разводят костер, греют воду, пьют чай.

Поговорив, каждый, как правило, едет дальше своей
дорогой, порой, правда, может быть, более поспешно.

Пустыня живет — это действует «узыв гулак», беспроволочный телеграф или, буквально, «длинные уши».

Бек-Назар внимательнее других вслушивался в любое, долетавшее до его слуха слово. Белых, англичан и чеченцев прогнали до Кизыл-Арвата. Там они оставались, но и большевики назад уходить не собираются. Заборы и старые дома, верно, разбирают, чтобы топить свои паровозы, но в то же время сажают деревья, общаются и дают людям семена, сельскохозяйственные орудия. Власть сами не берут, а отдают ее тем из простых людей, кто хочет, кого другие, такие же простые выбирают. Он послал весточку в родной аул жене, но ответа не пришло. Вчера, однако, проезжий человек принес радостное известие, «Рванный инженер» из Теджена, который за главного у большевиков, вернул хозяевам всех чистокровных, известных в народе, племенных ахалтекинцев, которых забирали для армии.

Уже утром Бек-Назар был у калитки бая, который его приютит. Бай первым делом прищурил один глаз и сказал:

— Я в прошлый раз заметил и сейчас вижу, что твой конь, Бек-Назар, «шпатит». Погляди как он отрывает от земли правую заднюю ногу.

Сердце Бек-Назара рухнуло в пятки, он тут же поспешил заявить, что уезжает домой, и даже отказался от угощения.

Отъехав верст с десяток от колодца, где жил бай, Бек-Назар с тяжелым сердцем остановил своего любимца. Всю дорогу он ругал того негодника, который, — то было почти шесть лет назад, — у канавы, рядом с мостом, бросил злосчастное бревно у моста. «Шесть лет прошло. Сколько он скачек выиграл! А если «шпатит», то ни у кого в роду до него шпата не было. Откуда это бай увидел?» — размышлял Бек-Назар, ухватившись за бабку Бек-Назар-Дора. Она была крепкой, хорошо развитой, никаких следов от ладения на нее бревна, кроме еле заметного шрама, не имела. Наоборот, как и прежде, она радовала взор Бек-Назара своим безупречным наклоном по отношению к лясги.

И все же Бек-Назар в третий раз тщательно прощупал и осмотрел бабку, но не нашел ничего подозрительного. Проехав еще немного, Бек-Назар вновь сошел с коня, коротким поводком привязал его к голстой ветке

саксаула. Немного отошел, поглядел, решительно приблизился, приподнял правую заднюю ногу, на которую указал бай, подтянул ее вперед к животу. Бек-Назар-Дор покосился на хозяина, которому померещилась усмешка в глазах коня. Бек-Назар было устыдился, но взял себя в руки и еще сильнее подтянул ногу к животу коня и продолжил счет.

Когда губы Бек-Назара прошептали ики юз кырк¹, он быстро опустил ногу, одним движением руки развязал повод и повел коня вперед. Глаза его никогда прежде не глядели так зорко, но никакого подергивания ноги Бек-Назар не усмотрел.

Как только Бек-Назар сказал самому себе: «Болтун, он и хитрец, этот бай», конь сам, без какой-либо команды, остановился. Бек-Назар похлопал его по шее, сел в седло и поехал дальше.

Уже основательно припекало и следовало найти какую-либо гень, немного переждать и отдохнуть. Бек-Назар, меж тем заметив ехавшего навстречу всадника, остановился, подождал его, поприветствовал, коротко пересказал новости. Потом он обратился к нему с просьбой. Выслушав взволнованный рассказ, незнакомец не отказал в просьбе, разрешил Бек-Назару сесть в седло своего коня. Конь начал было капризничать, но, услышав окрик хозяина, и, главное, почувствовав, что за седок Бек-Назар, быстро успокоился. Бек-Назар же взял своего любимца в повод и повел по дороге рысью. Шагов через сто Бек-Назар резко развернулся в правую сторону, — в этом случае больная нога должна сразу резко «зашпатить», — и погнал рысью к незнакомцу, наблюдая за ногой Бек-Назар-Дора.

— Вы что-нибудь видите, дорогой?

— Ничего не замечаю. Абсолютно!

— И я. Наговор это. Спасибо вам, земляк.

Незнакомец поехал дальше, а Бек-Назар принялся гладить своего любимца, шептать слова извинения, извлек из сумы заветный кусок сахара, сунул его коню.

— Ты понимаешь, друг, бай, по всем расчетам, за твою работу мне остался должен. Так вот, чтобы не платить, он оболгал тебя. Безмозглый, как это я сразу

¹ Двести сорок.

не сообразил. Извини, друг, что мучил тебя. Поезжали скорее и отдохнем.

И опять Бек-Назару показалось, что конь смеется. В глазах его плясали какие-то огоньки, да и губы шевелились не как обычно. Наверняка скакун что-то хотел сказать хозяину.

— Кеша! — Кайгысыз окликнул человека, который шел впереди него по Гератской улице и готов был вот-вот свернуть за угол. Прежде Кайгысыз никогда не обращался так запросто к Викентию Павловичу Кемпчинскому, бухгалтеру Учетно-ссудного банка Персии, который служил у него в подчинении.

Кемпчинский резко остановился, увидел Атабаева, быстро направился к нему, с жаром потряс руку бывшему начальнику.

— Уезжаю в Полторацк!

— Можно сказать, прямо из тюремной камеры. Вот дела! А что произошло у вас, Викентий?

Атабаев был всего на три года старше Кемпчинского. В армию его призвали на родине, в Польше. Служил он писарем, потом счетоводом 2-го Туркестанского саперного батальона, стоявшего до войны в Мерве. За вольнодумные разговоры был арестован вместе с группой солдат, судился, несколько лет провел в ссылке. По освобождении, возвратился в Мерв, где его ждала невеста. Грамотный и разбитной, он устроился в банк на должность бухгалтера и примерно с год работал под началом Атабаева.

— Прежде всего, давай на ты, Константин. Мы ж давно не в банке. Получил я, значит, вызов в Полторацк и приказ сдать пункт Особого отдела Базарову, пареньку из Калуги. Он недавно сюда приехал. При передаче ему кассы обнаружилась небольшая недостача. Пся крив! Ты же знаешь, Константин, сколько в банке могло прилипнуть к моим рукам и просто! Я ж ни рубля не брал! Тебе известно. А теперь, когда наша власть и добро все наше. Кто-то из подчиненных. Столько дел! Да разве тут до кассы. А он на принцип. Арестовал, да обыск в доме учинил. Стыда набрался от соседей.

— Что он с ума спятил? Ну, спросил бы у нас. Мы бы дали гарантию.

— То-то и оно! В кассе недостача всего каких-нибудь

пара сотен, а он дом перевернул, протокол грозный составил об изъятии двух браунингов, одной шашки, трех гранат и двухсот патронов.

— Вот дела! Да ведь он знал, что тебя в Полторацк на повышение вызывают.

— Безусловно!

— Ничего не понимаю!

— Да, ну ладно, все позади. Скажи, кому приветы передавать? Может весточку какую напишешь? Тебе ведь тоже пора в Полторацк. Там дела поважнее.

— Ты слышал историю про Эфенди, когда он был маленький? Его однажды спросили: «Кто из вас старше — ты или твой брат?» Эфенди ответил: «В прошлом году мать сказала, что брат на год старше меня. Так что теперь мы ровесники». Но, я думаю, Викентий, сейчас самое важное здесь. Хлеб, мясо, дрова. Зима скоро. Да и фронт давно стоит. А нам все труднее работать. Дел у тебя, да и у Базарова вроде много, а контра силу набирает. И живет спокойно. Смотрите, чтобы в вашу одежду не рядилась. Все им как-то легко с рук сходит.

— Так-то оно так... Ладно, ты знаешь, где я живу. Завтра с вечерним еду. Семью оставляю здесь. Если что, не обойди вниманием.

— Всем приветы передавай. Николаю Антоновичу особый. Малькову, Гейвандову. Окунев облревкомом заворачивает, и ему привет.

— Хорошо! А насчет трудностей, да, их много, но им все равно не одолеть идеи! Ну, я пойду. Уверен, что скоро увидимся!

Все мервские коммунисты, состоящие на учете в парторганизации, и члены партии, находившиеся в Мерве временно, включая военных, собрались на общегородское собрание, чтобы послушать информацию Лысенко и Джафарова, которые принимали участие в работе VI-го краевого партсъезда в Ташкенте.

Лысенко в течение часа обстоятельно рассказывал о тех вопросах и проблемах, которые обсуждались на партсъезде и на VIII-м съезде Советов Туркестана, проходившем одновременно с середины сентября и до начала октября 1919 года. Свой доклад Андрей Лысенко закончил повторением того, что главной мыслью его

выступления на партсъезде был призыв положить конец имеющим место трениям на местах между политическими органами и исполнительной властью.

Кайгысыз не был в этом солидарен с Лысенко по двум причинам. Во-первых, потому, что все лучшие партийцы находились у руководства исполкомами, они сами активно проводили в жизнь решения центральных органов партии, а во-вторых, потому, что разгадал желание Лысенко быть первым, самому управлять другими.

После Лысенко слово предоставили Джафарову. Грамотный, толковый, в прошлом конторский служащий, он чисто говорил по-русски.

— Товарищи! Я, прежде всего, должен заявить, понимаете, что как только товарищ Петр Алексеевич Кобозев — вот такой человек, — говоривший с трибуны поднял кверху большой палец, — как только он открыл съезд, тут же заявил, что мусульманский пролетариат пробуждается, начинает понимать, усваивать сущность пролетарской революции. Товарищ Кобозев сказал, что мусульманский пролетариат вливается в ряды советских работников; среди делегатов съезда и в рядах партии число мусульман все увеличивается. Хочу напомнить, что на первом съезде делегатом был один мусульманин, а на этом — половина всех делегатов. Вы, товарищи, понимаете, какое это доказательство победы ленинской политики на Востоке! — Джафаров сделал паузу, рассчитывая на аплодисменты.

Они оказались довольно жидкими. Атабаев, Атанязов, Эфендиев, Ходжадурдыев и молодые коммунисты, вчерашние дехкане Аманеков, Кульбяшеров и другие повскакивали с мест. Аудитория поддержала их без особого энтузиазма.

— Потом сразу, понимаешь, пошли разногласия. Члены «активной группы», они так сами себя прозвали, или кто другой их так окрестил, я не знаю, только они, как в прошлом году «старые коммунисты», создали фракцию. Главные у них — Казаков, Успенский, Сорокин, Гриднев, Константинопольский из Самарканда. Навалились на товарища Кобозева, как будто он глухой упрямец, а не большевик, который точно исполняет линию ЦК партии. Понимаете, мне стыдно было, я хотел сразу сесть на поезд и уехать.

— Когда? Почему? — крикнули из зала. — Разъясни!

— Да когда мы все выходили после первого заседания, на котором Кобозев делал доклад. Успенский, а потом Сорокин, Казаков и Константинопольский стали смеяться над Кобозевым. Я зубы сжал.

— Да что там было? Чего тянешь? — гаркнул с места красноармеец.

— То и было, когда Кобозев сел в автомобиль, Успенский ему вслед сказал: «Глядите, вон девяносто пять процентов поехало». А на второй день Гержотт, делегат из города Перовска, вообще, понимаешь, демагогию развел. Предложил товарища Кобозева лишить мандата. Съезд послал это предложение подальше. Тогда члены «активной группы» и устроили фракцию. На заседание съезда они не пришли, а собрались отдельно и приняли, понимаешь, свою грозную резолюцию. Вроде бы партсъезд — это сборище мелкобуржуазных элементов. Они потребовали немедленно распустить крайком, переизбрать президиум съезда, огласить их резолюцию и, если ее не примет съезд, то его распустить, понимаешь, к чертовой матери.

— Вот те на! — крикнул кто-то сзади Атабаева, сидевшего в третьем ряду между Атанязовым и Бухаренко. Кайгысыз слышал, как за столом президиума Алесковский произнес: «Ну и свистульки-бирюльки!».

— Ну, ну, давай дальше! — подбодрили с места.

— А дальше эти «активные» начали подбивать рабочих и военный гарнизон, хотели VIII-й съезд Советов повернуть против нашего съезда, понимаешь. Власть у них — ТуркЦИК и Совнарком.

— Постой, постой, ты чего мелешь-то? Скажи, Лысенко, это правда, что он несет, аль нет? Ты чего молчал-то? — почти с последнего ряда выкрикнул Сватый, уполномоченный по заготовке дров в Управлении тылом штаба Закаспийского фронта. — Врет он!

— Товарищи! — председательствующий, начальник политотдела I-й бригады, зазвонил в колокольчик: в зале поднялся шум. — Товарищи, руководитель городской партийной организации товарищ Лысенко сделал обстоятельный, толковый доклад по существу вопросов съезда. Товарищ Джафаров раскрывает эти же вопросы, но и показывает ход съезда. Это нам очень инте-

ресно и важно знать. Я считаю, что товарищ Джафаров молодец. Продолжай свою речь.

— Значит так, понимаешь, все же им не удалось достичь того, чего они хотели. Правда, оба съезда переизбрали составы своих президиумов, но, в конце концов, понимаешь, антипартийная группировка была разоблачена. Съезд оказался на высоте! Конечно, строить Советскую власть в Туркестане очень трудно. Повсюду самое темное средневековье и патриархально-родовой уклад. Я, понимаю, хочу думать, что прежние руководители Туркестана по этой самой причине и не решались доверять мусульманским трудящимся и их коммунистам. Они просто говорили: «нельзя им доверять и в Красную Армию привлекать». Их критиковали, а они не хотели признавать своих ошибок, стояли на своем. Вот почему, я так думаю, понимаешь, создалось отдельное мусульманское крайбюро коммунистов. А как же иначе? И теперь товарищи Кобозев, Апин и другие, приехавшие из Москвы, и многие колесовцы и казаковцы признали, что именно краймусбюро провело огромную работу по агитации и разъяснению местному населению того, что есть на самом деле Советская власть. Народы Туркестана поняли, что Советская власть заключается не только в огульной «реквизиции» и «конфискации», а что она — их власть. Вот Мамедов, Лысенко, они здесь, пусть скажут, понимаешь, как весь съезд заплодировал, когда товарищ Казаков сообщил, что товарищ Сорокин, предсовнаркома, только что получил донесение о том, что дружины — я это точно знаю — буржуазно-националистической контрреволюции «Дашнакцутюн» в Коканде, Скобелеве, Андижане и других городах разоружены и ликвидированы. Крики «ура» продолжались несколько минут.

— Какие еще ошибки отмечали? — крикнул кто-то из рядов.

— Еще одна ошибка состояла в том, что многие неправильно поняли девиз «Вся власть на местах». Поняли так, что можно делать на местах все безнаказанно, вопреки указанию центра. И вот что еще очень важно. Товарищ Кобозев сказал: «До сих пор мы не можем утверждать, что конец борьбы близок». Он еще, товарищи, понимаете, сказал, — Джафаров заглянул в записи, стал читать, — что в центре строго выдержива-

ется партийная дисциплина. За пьянство членов партии крепко наказывают, как и за обман, а в Туркестане, к сожалению, от этого правила отошли. Если не будет у нас твердой партийной дисциплины, мы не сможем удержать власть в наших руках. Так и сказал! Привел пример, как дисциплинарное средство. Мобилизация двадцати пяти процентов членов партии на фронт. Из партии сразу побежали те, кто вошел в ее ряды ради выгоды.

В зале поднялся шум. Атабаев встал с места и поглядел в сторону совершенно конкретных лиц. Многие из них отвели глаза.

— У нас тоже надо бы так поступить! — выкрикнул он.

— Товарищ Атабаев, тебе слово не давали, — сказал начальник политотдела. — Товарищ Джафаров, говори!

— Вот что конкретно было сказано на Второй чрезвычайной краевой конференции коммунистов-мусульман, до съезда, русским, московским большевиком Апиным, притом от имени крайкома. — Джафаров стал искать и нашел нужную записку. — «Товарищи мусульмане! Ныне вы наравне со всеми рабочими мира являетесь полноправными гражданами. И во имя защиты ваших прав и интересов вы должны напрячь все свои силы. Путь революции тернист. На этом пути нам предстоит испытать много лишений и терпеть массу поражений. Но это не должно нас пугать!» И вот еще что хочу прочесть. Это слова Незаметдина Ходжаева, члена краймусбюро, который говорил от имени президиума восьмого Чрезвычайного краевого съезда Советов. «До настоящего времени мы в работах государства участия не принимали. Объясняется это тем, что царское правительство держало нас в загоне, вместо школ, правительство это насаждало кабаки. Если бы царизм не держал нас в темноте и невежестве, то мы не были бы такими бесправными. Но царизм знал свое дело, и мы были рабами. Группируйте же все силы под красные знамена коммунизма, который выведет из мрака к свету угнетенные классы мусульман».

— И говорят, товарищ Рыскулов в докладе по текущему моменту заявил, что, несмотря на категорические требования и полученные из Москвы распоряжения, в Туркестане проводится политика, которая не

совсем отвечает его интересам. Правда это или нет? — спросил с места Эфендиев.

— Зачем перебиваете оратора? — выкрикнул председательствующий.

— Ничего, товарищ председатель, я отвечу. Слух такой распускают те, кому выгодно, чтобы товарищ Рыскулов выглядел бунтарем. Он сказал, что нашей главной задачей является не «сидение в правительстве», а организация кишлачной бедноты. Власть не может опираться на неорганизованную массу! Лозунг момента — «С успехами на военных фронтах, решительная борьба на фронте экономического строительства». Словом, об этом говорил товарищ Лысенко, по первому вопросу и радиogramме ЦК, понимаете, была принята резолюция. — Джафаров взял очередной листок с грибуны. — Я вот какой момент хочу вам прочесть. «В целях привлечения мусульманских трудящихся масс и бедноты к советскому творчеству и строительству, вменяется строго в обязанности крайкома партии, краймусбюро и партийным организациям на местах принять все меры по организации мусульманского пролетариата в городах, трудового населения и дехканства в кишлаках и аулах в классовые организации по классовому признаку».

— У нас, честно говоря, это не представляло проблемы. Мы так здесь и выступали. Но там это явный перелом. Его результаты скажутся очень скоро, — проговорил вполголоса Кайгысыз сидевшему рядом Ивану Бухаренко.

— Что касается национального вопроса, одним словом, понимаешь, вторая краевая конференция мусульман-коммунистов, а затем IV съезд партии и VIII съезд Советов Туркестана выработали определенную политику, которая теперь полностью соответствует указаниям ЦК РКП(б).

— А если подробнее, товарищ Джафаров? — с места предложил председатель. — Что ты, одним словом? Разверни, понимаешь, проблему.

— Хорошо! Значит так, понимаешь, по национальному вопросу. С вопросом «Отношение партии к угнетенным народам» выступали товарищи Шварц и Рыскулов. Турар Рыскулов, значит, сказал, — Джафаров порылся в своих записях, в зале было слышно поскрипывание

стульев. — Вот! «Пусть не забывают те, которые всячески стараются напомнить сущность этих предлагаемых мер ЦК нашей партии и истолковывают их по-своему, что все, что творится у нас внутри Советского Туркестана, в особенности социальные реформы жизни мусульманства и осуществление диктатуры пролетариата беднейшего дехканства в аулах и кишлаках, — что все это относится ко всем соседним восточным странам, что весь мусульманский Восток следит, как прививается Советская власть среди мусульманского населения Туркестана и что с собою несет Советская власть этому угнетенному мусульманству. Пусть помнят эти товарищи, что никакие дипломатические связи с Востоком не помогут достижению нами мировых целей, если Советская власть, верная своим принципам, не будет осуществлять эти принципы на деле, на первом опыте социального переустройства жизни угнетенного мусульманства, как в Туркестане, так и в других своих частях с населением бывших иноверцев». Я тоже думаю, что в этом сказано самое главное.

— Что ты думаешь об этом, погоди! Давай рассказывай, что на съезде было! — прокричал с места завскладом железнодорожных пакгаузов.

— Товарищ, ты не прав, — председатель поднялся со своего места. — Докладчик дело говорит. Продолжай, товарищ Джафаров.

— От этого последнего заявления с места воняет тухлятиной, несет царским временем. Я думаю, давно прошли времена, когда такие, как вы, били нагайкой туземца, сажали его под арест за неснятые шапки.

— Позволь, товарищ Джафаров, — председатель опять поднялся со своего места, — теперь ты начинаешь грубить! Отклоняешься от темы. Тише, тише! И вы, в зале, почему расшумелись? Призываю к порядку!

— Так вот, — Джафаров покачал головой в такт словам. — «Советский Восток должен помочь международному пролетариату в его борьбе за осуществление великих задач мировой революции» — вот лозунг, который, понимаете, я привез сюда из Ташкента.

— Восток, да, Восток, мусульмане, да мусульмане, а где же русский пролетариат, его партия? — из президиума спросил Лысенко.

— И я говорю! — кто-то выкрикнул в места. — Развел здесь плов да кок-чай!

— А ты не шухарисы! В резолюции, понимаешь, по текущему моменту четко записали, что коммунисты, которые не подчиняются лозунгам Интернационала в политике партии на Востоке, должны исключаться из партии. Ясно? И многие будут исключены! Вот увидите! Это так!

Прения по докладам, однако, были не такими жаркими, как того ожидал Кайгысыз. Лучше других, голково и разумно разъяснив линию ЦК, выступил начальник политотдела 1-й бригады.

Уже на улице Кайгысыз догнал Джафарова, пожал ему руку и спросил:

— Верно, дорогой, про Кобозева ты не все сказал?

— Верно, Кайгысыз. Тебе скажу, понимаешь. Его, по распоряжению Гриднева, председателя Ташкентского исполкома, просто взяли да арестовали. Понимаешь?

— Представителя Ленина? — изумился Кайгысыз.

— То-то и оно! Он, как пришел в себя, стал протестовать. Неслыханное дело! Казаков ему тут и говорит: «Послушай, Кобозев, ты нам мешаешь. Взял бы и застрелился. А мы тебя похороним, как героя».

— Сказки! — не выдержал Кайгысыз.

— Какие сказки? — Джафаров даже обиделся. — Делегаты съезда говорили, понимаешь, а потом и материалы контрольно-следственной комиссии подтвердили. Комиссия постановила передать это дело новому крайкому для привлечения виновных к партийному суду. А ты — сказки!

— Ну, и чем кончилось?

— А тем, что Кобозев, я говорю, во, мужик! — сказал Казакову: «Нет, ты меня расстреляй, а мои товарищи будут тебя судить и мне, в конце концов, поставят памятник, а не тебе». Съезд взбаламутился. Сразу выступили Успенский и Гриднев. Оправдывались. Гриднев так тот брякнул даже, что снимает с себя ответственность за спокойствие в войсках. Во куда метнул! Придумал, что Красная Армия против Ленина и Центрального Комитета. Заявил, что и вооруженное восстание может вспыхнуть!

— А мы тут: бараны, верблюды, зерно, кишмиш.

— Кайгысыз, а куда без этого денешься. Не дай

это Успенскому, Гридневу пару дней, и они на трибуну не поднимутся. Кобозева выпустили, дело на Успенского, зампреда ТуркЦИКа, передали в ЧК, а Казакову стыдно стало. Извинился. Но главное, Кайгысыз, линия Ленина опираться на нас, мусульман, давать нам самим управлять властью — взяла верх. Понял? И никакой политики «постепеновщины» по вопросу о привлечении мусульманского пролетариата в советское строительство.

— Ну, Джафаров! А ведь лучшие из русских коммунистов, с кем я встречался, говорили, что так и будет. Спокойной тебе ночи, друг. Завтра кое-что сразу днем. Вот только, где возьмем нужных людей? Простой дехканин с ночи на день агрономом не станет. Ну, да ладно. Привет.

Однако в эту ночь Кайгысыз почти не сомкнул глаз.

Глава одввнадцатая

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ

Срочная телеграмма, подписанная Паскуцким, ждала Ивана Бухаренко на столе в его кабинете. Он поеживался — ранняя, внезапно наступившая осень, холодный утренний дождичек давали себя знать. Однако, ознакомившись с текстом депеши, Бухаренко крикнул, матюгнулся, ему даже показалось, что он, вроде бы, согрелся. Помятое от сна лицо разгладилось. Он сел в кресло, упер локти в стол, обхватил голову руками, — так он делал всегда, когда нужно было крепко подумать «Где, у какого лешего, достану я этих верблюдов? Восемьсот голов, да еще с селлами! А денег не дают. И зачем им столько сразу? Не есть же! Надо. Вот задача! — Бухаренко почесал затылок, — Неделя сроку, и ни дня больше. Влип! Здесь сам шайтан ничего не сможет. Но делать что-то надо, Иван. Ломай башку. Кто может выручить? Только дехкане. Опять к ним. Опять просить исполком. Алесковский все сердится. Жди от него. Айда напрямик к Атабаеву. Во!». — Бухаренко посмотрел в окно — управленческий фаэтон стоял на месте. Рядом с номерным знаком на задке коляски красовалась порядком уже потерянная табличка: «Лихач»,

От здания бывшего железнодорожного училища до «Гранд-отеля» было рукой подать, но Бухаренко уже почему-то твердо уверовал, что с Атабаевым, окажись он только на месте, они обязательно поедут дальше.

В кабинете зампредуездгоркома сидел активист исполкома Сапаржа Аманеков. Они о чем-то горячо спорили.

— Выручай, друг Костя! Вся надежда на тебя! — начал Бухаренко, тряся перед самым лицом Атабаева телеграммным бланком.

— Нет, ты погоди! Не умираешь? Нет. Вначале скажи, чтобы Сапаржа слышал. По городу плохие слухи ползут, — Кайгысыз поднялся из-за стола, и без того всегда кажущийся тяжеловатым взгляд его иссиня-черных глаз был колким. — Из-за чего шумиха в Ташкенте была?

— Пospорили друг с другом малость, — но Бухаренко тут же устыдился самого себя. — Черт возьми! Понимаешь, Сапарка, из Москвы, из Центрального Комитета пришла радиogramма. Она призывала активнее использовать товарищей коммунистов из мусульман. Так! А нашлись, которые считали и другим пытались доказывать, что только русский рабочий класс может быть единственной опорой Советской власти в Туркестане. Но вы же оба знаете, что это не так. Верно я говорю? Так ведь? — Атабаев молчал, и Бухаренко продолжал. — Они еще выступили против службы старых спецов в армии и в совучреждениях.

— А верно, что товарищ Казаков заявил: «Уйду со всех постов, если Кобозев не уедет из Туркестана. Он или я?».

— Было и это, Костя. Но все обошлось. Партийный съезд, и восьмой съезд Советов осудили это дело. Наша политика восторжествовала. Там все в порядке, Костя, а вот у нас с тобой прямо беда! Через неделю мне не сносить головы, и тебе больше не с кем будет по-дружески толковать.

— Ветка ломается там, где сгибается, товарищ Бухаренко, — словно стыдясь своих слов, произнес Аманеков.

— Чего еще скажешь? — спросил Бухаренко, посчитав, что парень, вместо благодарности за разъяснение, еще будет его учить.

— Когда верблюду нужна колючка, он вытягивает шею, — уже смелее произнес Аманекон. — И все в порядке.

— Ишь ты! — Бухаренко, наконец, протянул Кайгысызу телеграмму.

Брови Атабаева тут же сошлись над переносицей.

— Вах, вах! — вырвалось у Кайгысыза. — Вот как! Ну, что же — это хорошо!

Бухаренко уставился на Атабаева немигающим взглядом.

— Ты чего? — Иван обиделся.

— Но ведь сколько уже стоим? В лоб их позиции не взять.

— Ты так думаешь? — лицо Бухаренко расплылось в улыбке. — Светлая у тебя, Костя, голова! А я-то и не сообразил.

— Светлая или нет, это мы с тобой через неделю скажем, — серьезно произнес Кайгысыз и обратился к Аманекону. — Сапаржа, дуй напрямик на базар, — они оба сейчас должны быть там, — найди Атанязова и Коменкова. Пусть ждут нас у трибуны через полчаса. Мы приедем. Туркмен знает, что просить — позорно, но не делать — позор вдвойне, Ваня. Вот и все!

Сапарже не надо было дважды объяснять суть поручения, он тут же ушел. Атабаев покачал головой.

— Только вот всем сразу же станет ясно и скрывать нельзя, что верблюды-то нужны для наступления войск в обход Кызыл-Арвата. Зачем же еще? И противник об этом узнает.

Теперь до Бухаренко дошел смысл слов Атабаева.

— Да, ты только достань скотину! Я ее в одну ночь двумя эшелонами под самый Кызыл-Арват брошу. Вагоны найти — раз плюнуть.

— Ты хорошо говоришь, Иван. Будто собираешься из кармана рубль достать или воды из колодца. Денег у штаба нет и у исполкома нет, а восемьсот это не восемьдесят. Придется еще раз испытывать силу Советской власти. Надо только твердо заявить: «Берем взаимнообразно. По истечении надобности верблюды будут возвращены владельцам или за каждую голову — рыночная цена». Это единственное мое условие, Иван! Если согласен, я беру это на себя.

— Давай! Хош!

— Чего «давай», Иван? Дело серьезное! Ты не шути.

— Не до шуток, товарищ Атабаев. Слово даю!

— Ну, тогда поехали!

По дороге Бухаренко подумал: «Давно пора был братъ Кызыл-Арват, да не решались. Теперь пойдут. Силы с Коноваловым прибавилось. Небось, и приказ пришел. Надо брать, в лоб — людей положишь, а никакой веры, что победа придет. Вот, значит, почему неделя-то... И от меня это зависит. Ну, Костя, докажи друг ли ты мне!».

На базаре их уже ждали Атаниязов и Чурли Комеков, который месяц тому назад вступил в партию. Сапаржа был с ними, Атабаев обрисовал суть дела и разъяснил свой план действий. Атаниязов одобрительно закивал.

— Начинай, Сапаржа! — Атабаев положил парию руку на плечо. — Объявишь, а я за тобой.

Худошавая фигура Аманекова напряглась. Он поправил у пояса изношенный красный халат, посмотрел на свою «обувь»: к подошвам ног сыромятными ремешками были прикреплены куски кожи домашнего производства. Перевел взгляд на Бухаренко и полез на трибуну, сколоченную из простых досок. Она прежде служила для выступлений джарчи-глашатаев. Поднявшись на трибуну, Сапаржа поправил на голове изрядно потрепанную папаху и громко выкрикнул:

— Елдашлар! Фронтдан тэзе хабар бар! — Новые вести с фронта! — несколько раз повторил он громко эти слова, прежде чем раздались голоса: «Тише! Что там говорит глашатай?».

По мере того, как по одному, по двое дехкане собирались около трибуны, базарный гул стихал. Когда трибуну окружило плотное людское кольцо, на нее поднялся Атабаев. Высокий, стройный, он был одет в длинную кавалерийскую шинель, из-под которой виднелись тщательно начищенные красноармейские сапоги. Черную, блестящую на солнце, кожаную фуражку он не снял. Откашлявшись, Атабаев негромким, но внятным голосом начал:

— Елдашлар! Мир и счастье всем вашим домам!

1 Ладно, хорошо.

Хочу сказать, что войска Советов вместе с лучшими сыновьями нашего народа, под руководством старшего брата русского рабочего и русского дехканина успешно очищают туркменскую землю от белогвардейцев — слуг белого царя. Под давлением этих войск англичане ушли с нашей земли. Красная Армия, к которой принадлежу и я, не есть армия поработителей. Мы — армия освободителей! Изгнали англичан и теперь осталось недолго — покончим и с белогвардейцами. Они сейчас крепко, пока еще крепко сидят в Кизыл-Арвате... — Базар еще шумел, кое-кто переговаривался с соседями, слышались отдельные выкрики: «Тише!» — ...Многие из вас хорошо знают, что Эзиз-хан, у которого, в конце концов, открылись глаза, хотел отказаться от борьбы с нами, но за это был убит англичанами. Его боевой отряд возглавил Кизыл-хан, который сам добровольно пришел к нам. Я принимал участие в переговорах с ним. Овезбаев и Хаджи-Мурад, — какие им представлялись высокие посты — и те ушли от белых. И сейчас, я должен вам сказать, Овезбаев формирует в Бахардене красный кавалерийский отряд из туркмен. Белые и англичане им не доверяли, догадались, что эти два почтенных туркмена не пожелали идти против интересов своего народа и хотят, чтобы туркмены обрели мир и сытую, спокойную жизнь. Поэтому Овезбаев и Хаджи-Мурад перешли на сторону Советской власти. Махтумкули-хан и Нобат-хан, Каушут-хан оглы тоже с нами!

Теперь над базаром повисла тишина, лишь изредка было слышно блеяние овец да звон мегаллических частей конской упряжи. Солнце стало припекать, и Атабаев распахнул шинель.

— Сейчас нам нужно отправить на фронт восемьсот верблюдов с седлами! Обязательно! Необходимо! Чтобы освободить Кизыл-Арват и гнать врага дальше. Мы просим вас оказать фронту помощь. Успех зависит от вас. Составим списки. Верблюды вам будут возвращены, каждому владельцу, или он получит хорошие деньги.

По толпе прокатился гул одобрения. Но в дальнем углу Атабаеву вдруг показалось, что он видит под пышной туркменской панталой знакомые глаза полковника Нанбова. «Не может быть! Он, поди, сейчас в Кизыл-Арвате, если уже не подался в Персию». Атабаев жестом пригласил на трибуну Бухаренко.

— Вот командир тыла фронта. Его люди начнут составлять списки ровно через час во дворе товарной станции. Там вас будут ждать. Но, если вы не пожелаете сегодня дать верблюдов для фронта, помните — белогвардейцы и английские интервенты могут вернуться.

Атабаев умолк, слышались голоса: «Надо помочь! Надо даты!» Но не находилось того смельчака, который бы первым об этом заявил. Тогда на трибуну поднялся Атаннязов. Он говорил доходчиво, прекрасно зная психологию тех, к кому обращался, и закончил свое выступление словами:

— Я сейчас пойду домой и первым приведу своего верблюда на товарный двор!

Атаннязова сменил Чурли Комаков, который сказал, что отдаст не только своего верблюда, но и сходит в аул и попросит отца сделать то же самое. Из толпы проталкивался к трибуне седобородый старик. Раздались голоса: «На трибуну не надо». Яшули поднял руку:

— Я так думаю, что мы должны помочь фронту. Дадим каждый, кто может, по верблюду. Надо верить Советам. Я думаю, они вернут верблюдов или заплатят нам.

Раздались возгласы одобрения, и Атабаев тут же выбрал пять, показавшихся ему наиболее подходящими, человек постарше в комиссию, которой надлежало от лица населения следить за сдачей верблюдов людям Управления тыла. Атабаев знал, что каждый из этих пяти человек станет затем всю жизнь с гордостью рассказывать своим сыновьям и соседям о высоком доверии, которое ему было оказано народной властью.

Когда же во дворе товарной станции оказалось 813 верблюдов и Бухаренко хотел тринадцать из них завратить владельцам, ни один из хозяев не пожелал взять своего кормильца обратно.

Из Мерва в РВС Паскуцкому послали телеграмму: «Восемьсот верблюдов готовы. Дело заготовки топлива налаживается. Мервским исполкомом, Атабаевым, мобилизованы три тысячи верблюдов, которые уже подвозят дрова. Заключаем договора с извозчиками. Святий».

Было холодно и промозгло. Когда Кайгысыз погасил свет в кабинете, его часы показывали ровно двенадцать.

Он поежился и заторопился домой. Как же он удивился, когда почти у самой калитки к нему метнулась Таня.

— Костя, слава тебе господи, ты жив. Идем скорее! — она, ухватив его за рукав шинели, тянула за собой.

— Что случилось? Зоя? — Кайгысыз успокоился, улышав отрицательный ответ.

В доме Таня рассказала, что под вечер к ней заходила соседка, живущая через двор. Она сказала, что через дорогу, в доме № 19 скрываются двое белых. Бывшего поручика Трусовского, одного из папачей Павла Полторацкого, она узнала в лицо, а другого зовут Гаджи Мамед. Оба они кого-то выслеживают, хотят убить.

— Костя, это они за тобой следят. Ради бога, не выходи на улицу. Они тебя выслеживают! — Кайгысыз хорошо понимал состояние жены, поэтому не рассмехался.

— Есть стакан горячего чая? — спросил он.

— Да, Костенька. Раздевайся! Ты куда? Я переживаю и Зое от этого плохо. Прошу тебя!

— Дай глоток чая, Таня. Это дело откладывать нельзя, — Кайгысыз вынул из кобуры наган, положил на стол и, чтобы успокоить жену, нежно обнял ее.

В милицию он не пошел, а напрямик направился в Особый отдел. Все сотрудники еще находились на местах. Они были удивлены столь поздним появлением Атабаева, который, как им было известно, относился к категории тех ответственных советских работников, которые не очень жаловали их работу.

— Чем обязаны, товарищ Атабаев? — спросил начальник отдела.

Кайгысыз рассказал, что знал. Базаров, который до этого спокойно сидел за своим столом, вскочил на ноги.

— Как вы сказали зовут последнего?

— Гаджи Мамед, вроде...

— Ну, а ты, растяпа, ты где его искал? — обратился начальник к одному из своих подчиненных. — Живо! Зови Самсонова, отделение красноармейцев. Немедленно брать!

Красноармейцы окружили дом со двора, встали у окон и у двери, выходившей на террасу; ступеньки о

террасы вели в густой сад. Парадный вход был с улицы. Во дворе, рядом брехал хрипло, яростно пес. Там жгли огонь, а в доме № 19 было тихо. Начальник Особого отдела постучал в дверь, сильно и настойчиво. Не открывали долго. Когда за дверью послышался шорох, Кайгысыз опустил руку в карман шинели, где лежал наган.

— Кто там? — спросил хриплый голос.

— Откройте, хозяин, раненый человек.

В замке щелкнул ключ, начальник отдела быстро дернул на себя створку, распахнул ее и, схватив того, кто открыл дверь, за халат, вытащил его на крыльцо.

— Кто есть в доме? Особый отдел.

— Я, да моя жена, — осипшим от страха голосом ответил владелец небольшого обувного магазина, которого Кайгысыз хорошо знал. — Они ушли. Сегодня.

— Куда?

— Этого, помилуйте, я не знаю. Утром пришел незнакомый человек. Наверное, что-то сказал. Они немедленно собрались и съехали. Даже денег назад не взяли.

— Кто они? Фамилии? Чем занимались?

— Это мне неизвестно. Один стройный, в офицерской выправкой, шатен, а другой черный, настоящий туземец. Попросили комнату, с хорошей платой. Деньги вперед за две недели. Прожили всего-то четыре дня. Ушли.

— Ты понял? — Базаров обратился к тому, кого прежде назвал «растяпой». — Кто-то осведомил. Обыскать дом! А вы, гражданин хороший, собирайтесь с нами. Побудете у нас до выяснения.

Самсонов и «растяпа» вошли в коридор, где уже горел свет и, прижавшись к стене, стояла хозяйка.

— Ну, что же, я пойду, — сказал Атабаев. — Мой дом здесь рядом. Мы сделали, что могли.

Спустя три года, в Ташкенте, Кайгысыз узнает, что поручику Трусовскому удалось добраться до Кабула, где он, приняв мусульманскую веру, стал преподавателем в военном училище, и что этот самый Трусовский ватем оказал активную поддержку бывшему военному Осипову, который, в конце концов, бежал из Бухары в Афганистан.

...Черный автомобиль марки «форд» плавно катил

по улице, на которой жил Атабаев. Она была не очень пыльной. За рулем сидел Кайгысыз и, как мальчишка, где надо и не надо, с удовольствием нажимал на грушу клаксона. Бухаренко, по случаю срочной заготовки фуража, закрепил за Атабаевым легковой автомобиль с шофером красноармейцем Юргенсоном. Тот еще до войны возил мэра города Риги и, когда Атабаев спросил, с удовольствием принялся обучать его вождению машины. Завгар, хоть и дал согласие, но почему-то считал это пустой затеей и напрасной тратой бензина, но когда увидел, что Атабаев сел за руль и с первого раза поехал, согласился выделять бензин на обучение.

Сорванцы, выскакивавшие на шум мотора и звуки рожка, с восторгом узнавали в шофере своего соседа Атабаева.

Таня, увидев мужа за рулем, разволновалась.

— Костя, ты не думаешь о нас с Зочкой! Что с нами будет, если...

— Танечка, собирай на стол. Есть жутко хочется, — Кайгысыз отпустил Юргенсона. — Спасибо тебе, Арнольд Петрович. Еще надо разок, а то и два поездить.

— Константин Сергеевич, достаньте немного бензина. Завгар не станет возражать.

Прошлую ночь они провели в ауле, где избирали нового председателя аулсовета, взамен недавно убитого басмачами. Опасаясь мести аульных баев, никто не решился предложить приезжим из города даже пналу чая. О еде нечего было и говорить. Вместе с тем главное было сделано, и Атабаев знал, что с завтрашнего дня клевер начнет поступать на склады Бухаренко.

Через неделю Атабаев появился в гараже и, на удивление механиков и шоферов, засучив рукава, стал помогать Юргенсону копаться в моторе «адлера», который по времени следовало перебирать. Среди управленцев-тыловиков и городских работников пошел слух о чудачествах зампредуездгоркома, который, мол, собирается сменить свою должность на шоферскую.

Сумерки еще лишь приближались, а ставни трех окон просторной гостиной добротного дома Максимовича по Некрасовской улице были закрыты примерно о час. В гостиной из-под абажура лился мягкий, электрический свет. В дальнем ее углу сидел молодой человек,

сын хозяина дома, в недавнем прошлом кадет старшего класса, а ныне служащий городской почты. Он крутил ручку граммофона. Плевицкая своим несравненным меццо-сопрано выводила «Не велят Маше за реченьку ходить».

В гостиной собрались все «бывшие», кроме хозяина, городского архитектора и его сына: надворный советник и уездный ветврач Писарев, товарищ прокурора Антушев, контролер Русско-Азиатского банка Краузе, священник Пашковский в полном облачении, находились еще трое, по виду в прошлом военные. Все ждали прихода бывшего писмоводителя городской полицейской управы Васильева, который сейчас служил в уездгорисполкоме.

— Ну, где же Иван Петрович запропастился? — нетерпеливо спросил Писарев, по-прежнему руководивший ветеринарной частью, но не носивший больше мундира с отличием надворного советника.

— Будет с минуты на минуту. Ожидание стоит того, господа, — заявил Максимович. — Мало вам Плевицкой, так я прикажу подать чаю.

Хозяин позвонил в серебряный колокольчик, и на пороге показалась маленькая старушка.

— К вам, батюшка, Петр Васильевич, еще гость, — произнесла она тихим голосом, и в дверях показался Васильев.

— Кстати, кстати! Вот и прикажите подать чаю. Проходи, Иван Петрович, мы заждались.

Васильев подул на руки, потер их одна о другую, достал из кармана сложенные в несколько раз бумаги.

— Атабаев, знаете ли, заставил переписывать письмо в Ташкент. С ума сойти! На курсы-то малограмотных собрали. Получатся ли из этих туземцев учителя — никто не знает. А этот Атабаев уже требует учебники на туземном языке, тетради, школьные принадлежности...

— О чем вы, дорогой мой Васильев? Ближе к делу. К чертовой матери ваших учителей, — резко оборвал один из бывших военных.

— Как вам будет угодно, штабс-капитан, — ответил Васильев. — Я, господа, начну сразу читать вслух.

— Полотна-то какие! — заметил Краузе, глядя на разворачиваемые Васильевым бумаги.

— Просим! — произнес бывший зампрокурора. — А будут обнаруживать-то?

— Я читаю. «Приказ номер тридцать три. РВС Закаспийского фронта. По территории военной полосы. Город Полторацк. В то время, как черная реакционная сила с поразительной быстротою централизуется и действует уже не отдельными бандами, а имеет правильную организацию крупных сил, — в нашем пролетарском лагере, — Васильев читал выразительно, как актер, и в этом месте повысил голос, — к великому сожалению, приходится наблюдать расхлябанность и распушенность. В одном месте самодурство начальника какой-либо воинской части, в другом распушенность стоящего у власти советского работника, а иногда, как это ни больно сознавать, — целых организаций, как советских, так и партийных, не говоря уже о рядовых красноармейцах в населении — в этой среде такие печальные факты можно наблюдать сплошь да рядом».

— «Печальные факты. Скоро, «товарищи», похоронную музыку заказывать станете! Взялись не за свое, — произнес тот, которого называли штабс-капитаном. — Продолжайте, Иван Васильевич, извольте.

В руках Васильева слегка похрустывала розовая, тонкая бумага, размером с газетный лист. Текст приказа на нем был отпечатан крупным шрифтом.

— «Самочинство, вмешательство в дела находящихся при исполнении служебных обязанностей должностных лиц, произвол на местах, чинимый лицами, стоящими у власти, а иногда и прямое самочинство гарнизонного командного состава, пьянство, грубость, бюрократизм, пренебрежение к личному долгу и ко всяким гражданским правам жителей, безосновательные обыски и аресты, — Васильев прервал чтение, увидев, как священник Пашковский крестился, — производимые подчас просто по одному голословному заявлению, стремление в смысле личных удобств и существования получить, сверх положенного, нормы продуктов и предметов потребления, пользование служебными экипажами для личного удовольствия и своих семейств, «легальное» приобретение выитков, попустительства по службе создают...

— Это их и погубит! — изрек бывший помощник прокурора,

— Вгонит в гроб, господа, — штабс-капитан даже привстал.

— Тут уж они непременно сумеют развернуться, — высказал свое мнение хозяин дома. — Продолжайте, голубчик.

— ...создают тяжелую атмосферу на радость и успех врагам Советской власти!

— Скажите на милость! Сознают, видите ли, «товарищи», — съязвил штабс-капитан.

— «Ничего нет удивительного, что при таких условиях мы начинаем задыхаться в самых отъявленных: провокации, шпионаже, спекуляции, в недовольствии и поношении существующей власти, как чуме развивающемся пьянстве, насилии, грабежах, хищениях, имеющих место среди населения прифронтовой полосы и в армии, где должен стоять самый образцовый порядок и чувствоваться бдительность органов власти и лиц войскового командования».

— Тьма кромешная! Желаю чаю! Во рту пересохло, — произнес Пашковский. — Прошу вас, юноша, подайте стакан.

Сын хозяина дома с готовностью встал. Поднос со стаканами чая в серебряных подстаканниках был внесен и поставлен на столик у входа в гостиную. Никто другой, кроме священника, не обратил внимания на крепость заварки и струящийся из стаканов пар.

— Благодарствую, я весь внимание.

Васильев облизнул губы и продолжил, в то время как сын хозяина дома вновь подошел к подносу, взял еще стакан и поставил его на этажерку, что находилась рядом с Васильевым.

— «Если мы признаем, что среди наших врагов существует, хотя «палочная», но строгая дисциплина, то залог нашей победы находится всецело в зависимости от того, насколько своевременно и решительно мы сумеем противопоставить ей свою пролетарскую дисциплину и революционный порядок, ибо клин выбивается клином».

— Скажите на милость! — проговорил бывший титулярный советник Антушев, но на этот раз Васильев не прервал чтение.

— «Без создания твердого и безупречного порядка все наши успехи неминуемо пойдут насмарку, и орга-

визованная реальная сила окажется победительницей».

Теперь Васильев остановился, а штабс-капитан произнес:

— Вот в этом «товарищи» правы. Не так ли, господа?

— Продолжайте! — нетерпеливо попросил Писарев.

— «Тогда кровь павших товарищей неминуемо ляжет на совесть каждого из нас, и мы за свою преступную бездеятельность, за нежелание принять своевременно решительные меры заслуживаем справедливого проклятия осиротевших семей, сложивших свои головы товарищей, коим в буржуазном мире не будет дано ни куска хлеба, ни топлива, ни пристанища». Следующая фраза выделена жирным шрифтом. «Пусть это помнит каждый коммунист, где бы он ни находился — в рядах ли красных бойцов, на заводе ли у станка или за столом советского учреждения».

— Так! Значит жизнь их крепко жмет. Допрыгались! — констатировал прокурорским голосом Ангушев. — Господа, наступило время действовать!

— Вот сейчас поьем чайку и — в бой! — снова съязвил штабс-капитан. — Нет, Ангушев, ройте окопы и ждите! Вам не приходилось видеть их в штыковой атаке. Там они непобедимы! Нам надо побольше таких приказов номер тридцать три! Пусть надорвутся сами тем, что им не под силу. Вот наша стратегия и наша тактика. Завтра всем, с красными бантами, в их окопы!

— Что ж, в этом есть резон, — произнес Пашковский и осенил крестом штабс-капитана. — Продолжайте, раб божий Иван.

— «Революционный Военный Совет Закаспийского фронта, исчерпав все средства борьбы со все возрастающей расхлябанностью органов Советской власти, с одной стороны, и распушенностью среди населения и частей войск Красной Армии, с другой, в целях искоренения явлений, разлагающе действующих на массы и создания выгодных условий как для борьбы на фронте, так и созидательной работы в тылу, опираясь на всю мощь Российской Коммунистической партии и ее членов, находящихся в рядах Красной пролетарской Армии фронта, прибегает к последней мере борьбы: объявляет полосу военных действий от передовых позиций до Теджена включительно, на военно-осадном положении, вводит чрезвычайные меры охраны и

объявляет беспощадную борьбу всем, кто не желает считаться с опасностью последствий, грозящих пролетарской революции, и будет без малейшего колебания стирать с лица земли тех, кто является доброжелателем опасности существования Советской власти, стоившей десятки тысяч жизней лучших сынов класса, добывающего в поте лица хлеб свой.

— Не лишено патетики, — с явным неудовольствием произнес ветврач Писарев. — Однако, господа, они преувеличивают свои трудности. Прав штабс-капитан. Нам следует ждать. Однако, Иван Петрович, прошу вас.

— «Всякий, считающий себя коммунистом по убеждению, должен и обязан всемерно содействовать проведению в жизнь такого приказа и всех основанных на нем постановлений и распоряжений, ибо необходимость их ясна. Те же, — взято в кавычки, — «коммунисты», у которых шкурничество на первом месте и которые являются носителями звания партийных членов лишь для того, чтобы, прикрываясь им, безнаказанно творить все, на что позывает их разнузданная натура, которые выражают свои, — снова в кавычках, — «коммунистические» убеждения и будировании здоровых и честных исполнений своего революционного долга товарищей, должны смело изобличаться и бесцеремонно изгоняться из революционных рядов пролетариата».

— Позвольте-с, как вы прочли «будирование»? Интересно, что авторы приказа имели в виду? — спросил Антушев.

— Несущественно! — ответил бывший надворный советник Писарев.

— «Минировать» хотели сказать авторы, Дмитрий Николаевич, — пояснил штабс-капитан.

— «Пусть эти отбросы, затесавшиеся в партию, не рассчитывают, что принадлежность к организации, с которой они ничего общего не имеют, послужит им вахитой, — они будут выявлены и выдворены на свое настоящее место».

— Вот пока они станут этим заниматься, господа, нам и следует действовать, — не унимался Антушев.

— И вам укажут на ваше место, у забора в безымянной могиле или, в лучшем случае, в Сибири. Горячитесь вы, как мальчик, Дмитрий Николаевич.

Священник крикнул и согласно закивал. Хозяин

дома жестом предложил Васильеву продолжать читать дальше.

— «Все имевшие уже преступления против пролетарской революции, злоупотреблявшие гуманной по отношению к ним Советской властью, пусть раз и навсегда запомнят, что всему должен быть предел, в том числе и терпение змеиного шипения, явному и тайному влорадству. Пусть они прикусят свои языки и займутся, если им угодно, мечтою о «добром старом» про себя и не выражают охами и вздохами свои сожаления о нем громче, чем это требуется...»

— Вот ведь, а! — выдохнул из себя Писарев.

— Спасибо за совет. Мы и будем действовать тихо, — заверил штабс-капитан.

— «...чем это требуется для поддержания полной тишины, в противном случае гуманность по отношению к ним будет «аннулирована», — почему-то это слово взято в кавычки, — как аннулировали ее по отношению к истинным коммунистам их деникинские сородичи. Реввоенсовет Закаспийского фронта, публикуя Обязательное Постановление, вытекающее из объявления прифронтовой полосы на военно-осадном положении, приказывает всем, кого оно будет касаться, исполнять его точно и своевременно. Всякие отклонения или нарушения Обязательного Постановления и изданных рядом с ним отдельных распоряжений и приказов будут преследоваться и пресекаться самыми суровыми мерами от предания армейскому суду и революционным трибуналам до расстрела без суда. Председатель Реввоенсовета Паскуцкий. Временный командующий войсками Тимошков. Военно-политический комиссар Мжельский». — Васильев положил приказ рядом со стаканом. Чай уже остыл, но Васильев отпил половину. — Есть и Обязательное Постановление. Я прочту отдельные параграфы, а потом каждый, кто пожелает познакомиться с ним, прочтет его полностью.

Когда приложение к приказу РВС № 33, отпечатанное на грубой, оберточной бумаге, для расклейки на улицах, было оглашено, штабс-капитан обратился к молчавшим весь вечер молодым людям.

— Господа, поручик Семенов, вы-то что молчите?

Тот, кого штабс-капитан назвал поручиком Семено-

вым, поднялся, одернул мешковатый пиджак, поправил галстук:

— Я, видимо, не туда попал.

— Что? — взорвался штабс-капитан. — А вы, поручик Крушинский?

— И я того же мнения, — Крушинский стал рядом с Семеновым, вытянулся, наклонил голову. — Честь имею!

Оба молодых человека решительно направились к выходу. Штабс-капитан попытался было преградить им дорогу, но его опередил голос Писарева:

— Капитан, Петр Павлович, постыдитесь!

Однако, как только за поручиками захлопнулась дверь, штабс-капитан, которым был никто иной, как Блинов, бывший управляющий Тохтамышским районом, вскочил на ноги и кивком головы пригласил сына хозяина следовать за ним. В коридоре он выхватил из заднего кармана брюк браунинг, шелкнул предохранителем.

— Вы при оружии? Прекрасно! Не промахнетесь? Тогда быстро одевайтесь и вперед!

Уже на улице юноша предложил:

— Сюда, направо, через проходной двор. Мы наперерез мируем два квартала и встретим их на углу совершенно темной улицы!

— Молодец! Вперед!

До слуха сидевших в гостиной бывшего городского архитектора отчетливо донеслись звуки двух, почти спаренных выстрелов.

Эти два выстрела услышали и спорившие до хрипоты руководители советских, партийных и военных организаций, находившихся в Мерве. Они собрались в кабинете Алесковского с тем, чтобы обсудить приказ № 33 и Обязательное Постановление и решить, как действовать. Лысенко, Базаров, Суворов, две недели назад назначенный заместителем преудездгорисполкома, и еще пять-шесть товарищей, в том числе хотя и менее решительно, Алесковский, выступали за то, чтобы не очень-то широко обнародовать Обязательное Постановление, а приказ № 33 вообще считать делом внутренним. Кизнер, весь состав суда, ревтрибунала, политотдела бригады, Бухаренко, Атабаев, Джафаров, Атаниявов — словом, большинство настаивали на предании

широкой гласности приказа и постановления к нему.

— Я, как руководитель уездного партийного комитета, последний раз говорю, что нам следует ныне же ночью в типографии Когана отпечатать только эти два параграфа. Слушайте! Потом скажете свое слово. Параграф шестой. «За распространение провокационных слухов, направленных к подрыву Советской власти и к срыву работы войсковых частей, а равно за спекуляцию, мародерство, хищения и распродажу вещей, составляющих народное достояние, виновных подвергать, по определению суда, привлечению к принудительным работам от 1 года до 5 лет. Особенно же тягчайшие преступления указанного характера влекут за собой смертную казнь».

— Но это совсем не то, товар-р-ищи, что пр-р-е-д-у-с-матр-р-ивает РВС, — вставил Кизнер. — Чер-р-т возьми!

— Спокойно, товарищ Кизнер, — сказал Лысенко. — Параграф седьмой. «Вооруженное сопротивление наряжаемым патрулям, пикетам, конным разъездам и лицам командного состава, стоящим во главе их, распространителям сведений о предстоящих операциях или передвижении войск на руку врагу карается постановлением армейского суда смертельной казнью и, в исключительных случаях, когда это грозит гибелью фронта или самой власти, — расстрелом на месте без суда». Вот и все!

— Ну, послушай, Андрей, когда эти действия мародера, уголовника, именующего себя коммунистом, грозили гибелью фронта или даже Советской власти? Они, как черви, подтачивают ее! Да ты пойми, что дело не в мерах наказания, а в сути того, что заставило РВС принять такой приказ. А ты нас призываешь прикрываться фиговым листком, засунуть голову в песок, — сказал начполитотделом бригады.

— Чтобы ж... торчала наружу! — продолжил фразу Джафаров. — Не пойдет!

— А потом. Лысенко, — поднялся Кайгысыз, — ты почему предлагаешь с шестого параграфа? А четвертый? — Кайгысыз поглядел в текст постановления. — «Появившегося в пьяном виде, где бы то ни было, немедленно подвергать аресту от одних до сорока суток...» И так далее. Чего боишься? Я точно знаю, Ленин сказал, сейчас не помню где, что как только партия нач-

нет что-либо скрывать или утаивать, — конец партии. На кривую палку не опирайся — сам согнешься.

— Да что там говор-р-ить! — Кизнер даже покраснел от натуги, его круглые глаза готовы были вылезти из орбит. — Есть два предложения. Обнародовать и скрыты! Вот и голосуй. Хотя, чер-р-т возьми, приказы не обсуждают и не голосуют!

Большинство голосов было подано за немедленное и безоговорочное обнародование обоих документов.

Эфендиев пребывал в подавленном состоянии. В комнате было холодно, печь, из-за отсутствия дров, давно не топлена. Но дрожь пробирала его тело не столько по этой причине. Гасан-Муса долго думал, наконец, решился, пригласил домой Кайгысыза и сообщил ему о своем решении уйти от дел в исполкоме.

— Уважаемый Гасан-Муса, вы превосходный учитель! И, в конце концов, что может быть прекраснее школы, полной детей! Все неприятности пройдут, все трудности мы одолеем. Так ведь? И кто тогда станет важнее всех? Врач да учитель? Будь по-вашему, я вас поддержу, — за мгновение до того, как Кайгысыз начал говорить, он еще не знал, что именно скажет. И вот оно, правильное решение — сразу разрубить узел, ликвидировать причину! — Да, конечно, Гасан-Муса, Бахарден чудный городок, и ваша школа может стать на первых порах центром подготовки учителей для мектепов, а затем тех, кого мы пошлем учиться в другие города, — Ташкент и Москву. Люди вас в Бахардене помнят и уважают. Это просто здорово!

Слова Кайгысыза подействовали на Эфендиева отрезвляюще, но он еще находился в плену своих грустных размышлений, и тихим голосом сказал:

— Но, Кайгысыз-джан, ты же не станешь спорить, ты же видишь, что предупреждения Рыскулова сбываются.

— Какие? Поясните, Гасан-Муса.

— Еще на третьем партийном съезде он говорил о произволе как отдельных учреждений, так и должностных лиц в области законодательства и управления новой властью, о том, что всякие юридические нормы, толковые и правильные декреты, приказы, положения и тому подобное игнорируются на местах сверху донизу,

что монополия коммунистов на все государственные посты создала особую замкнутость части советских учреждений от широких рабоче-крестьянских масс.

— От этого пахнет демагогией, Гасан-Муса.

— А приказ номер тридцать три? А драка Панасюка, Кравчука и Филиппова, а разногласия у нас, в Мерве?

— Что касается Байрам-Али, могу вам сообщить. Дело было неприятное, но разобрались! Пришло указание за подписью председателя реввоенсовета республики Железова и завполитотделом Купера. Решением нарсуда, крайкома партии и специальным постановлением ЧК республики обвинения против Панасюка, Кыпистинского и Ефима Гераськина сняты. Правда восторжествовала и всегда будет торжествовать, Гасан-Муса, потому, как вы это хорошо знаете, она есть суть наших идей. А они непобедимы! Так что, я уверен, препятствий к вашему переезду в Бахарден не будет.

Глава двенадцатая

В ТЫЛУ ФРОНТА СПОКОЙНО

Несмотря на глубокую осень, люди ходили в пиджаках и даже одних рубашках. Джафаров, в сапогах, галифе и национальной белой рубашке навыпуск, подпоясанной тонким ремешком, без головного убора, стоял на солнечной стороне улицы. Увидев Атабаева, который вышел из книжного магазина Сорокина, Джафаров поспешил ему навстречу, перейдя проезжую часть улицы.

— Кайгысыз, послушай, есть новости. Уверен, что ты их еще не знаешь.

— Кто много знает, обязан делиться, — Кайгысыз по лицу председателя мусульманской секции горкома партии видел, что новость может быть интересной, но ничего плохого в ней не будет.

— В Москве ВЦИК и СНК РСФСР создали специальную Туркестанскую комиссию. Она будет представлять и действовать у нас от их имени.

— Давно пора! А кто в комиссии?

— Председатель Шалва Элиава, коммунист с большим стажем, Фрунзе и Куйбышев, других не запомнил.

Высший партийный контроль и руководство от ЦК партии возлагается также на них. И еще! К нам направляется штаб второй бригады, а на фронт — два коммунистических пехотных и один свежий кавполк.

— Надеюсь, фураж, муку, мазут и дрова привезут с собой.

— Вах, Кайгысыз, ты все об этих мелочах думаешь!

— А ты, Мавлямбай, как бы скорее в Полторацк перебраться. Я вижу! Не понимаешь, что сейчас главное — это снабжение армин.

— Ты напрасно произносишь такие слова. Уверен, ты и сам бы поехал: мечтаешь, только умеешь это скрывать.

— Нет, просто умею в чужой курице не видеть гусыню, в чужой жене — красавицу.

— Ишь ты!

За их спинами послышался женский плач. Обернувшись, они узнали жену Қакаджана Бердыева. Она, видно, давно подошла, но не решалась к ним обратиться.

— Помогите, люди добрые. Телеграмму Рахматуллину послала. Қакаджан арестован. Двое суток уже! — женщина еще пуще залилась слезами.

— Кто арестовал? — спросил Атабаев.

— Базаров! Особый отдел, говорят.

— Да как ваш муж здесь оказался?

— Я слышал, Кайгысыз, его и еще некоторых из политотдела отчислили, чтобы на гражданской службе устроить, а он сюда приехал, — разъяснил Джафаров.

— Семейку повидать хотел, детей своих, — сквозь слезы причитала женщина.

— Баджи, идите спокойно домой. Вас там родичи ждут. Привет от меня передайте и ждите спокойно.

Атабаев, как мог, успокоил жену Бердыева, которого хорошо знал, распрощался с Джафаровым и прямоком направился в Особый отдел. Там он выяснил обстоятельства дела и пришел к выводу, что Особый отдел превысил свои полномочия, тем более, что Бердыев уже не служил в Красной Армии. Атабаев сказал, что он и исполком будут защищать Бердыева.

Как только Кайгысыз ушел, Базаров вызвал своего помощника Викина, которого не раз называл «растяпой», и продиктовал ему текст телеграммы председа-

телю РВС Паскуцкому. В ней говорилось о задержании бывшего члена Асхабадского «Комитета спасения», который на допросах показал, что все его дела и выступления среди туркмен по поводу каких-то декретов штаб Закаспийского фронта простил. Также было указано, что это обстоятельство подтверждает товарищ председателя Мервского исполкома Атабаев.

— Прошу вас сообщить мне, были ли изданы декрет или приказ. В утвердительном случае, выслать мне, Начальник Особого отдела Базаров. Написал? Вот так!

— Базаров, а не слишком ли ты?

— Чего?

— Вроде ты приказываешь товарищу Паскуцкому.

— Валяй! Сойдет. Поручи кому надо, чтобы телеграмма ушла.

Атабаев выждал три дня, и, узнав, что Бердыев все еще находится под стражей, отправил в Полторацк телеграмму:

«КАКАДЖАН БЕРДЫЕВ ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ АРЕСТОВАН ОСНОВАНИИ УЧАСТИЯ БЫВШЕМ АСХАБАДСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ тчк БЕРДЫЕВ РАБОТАЛ ДВА МЕСЯЦА ПОЛИТОТДЕЛЕ СОТРУДНИЧАЛ ГАЗЕТЕ тчк ПОЛАГАЮ ПОЛИТИКА РЕВВОЕНСОВЕТА ПРОЩАТЬ ВРАГОВ ПРИШЕДШИХ ПОВИННОЙ ГОЛОВОЙ ОСТАЕТСЯ СИЛЕ тчк ПРОШУ ВЫЯСНИТЬ ПОЛОЖЕНИЕ БЕРДЫЕВА тчк ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ тчк ЗАМПРЕДИСПОЛКОМА АТАБАЕВ».

На следующий же день пришел ответ Мервскому начальнику Особого отдела, копия в исполком Атабаеву: в нем говорилось, что прошлая деятельность работавших в политотделе лиц, в частности Бердыева, хорошо известна и, поскольку Особый отдел не нашел возможным предъявить Какаджану Бердыеву новых обвинений, он был не вправе его арестовывать. «Поэтому Бердыев должен быть освобожден. Советуем скоропалительных арестов вовсе не применять. Завполитотделом Мальков, секретарь Гейвандов».

Вскоре, по предложению Паскуцкого, Какаджану

Бердыеву исполком поручил создание в Мервском уезде народных судов.

Бухаренко по телефону вызвал к себе Атабаева. Голос начальника тыла был таким, что Кайгысыз ничего не стал спрашивать, отложил дела и пошел к нему.

— Эх, Костя! Хреновые наши дела! Садись, читай и кумекай. Опять без тебя не обойдусь, — Иван Васильевич протянул Кайгысызу стопку подколотых одна к другой телеграмм.

Кайгысыз сел плотнее в кресло, стал читать.

«Вх. № 3667. Информационная из Кызыл-Арвата от 23.X. № 215. ТуркЦИК, РВС Республики, Турквоенком, Центральная коллегия снабжения войск. Полторацк — нач. штаба, Мерв — Управление тыла.

Армия отдала все, что могла, перенесла сказочные лишения, по непроходимой дороге, через скалы пробралась и заняла Кызыл-Арват, вырвав из рук белых их техническую базу, одну из сильнейших естественных позиций на нашем фронте. Она окончательно истрепалась, нет обуви, одежды. Несмотря на целый ряд телеграммных требований, посылку специальных лиц, мы ничего не получили, кроме обещаний, ради которых утратили у армейцев доверие. В настоящий момент положение настолько обострилось, что грозит серьезными осложнениями в частях, где остается ничтожное число борцов для караульной службы. Крупные наряды и боевые задания они выполнять уже не могут. Глухой ропот красноармейцев, потерявших веру получить для себя самое насущное, вынуждает нас еще раз категорически заявить, что дальше медлить опасно, ибо это грозит разложением армии. Мы не преувеличиваем, сообщаем исключительную действительность. Если наши требования вызывают сомнения, просим сейчас же выслать спецкомиссию с обмундированием, обувью, в требуемом количестве, которая могла бы убедиться в правдивости наших неоднократных заявлений удовлетворить нужды. Пусть тыл на время займется фронтом исключительно. Мы ждем от Вас исключительных, реальных мер,

могущих быстро и безболезненно ликвидировать кризис. Мы в ожидании. Отвечайте! Паскуцкий, Тимошков, Мжельский, командиры полков и политкомиссары: 1-го Туркестанского — Горбачев, Северин, 1-го Черняевского — Соенко, Трусков, 1-го Оренбургского — Коновалов, Теллер, 1-го Коммунистического — Романов, Котельников, 1-го кавполка — Быченко, Волошин».

— Мы подготовили для продколлегии, в Ташкент, тридцать вагонов с баранами, Иван! Решай, пошлем хотя бы десять в Кызыл-Арват!

— Самоуправство, Костя! По головке не погладят.

— Но ведь там фронт!

— Вот и давай думать, как ему помочь. Дело вот в чем: как пришла телеграмма, меня к прямому проводу вызывал сам Николай Антонович. О тебе спрашивал. Просил особый привет передать.

— Спасибо. Да чем только мы ему ответим, Иван? В аулы снова надо ехать. А там уже не дают.

— В те, где еще не были.

— А ты, Ваня, знаешь такие? Подскажи. Ведь только берем.

— Костя, поверь, осталось всего ничего. Скоро командующий Фрунзе прибудет, комиссия назначена. По Оренбургской ветке товар пойдет. Еще чуть-чуть, а фронту надо помочь! — Бухаренко говорил, а сам думал: «Провизию еще достанем, а вот где топливо возьму... Полторы тысячи пудов. Шесть паровозов Им нефть подавай. Две трети из них уже стоят».

Он, не торопясь, шел в сторону вокзала по бывшей Куропаткинской, переименованной в проспект Свободы, шел в РВС от улицы Торговой, где встречался с руководителем закаспийских беханстов¹ Ахмет-Верды. За Паскуцким в нескольких шагах следовал его ординарец Муса Халилюлин — Николай Антонович хотел побыть немного один. Сегодня утром, уже с полной достоверностью, ему назвали место, где был захоронен труп его матери, погибшей от рук бандитов Эзиз-хана. Сегодня ей исполнилось бы сорок девять лет. Как бы она

¹ Религиозно-политическая секта, провозглашавшая окончание законов, основанных на Коране и шариате, замену их новыми, исходящими из принципов равенства всех людей, защиты прав личности.

радовалась тому, чем он сейчас занимается. «Освобожусь немного, свалим белых в море, первым делом поеду в Теджен, перевезу туда останки матери. На могиле поставлю плиту с выбитыми на ней цветами. Но как можно до сих пор мириться со старыми названиями улиц? Торговая, Козелковская, Офицерская, Боголюбская. Надо их менять. Торговую назвать именем Якова Житникова. Вот интересно, поверил ли мне Ахмет-Верды?» — Паскуцкий старался глубже дышать, шел медленно и размышлял.

Ахмет-Верды, седобородый старик, напоминал собою древнего пророка. Он обещал оказать помощь людям, которые будут честно разъяснять населению аулов и мусульманам, жителям городов истинную суть Советской власти. Прощаясь, руководитель бехаистов Закаспия сказал:

— Все бабисты — хорошие люди и все хорошие люди — бабисты.

— Поглядим! — прошептал Николай Антонович и увидел, как по Анненковской, от вокзала в сторону гор, пересекает проспект Свободы седобородый тучный туркмен в огромном белом тельпекке. Верхом на маленьком ишаке, выгнув почти до земли ноги, толстяк безжалостно тыкал короткой острой палкой в шею осла. За ним, трусцой, еле попевала женщина, закутанная в халат. На шее и на груди у нее позвякивало множество украшений и монет из серебра.

— Своя ноша не тянет, — снова проговорил Паскуцкий. — А Анненковскую назвать именем Октябрьской революции. Отсюда прямой путь через Гаудан в Персию, Ирак, Аравию. Кстати, давно не слушали Кемпчинского. Что сделал он с литературой на персидском языке? — Николай Антонович, поймав себя на том, что шепчет вслух, удивился. Пересек Анненковскую, поднялся на высокие ступени перед входом в здание бывшего управления железной дороги, взял под козырек часовому и прошел к себе.

В кабинете его ждали Мжельский, Попов, Окунев, заведующий бюро военного контроля Фанкович и Мальков. Последний, как только Паскуцкий вкратце доложил о результатах своей встречи с Ахмет-Верды, протянул ему телеграмму.

— Только это пришла, ждем тебя, Николай Антоно-

вич. Вопрос серьезный, — лицо Малькова было утомлено более обычного, губы отливали кармином.

Паскуцкий пробежал глазами текст. «Вх. № 1769. Ташкент, Президиум ТуркЦИКа, Комстдел, Полторацк — РВС. Срочно сообщите должен ли исполком оплачивать содержание афганской миссии ежедневные расходы сорок-пятьдесят тысяч. № 3097. Зампредисполкома Атабаев».

— Законный вопрос! Насколько я знаю, миссия находится там не первый день, — начал было Паскуцкий, но его перебили.

— Ташкент молчит. Это их компетенция, — заметил Окунев.

— А молчит потому, что ждет ответа из Москвы, Дело нешуточное, — добавил Фанкович.

— Так, но отвечать-то Атабасву надо!

— Видишь ли, Николай, денег у нас нет, и, вообще, стоит ли их содержать? Утром получили сообщение Гейвандова, — он поехал на две недели в Мерв. Из сообщения следует, что члены афганской миссии собирают у баев уезда подписи о желании населения принять афганское подданство. Нацеливаются на Пендинский район.

— Ага! Если это так, товарищи, Гейвандов мог с ходу отстучать телеграмму, до конца не разобравшись, он горячий, но если это так, то не стыдно ли нам? А? Допустим, это происки англичан. Естественно! Однако, если б не было надежды, сунулись бы они с таким делом, ну, скажем, в мае этого же года? Никогда? Вот так! Вина наша. Какие у вас, товарищ Фанкович, на этот счет данные?

— Начну с Афганистана, — Фанкович подтянулся для рапорта по-военному. — Как известно, после подписания Амануллой-ханом в июле перемирия с англичанами, они вскоре открыли границу с Индией и принялись ссорить наше посольство с эмиром. Теперь мы имеем следующую картину. В Афганистане все дела держит в своих руках проанглийски настроенный Али-Ахмет, министр внутренних дел. Эмир молод, министр иностранных дел — стар, и на сегодня мы имеем, по сути дела, ультиматум: немедленно передать Афганистану Термез, Керки, Кушку и Пенде.

— Аманулла-хан на два года старше меня, вы это знаете? — спросил Паскуцкий.

Фанкович вопросительно вскинул светлые глаза на председателя РВС, но не счел нужным разъяснять эту ситуацию, а продолжил:

— Прибывающие из Кабула, от товарища Бравина, люди говорят, что эмир против большевиков и стоит за англичан... — В это время дверь кабинета отворилась, вошел дежурный командир и сообщил Малькову о поступлении срочной шифрованной телеграммы. Мальков вышел. — Многие семьи афганцев подтягиваются к границе для заселения Пенде.

— Погоди, товарищ Фанкович. И мне, и вам хорошо известно, что совсем недавно Аманулла-хан проводил из Кабула в Ташкент нашего Бориса Иванова. Военного атташе, не кого-нибудь! Удостоил получасовой аудиенции, подарил на память коня, золотые часы, афганскую саблю, а его сотрудникам — серебряные часы с собственным портретом. Что это? Восточная хитрость? А не допускаете ли вы, что товарищ Бравин пока не разобрался в сути? То, что он сообщает, вполне возможно, похоже на правду и очень важно, но может и не соответствовать действительности. А если Бравин поступил по принципу «лучше перегнуть»? —

— Но, Николай, факты вещь упрямая! — заметил Мжельский. — Мы твердо знаем, что в афганской крепости Кара-Кала собран отряд более чем в полтысячи человек. В Чильдуктор прибыл транспорт с английским оружием, правда, старого образца, но три тысячи единиц и патроны. Некий Чары-Хан-Арсары оглы уже назначен приставом Тахта-Базара, а казием — мулла Саби.

— Да, Николай Антонович, — вступил в разговор Попов. — В том же Тахта-Базаре Рахман-Нияз ведет активную агитацию, убеждает туркмен не давать большевикам ни зерна, ни мяса, поскольку Пенде скоро отойдет к Афганистану. «Все дети ислама должны объединиться вокруг мусульманского правительства» — призывает Рахман-Нияз.

— Конечно, Михаил, — Паскуцкий поглядел в сторону Мжельского, — факты вещь упрямая, но почему-то ты не желаешь считать за факт то, что в Мерве находится миссия полковника Мирзы-Мамед-хана, который терпеливо ждет ответа из Москвы, но тщательно это

скрывает. Думаю, от английских шпионов и, давайте допустим, от шпионов Али-Ахмет-хана.

— Такое допустимо, — согласился военно-политический комиссар.

— А тебе, Сергей Андреевич, должно быть известно, — Паскуцкий обратился к начальнику штаба, — что Кемпчинский, ваш подчиненный, товарищ Фанкович, располагает заслуживающими доверия агентурными сведениями из источника, близкого к самому эмиру, что тот терпеть не может англичан. Он видит в новой Советской России своего партнера. Так что надо быть предельно осмотрительными, а деньги Мерву изыскать. И еще: как только я прибыл, мне сообщили, что на границе с Пенде, в Тохтамышском районе, члены миссии ведут агитацию. Однако влиятельный текинец Мухамед Берды, бывший старшина, открыто заявил, что пока туркмены находятся под властью Советов, они являются их подданными и выступать против не будут!

— При этом он заявил, что когда будет афганское правительство, они перейдут в афганское подданство, — добавил Окунев.

— Верно, но ты, товарищ Окунев, эту часть опустил, а вот сам факт с позиций облревкома используй на всю катушку! Воспользуйся Мухамедкули-ханом, Юсуп-ханом, Овезбаевым, Хаджи-Мурадом, прямо сам или через муссекцию облгоркома. Пусть эти влиятельные люди грехи свои снимают. Заявление Мухамеда Берды следует сделать достоянием самых широких аульных масс.

В кабинете появился Мальков.

— Сразу две телеграммы из Мерва, — и тут же стал читать. — «По некоторым серьезным соображениям постарайтесь задержать под каким-либо благовидным предлогом Орамеда Сопиева в Полторацке. Приезд его в Мерв крайне нежелателен в связи с пребыванием афганской миссии. Предисполкома Атабаев».

— Думаю, других мнений нет. Уважить. Задержать. А ты, Василий, найди деньги, перешли в Мерв, — Паскуцкий жестом предложил Малькову прочесть вторую телеграмму.

Заведующий политическим отделом вздохнул, покачал головой:

«6.XI.19. Из Мерва Паскуцкому. Политическая первая. Сообщаю, что мобилизацию верблюдов Мервском уезде надо считать неудавшейся. Частичная мобилизация верблюдов, проведенная Штабом фронта, до сего времени без всякой платы стоимости дала повод населению смотреть на мобилизацию, как на конфискацию. Поэтому провести мобилизацию невозможно. Верблюды поспешно ушли в пески к колодцам, затем и за границу, где они усиленно ликвидируются хозяевами. Рынки Хивы и Бухары переполнены туркменскими верблюдами, которые продаются за полцены. Никакие воззвания и убеждения со стороны исполкома не привели к положительным результатам. Причин очень много: с одной стороны, поддерживается врагами провокация о неустойчивости нашего положения, с другой — чрезвычайно низкие цены, назначенные Директопом за доставку дров, самое же главное — боязнь, что верблюды могут быть конфискованы. Недоверие населения возросло. Потеря доверия, от этого нами потерян у населения кредит. Все это вместе взятое создает полную оппозицию, с которой бороться очень трудно. И по причине наступления холодов, при полном отсутствии теплой одежды, мобилизация приняла характер народного бедствия. Ввиду всего этого, исполком полагает, что необходимо приступить немедленно к частной мобилизации или уплатить стоимость мобилизованных верблюдов, дабы успокоить умы, вернуть обратно находящиеся на границе верблюдов, предложив в тоже время Директопу немедленно организовать собственный транспорт путем закупки на местах. Таким же путем необходимо приобрести верблюдов для фронта. В заключении исполком настаивает, чтобы стоимость мобилизованных верблюдов за наше пребывание здесь была немедленно выплачена. Решение сообщите телеграфом. Предисполкома Агабаев». Расшифровал Мальков.

— Да, час от часу не легче! — после некоторой паузы первым нарушил молчание Паскуцкий. — Сергей Андреевич, давай-ка подготовь серьезные телеграммы в

Ташкент. Атабаев прав. Гибче надо. Я отлучусь на час. Меня в мечети «Джами» Рахматуллин ждет. Там встреча с бехаистами.

Уже выходя из кабинета, он подумал: «Когда же это помощь придет? Товарищи Фрунзе, Куйбышев и Элиава, где вы?» — мысленно взмолился Николай Антонович, как если бы взывал к самому господу богу.

Язкули-бай лежал на подушках в весьма неудобной позе. В белой кибитке было далеко не жарко, а когда-то могучая грудь его ходила словно кузнечные меха. Он принимал роковое решение, которое, скорее всего, принесет ему и его семье, в лучшем случае, большие неудобства, а то и горе. У выхода из кибитки стояли в ожидании приказа младший брат, его сын и старший сын Язкули-бая. «Люди могут хотеть только того, что хочет бог», — вспомнил Язкули-бай суру из Корана. — А этот бывший учитель Атабаев возомнил о себе, будто он может больше Аллаха. «Стеклу не нужны заплатки, дураку не нужны советы». Это он о себе и обо мне! Нет, я жил по принципу «имеешь сто баранов — всегда будешь правым». Так и буду жить! А ты — умрешь! Если я его не проучу, мне не жить! Кто-то же должен первым подать пример? Им будет Язкули-бай! Шайтаново племя!» — Язкули-бай схватил лежавшую рядом камчу, взмахнул ею. Ожидавшие именно этого приказа тут же вышли.

— Позовите ко мне старшего чабана! — крикнул им вслед Язкули-бай и повалился лицом вниз на подушку.

В это время Атабаев с Атаниязовым, которых сопровождало семь красноармейцев во главе с командиром отделения, вели разговор с председателем аулсовета, шорником Чары. Полчаса назад в ауле закончился бурный митинг, на котором, вопреки стараниям людей Язкули-бая и самого муллы, большинство сельчан постановило оказать помощь красному фронту и, как в былые времена, сороковую долю от каждого хозяйства доставить в уездный исполком, — кто скотиной, кто зерном, кто дровами, кто теплой одеждой.

Распрощавшись, Атабаев с трудом сел в седло. Он устал, то был пятый аул за день. К полуночи он предполагал быть дома, увидеть Таню и, наконец, отдохнуть. Атаниязов ехал рядом с ним, следом за ними

ехали красноармейцы. Они отъехали, примерно, километров шесть, дорога пошла между барханами, поросшими гребенщиком, черкезом, песчаной акацией. Легонько и мерно в лучах клонившегося к горизонту солнца покачивал своими сухими метелками похожий на овес селени. Послышался писк суслика, очевидно ужаленного змеей. Он послужил как бы сигналом. Вперед, хорошо, что не в упор, а с некоторого расстояния прозвучал залп винтовок в пять и тут же с боков и сзади засвистели пули.

— С коней! Занять оборону! — приказал командир отделения.

Лошадь под Атабаевым споткнулась, он еле выпростал ноги из стремян. Видно еще одна пуля угодила в коня, он заржал, задергался. Атабаев залег рядом. Винтовки у него не было, он выхватил из кобуры наган. Бойцы и Атанязов, у которого был карабин, наугад вели огонь. Коновод укрыл трех коней за соседним барханом.

— Стрелять прицельно! Занять круговую оборону! Их немного! — успел сказать командир и схватился за левое плечо, на котором заалело кровавое пятно.

«Так, решил Язкули-хан или соседи из аула, который мы должны проехать? — рассуждал Кайгысыз. — Ясно, это старый боров, язви его в душу! Сам себя приговорил!».

Стрелявшие из-за барханов не решались идти в атаку. Очевидно, их было мало и им не хватало смелости. Внезапность, которая была на их стороне, они не сумели толком использовать. Убитым оказался только один боец.

После получаса перестрелки за барханами задвигались люди, и Кайгысыз выпустил два патрона. Противник снова залег. До сумерек был убит еще один боец. Зато и на гребне бархана замертво свалился пытавшийся преодолеть его младший племянник Язкули-бая. Кайгысыз узнал его и все понял.

С последним лучом солнца стало ясно, что к атакующим подошла помощь.

Атабаев подполз к командиру.

— Нам надо прорываться! Уходить! Вы можете двигаться?

— Да! Вы правы, товарищ Атабаев. Нам надо держать инициативу.

— С конями как? — спросил Кайгысыз и тут же сам себе ответил: — Надо выводить. Отдайте приказ и все ползите за мной. Только тихо!

К счастью, ночь была непроглядной. Красноармейцы надеялись на удачу и верили своим командирам. Следовало спешить. Кайгысыз передвигался как ящерица, плотно припав к земле. Исколотые руки саднило, на зубах скрипел песок, глаза зорко всматривались в каждую тень. Вот впереди, метрах в пятнадцати, одна из них шевельнулась.

— Не стреляй! Давай поговорим! — тихо произнес Кайгысыз по-туркменски. — Я вижу тебя. Чего молчишь? Чего хочешь? Ну, говори! Я же тебя вижу и не стреляю.

— И я тебя вижу. Ты — Атабаев. По голосу узнал.

— Правильно! — Кайгысыз подполз ближе. — Не бойся! Лучше подумай, что делаешь. Убьешь меня и моих друзей, так и тебя казнят, не уйдешь. А жив останешься, собакой все годы жить придется среди байских овец в дальних песках.

— Тебя одного пропущу! Ты Мердану жениться помог. Он мой друг.

— Нет, один я не пойду! Всех пропусти! Как тебя зовут?

— Их не пропущу! Ты проходи, — довольно жестко ответил молодой голос.

— Пойми, их убьете, но ведь на них не кончается Советская власть. За нее стоит народ, у нее армия. Ни Ораз-сердар с целым войском, ни англичане, ни Деникин не могут ее одолеть. А Язкул-бай сам сошел с ума и вас губит. Разве афганский хозяин лучше чем ты сам?

— А я при чем?

— Да при том, что новая власть тебя, вместе с Мерданом и его отцом, хозяином сделает. Только сейчас война, трудно. Лучше скажи, как тебя зовут и уходи с дороги! Отец, мать, все твои братья спасибо тебе скажут, — Кайгысыз чувствовал, что за его спиной топчутся кони. — Торопись, останешься жить и человеком будешь. Новая власть для бедных, и она непобедима. Верь мне, я учитель!

— Проходи один!

— Ты же знаешь, что туркмен друзей не предает. Уходи! Скажи, как тебя зовут? Другом станешь!

— Дурды я, сын Мерета. Ладно, я ухожу, а вы быстрее!

Атабаев метнулся назад, чуть прополз, увидел Атанязова.

— Скорей! Путь свободен!

Чем дальше они удалялись от места боя, тем быстрее шли. Вдруг услышали сзади конский топот. Залегли. Их нагнал конь убитого бойца. Теперь у них было четыре лошади. Раненого командира, у которого рука висела плетью, усадили в седло. На остальных сели по двое. Атанязов вызвался идти пешком, пока не устанет. Так, меняясь, они двигались на юг, до тех пор пока и люди, и кони окончательно не выбились из сил. К счастью, послышался собачий лай и еще через двадцать минут они уже будили хозяина крайней кибитки аула. До рассвета оставалось всего час-полтора. Свалились, как убитые, даже забыв выставить дежурного. Их сон оберегал дехканн.

Получив свежих лошадей, они в сопровождении двух парней к десяти утра добрались до Мерва. Проснувшись утром, Кайгысыз обнаружил, что полы его шинели в двух местах пробиты пулями. В Мерве, сообщив в штабе о случившемся и отрядив конную группу на поимку Язкули-бая, Кайгысыз предупредил Бухаренко и отправился к Ивану домой, чтобы его Фаина Васильевна срочно заштопала дыры в шинели.

Атабаев только что вышел из кабинета Алесковского, где приняли решение как дальше вести себя с афганской миссией. В руке он держал две телеграммы: одна была из Ташкента, другая — из Полторацка, подписанная Паскуцким. Кайгысыз уселся в кресло и положил перед собой телеграмму из Ташкента. Перечитал ее еще раз.

«Вне всякой очереди. 21 ноября, РВС Закаспийского фронта. Паскуцкому. Ответ наш был замедлен благодаря необходимости детально разобраться в поднятых вами вопросах. Имеющиеся данные вполне убеждают нас в несерьезности требований Афганистана, касающихся Пенде. Тре-

бование это продиктовано английской дипломатией. Представитель Афганистана изъявил полную готовность отказаться от ноты, если она влияет на прочность наших взаимоотношений. Предложение наше отозвать миссию в Ташкент, во избежание двусмысленных толкований, принято с готовностью. Наша дипломатическая работа в Москве и Ташкенте направлена на заключение военно-политического союза с Афганистаном и возобновление последним военных действий против Англии, что необходимо иметь вам в виду во всей вашей работе, тем более, что имеются данные считать в ближайшем будущем этот план осуществимым. Ввиду изложенного, предлагается вам: во-первых, принять самые энергичные меры предотвращения обострения отношений с миссией, во-вторых, развивать ваши действия на фронте, не опасаясь каких-либо неожиданностей со стороны Афганистана, в-третьих, принять самые энергичные меры к предотвращению каких-либо действий красноармейцев, могущих испортить отношения с туркменами, в-четвертых, усилить в районе Пендинских и Мервских оазисов контрразведку и подробно нас информировать. Председатель Турккомиссии Эллава, члены комиссии Куйбышев, Рудзутак».

Вошел Джафаров, за ним показалась богатырская фигура Атаниязова. Оба улыбались. Кайгысыз убрал телеграмму в стол. Они заметили его жест.

— Скрываешь от нас, — сказал Джафаров, — ну и мы от тебя скроем. Так и будешь сидеть сто лет в этом кресле.

Кайгысыз уловил в словах Джафарова что-то важное для себя. Глаза Атаниязова радостно блестели, Сердце Кайгысыза приятно захолонуло.

— Ну, говорите! Что случилось?

— Хорошего! — спросил Джафаров. — Мерв проходит свежий шестнадцатый кавполк, прямо на позиции!

— А еще?

— А еще, за заслуги Паскуцкий награжден именными золотыми часами, а Тимошков серебряными, — сообщил Атаниязов, продолжая лукаво улыбаться. —

Бухаренко танцует. Получил сообщение, что идет обмундирование, топливо и продукты.

— Но, вижу, это же не главное.

— Значит, ждешь плохое. А плохое тут как тут, — Джафаров перестал улыбаться. — Дехкане, которые едут в Мерв после твоей агитации, на полпути заворачивают обратно. Али-Ахмет прислал своих людей с деньгами, раздают бедным. Среди этих людей Корнеев, известный тебе сыщик, служивший у белых. Бан Иолотани и Тахта-Базара продолжают собирать подписи дехкан, дающих согласие присоединиться к Афганистану.

— Получены указания. Миссия уедет в Ташкент. С этим будет покончено, — произнес Кайгысыз и стал уже забывать об игривом настроении, с которым появился у него Джафаров и Атаниязов. — Через месяц вы увидите, что положение изменится. Из Москвы идут товары, скоро будут и деньги.

— Кайгысыз, в Мерве Мытный. Ты знаешь такого?

— Как же! Бывший казак, хорунжий.

— Он самый. Расспрашивал о тебе. Как узнал, что ты тут по-прежнему командуешь, сказал, что ему надо подаваться в другой город.

— Правильно сказал. Значит, солдаты-казаки с ним не разделились. Живуч! Здоровая гадина. Враг. Меня радуют дела в Ташкенте. Уверен, что Элнава и Куйбышев повернут дело как надо.

— Согласен с тобой. Куйбышев, говорят, как прибыл в Ташкент, первым делом заявил, что нам следует сделать все, чтобы народ сам потянулся в сторону Советской власти, — Джафарову не терпелось поскорее положить все. — Вопрос привлечения мусульманского населения к делу защиты социалистических принципов не получил до сих пор разрешения и ясности. Так и сказал. Он требует, чтобы этот вопрос стал во весь рост перед нашей партией и Советским правительством. «Освобождение Востока — дело самого Востока», — вот его лозунг.

— Конечно, приятно, но это он «с приездом» говорит. Когда ознакомится, увидит — образованных людей мало, поймет, что без европейских коммунистов нам не обойтись. А вот Кизнер прав, когда утверждает, что вооружение мусульман является одним из условий развития борьбы на Востоке против английского империализма.

— Но ты помнишь, Кайгысыз, когда в последний раз у нас был Паскуцкий? Он сказал, что до проведения мобилизации в Красную Армию необходимо крепко поработать агитаторам, чтобы превратить мобилизацию в добровольное вступление. Он хорошо знает туркмен. Простая мобилизация может обернуться по-разному.

Кайгысыз вдруг спохватился.

— Ну ладно, не потому вы оба улыбались, когда пришли. Выкладывайте!

Джафаров по старшинству дал Атаниязову право высказаться.

— Мы от Бухаренко. В штабе есть телеграмма, по которой тебя, Кайгысыз, вызывают на работу в облревком. Поздравляю!

— Но, заметь, Алесковский против, — тут же вставил Джафаров.

Кайгысыз сразу вспомнил, что буквально несколько минут назад был у Алесковского в кабинете около часа и тот промолчал о вызове.

— Ну, что скажешь? — спросил Атаниязов. — Это здорово!

— Сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы. Поживем — увидим, — Кайгысыз еще хотел что-то сказать, но в дверях показался Гейвандов.

— Константин Сергеевич, здравствуй! Ищу Малькова. У тебя его не было? Очень нужен. В Полторацк ему ехать. Я не помешал? О чем говорили?

— Да так, про дела в Ташкенте. Не слыхал, скоро ли Фрунзе приедет?

— Скоро! И все будет в порядке! Я пошел. Если зайдет Василий, скажи, что он мне срочно необходим! До встречи!

— Ну и мы пошли, — сказал Атаниязов. — Не забудь попрощаться.

Оставшись один, Кайгысыз задумался. Поездка в Полторацк не являлась для него привлекательной перспективой. Он набрал номер, услышал в трубке голос Бухаренко.

— Ты чего же это, Иван, молчишь?

— Да хотел, чтобы земляки тебя первыми порадовали. Им ведь было приятно.

— Послушай, Ваня, а верно, что ты вчера отправил

телеграмму в Ташкент, в которой утверждаешь, что в тылу фронта все спокойно?

— Точно!

— Зачем неправду говоришь?

— Так надо, Костя. От нас именно таких телеграмм ждут.

— Я тебя не понимаю, Иван! Кого ты обманываешь? А если я тоже дал телеграмму в Ташкент, где сообщаю все, как есть, значит, я паникер? Теперь мне становится ясно почему сняли Малькова. Вещи называл своими именами. Правду резал...

— Нет, Костя, просто его, как, кстати, и других, заменили на более опытного. Другой уровень работы предстоит. Не все способны подняться, я так это понимаю.

— Уж очень Мальков прямо рубил, не как ты...

— Алло! Чего замолчал?

— Да вот, Василий Мальков тебе привет передает. Зашел ко мне. Еще, Иван, поговорим. Ты не прав. До свидания.

Атабаев вышел из-за стола, усадил Малькова в кресло, сам сел напротив на стул.

— Василий Васильевич, тебя разыскивает Гейвандов с хорошими новостями. Возвращают в Полторацк.

— Не поеду! Пусть сами там ковыряются.

— Ты не прав, товарищ Мальков. Извини, конечно, раз так говоришь, значит, вину за собой чувствуешь.

Припухшее лицо Малькова покраснело.

— Нет вины за мной. Единственное в чем себя укоряю, так за характеристику на Бориса Иванова. По возвращении из Афганистана его на высокую должность метили. Тут я сплеховал, но Паскуцкий с Поповым подправили.

— Я тоже знаю бывшего начальника штаба. Толковый мужик.

— Так из бывших офицеров он!

— Вот как! Значит, ты считаешь, товарищ Мальков, что все, кто были офицерами при царе, — гады. Глубоко заблуждаешься. Посмотри, сколько их стало хорошими командирами Красной Армии. Подумай, если бы их не было? Да и прикинь: вот тебя бы взяли в армию и в школу прапорщиков, а оттуда на фронт. Ты отличился, получил георгиевский крест, очередное

офицерское звание. Что я, только за это должен считать тебя гадом? Извини, но я тебя скажу прямо, что думаю. Так ты к Иванову отнесся потому, что сам не офицер.

— Ну, уж и загнул ты, Атабаев! Ошибаешься. Есть классовое сознание, — Мальков достал платок, утер лицо.

— Извини, это, конечно, громкое слово, но должен тебе сказать, что за твои эти вот заблуждения тебя и сняли. Узко смотришь на вещи. Если хочешь, передай и Андрею, он тоже страдает этим недостатком.

— Ты Лысенко не трожь! Он на посту..

— Думаешь, я с тобой так говорю потому, что тебя сняли? Нет, мне обидно, что те, с кем я много лет одно дело делал, начинают спотыкаться.

— Как это?

— Да вот так! Ты и товарищ Сулик, назначенный на твоё место, вы оба глядите на одну и ту же стенку, а видите по-разному. Ты видишь, что она белая, а он видит, что белая, да еще с голубизной.

— А у кого заслуг больше?

— Я так понимаю, товарищ Мальков, твоими заслугами ты большое дело сделал. Честь и хвала тебе и Андрею Лысенко, и многим другим. А жизнь не стоит на месте. Другие требования. Их понимать надо и соответствовать.

— Умно ты говоришь, Атабаев, да не по делу. Примазываются к тому, что мы сделали, те, у кого заслуг нет и кровь они не проливали, и то, что я, не делали.

— Теперь надо делать другое дело. Они это могут лучше тебя. За это казнить нельзя. Подумай, что заварили. Мировая революция! Не видишь, сколько в Ташкенте замесили глины? Приехали новые товарищи. Сразу все наладилось, как надо. Словом, Василий Васильевич, я, конечно, тебе не авторитет, но вернешься обратно в Полторацк, поговорим по душам с Николаем Антоновичем. Он разъяснит. А насчет помощи семье здесь, в Мерве, не беспокойся. Ты ведь за этим пришел? Я угадал? Обязательно будем помогать.

— Ну, хоть и на этом спасибо! Бывай здоров, товарищ Атабаев.

Под ногами поскрипывала первая пороша. В свете фонаря, косо, белой сеткой, падал снег. Атабаев шел по Кавказской домой и увидел свет в окнах Бухаренко. «Надо попрощаться с Иваном, — подумал Кайгысыз. — Завтра не успею. А когда еще увидимся?» Реввоенсовет Закаспийского фронта срочно, несмотря на решительные протесты Мервского ревкома, вызывал Атабаева на работу в Полторацкий облревком.

Бухаренко, обложившись бумагами и листками, что-то высчитывал на счетах. Он тут же поднялся, сходил на кухню и поставил чайник. Возвратился в комнату, заговорил о Полторацке, дал полезные советы, а когда на столе появились стаканы с чаем, спросил:

— Выходит, жену с дочкой отправил в Ташкент?

— Таня сама настояла. Я согласился. Зюечке будет там спокойнее. В Полторацке ни кола, ни двора. Устроюсь, обживусь, — вызову.

— Оно, конечно, так, но с любимой женой рядом, ох, как легче жить. Моя-то прихворнула. А что думаешь об Алесковском? Не по-партийному поступает. Как паук! Эфендиева не отпускал, Бердыеву палки в колеса сунул, тебя не хотел отпускать, — Бухаренко открыл ящик письменного стола, покопался в нем и выложил несколько кусочков сахара, видимо, неприкосновенный запас. — Угощайся, Костя.

— А ты, Ваня, как считаешь, кто важнее: кто командует или кто кладет кирпичи?

— Оба главные! Заковыка в том, чтобы на одном и другом месте стояли те, кто должен стоять, а не наоборот. Маета иначе!

— Бердыев быстро организовал работу народных судов. Дехкане сразу защиту обрели, Какаджан сам захотел и второй участок возглавил, судит, зная местное право, так, что казий всегда бледнее выглядит. А в Полторацке в кабинете бы сидел. Иногда важнее тот, кто кирпичи кладет.

— Будь по-твоему. Угощайся, бери сахар, бери! Не стесняйся. В прошлый раз, Костя, я не досказал тебе. Нам помешали. У тебя есть время? — и, получив утвердительный ответ, продолжил. — Так вот, дальше-то как дело было. Подъезжали мы с моей Файной Васильевной к Кызыл-Арвату. Волновались. Там встретились, поженились, провели три лучших года нашей семейной

жизни. Поезд прибывал в четыре часа утра, уже 13 июля. Мы стояли у окна, чтобы не пропустить ни одной малости. Вдруг состав останавливается у семафора. Я выглянул в окно, вижу, бегут вооруженные люди с красными повязками на рукавах. Ну, думаю, бойцы Фролова. Понимаешь сам, Костя, с гордостью вынимаю свой мандат. И вдруг...

— Тебя кто-то узнал? — Кайгысыз поставил пустой стакан на стол.

— Черта лысого! В мандате все написано! Вижу, как парень, с винтовкой и с техническим значком на фуражке, меняется в лице. «Оружие есть?» — резко так спрашивает. Отвечаю, что есть. «Сдаты!» — кричит он еще злее. «На каком основании?» — спрашиваю, а он мне штык в грудь, и кольт, полученный мною еще в школе прапорщиков, цап! Схватил, поглядел, улыбается, а меня вон из вагона.

— А жена? — Кайгысыз хотел было подлить себе чаю, но поставил чайник на подставку.

— В слезы. У вагона он передал меня вместе с моим мандатом другому бойцу и говорит: «Отведи к военнопленным!». «Какие еще военнопленные?» — спросил я, а он усмехается: «Там скажут!». Когда подошли к перрону, на свет, я оглянулся, и вижу — знакомое лицо. «Не Мануков ли будешь?» — Парень кивает. В Кызыл-Арвате имел свой домик как раз напротив Общества потребителей, где я работал. Извозом он занимался, лошадь, арбу имел. Я ему работу давал. «Меня помнишь, Мануков?» — спросил. «Хорошо помню. Вы Иван Васильевич». Дело было в моем мандате, я и спросил его. Парень отдал, но повел дальше, в зал для пассажиров первого класса. Вошел и сказал первому, кто был рядом: «Вот!» Тот поднял глаза, поглядел на меня, вскочил и затарахтел: «Иван Васильевич! Сколько лет, сколько зим! Где жена? Деток завели? Как сам?» Опять везение, понимаешь! Оказывается, это Касаткин, с которым я работал вместе в том же Обществе потребителей.

— Как в сказке, — отметил Кайгысыз и налил стакан чаю по-русски до самых краев.

— Тут я и спросил, что у них происходит, а он с гордостью: «Бьем большевистских комиссаров». Показывал на стены, а они оклеены лозунгами: «За Советскую

власть, но без негодных комиссаров», «За Советы, но без большевиков», «Долой насильников». Я спросил: «А за что же вы их бьете?» «Да узурпаторы они, захватили власть! Царя, мы, эсеры, сбросили, а власть так они захапали!» — и давай хвастаться, что комиссара Фролова, его отряд и всех большевиков в Кизыл-Арвате перебили. «Ну, думаю, гад», а у самого сердце в пятки брякнуло. Входят люди и ведут комиссара Телия, он тоже из Красноводска в Асхабад ехал. У меня язык еле шевелится, спрашиваю: «А если вам дадут отпор рабочие других городов, что тогда?» Он на меня глаза вылупил: «Да ты что не знаешь?» — Нет, говорю. Я проездом, с поезда. Мой конвоир, значит, видит, что мирный разговор — ни слова, и марш себе, а Касаткина квалится мне, что рабочим глаза открыли — они все ва эсеров и меньшевиков.

— Обман был крепкий. Я это в Мерве видел, — Кайгысыз утер платком проступивший на лбу пот. — Нерешительно Ташкент поступал. Их еще бы в середине июня в пески выслать, и дело с концом.

— Так-то оно так, но тогда, Костя, я думал конец мне пришел. Но не судьба! Смотрю, в зал зашли двое знакомых. Один был начальником железнодорожных мастерских, другой — инженер Родионов. Поздоровался с ними за руку, старые все же знакомые, а Касаткина кто-то позвал. Начальник с инженером не нашли кого искали — и к выходу. Я за ними, гляжу, а на третий путь мой поезд подают. Думаю, дай уточню, не приврал ли Касаткин? Спрашиваю, а те двое спокойно, как будто про погоду, говорят, что произошел переворот, Советскую власть свергли, убит чрезвычайный комиссар Фролов, весь его отряд уничтожен, и показывают на путях и перроне лужи крови. «Это, — говорит Родионов, — кровь мадьярская, и начальник караула Касаткин здесь расстарался. Чего ж это он вам не рассказал?» Ну, думаю, теперь бы только не встретить...

— Того железнодорожника, что тебя арестовал?

— Точно, Костя. Но повезло. Жена вся в слезах, а я только и шепчу про себя, скорее бы поезд трогался. Переоделся в другую одежду, отдал жене мандат, пересел от нее подальше. Когда поезд был в Асхабаде, прошел слух, что дальше не пойдет, Но мы приехали

в Ташкент, и меня, как делегата шестого съезда, направили в гостиницу «Петроград».

— На Вокзальной улице, рядом с Белым домом, где Совнарком помещается, — Кайгысыз вспомнил грозные январские дни осиновского мятежа.

— Да. Я напрямик к председателю. Колесова я знал. Они с Кобозевым приезжали в Красноводск. Захожу, а Колесов сидит и негромко беседует с товарищами. Колесов узнал меня, и спокойненько так: «Здорово, асхабадец! Садись!» Сажу и ушам не верю. Толкуют себе о всяких разных делах, о пустяках просто. Я и перебил: «Товарищ Колесов, вам известно, что происходит в Асхабаде и Кизыл-Арвате?» — «Известно. Одни жалобы поступают на Фролова, мы и послали комиссара труда товарища Полторацкого выяснить все недоразумения».

— Какие недоразумения! — Я аж подскочил с кресла. — Фролов убит, отряд его уничтожен, Советская власть в Кизыл-Арвате и Асхабаде пала! Ты знаешь Колесова — крупный мужик. Встал — гора горой, кресло к стенке отлетело, побагровел: «Как?! И до этого дошло?» — кулаки сжал.

— Так и спросил? Неужели не знал? Не может быть!

— Пятнадцатого утром в Ташкенте еще ничего не знали. Он тут же позвонил и приказал соединить его по прямому проводу с Полторацким в Чарджуе или Мерве, вызвал к себе военного комиссара Осипова и стал расспрашивать меня о подробностях.

— В Петрограде, там большевики что сделали во время восстания? Первым делом заняли вокзал, телеграф, телефон. Связь для власти другой раз поважнее, чем оружие.

— Но телеграфисты-то кто были? Эсеры!

— При чем здесь эсеры? Надо дело делать со знанием или вовсе за него не браться. Четыре дня как в набат бить надо, а там ничего неизвестно. И я чудом жив остался.

— Ты прав, Костя, но слушай дальше. Колесову, значит, сообщили, что Полторацкого нигде не могут найти.

— Да, он в Мерв в этот день приехал, на четвертом почтовом, и сразу на митинг. Рассказывал о положении в Ташкенте, в Москве, на фронтах. Ничего не знал

про мятеж. Да и мы тоже, Иван, тогда мало что могли ему сказать. Всякие слухи ходили. Совет постоянно заседал в «Гранд-отеле». Все решали: ехать дальше Полторацкому или не ехать? Алесковский на съезде в Ташкенте был. Анисимов, Лысенко, Мальков не знали, что делать. Куделин и Зимин — те, конечно, распинались за предателя Фунтикова.

— А как мервские рабочие? Полторацкий с ними встречался?

— Честно? Большая часть верила, что сменят негодных — и дело с концом. Действительно, трудно было: голодали, улучшения не предвиделось, а неразберихи вдоволь! И я так полагал, Ваня!

— Но ведь были же и те, кто не верил!

— У нас Гейвандов и эсер Казанцев, их и выдвинул Совет в состав мирной делегации Полторацкого. Но чарджуец Шайдаков, тот же Гейвандов и еще представитель ЦИКа, ташкенец Федор Самойленко добивались ясности, требовали направить красногвардейские отряды из Ташкента и Чарджуя. Полторацкий по пять раз в день на телеграфе бывал, а точных известий получить не мог. Мы с Атаниязовым посылали в Асхабад людей из Туркменской секции, но они не возвращались.

В проем окна из темноты просунулась голова красноармейца с перекинутой через плечо винтовкой.

— Товарищ Бухаренко, вас срочно в штаб зовут! К прямому проводу.

Бухаренко моментально сгреб бумаги в охапку, сунул их в портфель, поправил кобуру револьвера и в сердцах плюнул себе под ноги.

— Эх, Костя, опять дела не дают нам с тобой толковать!

Атабаев выслушивал и заносил в свой блокнот последние просьбы и наставления Алесковского, когда увидел в окно, как военный, который, по-видимому, направлялся в исполком, так как уже пересек улицу, вдруг вернулся. Взял под руку старенькую баджи с бидоном за спиной, наверное, подслеповатую и перевел ее на противоположную сторону. Кайгысыз подумал, что, может быть, кроме воды, за спиной у баджи

в деревянной бочке. Извинился и отворил дверь в приемную.

— Зина, сейчас войдет военный в синем френче, пожалуйста, узнайте, что он хочет, что ему надо и помогите.

Возвратившись, Кайгысыз подошел вплотную к Алесковскому и дружелюбным тоном, однако не без раздражения, произнес:

— Борис, я убежден, что аул мы мало используем! Не верь ты тем, кто думает, что без него можно обойтись! Атаниязов, Абдуллаев, Аманеков, Кульбешеров и другие твои помощники это знают. Не давайте вы нашим врагам настраивать их против нас! Как в ауле дело пойдет, таким и, считай, будет наш успех. Так думаю и с этой работой в Полторацке начну.

— Твоя позиция понятна, но ты не все охватываешь. — Алесковский не договорил, так как в дверях показалась Зина.

— Константин Сергеевич, этот военный лично вас разыскивает.

— И ничего ему не надо?

— А что можно у вас получить? — произнес военный, выступив из-за спины секретарши. — Я — летчик, Горбунов Николай Степанович. Хочу видеть товарища Атабаева.

— Я вас слушаю, товарищ Горбунов, — Кайгысыз протянул руку.

— Начальник Управления по снабжению войск фронта Иван Бухаренко упросил меня взять вас с собой на самолет. Завтра на рассвете вылетаем. Пришел сообщить. Вы готовы?

— У меня, Николай Степанович, есть билет в проходящий, завтра в полдень.

— Ну, а мы к обеду уже будем в Полторацке. Посадка в Теджене, там заправимся и — дальше. Одно условие — без чемодана. Машина новая, двухместная, но лечу с грузом.

— А у меня чемодан большой, с трудом поднять можно. Книги. Но я с вами лечу! Чемодан отправим поездом. Конечно! Спасибо Ивану Васильевичу. Вот это настоящий друг! Когда и где встретимся?

— Товарищ Бухаренко знает. Он за вами заедет на

рассвете и доставит к самолету. Качку морскую переносите?

— На верблюдах, вы хотите сказать, товарищ Горбунов, — Алесковский положил руку на плечо Атабаеву. — Не укачает! Константин Сергеевич человек крепкий. Завидую!

— А насчет того, чтобы получить.., — Горбунов в некотором смущении почесал затылок. — Знаете, было бы здорово приобрести каракулевую шкурку на женскую шапочку. Мой друг, военный летчик Михаил Строев, сейчас командует Полевым управлением воздушного флота, имеет родительницу. Она — восхитительный человек и мне — как мать. У родителей Михаила в декабре золотая свадьба...

Кайгысыз, не дослушав, вытащил из нагрудного кармана карандаш, подошел вплотную к столу и что-то быстро начал писать на листке бумаги.

Горбунов и Алесковский ждали.

— Вот, Зина вам объяснит, Николай Степанович, как найти Какаджана Бердыева. У него дома обязательно найдется украшение для головы достойной женщины. Обязательно!

— А во сколько мне это обойдется? — поинтересовался Горбунов.

— Считайте, что это будет мервский подарок «летающему шайтану», которым гордится наша армия. Спасибо вам. Завтра встретимся. А сейчас идите, не теряйте время.

Утром, с первыми лучами солнца, холод вновь отступил. К дувалу Туркестанской, где на плацу бывшего казачьего полка стоял под брезентом новенький «Ньюпорт» Т-21, подрулил автомобиль, которым управлял Атабаев. Горбунов встретил его словами:

— Милости прошу! Прямо за штурвал. Приятно удивляете, Константин Сергеевич.

— Вот мой учитель, который говорит, что на автомобилях ездят рассудительные люди, а на самолетах летают только ангелы, — Атабаев взял в правую руку, небольшой портфель, а левой указал на Юргенсона.

Бухаренко передал пакет Горбунову и дождался пока самолет взлетел. Кайгысыз при взлете ощутил, как сердце покатилося, казалось, в самый низ живота. Самолет оказался в первой воздушной яме. При наборе

высоты пассажир освоился и с интересом и удивлением принялся сверху рассматривать местность, которую хорошо знал. Отсюда она необозримо простиралась в разные стороны. Они полетели вдоль полотна железной дороги. Кайгысыз по-мальчишески обрадовался, но тут же поймал себя на мысли, что нечто очень важное в нем властно подавляет этот светлый порыв. Одновременно он приметил группу верховых, скачущих на конях вдоль полотна дороги, а чуть дальше двигались в сторону Каракумов верблюжьи караваны. Одна, другая, третья отары овец. Один, другой и третий аулы. «Для разведки ничего лучше самолета не придумаешь», — отметил Кайгысыз. Ему многое хотелось сказать Горбунову и еще больше спросить его. Но шлем, закрывший уши, и однообразный шум мотора не позволяли говорить. «Кончится война, на самолетах надо будет мулл поката́ть. Пусть пообщаются с Аллахом».

Вскоре, по обе стороны полотна, потянулись такыры и шоры с белесыми выцветками соли. Такыры представляли собой поразительно ровную поверхность: словно на столы причудливых форм хитроумный мастер вылил, сначала обесцветив до светлой-светлой серости, столярный клей, который постепенно засох под солнцем. Каждую весну на такыры сбегает с гор незаменимая здесь талая вода. «Сколько ее можно сберечь, умей только хозяйничать», — подумал Кайгысыз и вынул из портфеля книгу.

Горбунов чаще стал поглядывать на пассажира и уже на подлете к Теджену указал на товарные составы. Жестами летчик объяснил, что это воинские эшелоны и показал, как их можно бомбить.

На заправке Горбунов подошел к Кайгысызу, присевшему на корточки в тень под крылом самолета. Атабаев продолжал читать, потом поглядел через плечо и произнес: «Счастливы мы, дети XX века! Но еще счастливее будут наши потомки! Кровь проливать не будут! Земле за них краснеть не придется...»

— Чьи это слова?

Атабаев закрыл книгу, и Горбунов на обложке прочитал: В. Н. Гартевельд. «Среди сыпучих песков и отрубленных голов» и вспомнил, что еще до войны читал книгу этого же автора «Каторга и бродяги Сибири».

Когда они благополучно приземлились в Полторашке,

Горбунов, который видел, что пассажир вместо того, чтобы во все глаза рассматривать землю, спокойно читал книгу, подошел к Атабаеву.

— Вы собираетесь стать академиком?

— Не думаю, что меня за этим вызвали в Полторацк. Скорее всего уездным лекарем.

— Вы что, врач? — еще больше удивился Горбунов.

— Нет, но почему-то думаю, что строить Советскую власть в Туркмении уже сейчас нужно со знаниями врача.

— Вы оригинальный человек, Константин Сергеевич. Мне будет очень приятно продолжить с вами знакомство.

— Я с удовольствием! Ну, а вы — легендарный! Я еще не ушибнул себя, но сейчас это сделаю. Мне все кажется, что я сплю и все вижу во сне. Какие нужны знания и сила воли!

— Не особенно, но знания нужны. Воля и дисциплина тоже. А вот насчет «легендарности», это ни к чему. Легенды о людях можно складывать и распространять только тогда, когда предмет легенды умер, и когда она никем не может быть опровергнута. Легенды очень сильно действуют на воображение, особенно молодых людей. Когда же оказывается, что легенда всего-навсего измышление ради сиюминутной выгоды, а то и мелкой страсти, то разрушительная сила ее несонизмерима и часто губит другие истинные легенды. Такие «скавания» очень легко переходят из первого значения слова легенда во второе.

— То есть?

— Из поэтического предания о каком-либо историческом событии в бессовестный вымысел, в нечто невероятное.

Глава тринадцатая

ВСТРЕЧА С КУИБЫШЕВЫМ

Атабаев пришел на работу задолго до того, как в кабинетах облревкома появились уборщицы. Сторож спросонья не хотел было пускать Кайгысыза. Тот, находясь под впечатлением от содержания бумаг, с кото-

рыми познакомился накануне ночью, не обратив внимания на ворчание сторожа, прошел в свой кабинет. Там на столе ворохом лежали документы. Копия приказа начальника гарнизона города Полторацка № 158 от 22 октября 1919 года была отложена в сторонку. Кайгысыз взял приказ в руки и снова принялся читать:

«Установлено, что отдельные личности и даже группы из отдельных воинских частей Красной Армии, находящиеся в городе Полторацке, нарушают приказ № 33 РВС Закаспийского фронта. Случайно затесавшиеся бандиты в Красную Армию самовольно врываются в частные квартиры, производят обыски, аресты, не имея на то никаких документов и обыкновенно заканчивают свою узурпаторскую деятельность грабежом.

В то время, когда красные бойцы льют на фронте кровь, лучшие товарищи пали и падают жертвами за советские идеи коммунизма, хулиганы бражничают, бесчинствуют и стараются всячески дискредитировать Советскую власть, в угоду контрреволюции, в помощь белым бандитам.

Предупреждаю в последний раз, что приказ № 33 и его Обязательное постановление — не клочок бумаги, и те господа, продолжающие нарушать приказ, будут расстреливаться на месте без суда. Мещеряков».

Атабаев предполагал, что наутро, на свежую голову, сумеет найти ответы на вопросы, возникшие у него после знакомства с этим приказом. Он стискивал зубы, злился почему-то на себя, сожалел, что познакомился с приказом, но, в конце концов, решил вслух: «Молодец, товарищ Мещеряков! Расстреливать без суда и следствия. Врага надо судить, может быть, и простить, если понял, что заблуждался. В этом есть гуманность и сила новой власти. И потом они хуже врагов. А свои гады будут! Земле за них краснеть не придется...»

Он знакомился с положением дел, осваивал новую должность зампредоблревкома, и его не беспокоили. Однако ближе к одиннадцати часам дверь в кабинет распахнулась, и без стука, по-хозяйски, на пороге появился довольно молодой человек невысокого роста в распахнутой шинели и военной фуражке со звездочкой...

— Пришел познакомиться. Если гора не идет к Магомету, то...

— То Магомет идет к горе. Верно, так у нас говорят, но вы кто будете, товарищ Магомет? — спросил Кайгысыз и, встав из-за стола, протянул руку вошедшему.

— Без году неделя на новом месте, а уже жалуетесь. Я — Сулик. Пришел с вами познакомиться, показать вам заодно приказ, чтобы не спешили с доносами товарищу Паскуцкому, — начальник политотдела РВС фронта положил на стол четвертушку страницы, извлеченную из кармана шинели.

— Товарищ Сулик, — Кайгысыз немного онешил и поэтому начал почти вполголоса, — вы опытный политический работник, приехали из России, а чему меня учите?

ЗавПО РВС тоже смешался.

— То есть как, чему?

— А вот так, товарищ Сулик. Председатель РВС вызвал меня по прямому проводу. Просил помощь. Вы знаете, что красноармейцы на передовой четвертый день не едят мяса, у лошадей нет фуража, а у паровозов — нефти? Однако, я теперь занимаюсь организацией аульной бедноты. Николай Антонович спросил о первых моих впечатлениях. Я и сказал ему. И совсем не жаловался.

— Так вот, читайте приказ, — Сулик хлопнул ладонью по лежащей на столе четвертушке.

Атабаев взял ее со стола и начал читать вслух:

— «Приказ Политотдела РВС, номер двести двадцать два от 27 ноября. Согласно предписанию председателя РВС Закаспийского фронта, на объединенном заседании комиссии, состоящей из начальника штаба Попова, начальника гарнизона Мещерякова, председателя исполкома Жука, постановили: первое — все вино, находящееся на складах отдела народного хозяйства Полторацка, опечатать и выдавать по рецептам врача. Заполитотделом Сулик». Это правильно!

— Это правильно, а что не правильно? — авторитетным тоном спросил Сулик.

— А то, что вы как приняли от товарища Малькова политотдел, так на следующий же день уволили товарищей Ханова и Клычмамедова за «манкирование служ-

бой». Я запомнил эти слова. Что, вы в этих людях не могли разобраться?

— Я до этого две недели возглавлял культурно-массовый политотдел. Видел, как они, с позволения ска-зать, работали.

— И убедились, что они умеют лучше, но не хотят? А может не знают, как надо, может никто не учил, как следует? — Сулик не ожидал такого поворота, молчал, а Қайғысыз тут же воспользовался ситуацией. — Есть товарищи, которые это понимают, стараются учить нас. Вот что мне вчера дал один такой товарищ. — Атабаев протянул Сулику страничку из ученической тетради, которую ему оставил Шпитцер — руководитель комитета иностранных коммунистов из бывших военнопленных мировой войны, задержавшихся в Закаспийской области. На ней каллиграфическим почерком были переписаны отдельные фразы из выступления Сталина, наркома по делам национальностей РСФСР. Сулик прочел: «...работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенности классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной национальности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавия, колонизаторства, великорусского шовинизма... Иначе нам грозит перспектива потери доверия рабочих и крестьян ранее угнетенных народов, нам грозит перспектива разрыва связи между этими народами и русским пролетариатом, и этим самым нам грозит опасность допустить трещину в системе нашей диктатуры».

Сулик читал и в то же время лихорадочно размышлял, кто перед ним: ловкий ли хитрец или знающий человек. И что это? Хорошо продуманный трюк с целью давления на него или сама чистота, искренняя вера?

— Что я могу сказать вам, товарищ Атабаев? Я понимаю ваше беспокойство. Однако уверен, что работа, когда от нее увиливают коммунисты из местных нацио-

нальностей, плохой пример и ничего положительного не принесет.

— Но все-таки, товарищ Сулик, если бы им разъяснить, показать, как надо, — продолжал настаивать Кайгысыз, не подозревая о том, что собирался сказать ему завполитотделом.

— Товарищ Атабаев, я не пойму вас. Вы же прекрасно знаете этих товарищей по работе в Мерве, сами неоднократно высказывали недовольство в их адрес.

Кайгысыз по-настоящему растерялся и Сулик это отметил, как признак того, что Атабаев не жох, и поэтому поспешил ему на выручку.

— Я понимаю вас, вы мне сейчас можете сказать, что, мол, вот седьмой съезд Советов Туркестана ликвидировал Наркомнац как ненужное, бесполезное, даже вредное учреждение, а затем Турккомиссия восстановила Наркомнац как учреждение очень полезное и необходимое.

— Да, конечно, — согласился Кайгысыз, подумав про себя, что этот Сулик не глупый человек и, возможно, правильно понимает местные проблемы.

— Вместе с тем давайте договоримся, если вы верите в возможности этих товарищей, помогите им устроиться на соответствующую работу в системе облревкома. Пошлите их в аулы, но в политотделе они больше работать не будут! Допустим, я тоже могу ошибиться, но этого приказа о Ханове и...

— Клычмамедове.

— ...да, я не отменю! Дисциплина и твердость в армии должны быть примером. Ну, я пойду! Хорошо, что я пришел к вам. Вас как зовут?

— Константин Сергеевич. И я доволен.

— Мы еще увидимся, поговорим, а сейчас мне нужно на Офицерскую, в армейский суд. Это далеко?

— И мне туда надо, к товарищу Барону. Я вас подвезу. У меня фаэтон.

По дороге Сулик внимательно слушал Атабаева, стараясь поскорее вникнуть в сложности местных условий работы и, когда увидел, что они свернули на Офицерскую, сказал:

— Но есть другая крайность, товарищ Атабаев. В Ташкенте ряд ответственных работников-мусульман требуют ликвидации Турккомиссии, о которой вы говорили

с таким уважением. Они требуют ограничить права Туркфронта, вывести Красную Армию. Вы понимаете? Взамен — свои воинские обособленные части, своя тюркская компартия и свое отдельное государство. Так что ли?

— Нам это не грозит. Туркмены этого не хотят. Вот другое дело, если в системе РСФСР создать Туркменскую республику, а казахам, таджикам, узбекам — свои, это другое дело.

— Ну, по всему видно, мы приехали, — сказал Сулик, когда фазтон притормозил у здания, где стояли часовые.

Председатель армейского суда, которого подъехавшие в лицо не знали, как раз выходил из парадного. Сойдя с крыльца, он сильно потянул ноздрями воздух и тут же остановил вывернувшего из переулка на Офицерскую амбала-азербайджанца, несшего за плечами на специальном приспособлении носильщиков довольно вместительную бадейку.

— Стой! Иди сюда! — приказал Барон, но человек не подчинился, хотя и остановился. — Иди, иди, прикажу арестовать!

Это подействовало, и когда носильщик с бадьей приблизился, глядя в его покрасневшее лицо, председатель армейского суда еще раз потянул в себя воздух.

— А, кишмишовка! Понюхать только, и то сдуреешь. А ну, снимай! Снимай, говорю!

— Товарищ, не губи! Дети есть! — заныл огромного роста детина. — Не губи!

— Какой я тебе товарищ. Волк в степи — тебе товарищ. Забрать его! — приказал Барон караульным, — а кишмишовку — в арык.

Красноармейцы выполнили приказ, и вокруг завоняло сивухой.

Кайгысыз обратился к Барону, назвал себя.

— Особый отдел задержал Мухамеда Юсупова, который прибыл в Полторацк с мандатом товарища Бухаренко. Должен был закупить халаты для армии. Говорят, дело передано в армейский суд...

— Как вы сказали, Мамед Юсупов? — перебил Кайгысыза Барон. — Вчера выпустили. Он сам расскажет, все начальнику снабжения. Бухаренко не сегодня-завтра, вместе со своим управлением, переводится в Полторацк.

А вы, должно быть, товарищ Сулик? Вас я и жду. Идемте! — и Барон, сухо пожав руку Атабаеву, повел Сулика внутрь здания.

Кайгысыз обрадовался, узнав, что Бухаренко переезжает в Полторацк.

Первым и очень серьезным делом, которым председатель облревкома Окунев поручил заняться Атабаеву, было «дело» Рахматуллина. Того самого Фатхила Гандалиновича, который всего полгода назад, заведывая муссекцией политотдела РВС фронта, являлся непосредственным начальником Кайгысыза и у которого он многому научился.

Теперь нужно быть, по сути, его судьей. Рахматуллин, после ликвидации муссекции политотдела, почти со всеми ее сотрудниками перешел на работу в уездгорком партии и продолжал вести активную агитационную работу среди мусульманского населения. Сулик требовал от Рахматуллина отчетов — денежного и о проделанной работе. Тому вечно было некогда, и тогда Сулик предъявил документ-заявление, сделанное еще в октябре бывшим секретарем муссекции Мамедом Марданбековым, в котором последний обвинял Рахматуллина во всех смертных грехах, в том числе и в продаже мебели, ковров и драгоценностей в Персию.

Атабаев несколько дней рылся в разных бумагах, вызывал к себе людей и, наконец, выяснил общую картину. Сразу после занятия Асхабада Рахматуллину была выделена под жилье квартира бывшего полковника Антонова, бежавшего с белыми в одних подштанниках. От него остался недопитый стакан чая и недокуренная папироса. Рахматуллин, поселившись в Охотном переулке, на взгляд Кайгысыза, проявил беспечность. Правда, Рахматуллин был занят работой в политотделе день и ночь, но все-таки, будь на его месте Кайгысыз, он бы нашел время составить опись драгоценностей и имущества, ставшего казенным, и постарался бы принять меры к тому, чтобы их сохранить. Между тем богатую квартиру дважды посещали воры, и Рахматуллин попросил жилье поближе к месту работы. Когда же переезжал, то перевез с собой кое-какие вещи с разрешения Совнархоза.

Что же касается некой Марии Васильевны, которая

якобы торговала рисом, коврами и меняла деньги по поручению Рахматуллина, то это оказалось выдумкой. Отчасти обоснованным оказалось обвинение Рахматуллина в продаже драгоценностей и ковров в Персию. Рахматуллин, по поручению Малькова, который исполнял указания Паскуцкого, несколько раз посылал в Мешхед с особо важными заданиями некоего Абида Эфендиева, которому, конечно же, выдавались деньги, пистолет, лошадь и пропуск. Секретарь муссекции Марданбеков этого знать был не должен. Там вот он, интриговавший против Рахматуллина в пользу, как выяснилось, своего друга Мавлянбая Джафарова и Мерва, мечтавшего попасть в Полторацк на должность руководителя муссекции, считал снаряжение и отъезд Эфендиева в Мешхед поводом для обвинения. Верно, чтобы поездки выглядели естественными, со складов Совнархоза Эфендиеву кое-что выдавалось, а вот деньги от реализации этих вещей сдавались в кассу политотдела, но не оприходовались.

Атабаев снял обвинения против Рахматуллина, и Сулик как будто отступился. Вместе с тем, сообщая об этом Рахматуллину, Қайгысыз предложил ему вспомнить сумму расходов, куда уходили деньги, и составить отчет.

— Ай, кто тогда помнил? Важно было войну не проиграть. Что там деньги! — Рахматуллин хоть и горячился, но обещал такой отчет в политотдел представить.

Первая областная конференция коммунистов-мусульман Закаспийской области, закончив свою работу, направила приветственное письмо товарищу Ленину. Конференция проходила в обстановке, которая поражала воображение Қайгысыза и в то же время вселяла в его душу радость и беспредельную гордость. Люди шли на заседания конференции торжественные, одетые в лучшие свои наряды, а под сводами зала, где она проходила, похоже было, собрались все добрые мусульманские ангелы: Джебраил, Лукман и птица Хумай¹ в том числе.

¹ Джебраил, по мусульманским легендам, передавал вести от Аллаха. Лукман — легендарный врач и мудрец древности. Хумай — сказочная птица, тень которой, упавшая на человека, делает его счастливым.

Участники конференции, тщательно обсудившие письмо вождя пролетарской революции Ленина к «Товарищам коммунистам Туркестана», не переставали восхищаться тем, что Ленин обратился к ним не в качестве председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве рядового члена партии. Слова вождя о том, что для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь важное значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, донныне угнетавшимся народам, цитировались на память. Кайгысыз входил в курс жизни областного центра, знакомился с новыми товарищами в обстановке, которая была для него более чем благоприятной.

Письмо, отправленное участниками конференции Ленину, заканчивалось заверением: «Все мы, сыновья угнетенных народов Востока, обещаем и клянемся защищать Российскую социальную революцию до последней капли крови. Да здравствует глава освобождения угнетенных народов, товарищ Ленин! Смерть империализму и капиталу!».

Конференция избрала обновленный состав областного партийного мусбюро, в который вошли Исмаил Хакки Ризаев, Халмурад Сахатмуратов, Сухан Ишанов, Анна Мухаммедов, Худайкули Ханов, Фатхил Рахматуллин, Чары Перлиев и другие. Сахатмуратов, окончивший перед самой революцией Ташкентскую учительскую семинарию, был на одиннадцать лет моложе Кайгысыза, но удивлял его умением свободно держаться. Будучи уже в двадцать один год заведующим областными мусульманскими учительскими курсами, Сахатмуратов легко судил обо всех вопросах.

— Скажите, Халмурад, как там на курсах мервские студенты? Как Берды Кербабаев? — как-то спросил Кайгысыз.

— О, он очень способный. Далеко пойдет! Нас уже собирается учить. Все хорошо, но учебников мало. Может, и вы вернетесь на кафедру?

— Думаю о другом, Халмурад. Прежде чем нам сделать дальше хотя бы один шаг, надо покончить с гача-гачлык¹. В этом деле студенты курсов много мо-

¹ Бегство; в данном случае откочевка в пески и горы.

гут сделать. Вместе с организаторами поехать на день-два в аулы. Учеба не уйдет.

— Думаю, невозможно ломать учебный процесс, — твердо заявил Сахатмурадов. — Не выйдет!

— А вы понимаете, какая это агитация за Советскую власть — полное возвращение откочевавших в свои дома? Подумайте получше, потом сами и доложите облревкому.

К ним подошел Рахматуллин с молодым парнем, типичным купцом, и представил своего спутника Атабаеву.

— Вот он, Абид Эфендиев. Только что возвратился из очередной поездки. Теперь уже по заданию Кемпчинского. Вот! Живой человек! Спросите!

— Вопрос уже закрыт, Фатхил. Вот только пусть и он напишет бумагу, из которой будет видно, куда расходовались деньги. Вам верят, но отчетность необходима. Сейчас я здесь разобрался. Однако бумага-то на тебя осталась. Пройдет время, другой товарищ посмотрит и скажет, что непорядок.

— Через неделю, говорят, и Агалар из Мешхеда возвратится. Его тоже у Кемпчинского можно найти, — Рахматуллин все не мог понять то, что Атабаеву уже было ясно. Любая власть крепко стоит, покуда требует отчета в действиях от тех, на кого она опирается.

По мере приближения к линии фронта Валерий Владимирович Куйбышев все больше проникался уважением к людям, ковавшим победу Советской власти в Закаспии. Он невольно сравнивал условия бывшего Восточного фронта, довольно тяжелые и сложные, с тем, что встречал здесь, и диву давался: откуда выискивались силы, способные бить белых. Топки восьмидесяти из ста паровозов погасли. Военские эшелоны практически стали. Красноармейцы мерзли без шинелей, не было дров, конский состав и верблюды исхудали настолько, что многие не могли передвигаться. Животные уже целую неделю не видели ни клевера, ни жмыха. Красноармейцы питались из рук вон плохо. В кассе РВС и банках городов, находившихся в зоне фронта, не было наличных денег. Ситуация сложилась критическая, и Куйбышев, уже из Мерва, сообщает в Ташкент председателю Турккомиссии Шалве Элиава:

«Фронт в том положении, в котором он сейчас находится, нелепость, а через неделю операции будут невозможны из-за дождей. Дайте фронту все, чтобы через неделю освободиться от забот его снабжения. Через неделю будет поздно, и мы разорим себя за зиму».

Меж тем революционный пыл людей, сражавшихся за Советскую власть в Закаспии, был способен творить чудеса. Противник, конечно же, знал о тяжелом положении красных полков под Кызыл-Арватом, которые расположились в окопах против хорошо укрепленных позиций белых около станции Казанджик. И этот фактор тоже учитывался Паскуцким — инициатором и душой этой боевой операции.

— Товарищи красноармейцы, командиры и комиссары, вы видите, как тщательно мы продумали план, все учли и от вас ничего не скрываем. Повторяю, мы берем с собой продуктов питания ровно на пять дней. Четыре ночи похода и день боя. Отступление для нас равносильно смерти! Но я уверен, победа будет за нами! — так закончил свое выступление Паскуцкий перед полками обходной группы, готовыми выступить в поход.

В ответ над площадью Кызыл-Арвата прогремело дружное «Ура!». Полки выступили с развернутыми знаменами и оркестрами. Обходная группа насчитывала более чем три тысячи штыков, девятьсот сабель, шестнадцать боевых орудий и тридцать девять пулеметов. Ей предстояло, несмотря на стужу, ночами пройти в обход, через пески, сто двадцать километров и на рассвете 6 декабря ударить по тылам белых. В этот же час другая группа должна была атаковать линию обороны белых перед Казанджиком.

Успех операции и захваченные трофеи превысили все ожидания. Лишь одному бронепоезду штаба дивизии белых и двум эшелонам удалось прорваться в сторону Красноводска. Были захвачены четыре остальных бронепоезда: «Партизан», «Гроза», «Дозорный» и «Разведчик», один аэроплан-истребитель, тринадцать действующих паровозов, шесть эшелонов, более ста тысяч патронов, орудия, снаряды, пулеметы, винтовки и четыре с половиной тысячи пудов превосходной нефти. Но наибольшим успехом РВС, о чем Паскуцкий доносил Куйбышеву и в Ташкент, являлось то обстоятельство,

что политическое разложение в стане белых явно продолжало расти. Надежда белых — отдельный батальон 5-го сибирского полка в девятьсот штыков, составленный из старых солдат, недавно прибывших из Франции и германского плена, перебил своих офицеров и перешел на сторону красных.

Когда Куйбышев, полагавший необходимым «не дать противнику очухаться», прибыл в расположение штаба Закаспийского фронта, которому предстояло переформирование в дивизию 1-й армии Туркестанского фронта, штабом, а конкретнее — Паскуцким, командующим Сергеем Тимошковым и помощником начальника штаба Иваном Ефимовым был разработан очередной план удара по противнику на станции Айдын с новым обходным маневром. В этом исходе, который также завершился успешно, член РВС Туркестанского фронта и член Турккомиссии Куйбышев принял самое активное участие. Он познакомился с людьми, досконально изучил обстановку.

Приезд Куйбышева на передовую и штаб 1-й армии — в Мерв, во главе с ее командующим Георгием Зиновьевым, бывшим военным летчиком, кавалером четырех Георгиевских крестов и ордена Красного Знамени, внесли перелом в завершающий этап борьбы с белым Закаспийским правительством.

Кемпчинского, веселого парня Викентия с Гератской улицы города Мерва, теперь было не узнать. И не потому, что он раздобыл и у него изменилась осанка. Кемпчинский и говорил сейчас иным голосом, и мыслил по-новому. Он, всегда готовый в бытность свою банковским служащим на поспешные поступки, теперь взвешивал каждое слово, не торопился с выводами и принятием решений.

Кайгысыз сидел в углу кабинета начальника разведотдела и ждал пока тот закончит разговор со своими подчиненными. Кемпчинский говорил, а сам то и дело бросал беглые, обеспокоенные взгляды в сторону Кайгысыза. И не напрасно. Кайгысыз в ту минуту размышлял: «Вот ведь как в жизни случается! Что, если бы Паскуцкий не отменил тогда своего приказа? Судили бы и, кто знает, где бы Викентий сейчас находился. А так вон какое дело тянет». Кайгысыз вспомнил июль

месяц. Тогда 1-я и 2-я батареи 1-го Туркестанского полка и Мервская разведочная дружина, под командованием Кемпчинского, не исполнили приказа командования и во время жаркого боя на передовой не оказали своими силами поддержку наступающим. Паскуцкий отдал строгий приказ: весь состав обеих батарей и дружины уволить из рядов Красной Армии и разоружить бойцов и командиров в течение десяти минут, затем немедленно отправить эшелоном в сторону Ташкента для разбора дела.

— Что, Костя, о прошлом думаешь? — спросил Кемпчинский, как только за его подчиненными закрылась дверь кабинета.

— Неужели, Кеша, у вас в политотделе есть такие машины, которые читают чужие мысли?

— Если бы, дорогой! Мы бы в полгода совершили мировую революцию! Правда, революции одними машинами не совершаются. Я вот тут запросил и мне прислали из Ташкента кое-какую литературу: Маркс, Плеханов, Энгельс, Ленин.

— А кем они совершаются? — Кайгысызу было интересно послушать, что говорят на сей счет теоретики.

— Людьми, дорогой Костя! Людьми, такими, как мы с тобой. С одной стороны — профессионалами, а с другой — народной массой, готовой к совершению революции.

— Значит, не везде она может произойти? Где захотел, там и пожалуйста.

— Конечно! Но как хозяйки замешивают тесто и ждут, пока оно подойдет, так и профессионалы должны работать. Берем, к примеру, Персию. У власти реакционное правительство, а народ, воодушевленный нашей моделью, может последовать за нами и совершить у себя революцию.

— Понимаю, — Кайгысыз глянул на ручные часы.

— Постой! Ты что, торопишься?

— Да нет.

— Не гони скакуна! Послушай! Вдохновленные идеями панисламизма и националистической «Эттехаде ислам»¹, руководители Персии потребовали на Парижской мирной конференции передать им русский Азербайджан,

¹ «Единение ислама».

Армению, Нагорный Карабах, южный Дагестан и Среднюю Азию с городами Красноводск, Асхабад, Мерв и Хива. Как тебе это нравится?

— Когда? Где? — восторженно Кайгысыз. — Как можно!

— Вот то-то и оно! Недавно, в Париже! — Кемпчинский вернулся к письменному столу и для пущей важности пошелестел одной из лежавших там бумаг. — Турки пришли в Закавказье с лозунгом: «За единство мусульман». Так? Во имя «защиты ислама» и спасения от «неверных» они вербовали людей в контрреволюционные полки. Руководители всех националистических организаций рассматривают и считают службу в белогвардейских дивизиях Деникина исполнением долга перед Аллахом. Послушай, что проповедуют муллы в «добровольческой армии» Деникина, — теперь Кемпчинский взял со стола бумагу и стал читать: — «Каждый, кто способен носить оружие, должен взяться за него и сражаться в армии. Нам, мусульманам, ничего другого не остается, как идти рука об руку вместе с добровольческой армией. За оружие! Да будет Аллах с нами!» Чем мы будем отвечать? Что скажешь?

Вопрос Кемпчинского был неожиданным.

— Казанджик, Айлы, завтра возьмем Красноводск, — не задумываясь, выпалил Кайгысыз.

— Хорошо! А что делать с обществом «Фунхо», которое действует в самом нашем сердце, в Ташкенте, и сеет вражду к «инверсиям», прежде всего к русским? Что делать с пропагандой Чокаева, Досмухаммедова, этих битых деятелей Кокандского правительства, которые, однако, продолжают отравлять наше нутро, души наши лозунгами: «Долой неверных!», «За торжество ислама!», «Туркестан для туркестанцев!».

— Победим белых, организуем как надо новую власть, и все эти люди, и все их идеи умрут, как сорняки без полива. Что, разве не ясно? — Кайгысыз говорил, а сам думал, по чьему заданию Кемпчинский вел с ним такой разговор. Или Викентий Павлович замышляет что-то свое?

Атабаев не успел поразмыслить до конца, но уже получил ответ. Кемпчинский сложил руки, потер их и произнес:

— Значит, надо лишить их воды. Правильно! А от-

куда она идет в Туркмению? Из Персии. Атрек, Фирюзинка, Гедженка, Мургаб. — Кемпчинский открыл папку, взял из нее телеграмму. — Вот, Костя, приказ наладить разведработу в Персии. Перекрыть там деятельность панисламистов, организовать работу так, чтобы каждый их шаг нам был хорошо известен. А то — Асхабад, Красноводск, Мерв, Хива! А фигу не хотят?!

— Ага! — Кайгысыз аж подскочил с места. — Значит, я так понимаю, ты предлагаешь мне отправиться в Тегеран или Мешхед. Куда точно?

— Погоди о выборе города! Мне нравится, что ты понимаешь...

— А мне не нравится. Никуда отсюда не поеду! Я думаю, Кеша, что не каждый может выполнить это очень почетное дело.

— А если в порядке партийной дисциплины? — Эту фразу Кайгысыз услышал впервые и удивился.

— А ты можешь в порядке этой дисциплины завтра стать хирургом? В банк на работу, даже учителем меня можно направить. Нет, Викентий, это не по мне! Я уважаю тебя еще больше, что ты этим занимаешься, но я сам не могу. Мое оружие — слово. Оно должно быть громким, прямым. А дело мое — раскрыть глаза туркменам и до конца довести до их сознания, что такое Советская власть, и положить конец вражде между племенами, создать из моего народа единую, образованную нацию. Этого я в Персии делать не смогу. Так что, Кеша, давай искать вместе других кандидатов.

Кемпчинский был явно огорчен такой четкой и твердой позицией Атабасва и вскоре совсем отказался от своего намерения.

Покинув район чайхзи и караван-сараяв и оставив позади тесные кривые и довольно замусоренные улочки с крохотными лавчонками, прилепившимися одна к другой, человек вышел на просторную, залитую осенним солнцем площадь, которую, благодаря мечети Кизыл-имам, знал каждый шиит Востока. Человек был одет как бухарский купец. В караван-сараяе, где он остановился, хранились под замком у хозяина привезенные им ковры, расписка лежала в кошельке за поясом. Величественная, выхваченная словно из другого, сказочного мира, мечеть Кизыл-имам, — сколько раз бы не обра-

шался к ней взор, — волновала воображение даже того, кто расстался с верой во имя идей всемирного равенства и братства. Между тем, по инструкции, ему полагалось непременно, перед началом главного дела, совершить утренний намаз в Кизыл-имаме.

Стройный, хотя и не очень молодой человек, которого звали Салман Фараджиев и который регулярно платил секретарю муссекции партийные взносы, о чем здесь, в Мешхеде, могла знать только одна душа, поймал себя на мысли, что чачван¹, скрывающий лицо и грудь местных женщин, обладает какой-то странной, притягательной силой. Глядя на спешившие в разные стороны грациозные женские фигуры, Салман думал о неравном положении мужчины: женщина из-под чачвана видела его, а он, по сути дела, лишь ее фигуру.

Двери мечети светились так, что, думалось, будто они выкованы из серебра, а потолки и стены монументального молитвенного дома, в котором, по преданию, находится гробница восьмого имама шиитов — Резы, казались стеклянными.

Фараджиев помолится и с учащением бившимся сердцем, ощущая за пазухой письма, направился на Сардшур-базар. Там ему предстояло разыскать нужную лавку и начать дело, ради которого он и прибыл в Мешхед. Купец, уважаемый в городе и известный в Мешхеде и Тегеране демократ Гаджи Мамед Джафар, слушал гостя с глубоким вниманием, хотя на лице его было разлито блаженство, ощущаемое после завтрака и армуды крепкого индийского чая. Фараджиев заговорил с хозяином лишь после того, как внимательно перебрал много товаров в лавке и смог остаться с ее владельцем наедине. Но вот блаженное выражение лица Гаджи Мамед Джафара резко изменилось, он разволновался, замахал руками и, окончательно выйдя из себя, несмотря на свою солидность, вскочил с подушек, подошел к двери, выглянул на улицу, потом уставился на незнакомца изучающим взглядом, как бы пытаясь прочесть его подлинные мысли.

— Если узнают англичане, то нас сразу расстреляют на месте без всякого допроса и суда! Не нужно мне

¹ Покрывало из конского волоса.

никаких писем! Уходи! Я не донесу, но знать тебя не знаю! — прошипел купец.

— Эстагпурылла!¹ Как можно вести подобные речи? Вы, дорогой Гаджи Мамед, образованный человек, знаете, что происходит по ту сторону Копет-Дага, — начал было Салман, не желая так просто отступать. К тому же письма от Паскуцкого, Рахматуллина и еще двух асхабадских знакомых Гаджи Мамед Джафара, которые он достал из-за пазухи, жгли руки.

— Не знаю и знать не хочу! — отрезал хозяин лавки.

— А мы знаем, что вы истинный демократ и вам под силу одолеть сират². К тому же своим убеждением вы принесете пользу не только себе, но и всему народу. Будете его вожаком! — Салмана прорвало, он удивлялся самому себе, а лавочник с растущим беспокойством выглядывал на улицу. — Вы знаете, что случилось в Афганистане? Хабибулла-хан не желал считаться с тем, что кругом происходило. Он был слишком занят собой, услаждал себя изысканными блюдами, тонким вином, восточными благовониями и красивыми женщинами. И что вышло?

— Не учите меня! — в голосе Гаджи Мамеда Джафара появились просящие нотки.

— Вы ошибаетесь, если полагаете, что Хабибулла-хан в действительности считал, что с большевиками ему не по пути, что с ними ему нельзя садиться на один корабль. Политика! Эмир хотел получить от англичан очередной заем. А, в конце концов, пинок под зад! Не шутите, уважаемый Гаджи Мамед. — Салман не мог остановиться, опасаясь появления англичан. Он полагал, что те появятся сразу, стоит ему замолчать. В действительности же, — в инструкции такого не предусматривалось, — Фараджиев оказался в неожиданном и сложнейшем положении и видел выход из него лишь в силе убеждающего слова. — Я за один вчерашний вечер понял, что здесь все за большевиков! Все ненавидят англичан! Вы, милейший, совершаете пагубный для себя ход. Прочтите хотя бы письма!

— Валла!³ Я вызову полицию! Уходи немедленно! —

¹ Да простит бог!

² По мусульманским поверьям, мост, висящий над адом. Он тоньше волоса и острее сабли.

³ Клянусь Аллахом!

о этих словах Гаджи Мамед Джафар, видимо, придя к заключению, что иначе от этого человека не отделаешься, схватил на прилавке ключи и буквально вытолкал вошедшего покупателя. — Я болен! Лавка закрывается. Я заболел!

Салман поспешил покинуть Сардшур-базар; казалось, за пазухой у него были теперь не письма, а раскаленные угли. Такого поворота никто не мог предусмотреть, и Салман мучительно соображал, что же сейчас делать? «А! Есть еще один адрес. Чуть не забыл, — пронеслось в голове Фараджиева. — Ших-Ахмет-Багиров. Немедленно к нему». Но и там не повезло. На работе Багирова не оказалось, а дома сообщили, что он возвратится в Мешхед не ранее, чем через десять дней.

На обратном пути в караван-сарай, откуда следовало немедленно съезжать, Фараджиев завернул за угол и тут же почувствовал режущую боль в ноге от чего-то острого, попавшего в обувь. Он остановился и на него налетел незнакомец, который, очень испугавшись, тут же смешался с толпой. Камешек был вытряхнут из обуви, но Фараджиев дальше не пошел; за ним явно следили. Но кто, и когда это началось? От дома Багирова, в лавке или прямо в караван-сарай? Фараджиев выпил в соседнем духане чашечку кофе, закурил, поразмыслил и «спокойно» побрел по улочке в поисках ближайшего пустыря. Кажется, за ним больше никто не увязался, и тогда Салман, шмыгнув в разбитые ворота в развалинах дома, поспешно сжег письма. Теперь ему следовало собраться с духом и возвратиться в караван-сарай. Там он через силу пообедал, немного успокоился. Однако вечером к нему в комнату постучали. Гость попросил разрешения войти.

— Да продлит Аллах ваши дни и озарит своим светом все ваши начинания! — нараспев произнес вошедший, что предвещало мирную беседу.

Фараджиев постарался ответить как можно спокойнее и любезнее. Гость поведал ему следующую историю.

Хозяин караван-сарая оказался близким другом брата Хасана-Эфенди, — так представился незваный гость. Брат — известный торговец коврами, когда узнал, что купец из Бухары прибыл с партией образцов, ес-

тественно, заинтересовался. Как же иначе? Бухара продает настоящие гуркменские ковры, на которые сейчас в Мешхеде огромный спрос. Их дюжинами скупали английские офицеры. Когда же стало ясно, что бухарский купец первым делом побывал в лавке Гаджи Мамед Джафара, ничего общего не имеющего с торговлей коврами, а потом разыскивал другого демократа-социалиста Багирова, можно было сделать безошибочный вывод, что «купец» вовсе не является купцом и что Бухара здесь ни при чем. А уж когда «купец», в спешке найдя первый попавшийся пустырь, горопливо сжег какие-то бумаги, стало ясно, что они могли быть только из Полторацка и от большевиков. Когда брат, торговавший коврами, решил немедленно рассказать об этом старшему, которому эта новость, он знал, будет чрезвычайно интересна. Да, Хасан-Эфенди не желает скрывать, что глубоко, хотя и тайно, сочувствует большевикам, их вождю Ленину, который не только хочет настоящего, истинного освобождения народов Востока от иностранной зависимости, но и хочет предоставить им свободу и возможность жить наравне с другими, прежде всего, поднять их из вековой отсталости, дать шанс мусульманской интеллигенции просветить свои народы.

Фараджиев предложил гостю подушки, и сам улегся на них, чтобы гость не услышал громкого стука его сердца. Между тем, не было ясно, являлся ли гость человеком, за которого себя выдавал. Разумнее всего в этой ситуации было не высказывать своих чувств и слушать.

— Видите ли, милейший друг, уважаемого Гаджи Мамед Джафара можно понять. Закаспий в руках белых офицеров, которым оказывают покровительство и открытую поддержку англичане. Как тут не соблазниться? Вот сбросите вы белых в море, займете Красноводск, тогда уважаемый Гаджи Мамед сам вновь постучится к вам. Не беспокойтесь.

— Вы хотите сказать... — Салман решил поддержать разговор.

— Хочу сказать то, что есть. Уважаемый Гаджи Мамед получил от англичан хороший заём, и его лавка полна английских товаров. Но пусть это вас не огорчает. Он будет молчать, а ваше дело Аллах поместит в надежные руки, а пусть он будет свидетелем нашей

верности. Однако, вы партийный человек и вам недостаточно одних слов. Я понимаю, вам нужны факты.

Фараджиеву послышался шум за дверью его комнаты, и он насторожился.

— Пусть волнения покинут ваш разум! — произнес с улыбкой Гасан-Эфенди. — Там мои люди. Они обеспечивают вашу безопасность, продадут ваши ковры и проведут до Фирюзы обратно.

Фараджиев приподнялся на подушках и в знак благодарности по-мусульмански сложил руки на груди.

— Так вот, слушайте и запоминайте. В Мешхеде стоит отряд в четыреста человек англичан, в Кучане их триста семьдесят. Они очень боятся Советской власти, все время лихорадочно скупают продукты, вывозят их в Турбет и Индостав и там... сжигают. Около Куи-сенга горы пшеницы. Ее жгут днем, чтобы не привлекать ненужного внимания. Продукты уничтожают только затем, чтобы иранцы, симпатизирующие Советской власти, не могли их перевезти в Полторацк и Кизыл-Арват. В Мешхеде иранцы за большевиков. Запоминаете?

— Погодите! — Фараджиев уже поверил в свое счастье. — Мне кажется, что я все это слышу во сне.

— Потом я угощу вас в лучшем заведении города настоящим ужином. Будут и развлечения. Вот тогда вы воистину почувствуете себя во сне. Здесь, знаете, слухи о грабежах и бесчинствах, которые довольно широко ходят по городу, большинство принимает за акции английских агентов, умело приписывающих свои злодеяния Советской власти.

— Да, так оно и есть.

— Так вот, слушайте дальше. В Ташкенте у англичан есть один русский железнодорожник, он, кажется, контрольный чиновник. Этот господин по беспроволочному телеграфу передает из Ташкента в Мешхед всякого рода ценнейшие сведения. Из Мешхеда они поступают в Тегеран, а оттуда в Лондон. Фамилия мне его пока не известна, но я постараюсь за эти дни ее узнать.

Фараджиев был буквально поражен.

— Вы сомневаетесь? Тогда, может быть, моя последняя новость вас окончательно убедит. В Ташкенте недовольны и очень обеспокоены тем, что на этих днях в Полторацке партийный руководитель Закаспийской области Солькин, — я правильно произношу эту

фамилию? — да, да, Солькин своим решением распустил комитет иностранных коммунистов.

Фараджиев внутренне ахнул, но его молчание собеседник принял за недоверие.

— Хорошо! А известно ли вам, что между приехавшим из Москвы латышом Рудзутаком и казаком Тураром Рыскуловым на заседании крайкома партии, которое состоялось пять дней назад, возникли серьезные политические разногласия?

Фараджиев чертыхнулся про себя еще раз: подумать только — в Мешхеде знают больше, чем в Полторацке!

— Спасибо вам, Хасан-Эфенди, я вижу вы настоящий и верный человек, — произнес Фараджиев. Это заявление явилось зажженной спичкой, поднесенной к бочке с порохом.

Хасан-Эфенди заторопился и стал выкладывать такие ценные сведения, что Салман просто боялся всего не запомнить. Оказалось, что в Полторацке по заданию англичан действует под видом проститутки неотразимой красоты русская женщина. Она передает информацию два раза в неделю через странствующих каландаров¹. Другая, еще более ловкая женщина, приехавшая в Асхабад в прошлом году с английским офицером, сейчас служит сестрой милосердия в военном госпитале, что находится по дороге на Гаудан. Ценную информацию англичанам также передает некий Саркис Арутюнянц. Вознаграждения за него получают его родственники, живущие в Мешхеде. В Кушке действует курд-дервиш по имени Яхья, а в Мерве целая группа, состоящая из Гаджи Мамед Куламова, Сабир-бая Рагимова, Гулама Мирзы и муллы-татарина Бетретдина. Три месяца назад в Мешхеде собрали партию чистокровных ахалтекинцев из тринадцати жеребцов и тридцать одной кобылы. Среди них находился знаменитый племенной производитель Бек-Назар-Ал. Лошадей с военной охраной отправили через Тегеран в порт Абадан в Персидском заливе, откуда они будут доставлены в Лондон.

Необычная беседа этих людей закончилась словами Хасана-Эфенди:

— Передайте большевикам в Полторацке и пусть

¹ Нищие, ородяги, мусульманские аскеты.

сообщат Ленину, что действовать надо пока не подул хазан¹. Здесь сейчас очень благоприятная обстановка! А теперь пойдемте ужинать.

Сообщение о зверском убийстве председателя аул-совета Геок-Тепе вызвало недоумение и споры. Вопрос обсуждался в ревкоме, где присутствовали руководители уездгоркома партии и политотдела дивизии. Атабаев вызвался сам выяснить причины убийства и произвести в Геок-Тепе новые выборы. Важно было установить, являлись ли политические убеждения мотивом убийства или дело касалось родоплеменных отношений.

Вместе с членом муссекции Тахта Ходжаевым и центральной группой во главе с Гейдаром Али-заде Атабаев наотрез отказался от группы красноармейцев, предлагаемых ему Суликом; выехали из Полторацка на легковом «форде» и грузовом «мерседесе» задолго до рассвета, чтобы к утру быть на месте.

Кайгысыз на заседании ревкома не высказал до конца своих опасений и по дороге все время возвращался мысленно к тому, что его волновало. «Если так, то какой силой можно нейтрализовать этот дурной пример? — размышлял Кайгысыз. — Баи тут же поднимают шум, пустят огонь по степи. Люди, люди! Вот когда нужны люди, о которых мы мечтали с Мухамедкули и Николаем Николаевичем! Мы старались по крупницам создавать образованную прослойку, а теперь нужны не единицы, а отряды грамотных людей. Мыслимое ли дело, новая власть! Коммунистическая идеология исключает религию, а мы на курсы советских учителей уговаривали, тащили мулл. Вынуждены! Тут прав Певзнер, что европейцу, приехавшему из России человеку, это кажется диким. Куда денешься? Знания у богатых, власть строим для бедных, а они, как люди, сидящие в колоде. Им свет и солнце глаза слепят».

Кайгысыз вспомнил, как Атабай-ага в Нохуре рассказывал притчу... Аллах однажды рассердился на туркмен за их постоянную вражду между племенами и родами, уносившую на беседу о Мункиром и Некиром²

¹ Холодный, осенний ветер, приносящий заморозки.

² Два ангела, которые допрашивают в могиле покойника о его мирских делах, чтобы установить, чего он достоин: рая или ада.

много незинных жизней. И сделал так, что в одну лочь племени, жившие в горах, оказались в песках, а кочевники вдруг проснулись среди гор. Горцы не знали, как в песках найти воду, а жители пустыни не могли пасти овец. Выход нашли, прекратив вражду.

Большой аул встретил приехавших неприветливо. Урчали автомашины — диковинное творение человека, но улица, по которой они проехали к зданию аулсовета, была пуста. Народ собирался на митинг медленно: предстояло избрать нового председателя.

Задача была не из легких. Издавна за право первенства в ауле враждовали два рода. Бывший председатель в Геок-Тепе жил недавно. Он, его отец и братья не имели прежде своей земли, батрачили. После нескольких месяцев, проведенных на тыловых работах в России, он возвратился домой. Во времена белых уходил с байскими стадами в пески, а по возвращении, в августе, был рекомендован организаторами из политотдела и избран председателем аулсовета. Родовая вражда приняла новый оборот, каждый из враждующих старался перетянуть на свою сторону председателя. А он оказался человеком, на свою беду, крутого нрава, не желал прислушиваться к советам знающих, не очень уважительно относился к мнению яшули, несколько раз публично оскорблял местного муллу.

При распределении полученных для предстоящего сева семян произошла ссора. В результате несколько человек одного рода и несколько парней из другого взяли оружие и ушли в пески. Там они объединились, избрали главаря и стали грабителями.

Перед выходом из аулсовета Кайгысыз сказал Ходжаеву:

— Что-то надо придумать особенное, иначе повторится та же картина. Разнесется плохой слух. Не дело! А ума не приложу.

— Товарищ Атабаев, да просто следует послать сюда небольшой отряд красноармейцев. И дело с концом!

— Отряд вечно стоять не будет, Тахта. Да и потом он нужнее в другом месте. На штыках никакой новый порядок долго не продлится. Я уверен, что они поступили плохо не потому, что они против Советской власти. Сколько дехкан из этого аула, как только мы

пришли, сами записались в ряды Красной Армии? О, придумал! Пошли!

Атабаев, представившись людям, кратко рассказал о том, что такое новая власть, затем заверил, что они не являются комиссией, которая станет расследовать убийство, — приедут следователи и сделают свое дело. А их главная задача — помочь населению избрать достойного председателя аулсовета.

— Не надо иметь глаз сокола, чтобы увидеть вашу главную заботу. Вы и сидите так, будто между вами пролег арык. Лягаются два коня, а меж ними подыхает осел. Вражда между родами была на руку прежней, царской власти. А мы, большевики, видим мир по-другому. Поглядите на одних и на других. И там и здесь встречаются богатые, новые халаты, но и там и здесь большинство — рваных, залатанных да перештопанных. Кто станет сомневаться, что это от бедности, в которой вы живете? Вот вопрос, который вам надо решать! Советская власть для того и создана. Бедным будет дана земля и вода, тогда каждый станет жить в достатке. Баям это, может, и не понравится, но так будет! Батраки и бедные должны объединиться вокруг Советской власти и бороться за свою счастливую жизнь.

— Ты прав, добрый человек, я думаю, так и должно быть. А то сколько у нас сил уходит на ссоры да раздоры. От них только нищета, а дешевый суп, известно, невкусен, — сказал поднявшийся со своего места седобородый старик, который сидел среди небольшой третьей группы у самого крыльца глинобитного дома бывшего арчина, ушедшего с белыми: — Сокол с соколом дерется — добыча ворону достается.

— Верно говорите, яшули. Раздоры не только добро из кибиток выносят, расходуют время, а иной раз и жизни отнимают. Они всегда на пользу богатым. В их и без того гугие мешки ваше добро перекочевывает. Все знают, от богача щедрости не жди.

— Но и от вас щедрости пока не видать, одни обещания! — выкрикнул другой старик в изодранной одежде, сидевший в той же, как определил Кайгысыз, «межродовой» группе.

— И это верно, дорогой ага. Пока идет война, народ помогает своему правительству. Вот кончится, — а она скоро кончится, — правительство все, в чему рука

дехканина гянется, доставит в аул. Верьте в это, как прежде верили в Куран. Однако правительство руководить народом теперь будет при помощи избираемых вами же, народом, Советов. Управлять Советом должен председатель. Вот сегодня его вам и следует выбрать.

Ходжаев повел плечами, и Кайгысыз это заметил. Площадь молча выжидала. Первыми, как по команде, вашевелились баи. Они как бы давали знак к началу втаки. И сразу с обеих сторон поднялось по человеку, которые закричали:

— Мамедкули! Мы предлагаем Мамедкули!

— Аллаяр! Он верный кандидат!

— Кто еще? — спросил Кайгысыз, и вновь воцарилась мертвая тишина. — Больше нет кандидатур? Значит, как я вижу, не будет и председателя. Председателя Совета каждый обязан слушать, а тут у вас как получается? Мамедкули изберем, половина аула недовольна останется. Аллаяр председателем станет — другая половина отвернется. Я слышал, у вас есть один хороший человек. Когда аулсовет избирали, он еще от белых прятался в песках со своим прекрасным конем.

— Бек-Назар! — сразу отозвалось несколько голосов.

— Человек он хороший, только от своего дорогого коня ни на шаг не отходит. Ему не до нас! — громко сообщил седобородый старик. — Он хоть и принадлежит к роду Аллаяра, но не даст согласия, а если изберем, работать не станет. Мы его знаем!

— Ну, тогда что же получается? Изберем Мамедкули, он за каждым решением будет бегать к предводителю своего рода, а Аллаяр тоже дорогу к своему старейшине не забудет. Дело не сдвинется с места, жители аула будут нами недовольны. Надо выбрать кого-нибудь вот из этой группы, — и Кайгысыз указал на «межродовиков».

Поднялся невообразимый гвалт. Атабаев поднял руку, и шум сразу затих. Всем хотелось услышать, что скажет еще этот человек.

— Пусть оба почтенных яшули, которые решились подать свой голос на этом собрании, посоветуются между собой и выдвинут еще одну кандидатуру. — Старик

в изодранной одежде, не размышляя ни секунды, предложил:

— Ораз-Клыч-оглы! Честный человек, скромный, женатый.

— Правильно! Я тоже его хотел предложить, — согласился седобородый. — Мы все станем ему помогать.

— Черепаха на дерево не залезет, лягушка не взлетит, — громко произнес богато одетый толстяк, судя по всему, бай и, как потом оказалось, крепко державший в своих руках престарелого предводителя рода, которому принадлежал Аллаяр.

— Одному уже давали рога быка, да все знают, что из этого вышло, — в свою очередь подал голос тот, кто был явным предводителем рода Мамедкули.

— Когда караван повернется, хромой окажется впереди. А караван обязательно повернется в сторону тех, кто трудится от восхода и до заката. Жить будут хорошо обязательно те, кто сам работает, а не те, кто наживает богатство за счет чужого труда.

— Вот это правильно ты говоришь, сынок Кайгысыз-джан, — негромко, но внятно произнес наверное самый старший из присутствующих. — Да услышит Аллах твои слова!

— Я хочу, чтобы вы слышали мое предложение. Думаю, иначе у вас не будет мира в ауле. На этот раз мы пойдем на исключение и в лице троих изберем председателя. Пусть Мамедкули, Аллаяр и Ораз-Клыч-оглы, кроме членов аулсовета, ни у кого больше мнения не спрашивают. Втроем станут собираться и решать. Все трое согласны — решение принято. Бумага троими подписана, и мы ее будем признавать. Печать хранить будут по очереди. А если спор получится, пусть решение вступает в силу тогда, когда за него двое свой голос подали.

— Вах! Ну и светлая у тебя голова, Кайгысыз! Правильно! — сказал старик в изодранной одежде. — Ни один казий так не постановил бы.

— Раз так, вот и давайте голосовать, а после обеда будет театральное представление. Кто за то, чтобы в вашем ауле место одного председателя аулсовета занимали трое — Мамедкули, Аллаяр и Ораз-Клыч-оглы, — поднимите руки!

Группа, сидевшая ближе к дверям аулсовета, прого-

посовала сразу. В обоих враждующих лагерях чувствовалась растерянность.

— Если голосовать не станете, будем считать председателем Ораз-Клыч-оглы, — просто, но с радостью в душе заявил Кайгысыз и поглядел на Ходжаева, который улыбался во весь рот.

— Ну вот, теперь названные товарищи избраны коллективным председателем, — произнес Кайгысыз, увидев, как дружно взмыли вверх руки всех присутствующих.

Довольные и веселые тронулись в обратный путь Атабаев, Ходжаев и Али-заде со своей труппой. Избрание троих вместо одного успокоило страсти, вселило надежду, что родовая вражда стихнет. Атабаев же принял такое неординарное решение в надежде, что уже скоро, с победой на Закаспийском фронте, в аул возвратятся демобилизованные из Красной Армии и тогда можно будет избрать, как положено, единственного председателя аулсовета. Кайгысыз, Тахта и Гайдар сидели в «форде», который вел Юргенсон, и советовались, как лучше поступить, какие предпринять шаги, чтобы привлечь к строительству Советской власти как можно больше населения из туркмен.

Когда за поворотом должны были вот-вот показаться кибитки аула Бабараб, Ходжаев неожиданно сменил тему разговора:

— Странно, что группа геоктепинских басмачей никак себя не проявила.

Кайгысыз хотел было ответить, что думал по этому поводу, но его опередил Юргенсон:

— Товарищ Атабаев, впереди на дороге завал.

— Помянешь волка, а он тут как тут, — произнес Кайгысыз и, высунувшись в окно, оглянулся. — Напрасно, Арнольд Петрович, не пытайтесь развернуться. Они и сзади выезжают на дорогу.

Юргенсон выхватил из кармана револьвер, но его остановил спокойный голос Атабаева.

— Арнольд Петрович, сейчас надо сделать все, чтобы оружие не применять. Спрячьте обратно в карман. А ты, Гайдар, иди в грузовик, к своим. Без пайки! Тахта, оставайся в машине. Стрелять, только если я начну,

Грохнули выстрелы в воздух, и человек двадцать всадников с обеих сторон приблизились к машине. Атабаев вышел и остановился посередине дороги, широко расставив ноги. Это внесло некоторое замешательство в группу погони. Главарь бандитов был до смешного похож на разбойника из старой книжки «Турецкие сказки». Лицо его заросло настолько, что кроме глаз ничего не было видно, в руках он держал кавалерийскую многозарядную винтовку. Кайгысыз знал, что главаря зовут Дурды-бай, что он средний сын одного из баев рода, к которому принадлежал Мамедкули. Скорее всего, Дурды-бай и был прямым убийцей бывшего председателя, хотя доказать это пока нечем.

— Ну, что, Дурды-бай, не мог поглядеть на артистов в родном ауле, хочешь здесь на них посмотреть? — Кайгысыз знал, что инициативу нужно сразу брать в свои руки.

— Не шути, ваше благородие красный комиссар! Мы в бесстыжих кривляках не нуждаемся. Мы хотим сказать, что не согласны с твоим лисьим решением. Ловко ты всех обманул, но знай, недолго носить голову твоему голодранцу Оразу-Клыч-оглы.

— Гнев у тебя шагает впереди ума, Дурды-бай! Я мир принес твоим сородичам, а Ораз-Клыч-оглы честный человек и на лице у него глаза. Не как у тебя! Он видит. То, что было, уже не вернешь. Новая жизнь пришла! А ты чужой кровью хочешь пометить свой путь. Опомнись! Или не веришь? Боишься за прошлую службу у белых. Отравлен белой агитацией.

— Замолчи, комиссар, или я вырву твой поганый язык, как змеинное жало! — Дурды-бай подъехал на плясавшем под ним коне вплотную к Атабаеву. Ходжаев и Юргенсон затаили дыхание.

Кайгысыз с трудом сдерживал гнев. Как можно спокойно ответил:

— Бай-бай-ов! Копоть с котла сойдет, пятно позора с себя не смоешь. И позор за смерть всех твоих сородичей ляжет на твою голову. Меня можешь убить. И моих товарищей. Мы без оружия. Но помни, придет отряд Красной Армии и за нас всю родню твою до-

Междометие выражает скептическое отношение к вышесказанному.

пятого колена накажет. Понял? И потом, пеший конному не товарищ. Слез бы с коня, без винтовки и поговорим. Я вижу, ты забыл о том, что кто покушается, тот сокрушается.

Дурды-бай протянул винтовку. Сразу подъехало двое, один из них взял у него оружие, другой, могучий парень, наверное, Непес-пальван, из рода Аллаяра, спешил вслед за Дурды-баем. Оба они приблизились к Атабаеву и застыли на расстоянии трех шагов от него.

— Ты хоть и был подпоручиком, Дурды-бай, а вместо росписи палец на бумаге ставишь. А я учительскую семинарию в Ташкенте окончил. Ты видишь только, что глаза узрели с высоты седла своей лошади. А я вижу все, что делается до самых границ Персии и Афганистана. И точно знаю, что и там многие очень хотят последовать нашему примеру. А ты один против всех воевать вздумал. Амнистия на тебя распространяется, оставь оружие, и никто тебе слова не скажет.

— А этот ваш ублюдок Ораз-Клыч? — видно было, как Дурды-бай распирало негодование. — Он будет мне приказывать?!

— Вовсе не он! А вместе с Мамедкули и Аллаяром.

— Верно, он один не имеет права командовать, — в разговор вступил Непес-пальван.

— Чем иметь рост с верблюда, лучше иметь ум с пуговицу. Чего ты понимаешь? — пренебрежительно произнес Дурды-бай и с презрением махнул рукой.

Непес-пальван пришел в ярость. Схватился за нож, висевший в ножнах на поясе.

— Что ты сказал, повтори! Чем быть глупым баем, лучше — умным нищим, — Непес-пальван, на две головы выше и намного сильнее Дурды-бая, двинулся на него.

Дурды-бай выхватил револьвер и выстрелил в землю. Непес-пальван продолжал идти на него, и тогда Атабаев бросился между ними.

— Стойте, индюки несмышленные! Остановитесь!

К поссорившимся бандитам уже бежали друзья. Атабаев, стоявший спиной к Дурды-баю, схватил за руки Непес-пальвана и тот ощутил силу рук Кайгысыза.

— Ты подумал, или у тебя на плечах тыква вместо головы? Мамедкули предложил — Аллаяр против, а предложит Аллаяр — против будет Мамедкули, а кто всю жизнь знал лишь как лопату в руках держать и халата

достойного никогда не имел, своим вторым голосом все и будет решать. — Дурды-бай сунул револьвер в кобуру.

— И он, если что предложит, а оба будут против, сможет командовать? Нет! Ясно? — Непес-пальван спрята́л нож в ножны.

— Правильно! Наконец я слышу разумную речь. Да и ты, подумай хорошенько, Дурды-бай! Был бы ты в ауле, может, тебя, даже скорее всего, тебя бы и выбрали. Если оружие сдашь, в аул возвратишься, честно будешь жить, я первый тебя порекомендую. Дело ты знаешь, хозяйство у тебя достойное и командовать умеешь. За чем же дело стало? А то погляди, — Кайгысыз повысил голос, чтобы слышали все подчиненные Дурды-бая. — Погляди на своих дружков добрыми глазами. У одних семьи, жены и дети, хозяйство — все брошено на произвол судьбы. Разве у них сердце не болит? А у других никогда и плуга-то не было своего, а теперь будет и своя земля, и пай воды. А ты их в песках жить заставляешь, как шакалов.

— Никого я силой не заставляю, — голос Дурды-бая стал мягче.

— Но в такие обстоятельства ставишь, что они вынуждены. А мы уже проект закона готовим, по которому каждому жителю аула будет дана доля земли. А у кого ее было много, так много, что сам эту землю не обрабатывал, заберем и отдадим безземельным, — Кайгысыз видел, как все всадники вплотную подъехали к ним и внимательно слушали, стараясь не пропустить ни единого слова. — Семена дадим, особенно хлопковые, ссуда будет каждому, кто пожелает, и инвентарь, а потом и машины будут. Для каждого Советская власть будет стараться, каждому даст возможность себя проявить. Поверь, Дурды-бай, я слово даю, если в аул вернешься, на тебя никто даже пальцем не укажет.

— А мою землю Ораз-Клычу отдадите? — глаза Дурды-бая вновь налились кровью.

— Каждый получит столько, сколько надо для жизни. И твердо знай, что в будущем все станут жить в достатке и в покое.

Ходжаев, видя, что разговор с басмачами происходит мирно, вышел из машины и встал плечом к плечу с Атабаевым.

— Так, вот вам мое последнее слово: не отпустите, дорого потом вам обойдется эта ошибка. Сейчас еще не поздно! Кто убил председателя, я не спрашиваю. Если хочет, пусть сам с повинной придет, снисхождение получит, а не желает, пусть в пески уходит, там и живет. А все остальные прямо сейчас, — мы с вами повернем обратно, — прямо сейчас поедem в аул. Там сдадите оружие милиционеру, получите расписки и каждый сегодня же мирно уснет под крышей собственной кибитки.

Дурды-бай, под взглядом более чем двадцати пар вопрошавших глаз, внимательно поглядел на Кайгысыза, которому показалось, что лед тронулся.

— Даю тебе, Дурды-бай, пять минут. Подумай о братьях, о жене и детях, об отце своем. Как они обрадуются, а я... я и бумагу, пожалуй, тебе выдам за своей подписью.

Дурды-бай молчал, потом резко повернулся и пошел прочь. За ним потянулся весь его отряд. Непес-пальван задержался.

— А скажи, Кайгысыз, если ты такой умный, почему бывший председатель с милицией разгонял нас, когда мы боролись, а люди ставки делали, играли на деньги?

— Это пережиток старого. Борьбой человек должен заниматься ради развлечения, ради здоровья, а зарабатывать надо полезным трудом. А не хочешь в поле работать, иди в цирк. В Полторацке артисты-борцы в профсоюз вступили. Там другое дело. Иди-ка лучше помоги Дурды-баю правильное решение принять. Ты же бедный деҳканин, а Советская власть для таких, как ты. Иди, я не забуду твою услугу.

Как только Непес-пальван отошел, Ходжаев тут же спросил:

— Зачем ты, Кайгысыз, преступника так отпускаешь? Убийцу карать следует.

— А куда он денется? Или ты хочешь, чтобы нас тут перестреляли?

До слуха донеслись громкие голоса басмачей. Они яростно спорили. Вскоре к машинам возвратился Дурды-бай.

— Твоя взяла, комиссар. Я один остался, один тебе и не верю. Но если новая власть такая, как ты говоришь, пусть Аллах прославит твое имя. Поехали в аул!

Руководящие работники облревкома, штаба дивизии, ее политотдела, областного комитета партии встречались с Куйбышевым. Облеченный высокими полномочиями, член РВС Туркестанского фронта, член Турккомиссии СНК и ВЦИК РСФСР лично принял участие в боевом стокилометровом походе в тыл белогвардейских войск. Поход окончился очередной победой. И вот теперь в Полторацке простота и обаяние Куйбышева, а главное, ясность и четкость изложения им ленинских взглядов на советскую политику на Востоке, — никого кругом не оставляли равнодушным. Паскуцкий в первый же день как вместе с Куйбышевым приехал с передовой в Полторацк, познакомил Кайгысыза с Валерианом Владимировичем. Продолжительная беседа сразу сблизила их. Куйбышева приятно удивила внутренняя энергия и непоколебимость веры в успех дела Советской власти, которые он без труда увидел в зампредоблревкома. Валериану Владимировичу особенно запомнился эпизод из рассказа Атабаева о случае, когда он, Кайгысыз, чуть было не рассорился с хорошим человеком Иваном Бухаренко, сообщившим в Ташкент, что в тылу фронта все спокойно. В то время это было далеко не так. Атабаев достал свой старенький блокнот и прочел из него слова Кабуса, которые Куйбышев тут же записал на листе бумаги: «Нет большего бесстыдства, чем выдавать за правду утверждение, ложность которого заведомо известна».

Прощаясь в тот вечер с Атабаевым, в котором Куйбышев увидел образованного коммуниста из местных жителей, незаурядного человека, он подарил ему изящную записную книжку в твердом темно-коричневом коленкоровом переплете, изделие типографии общества «Московское издательство».

— Записывай в нее, Константин Сергеевич, ценные мысли. С ними будешь жить, побеждать и строить новое общество.

Валериан Владимирович говорил негромко, хотя в комнате собралось много народа. Одет Куйбышев был в отутюженную гимнастерку из толстого сукна защитного цвета и такие же галифе, заправленные в высокие сапоги. Карманы гимнастерки торчали из-под разных бумаг. Лучистые светлые глаза под густыми бровями врезлет, высокий открытый лоб, прямой тонкий нос на

продолговатом лице и мягкая, но веская манера говорить вызывали симпатию.

Теперь Кайгысыз смог лучше разглядеть Куйбышева, поскольку не волновался и смотрел на него со стороны.

— Ну, а что же ты скажешь, Константин Сергеевич? Сидишь и пристально меня разглядываешь. Какие мысли бродят в голове?

— Я уже говорил вам, Валериан Владимирович, в газетах пишут, что дворцы Петергофа под Ленинградом, конкретно Английский дворец, например, отдан под образовательную колоннию. Там будет обучаться четыре тысячи детей. У нас здесь имущество гимназий и училищ растащили по домам, парты сожгли — не было дров. Понятное дело! Ну, ладно, а теперь вместо того, чтобы сделать новые парты, раздобыть необходимое имущество, словом, восстановить школы, мы сами одно за другим отдаем здания под официальные учреждения. Они растут как грибы! Сколько ни говорю, что нам с необразованными людьми не построить коммунизма, — все впустую.

— Товарищ Атабаев несколько преувеличивает. Можно я скажу? — Сахатмурадов, молодой, с пышной шевелюрой, зачесанной назад, поднялся с места. — У нас прекрасно действуют учительские курсы, создана коллегия народного образования, в новом учебном году откроем сразу много новых школ.

— Я не про то, Халмурад, школы мы откроем, — Атабаев перебил Сахатмурадова. — Я толкую о принципе, по которому нам надо работать. После хлеба самое важное для народа — школа! Не помню, кто сказал. А у нас выходит — учрежденческий аппарат.

— Вот скоро белых сбросим в море, армия освободит многие помещения, — с места произнес Петр Баранов, член реввоенсовета 1-й армии, который всего неделю назад приехал в Полторацк. Он был молод, но наделен природной смекалкой, рассудителен, обладал достаточным опытом и политическими знаниями.

— Это так, товарищ Баранов. Мы это учитываем, но я толкую о том, что плох тот дехканин, который в грядку, в надежде на успех, стремится натывать как можно больше семян. Всходы будут дружные, а плоды, если созреют, маленькие и не вкусные. Вот я про что!

— Ты на меня не гляди так, Атабаев, я отдал школу под административный отдел на время, — попытался оправдаться Александр Цевзнер, недавний армейский политработник, неделю как назначенный председателем Закаспийского областного ревкома.

— Я бы хотел, товарищи, поддержать Константина Сергеевича. Думаю, его беспокойство — это волнение коммуниста, искренне болеющего за дело. Я вот помню, когда-то читал, слова замечательного французского писателя Виктора Гюго о том, что у человека есть только один тиран — невежество. Вот, если подумать, приведенный Константином Сергеевичем пример с грядкой как раз об этом. А об образовании народов, особенно окраин России, царская власть мало заботилась. Оба вопроса, поднятых Атабаевым, заслуживают внимания. Но вот еще один вопрос, которого мы касались. Он всех в Ташкенте очень волнует. Басмачество. Пока я не слышал, чтобы у вас здесь это было проблемой.

— Думаю, это прямая заслуга Николая Антоновича Паскуцкого, — председатель уездгоркома партии Феоктистов прихлопнул одной рукой другую. — Нам здесь до сих пор удавалось проводить продовольственную политику, исходя из местных условий. Верные взаимоотношения с местным населением, защита его, забота о его нуждах, привлечение к нашим делам всех, кто согласен помогать, вплоть до мулл и родоплеменных вождей. Все это и дает хороший результат.

— Справедливо! Время, когда началось басмачество, трудно с точностью установить. Как мне говорили, еще в семнадцатом, в Ташкенте, люди организовывали грабительские группы просто, чтобы раздобыть пищу и не умереть с голоду. Но и сейчас такие, как Мадамин, Иргаш, Хал-Ходжи, остались бандитами с большой дороги. Правда, Иргаш мечтает стать ханом.

— А у Мадамин-бека, Валериан Владимирович, штаб и почти весь командный состав — русские белогвардейцы, — перебил Куйбышева Баранов. — Господа же Монстровы, Вахонины, Лебедевы имеют свои оружейные мастерские, постоянную связь с белыми Семиречья и Сибири. Они подогревают басмачество. А английские винтовки?

— Все это так, — согласился Куйбышев и хотел было что-то еще добавить, но Баранов ввовь перебил его.

— На сегодня в Фергане сорок банд! Более семи тысяч головорезов. Товарищ Элиава рассказывал нам, что борьба в Фергане, где все еще находится товарищ Голощекин, не такая уж легкая, как это казалось некоторым из коммунистов мусульман. Басмаческие шайки сводятся в крупные боевые соединения, во главе которых стоят кадровые русские офицеры.

— Все это верно, но следует признать и извлечь урок, товарищи. Закрывать на это глаза нельзя. Ведь нет сомнений в том, что развитию басмаческого движения способствовали также и ошибки в проведении национальной политики. Их допускали отдельные партийные и советские работники в первое время существования Советской власти в Туркестане! Факт неоспоримый! Ошибки эти у части дехкан-середняков и даже бедняков породили недоверие, а то и вражду по отношению к Советской власти, а баям дали хороший материал в руки. Одни бай не смогли бы стать нам такой помехой. И потом, первые же шаги, сделанные Голощекиным в направлении чистки элемента в народно-хозяйственных точках, дали нам хороший результат — массовую сдачу басмачей. Интересно, а что по этому поводу думает Константин Сергеевич? Мне это очень важно знать.

— В Фергане много русских крестьян-кулаков. Некоторые жили побогаче наших баев. К ним надо более строгие меры принимать. А вообще-то, чтобы ликвидировать басмачество, надо наладить представительство мусульман у власти, а также правильные отношения с местным населением, как у нас здесь. Наладить культурно-массовую работу, во всем уравнивать местного туземного жителя с русскими поселенцами, особенно в распределении продуктов питания. После этого басмачество само затухнет. Оставшихся грабителей население задавит своими руками. Так что, товарищ Куйбышев, совершенно правильно говорит.

— Ну, вот как у нас получается! — Куйбышев встал, подошел к вешалке, стоявшей в углу, вытащил из бокового кармана своей кожаной тужурки газету, развернул ее, — «Известия» от двадцатого декабря. Очень хочу привлечь ваше внимание, прочесть вслух слова Владимира Ильича. «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира!

опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков».

— Мы в политотделе прорабатывали этот материал, — проинформировал Сулик, — и решили подборку документов второго съезда народов Востока перевести на туркменский язык. Ждем действий народного образования и обкома партии. В типографии ждут перевода.

— Думаю, это по-ленински, — похвалил Куйбышев. В этот момент в дверях комнаты показался командующий фронтом Зиновьев с телеграфной лентой в руках.

— Хорошо, что все в сборе. Тревожные вести с передовой. — Куйбышев видел, как Атабаев всем телом подался вперед, свел брови у нереносицы.

— Паскуцкий сообщает о повальном падеже лошадей и баранов. Еще сутки-двое такого напряжения, и все войска на передовой станут только пехотой, которую нечем будет снабжать, поскольку падеж верблюдов еще ужаснее. Возможен и кризис с хлебом. Рынки пусты. Паскуцкий заболел, лежит в постели, но уверяет, что получение ими фуража неминуемо ускорит развязку с Красноводском.

— Так! Я ему верю! — Куйбышев сделал паузу, и оглядел всех присутствующих. — Надо срочно принимать меры.

— Товарищи, Куйбышев, разрешите доложить? — с места поднялся Бухаренко. — Клевер проследовал через Полторацк сегодня в двенадцать ноль-ноль. Состав — в количестве девятнадцати вагонов, да и литер «А». Завтра к вечеру фураж должен быть у Паскуцкого. Ждем партию муки, круп, сахара и чая. Красноармейцы, наконец, перестанут заваривать кипяток жареной морковью. Собираем по сусекам все, что есть в Полторацком уезде, на пути из Мерва находятся три вагона клевера и тринадцать вагонов воинского груза. Там обязательно должно быть зерно. Кроме того, завтра же из Самарканда должен отправиться состав о фуражом в семнадцать вагонов.

— Это уже кое-что, но мало! Кто-нибудь, пригласи-

те сюда стенографистку. Заверяю вас, товарищи, я считал и продолжаю считать, что во имя овладения Красноводском следует пренебречь всеми остальными нуждами Туркестана. — В комнату вошла стенографистка, Куйбышев отвел ее в дальний угол и стал вполголоса диктовать телеграммы в Мерв, штабу армии, заготовителю в Чарджуй, советскому представителю в Бухаре, в Ташкент товарищу Элиаве.

Пока Куйбышев диктовал, все собрались вокруг командующего и каждый стремился высказать свое мнение. Атабаев нервничал, понимая, что подобные сложности оттягивали день окончательной победы, а это отодвигало начало активной работы среди населения. Остро необходимы были подготовленные, политически грамотные работники, но они находились в армии.

В кабинете появился командир полка Володин. Он подошел и отрапортовал командующему о том, что его полк полностью занял отведенные ему казармы.

— А где мне самому размещаться, товариш Зиновьев?

— Пройдите в пятую комнату. Там получите указания, — Зиновьев стал что-то спрашивать у Бухаренко, а Володин, узнав Кайгысыза, усмехнулся.

— А, «просто Атабаев», опять встретились!

— Ты не очень-то, Володин! С зампредревкома разговариваешь, — осадил Баранов, зная панибратство командира полка.

— Едрена вошь! Опять выше меня! «Коммунист, туркмен, учитель я!». Помнишь? Крепкий мужик! Шашки не испугался. Ну да ладно, ты тогда был прав, товарищ Атабаев.

Отпустив стенографистку, Куйбышев подошел к их тесному кружку.

— Считаю совершенно необходимым, — хотел бы слышать твое мнение, Георгий Владимирович, — немедленно отправить на передовую Баранова и начштаба Шафаловича, кстати, он здесь, — Валериян Владимирович подвинулся к молодцевато подтянувшемуся Шафаловичу, дружелюбно положил ему руку на плечо.

— Согласен! Оперативно! — ответил Зиновьев и, в свою очередь, похлопал по плечу стоявшего рядом Баранова, который гордо улыбнулся.

— Что скажете, Федор Платонович? — спросил Куйбышев начштаба.

— Откровенно говоря, у меня давно чесался язык, да дела в штабе все держали. Сейчас наша поездка с Барановым — правильное военное решение.

Перед уходом, прощаясь с Куйбышевым, Атабаев произнес:

— Не успел сказать вам, Валериан Владимирович, чтобы вы не думали иначе: у туркменских племен нет более верного и надежного друга, чем русский народ. Многие у нас твердо верят, что только русский пролетариат может принести нам настоящую свободу и процветание. А вы там, в Ташкенте, пожалуйста, поскорее пробейте для нас деньги. После Красноводска, теперь первейшее дело завоевать доверие местного населения. Надо погасить задолженность, заплатить за все, что мы у них брали.

— Эх, Константин Сергеевич, честно скажу, мне жаль с тобой расставаться.

Уже в Мерве Куйбышев получил телеграмму, в которой сообщалось, что 16-й кавалерийский полк, одолев тяжелые горные перевалы, зашел противнику в тыл и в жарком, двухчасовом бою нанес ему серьезный урон, занял станцию Ягмаи и захватил солидные трофеи. Куйбышев возвращался в Ташкент в приподнятом настроении. Ему было о чем докладывать товарищам по Турккомиссии.

Глава четырнадцатая

ПРИЕЗД ЭЛИАВЫ И ФРУНЗЕ

Ушел грозный девятнадцатый. Начало 1920 года ознаменовалось целым рядом вдохновлявших побед и событий, убедительно говоривших об укреплении Советской власти, о росте силы идей Октябрьской революции.

Интересен, пусть даже беглый, обзор плакатных вестников РОСТА.

«За Томском наши войска заняли станцию Тонгу. Путь Красная — Иркутск открыт. В Фастове захвачено 20 миллионов патронов, 3 эшелона снарядов, 112 ис-

правных паровозов, 2500 вагонов. Все имущество, вывезенное Деникиным из Киева, возвращено обратно. Наши части с боем заняли станцию Лозовую. 5 января. Южная контрреволюция издыхает. Под тяжелыми неослабевающими ударами Красной Армии гибнет деникинщина... Поляки зашевелились на Западе...

11 января. Иркутск взят повстанцами под командованием Калашникова. Колчак со штабом и золотым фондом арестован собственными солдатами. Второй сибирский царек Семенов разбит... Ростов взят — 11 тысяч пленных, 7 танков, 33 орудия и 170 пулеметов... Английские газеты в тревоге по поводу развития революционного движения, охватывающего мусульман Средней Азии. Народные волнения в Индии подавляются англичанами со страшной жестокостью. Английские войска стреляли в толпу — убито 460 и ранено 1500 человек. Тюремь Оренбурга переполнены английскими матросами, отказывающимися воевать против Советской России. Забастовочное движение в Испании носит большевистский характер.

16 января. Разгром Юденича, Колчака, Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска, Краснодара, взятие в плен Колчака подрывают в корне расчеты контрреволюции внутри России. Разгром контрреволюции вовне и внутри, уничтожение крупнейших тайных организаций контрреволюционных бандитов, достигнутое этим укрепление Советской власти дают нам возможность отказаться от применения высшей меры наказания, то есть расстрела врагов Советской власти... В Персии англичане посылают вооруженных солдат в каждый поселок для выявления и отобрания оружия у населения. Недовольство персов против английского засилия растет... В Новогеоргиевске разбит белый корпус, захвачено 8 танков, 8 аэропланов, 167 орудий, 80 тракторов, более 500 пулеметов, 7 автомашин, 53 грузовика, 7 эшелонов с разным военным имуществом.

21 января. В Ташкенте началась неделя фронта. С чем ты сегодня пришел на помощь Красной Армии? Что ты сегодня сделал в борьбе с железнодорожной разрухой? «Все силы на борьбу с хозяйственной разрухой!», «Трудящиеся России первые скинули с себя капитала и первые победят голод и холод!», «Не только

сбор денег, а повышение производительности труда!», «Продетарии, на заготовку топлива, к станкам, накопальням, паровозам!»... Лойд Джорж пытается вести переговоры с Литвиновым о разработке плана соглашения с Россией.

30 января. Товарищ Ленин сказал на съезде Советов народного хозяйства, что нам надо сосредоточиться на главном — собрать хлеб и подвезти его в центр. Путем создания трудовой армии, напряжения всех сил рабочих и крестьян нам удастся собрать сотни миллионов пудов хлеба. Мы одолеем холод, голод и сыпняк... Революция не любит слов пустых болтунов.

2 февраля. Власть в Тифлисе и Кутаиси, после восстания большевиков, перешла в руки коммунистов. Сессия ВЦИК VIII созыва утвердила постановление СНК об отмене смертной казни».

А в Полторацке 16 января Закаспийский облревком издал приказ № 4, в котором говорилось:

«Положение в Закаспийской области, в связи с недавним господством в ней белогвардейцев, царшей провокации в народных массах, близостью границы и прочее, требует учреждения твердой власти и упорядочения аппарата управления.

Местные советские органы, созданные в период военных действий, не отвечают требованиям момента, как по своему составу, так и по правам и обязанностям.

На основании вышесказанного, Закаспийский облревком постановляет: 1) Распустить Полторацкий уездно-городской исполком; 2) Назначить уездно-городской ревком в составе: председателя Сенимурата Овезбаева, заместителя (товарища) Амбраже, членов Кукаева, Гаджнева, Субхана Ишанова; 3) Назначить выборы Полторацкого городского Совета рабочих и крестьянских депутатов, поручив разработать этот вопрос уездгорревкому совместно с бюро профсоюзов; 4) Президиуму бывшего исполкома и заводделам оставаться на местах впредь до распоряжения уездгорревкома. Подлинник подписали: Председатель облревкома Х. Талыжский, секретарь — Эфендиев».

Уездгорревком начал свою работу 27 января, а разместился он в доме Каграмянца на Гоголевской улице. И сразу у народного входа стали собираться многочисленные делегации, представляющие интересы дехкан уезда. Истинная картина положения дел в уезде стала быстро приобретать четкие очертания.

В конце января в облревкоме Атабаев принял делегацию номудов, живших у Каспия. Они приехали в Полторацк просить помощи у Советской власти против засилия беков. Внимательно выслушав аксакалов, чьи чистые сердца искренне тянулись к новой власти, Атабаев заверил их, что очень скоро белым будет нанесен последний решительный удар. Закаспий полностью станет советским и тогда обязательно установится власть трудящихся людей, а могущество беков и их права, полученные ими во времена царизма, значительно ограничатся.

— Скажите всем людям вашего племени, что прошло время, когда говорили: «Имеешь сто баранов — всегда будешь правым». Теперь пусть дехкане готовятся выдвинуть лучших из своей среды, тех, кому мы всю власть и доверим.

Затем Атабаев подробно расспросил аксакалов об Иомудском. Те рассказали, что Иомудский после семнадцатого года уединился в своем доме на Челекене, где оплакивал смерть двенадцатилетнего Чингиза, которого, как говорят, отравили люди, подосланные Махтумкули-ханом. Летом прошлого года Иомудский уехал от белых с семьей в Персию, но и там, по приказу генерала Лазарева, его нашли и под охраной увезли на Кавказ и далее в Таганрог.

Атабаев вспомнил о стычках, которые возникли в середине семнадцатого, когда Иомудский был избран председателем областного туркменского Совета, между текинцами Махтумкули-ханом и Юсуп-ханом и Иомудским, иомудом от рождения, но принявшим православную веру.

В конце беседы Атабаев позвонил во второй Дом Советов и попросил устроить пятерых аксакалов на жилье, поскольку он уговорил их остаться в Полторацке еще на два дня, чтобы 29 января принять участие в торжественном погребении 26-ти Бакинских комиссаров, трупы которых были обнаружены местными

жителями-иоудами на 27-й версте железной дороги между станцией Перевал и Ахча-Куйма.

В Ташкенте же продолжались жаркие словесные баталии. Заседания крайкома и ТуркЦИКа совместно с представителями Турккомиссии длились подолгу и проходили крайне возбужденно. Некоторые из ведущих советских и партийных работников из местных национальностей, объединившихся вокруг Турара Рыскулова, ратовали за создание самостоятельной «мусульманской армии». Тогда как на V краевой партконференции Куйбышев, сказав, что это связано с вопросом самоопределения наций, прямо призывал трудящихся местных коренных национальностей вступать в ряды Красной Армии. Турсун Ходжаев меж тем не отставал с вопросом: «Почему в Туркестане армия должна называться Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армией»? От этого «почему?», однако, становилось ясным, с какой целью эти же товарищи требовали упразднения Турккомиссии, ограничения прав Туркфронта, изъятия вопросов военных, внешнеполитических и внешнеторговых из ведения РСФСР и передачи их ТуркЦИКу, а также почему они настаивали на переименовании Компартии Туркестана в «Тюркскую компартию», а Туркестанской Автономной Советской Республики в «Тюркскую республику».

Нажим со стороны этих товарищей был настолько сильным, что Элиава было заколебался и принял их сторону. Крайком, который буквально десять дней назад утвердил решение о слиянии всех коммунистических организаций — русских, мусульманских, азербайджанских, персидских и иностранных коммунистов — в единую Компартию Туркестана, в сложившейся ситуации постановил называть ее «Тюркской компартией».

Члены Турккомиссии Куйбышев, Рудзутак, Голощекин и Бокий называли эти устремления своим именем, заявив, что это есть чистейшей воды национализм и дело, которое противоречит взглядам и решениям Коммунистического Интернационала.

С другой стороны, у Элиава, Куйбышева, Рудзутака, Голощекина и Бокия уходило немало сил на пререкания с товарищами, которые продолжали стоять на старых, вредных позициях недоверия по отношению к коммунистам из бывших мусульман и на разъяснения

ошибок в их взглядах. В конце января решением Турккомиссии был распущен райком 3-го железнодорожного района за неподчинение партийной дисциплине, исключены из партии и высланы из Туркестана Успенский, Дружкин, Колузаев, Шкарупа, Попов и ряд других товарищей.

Сразу после похорон бакинских комиссаров, к Атабаеву зашел Мальков. Он частенько наведывался в облревком к Кайгысызу, поскольку видел его внимание и дружеское участие к себе, хотел сообщить радостную новость и попрощаться. Являясь последние месяцыособоуполномоченным по политическим делам штаба 1-й Туркестанской стрелковой дивизии, он теперь направлялся на передовую. Был он свеж, выбрит, доволен. Кайгысыз от души порадовался хорошему настроению Василия, и тот это заметил. Мальков искренне гордился тем, что сумел одолеть захватившее было его пристрастие к вину.

Атабаев сидел в своем кабинете с Сувханом Ишановым, и готовил проект постановления облревкома о национализации кыргызов¹ Полторацкого уезда, когда к нему пришли Паскуцкий и Баранов. Николай Антонович всего на день приехал с передовой, но навестил Атабаева не только затем, чтобы поздороваться.

— Товарищ Ишанов, если можно, дайте нам четверть часа поговорить наедине с товарищем Атабаевым. Пожалуйста, мы его дольше не задержим, — спросил Николай Антонович и, как только они остались вдвоем, продолжил: — Я очень доволен, что ты, Константин, оправдываешь мои ожидания. Похвально, что ты проявил инициативу в отношении Овезбаева. Правда, мы с Петром Ионовичем полагаем, что отдел народного образования, даже всей области, ему был бы более по силам. А то получилось как-то не шибко здорово. Есть обиженные. Погоди, погоди, я знаю, что ты мне скажешь!

— Конечно скажу, Николай Антонович. Проводить такую политику надо с умом, чтобы никто потом не выскочил: «Вот, это, мол, «политика»! Назначением

СТЕ

¹ Система колодцев, соединенных между собой подземными арыками для извлечения грунтовых вод.

туркмена Овезбаева на высокий пост мы сразу многим ваткнули глотки.

— Да, так-то оно так, но и других обижать не следует, — высказал свое мнение Баранов. — Очень скоропалительно решили, не посоветовались, не взвесили.

— Петр Ионович, в лесу лес неровен, в миру — люди. Так было и так будет. Мы, Советская власть, сделаем равными в правах всех людей. Это другое дело. Мой учитель в семинарии точно говорил: «Перед богом все равны и перед властью, а перед делом — нет. Здесь все от способностей, от знаний». А где, как не среди бывших царских чиновников и офицеров, — чтобы их прошлое вместо с царем сгорело, — мы найдем образованных людей среди туркмен?

— Однако ты, Константин, себе противоречишь. Почему тогда ты так резко выступаешь против Махтумкули-хана? — Паскуцкий прищурил левый глаз.

Кайгысыз внимательно посмотрел на Паскуцкого, размышляя, каковы его мысли на этот счет, и ответил:

— Николай Антонович, другой мой учитель, вы его знаете, ученый Беляев — последние годы он был инспектором народного образования Закаспийской области, — пояснил Кайгысыз Баранову, удивленно вскинувшему брови, — так вот, Беляев не уставал говорить «Нельзя равнять фунт с аршином».

— Здорово у тебя, говарищ Атабаев, получается! — с улыбкой заметил Баранов.

— Да вот вы говорите, что не очень. А что такое Махтумкули-хан? Прежде всего — безграмотный старик. Ну, с опытом, с авторитетом. Но в прошлом — жестокий царский правитель Теджеянского района. Вы же, Николай Антонович, знаете, какую память он там о себе оставил.

— Это верно, но сейчас он пользу приносит. Сидит рядом с нами и разъясняет населению новые законы и постановления, — возразил Паскуцкий.

— Да не по-советски это! Сидит какой-то бай на коврах в лучшем дворе Полторацка, попивает чай, покуривает кальян и за нас решает. Подношения принимает, дукаты берет. Ведь не правильно это! Туркмены начинают думать, что Махтумкули-хан и есть Советская власть.

Паскуцкий с Барановым переглянулись, и Атабаев понял, что ничего подобного они не знали.

— Нужны образованные люди типа Овезбаева, Хаджи-Мурада, Иомудского, Какаджана Бердыева, чтобы туркмены не думали, будто Советская власть в ханах да баях нуждается! Что, я не прав?

— То, что ты мулла к учительскому делу приобщил, это хорошо, но не горячись. Словом, я пришел, Константин Сергеевич, тебя предупредить — не горячись.

— Что? Нажаловался кто?

— Почему же? Если бы поступила жалоба, мы как тебе бы и сказали. А нам показалось, что ты слишком резко берешь. Но, повторяю, нам показалось. Продолжай, дел у нас впереди очень много.

— А как Иомудского разыскать, Николай Антонович? Он сейчас в Полторацке не был бы лишним.

— Не спеши, думаю, скоро вернется к нам Николай Николаевич.

— Вот и надо ему с Бердыевым поручить дело с организацией в области народных судов.

— Ну что, Петр Ионович, полагаешь, товарищ Атабаев в порядке? Тогда пошли дальше. Да, а как Таня, как дочурка?

— Спасибо! Им в Ташкенте хорошо, а вот я здесь совсем закружился в делах. Желаю скорой победы, Николай Антонович! Во как нужна!

— И тебе спасибо. Да, — верхняя губа Николая Антоновича задергалась, он решительно направился к Кайгысызу, обнял его. — Холера, чуть было не забыл! И ты — хорош, молчишь! Не хвались родительскими, хвались добродетельми. Просил человека заехать, поглядеть, говорит, и холмик насыпали над матерью моей, и крест поставили, и ограду. Саг бол! Удружил ты мне! Ну, будь здоров! Мы пошли.

Уже по дороге к автомобилю Паскуцкий рассказал Баранову, как Атабаев позаботился о похоронах его матери, убитой бандитами Эзиз-хана.

Тщательно пройдясь щеткой и теперь отирая мокрым полотенцем лоснившуюся после дневной поездки

кожу коня, Бек-Назар бурчал себе под нос. Уши его любимца Бек-Назар-Дора чутко подрагивали.

— Кто бы сейчас скакал на тебе, шлепай я целый день печатью? Да кто бы холил тебя? А скоро сезон, работа и состязания. Есть люди, конечно, которые специально для того рождаются. Есты! Но не каждый может быть ханом, и не каждый может владеть таким конем, как ты. Понял?

Бек-Назар-Дор скосил темно-лиловый глаз, дернул мордой. Хозяин взял специальный деревянный нож, принялся расчищать копыта и насухо их протирать.

— Башлык¹ это, конечно, почет. Но ты мог бы весь день без меня прожить? Я — нет. И это ты знай! — Бек-Назар опустил ногу коня, разогнулся. Но вот плечи хозяина ссутулились, он уставился немигающим взглядом на жеребца. И глаза Бек-Назара начали наполняться слезами. — Где ты сейчас, Бек-Назар-Ал?

Жеребец раздул ноздри, заржал, забил ноздрями. Ему передавалась душевная боль человека, но его собственное лошадиное горе, — угон в плен отца, — не было до конца выстрадано. Оно взрывалось всякий раз неукротимым движением вперед, как только за спиной или рядом оказывались другие кони.

Они шли вдвоем после очередного заседания в облревкоме по тускло освещенной улице. Было еще сыро, звезды на небе, как бы задернутые вуалью, блекло мерцали, но днем глаз отмечал уже многие приметы наступившей весны. Не хватало двух-трех по-настоящему солнечных дней, чтобы в садах зацвела алыча.

Когда они вышли на Гимназическую площадь, — огромный и пустынный плац в центре города, — чтобы затем свернуть на Пушкинскую и там у дома рядом с Госбанком, где временно жил Атабаев, расстаться, Кайгысыз вдруг подумал: «Засадить бы эту площадь диковинными деревьями из Италии, Индии, Америки и назвать парком Туркменской Республики. Ведь будет она такой рано или поздно!».

— Ты говоришь, Костя, туркмен привлекать, а кого? Среди вас очень мало подготовленных. Я вспоминаю июль восемнадцатого, Ташкент, — помнишь в Мерве

¹ Глава, председатель, начальник.

перед твоим отъездом сюда мы не договорили об этом? Какие люди были в Ташкенте! А не разобрались, просмотрели. Потом четыре дня думали и решили отложить отъезд, бросить все силы на подавление мятежа в Асхабаде. Создали военно-полковой штаб. Ввел одиннадцать человек. Наделили высшими полномочиями. А дали маху, потому как, я думаю, на съезде присутствовали и большевики, и эсеры, и беспартийные. Все они и вошли в его состав. Только двадцать четвертого июля, заметь, тридцать дней спустя, собрались мы на первое заседание. И получилось, что представитель военного комиссариата Калашиников в Асхабад выехать не может, представитель наркома путей сообщения и отдела продовольствия Шумилов, представитель профсоюзных организаций и еще представитель от съезда товарищ Быков также, по каким-то причинам, не могут выехать. Полторацкий убит. Самойленко еще скрывался в Мерве. Нас и осталось пять человек с периферии. Председателем штаба, по рекомендации Казакова, избрали Панасюка, левого эсера. Ты его знаешь.

— Чересчур шепутиной! Хорошо его знаю по Байрам-Али, — вздохнул Атабаев.

Со стороны железной дороги прозвучал одиночный выстрел, и ему тотчас ответила короткая пулеметная очередь. Кайгысыз насторожился, а Бухарейко увлеченно продолжал:

— Типичный эсер, к власти рвался к единоличной!

— Он и нас, делегатов из Мерва, на шестой съезд Советов не хотел отпускать. Не подписывал мандаты и все!

— Он заранее знал, что мервские большевики намерены настаивать на изменении структуры и личного состава военно-политического штаба фронта. Но ты погоди, дай досказать, что было до того, как мы с тобой познакомились. Выехали мы, значит, в Чарджуй. С нами, по решению съезда, поехал военный комиссар Осипов. Из-за него и вышла вся задержка. Повез он с собой огромный штат. И оказалось, что все оперативные, организационные и хозяйственные вопросы решал он, а у нас, у штаба, были только деньги. В Чарджую сколотили силу. Достойную! Если бы в Ташкенте не растерялись, можно было бы спокойно дать по морде

мятежникам еще под Мервом. Там их остановить. По численности противник превосходил нас, это верно, но технически мы были сильнее. И потом пролетарский дух, обида, злость. Гады, как обманули рабочих! Все! Это сознание вело в бой. На нем мы и выиграли сражение под Чарджуем, потом Байрам-Али, освободили Мерв. Тогда-то и встретил тебя и Андрея Лысенко. Как он удивился, что я беспартийный, а член такого штаба, я хорошо помню. Мы побеждали, но все видели, что Осипов воевать не умел.

— Помнишь, скоро командовать назначили Иванова? Все его уважали.

— Да, мы в штабе знали — одно слово, и красноармейцы выполняли любой его приказ. Но он бывший штабс-капитан, воевать-то ему приходилось против своих же, офицеров.

— Мало таких, которые честно приняли Советскую власть?

— Нет, Костя, что ни говори, дело пошло тогда, когда в штабе остались работать только большевики, а в девятнадцатом. Андрей Лысенко меня рекомендовал в партию.

— Ты так говоришь, Иван, как будто из-за коммунистов только и начали отступать у Каахка.

— Мы не рассчитали своих сил. Полки устали, не было боеприпасов, патронов, снарядов. Не хватало жидкого топлива для паровозов. А мятежникам уже всю помогали англичане и Деникин. Ты-то сам когда уехал из Мерва?

— В начале октября, на съезд. А в ноябре, в эшелоне, ко мне приехала Таня. Вскоре и родила. Но ты, Иван, скажи, как думаешь: мы с тобой многое сделали, в конце концов фронт обеспечивали... А вот хлебная монополия — это правильно или нет?

— Спрашиваешь, а ведь сам ответ знаешь! В России, Костя, было правильно, а у нас — нет. Помнишь, намного стало легче фронт снабжать, когда Паскуцкий своей властью отменил монополию и ввел натуральный налог.

— Это в июле, а уже в начале августа революция в республике подтвердила его решение. Как не помнить...

— Туркменское население обрадовалось.

— Еще бы!

— Я догадываюсь, Костя. Ты думаешь, что басмаческое движение в Фергане вспыхнуло из-за монополии, потому что силой позакрывали базары, запретили торговлю. Другое же организовать снабжение не сумели. Это ты так думаешь, Костя. На самом же деле все гораздо сложнее. Это форма классовой борьбы. Непостижимая! Феодално-байский элемент взялся за оружие, чтобы отстаивать свои интересы. Вижу, ты опасешься, что и здесь такое может произойти?

— Опасаюсь, Иван. Ты лучше других знаешь, почему я каждый день с этим сталкиваюсь.

— Обо всем этом реввоенсовет давно ясно и четко доложил в Ташкент. Я уверен, не сегодня-завтра ТуркЦИК примет правильное решение.

— Мне бы узнать, что об этом Ленин думает. Очень надо, Иван! Сейчас в ауле становится очень беспокойно. Трудно! Баи и муллы ловко используют каждую нашу промашку.

Со стороны улицы Свободы показался патруль, проверил документы. Засовывая удостоверение в нагрудный карман гимнастерки, Бухаренко спросил:

— А что, Костя, когда свою Таню в Полтораик привезешь? Квартиру ждешь, или как?

— Да я пока не спешу. В Ташкенте у Тани сестра, мать. Они ей помогают.

— Дочурке уже сколько?

— Скоро полтора года будет. Что ее таскать?

Они распрощались, крепко пожав друг другу руки.

На дворе властвовала весна. Цвели алыча и урюк, в садах по вечерам выводили коленца соловьи. Снега на горных хребтах Копетдага таяли не спеша, чтобы лучше донести на поля живительную влагу. Дехкане заканчивали сев и радовались множеству примет хорошего лета и богатого урожая. Осенью из кибитки в кибитку перелетал слух о благоприятных переменах, предстоящих в скором времени в жизни туркменского народа.

Люди, заседавшие по двенадцати часов в сутки, вот уже седьмой день в актовом зале бывшей мужской гимназии не видели и не ощущали весны.

Перерыв между заседаниями заканчивался, когда

Атабаев подошел к группе товарищей, в основном, работников временного обкома партии. В центре стоял его председатель Андрей Солькин, направленный из Ташкента на работу в Полторацк. Люди курили у крыльца, выходящего во двор, засаженный ясенем, кленом, туюй и елью. Кайгысыз расслышал конец фразы, произнесенной Барановым: «...следует использовать свой авторитет. Не умеют силу применять там, где надо!».

— Нет, товарищ Баранов, война у нас кончена. Красноводск взят, область очищена от белогвардейцев. И теперь не мы вам, а вы нам будете подчиняться. Исполкому Советов должна принадлежать вся полнота власти. Надо Советы укреплять, создавать им авторитет. А с оружием в руках, Петр Ионович, у нас в Туркестане социализм не построишь, — Атабаев произнес эти слова тоном, не допускавшим возражений. — Уж вы не обижайтесь.

— Да ты, Константин Сергеевич, не слышал о чем я говорил! — Баранов удивился прыти Атабаева. — Не о том речь.

— Как же не о том, если ваш Кугузов из политотдела армии требует разогнать облревком, как ненужный, а на партсобраниях ячейки, когда следует принимать решение, выставляет за дверь коммунистов из муссекции? — Он хотел сказать что-то еще, но на крыльцо поспешно вышел Александр Певзнер, председатель облревкома, который должен был первым выступать, и после перерыва попросил всех быстрее заходить в зал.

Действительно, Атабаев сделал неуместное замечание, поскольку Баранов говорил о слабой работе временного обкома партии, о необходимости слияния обкома и облмусбюро. Крайком давно вынес решение о нежелании целых организаций и отдельных лиц подчиняться решениям обкома из-за непонимания ими руководящей роли партии в системе диктатуры пролетариата.

В зале кипели страсти. Александр Певзнер, который являлся одновременно и заместителем председателя временного обкома, от имени этого органа он в толковом и убедительном докладе всего три дня назад призывал всех участников совещания непременно учитывать особенности края, предупреждал, что в противном

случае можно совершить серьезную ошибку из-за слепого копирования методов работы партии в России. Сейчас же, в докладе по вопросу о партийном и советском строительстве, Певзнер вдруг загнул такое, чего многие поначалу даже не поняли, а затем взорвались от негодования.

Докладчик, который совсем недавно прибыл в Туркестан, без обиняков предложил, исходя, мол, из обстоятельств, а не просто так, закрыть партию для представителей местного населения.

Атабаев мгновенно подумал об Алесковском, который именно по причине нежелания работать с представителями не европейских национальностей, потерял авторитет и был отстранен от работы председателя Мервского уездгорисполкома. А Баранов выкрикнул:

— Как вас понимать? Куда делся тот Певзнер, которого мы слушали три дня назад? Будто подменили человека! И когда же он говорил искренне?!

— И тогда, и сейчас! Поднимем их культурный уровень и откроем двери в партию! — запальчиво крикнул в зал Певзнер. — Ячейки предлагаю переименовать! Вместо них создать мощные культурно-просветительные центры!

Невообразимый шум перекрыл его голос. С мест повскакивали сразу многие участники совещания, каждый кричал свое. Атабаев понял, что кушकिनские большевики Морозов и Баленков, работники обкома — Мендельсон, Багин и особенно Суворов — нынешний председатель Мервского уездгорисполкома, которого Атабаев хорошо знал по Мерву, активно поддерживали Певзнера. Суворов заявил:

— В отношении местного населения Мервская парторганизация настаивает: пусть они организуют демократическую партию, но не коммунистическую. Рановато им быть коммунистами!

«Как же это получается? — лихорадочно думал Кайгысыз. — Только вчера он критиковал Алесковского, сместил, занял его пост, а сегодня держит такие речи!»

— Рыскуловщина! Мы не пускают мусульман компартия, они создают тюркская партия. Буржуазный национализм! Коммунист аул — еще не марксист, но который есть тогда наша опора? Ячейка аул — против байства! Наш лозунг — «запирайт двери партии!» — не

согласен! Открывайт двери Советов — да! — произнес на ломаном русском языке Шпитцер, руководитель комитета иностранных коммунистов из бывших военнопленных мировой войны, застрявший в Закаспийской области.

Баранов потребовал слова. В тот день на нем были командирские сапоги, их носили только военные, галифе и белая косоворотка. Простое, приветливое лицо, пышная, слегка выющаяся, русая шевелюра.

— Зачем, товарищ Певзнер, забрызгивать президиум слюной, а зал засыпать словесной шелухой? Пытаешься цитировать Ленина, подгоняя его под свои идеи, а которые веришь, как в библию.

— Что ты хочешь этим сказать? Конкретнее! — довольно недружелюбно покосился на него Певзнер.

— А то, что у многих опыта не менее твоего, — в подпольная работа, и ссылки за плечами. Но никто себя так не ведет. Вчера одно, а сегодня — другое. Три дня назад был согласен, что в России чай пьют из стаканов, а тут пиалами, там черный, а здесь — зеленый, там жиденький гоняют, да с блюдечка прихлебывают, а здесь — густой, да еще три раза заваривают.

— Не разводи, товарищ Баранов, демагогии! — Певзнер покраснел, как рак, брошенный в кипяток.

— Вот и выходит по моей демагогии, что Ленина надо правильно применять. Я говорил и говорю, что наша работа здесь, прежде всего, осложнена недоверием мусульман к русским и европейцам. Почти цитирую тебя, товарищ Певзнер: прежние руководители Туркестанской республики вели ошибочную политику, в результате которой вместо укрепления идей коммунизма в среде местного населения мы восстановили его против себя. Так? — Певзнер молча опустил голову. — А это недоверие не так-то просто изжить! Оно тянется от царя. Русские капиталисты не могли зародить доверчивого и благожелательного отношения к русскому народу. Они и те, кто с ними, шли сюда для того, чтобы всемерно эксплуатировать наиболее темные, отсталые мусульманские массы. Здесь процветали гнет экономический и национальный. Люди, которые поначалу строили здесь Советскую власть, взамен капитализма, не были избавлены, к сожалению, от этого, а товарищ Певзнер со своей псевдонаучной теорией о том,

что в Компартию может входить только человек с пролетарской идеологией, с классовым самосознанием, а у мусульман, мол, его нет, только подливает масла в огонь.

Атабаев заерзал на месте: в навалившейся на зал тишине под ним закрипел стул. Кайгысыз любовался Барановым, упивался его словами. Он понял, что на крыльце и в самом деле «речь шла не о том», в чем он упрекнул Баранова.

— Подливаешь масло, товарищ Певзнер, и отталкиваешь местное туркменское население от нас, может быть, хочу верить, сам того не подозревал. Впадаешь в ошибку, последствия которой трудно предвидеть. Я не против, я за то, чтобы вести среди мусульманского населения идейно-просветительную работу. Но, товарищи, ее надо вести и не только среди местного населения. Надо чтобы русские коммунисты усилили истинно партийную работу, сами глубже прониклись не только формальной стороной учения, но и духом его! Всем нам требуется укреплять коммунистические знания. В этом отношении необходимо усилить партийную работу не митинговую — пошумели и забыли, а пропагандистскую, с лекциями и занятиями. Я говорил и повторяю, что нашей главной задачей является вовлечение широких трудовых масс в советскую работу. Если определенные влиятельные категории не могут быть вовлечены в партию вследствие их классового, имущественного положения, полученного воспитания и так далее, они, тем не менее, могут быть вовлечены в общественную работу по советскому строительству. Необходимо выводить всех туркмен, подающих надежду, из них можно сделать советских работников, привлекать к советской работе на ответственные посты и в качестве рядовых работников. Эта работа самая важная!

Атабаеву хотелось что-то сказать в поддержку Баранова, но он стеснялся. Он радовался ощущению того, что подавляющее большинство присутствующих на стороне Баранова, а тот продолжал:

— Я говорил и повторяю, — правда, мы уже приняли по этому вопросу решение, но пусть товарищ Певзнер не забывает, — амнистия туркменам, которые участвовали в гражданской войне на стороне белогвардейцев, — это верный шаг! Мы проявили лояльность к

ошибкам туркменского населения, благожелательность по отношению к нему.

— Призываете идти на поклон к байству? — заметил о места Сахатмурадов, ныне уже один из руководителей облмусбюро и член обкома партии.

— Нет! Призываю к проведению правильной политики по отношению к мусульманскому народу в особых условиях Туркменистана. Призываю не ломать дров и каждое утро помнить то, к чему нас призывает Ленин.

— Байство хватается за палку, а беднота приходит в партию жаловаться, — произнес кто-то из зала.

— Товарищи, а вы сумели за два года вырвать эту палку? Нет! Только дали, к сожалению, возможность баю крепче за нее держаться. И если мы сейчас станем ее вырывать, могут произойти нежелательные последствия. Помнить об этом надо! Мы же обязаны сделать так, чтобы палка сама выпала из рук бая. И потому, прежде всего, никоим образом мы не должны закрывать дверей партии перед нашим активным и наиболее верным помощником в ауле. Более того, начинать надо с того, чтобы дать местному населению ощутить конкретные материальные блага. Оно легче и быстрее пойдет на просвещение, легче и быстрее поймет нашу идеологию.

Совещание представителей уездгоркомов, мусбюро и комитетов иностранных коммунистов, сыгравшее значительную роль в развертывании и налаживании организационного строительства партийной организации Закаспийской области, с одобрением встретило это выступление Баранова. Атабаев, как только закончилось вечернее заседание, поспешил переговорить с ним.

— Петр Ионович, я ваш друг! — Кайгысыз горячо тряс руку бывшему рабочему, вступившему в партию в самый тяжелый год Столыпинской реакции. — Чаше бывайте на заседаниях облревкома! Нам надо там создавать специальные комиссии по работе в аулах и по земельной политике.

— Ты прав, Константин Сергеевич. Дело говоришь. Об этом следует подумать и чем скорее, тем лучше. Обязательно!

— А насчет ячеек в аулах, не сомневайтесь. Только в одном Полторацком уезде из сорока двух аулов мы уже в двадцати пяти создали ячейки. Люди идут охот-

но, понимают, что только так получают лучшую жизнь.

— Понимают, говоришь, Константин Сергеевич?

— Безусловно!

Когда они, продолжая оживленно беседовать, покидали здание бывшей мужской гимназии, легкий ночной ветерок трепал укрепленные на шестах под фонарями лозунги: «Две стальные, хорошо работающие железнодорожные нити — путь к счастью рабочего класса!», «Все на линию трудового огня!» и «К сытой, свободной и счастливой жизни!».

Приезд Фрунзе в Ташкент внес свежую струю в жизнь республики и укрепил позиции членов Турккомиссии. Выслушав красноречивые и убедительные выступления Куйбышева, Рудзутака и, особенно Фрунзе, большинство членов крайкома партии согласилось, что решение VIII съезда Советов Туркестана о ликвидации Совета Народных Комиссаров было ошибочным. Совнарком был восстановлен и первым председателем его назначен Ян Рудзук. Долго и бурно обсуждалось уже на заседании ТуркЦИКа, с участием всех членов Турккомиссии, ненормальное положение в руководстве делами Туркестана, при котором ТуркЦИК действовал совершенно в отрыве от крайкома. Вот когда особенно остро проявилась сила отдельных групп из местных товарищей, спаянных между собой родовыми, экономическими, духовными и иными узами. Вместе с тем, члены Турккомиссии именно после этих двух заседаний обнаружили и отрадные явления: немалое число руководящих местных работников искренне и с радостью принимали ленинские положения и рекомендации, а иные, испытавшие на себе властное давление Рыскулова, начинали откровенно помогать Комиссии.

Вовремя пришло сообщение из Москвы о принятии там решения провести мобилизацию и направить на работу в Туркестан, для оказания практической помощи, несколько сотен партийных и советских работников. Было ясно, что Владимир Ильич с особым вниманием следит за положением дел в Туркестане.

Как только Фрунзе ознакомился с обстановкой в Ташкенте, он вместе с Элиавой отправился в Закаспийскую область. Фрунзе хорошо знал, сколь была необходима стране каждая цистерна нефти, и, кроме того,

хотел своими глазами взглянуть на землю, по которой недавно прокатилась война, и где в прошлом проживали забитые, находившиеся в положении колониальных народов туркменские племена. Эти люди с искренностью и готовностью помогали Красной Армии одерживать победы над контрреволюцией.

Атабаев, Сахатмурадов, Эюбов, Ишанов, Ризаев, Кульмухамедов, Халмурадов с первой же минуты знакомства с руководителями Турккомиссии прониклись к ним глубоким уважением. Элиава и Фрунзе, по прибытии в Полторацк, сразу попросили Зиновьева, Паскуцкого и Баранова познакомить их с партийными и советскими работниками из местных товарищей. Потом, куда бы Элиава и Фрунзе не выезжали, они постоянно с ними консультировались, внимательно выслушивали их суждения.

Кайгысыз душой и всем сердцем чувствовал и умом понимал, как силы его утраиваются. На хлопкоочистительном заводе, где Фрунзе, ознакомившись с работой предприятия, долго беседовал с рабочими, директор завода принялся разрисовывать перспективу в розовых красках, но Атабаев перебил незадачливого руководителя:

— Товарищ Фрунзе, не верьте ему! Не выполняет он своих обещаний. Для этого нужно, прежде всего, чтобы дехкане были заинтересованы в посевах хлопка. А этого нет. К тому же, в этом году мы почти не получили семян. И дело со снабжением хлопкоробов, как мы того требуем, еще не налажено. У нас говорят «Чеканкой медь в серебро не превратишь».

Михаил Васильевич присматривался к Атабаеву, который, в отличие от некоторых местных товарищей, не лез вперед, не стремился себя показать, но судил строго. Сейчас он просто поразил Фрунзе.

— Да, это хорошо сказано! Верно, товарищи, из слов рубахи не сошьешь. Однако следует прилагать особые усилия, чтобы дехканин имел больший вкус к хлопку. Это, — хоть на первый взгляд и незаметно, — важная интернациональная задача. Туркменский дехканин русскому рабочему и крестьянину вырастит хлопок, а те, в свою очередь, соткут ему рубаху и хлеб пришлют в Туркестан.

— А лучше, товарищ Фрунзе, хлопок растить и ру-

баху ткать сразу здесь, зачем одно везти туда, другое — обратно.

Михаил Васильевич отметил здравый практический ум зампредоблревкома. Атабаев впервые обратил на себя внимание Фрунзе и Элnavы, когда после первого митинга, состоявшегося в здании городского театра «Спорт», они беседовали за чашкой чая в узком кругу с теми, кому в то время выпала доля руководить Закаспийской областью. Члены Турккомиссии отвечали на многочисленные вопросы.

Светлые глаза Фрунзе излучали ум, доброту и добрую волю. Короткие, почти ежиком торчащие волосы, небольшие уши, слегка прижатые к голове, форма усов и небольшая бородка придавали лицу ощущение надежности, человеческой прочности.

— Царский военный министр в пятнадцатом году докладывал Николаю II о том, что трех-четырёхлетнее пребывание инородцев под знаменами не сделает их преданными России, но научит обращаться с оружием. Поэтому, мол, не следует засорять ряды русской армии инородцами. Вдумайтесь, товарищи, какая психология, какие унижительные мысли!

— Шайтан! — ругнулся кто-то из присутствующих.

— Коммунистическая партия подходит к этому совершенно с другой стороны! Национальные формирования для нас, товарищи, — это серьезное дело! И пусть не думают некоторые, что это пустая забава, игра для удовлетворения национального самолюбия отдельных народов. Это, повторяю, задача серьезная, вытекающая из всего характера нашего государства и определяемая основными принципами нашей внутренней и международной национальной политики. Строить армию мы иначе не можем. Поэтому республика вправе требовать от нас создания таких частей, которые бы целиком и полностью удовлетворяли всем современным боевым требованиям. Такими и никакими другими должны быть наши национальные части. При этом мы смело говорим: вчерашний басмач — сегодня должен стать красноармейцем!

— Как это понимать, товарищ Фрунзе? — спросил Сахатмурадов, а Кульмухамедов и Халмурадов, оба в форме командиров, согласно закивали головами.

— Попробую объяснить. Что мы на сегодня устано-

вили? Басмач, к сожалению, в подавляющем своем большинстве не просто разбойник. Если б это было только так! Понятное дело, мы просто бы покончили с ними. Дело, однако, в том, что основные силы басмачества составляют сотни и тысячи тех, кого так или иначе задела или обидела ушедшая власть, а новая им еще ничем не помогла. Не видя нигде защиты, они и ушли к басмачам, придав им небывалую силу, и принесли басмачам поддержку мусульманского населения.

— Это интересно! — заметил Ризаев, который, казалось, слушал не дыша.

— Да, к сожалению, приходится констатировать, что нынешнее басмачество, конкретно в Фергане, разрослось потому, что там представители Советской власти не работали среди населения, не оказывали никакого влияния на темные массы. Во всех кишлаках Ферганы не было создано ни единой партийной ячейки.

— У нас, товарищ Фрунзе, первое дело в освобожденных районах — восстановление партийных организаций, создание новых ячеек. Сейчас, к примеру, из сорока двух аулов Полторацкого уезда в тридцати восьми есть партиячки, — с места, волнуясь, произнес Атабаев.

— Это похвально! Уверен, у вас Фергана не повторится. Но хочу закончить свою мысль по поводу басмачества. Мы с Юсуфом Ибрагимовым¹ сочинили воззвание «К мусульманскому населению Ферганской области». Дать обстоятельную оценку басмачеству. — Фрунзе видел, как Атабаев достал из нагрудного кармана записную книжку в коленкоровом переплете, нашел нужную ему страницу.

Там было записано: «С восстановлением связи с Центральной Россией в политике Советской власти в Туркестане наступает резкий перелом. Все егояи, грабители, примазавшиеся к революционной власти для достижения своих личных целей, изгоняются из ее рядов, начинается привлечение к власти широких кругов мусульманского населения города и кишлака. Установлено полное равноправие всех национальностей...».

Фрунзе точно не знал, но догадывался, что это воз-

¹ Бывший командир 1-й отдельной Приволжской татарской стрелковой бригады, в то время ялен РВС Туркестанского фронта.

вание дошло до Полторацка и внимательно здесь изучено. Он продолжал говорить:

— Вместе с тем, дело заключалось и в том, что киргизский ревком в Фергане не имел связи с киргизскими массами и не пользовался, естественно, у них авторитетом. Товарищ Лукашов, возглавлявший Кир-ревком, своими действиями, совершенно лишенными политического такта, способствовал обострению отношения. Комиссия товарища Голошекина провела основательную чистку. Такая чистка открыла глаза мусульманской бедноте на истинную суть Советской власти. Беднота прозрела, отшатнулась от басмачества, и в результате сразу несколько главарей басмаческих шаек добровольно сдались. Мадамин, Муэтдин, Ахунжан и другие пришли с повинной.

— А верно, что они стали красными командирами? — спросил Кульмухамедов.

— Мадамин-бек возглавил сформированный Маргелавский узбекский кавполк. Ахунджан Нур-Мухамедов — I-й Туркестанский узбекский полк, отдельный кавдивизион получил Махамм Ходжи-Мирза Рахимов. Мы повели себя лояльно. Теперь слово за ними!

Воцарилась тишина, в которой Қайғысыз ощутил вдруг присутствие чего-то зловещего. Он прогнал от себя это чувство и торопливо спросил:

— Товарищ Фрунзе, а в чем заключается суть позиции Турара Рыскулова? У нас здесь разные слухи кодят.

— Проблема, в данном случае, вроде, как медаль, имеет две стороны, — взял слово Шалва Зурабович Элиава. При разговоре он любил поглаживать открытой ладонью короткую аккуратную бородку. Густые усы загибались кверху, их движениями как бы подтверждались значимость произносимых им слов. — С одной стороны, мы имеем вредное для нас русофильство, а с другой — чрезвычайно обостренные шовинистической политикой, проводимой в Туркестане царизмом, национальные чувства. То и другое следует как можно быстрее изжить. С этим мы и боремся.

— Вас интересует позиция товарища Рыскулова и наше к ней отношение? Честно говоря, я ждал этого вопроса. Это хорошо, что товарища волнует эта проблема. Товарищ Рыскулов весьма подготовленный, ува-

жаемый человек, но заблуждается по вопросу революции в мусульманском мире всего Востока. Он игнорирует значение классовой борьбы, считает, что на данном этапе революции для Туркестана главное — это борьба за национальные интересы всего мусульманства. Однако подобную его ошибку довольно легко исправить. Уверен, что товарищ Турар это сам очень скоро поймет. А вот что нам делать с тем, что он всеми силами стремится и продвигает на руководящие посты явных представителей мусульманской буржуазии и кулачества, независимо от деловой пригодности этих людей, и даже простой порядочности, мы пока не знаем. Да, партия стремится, из-за отсутствия грамотных товарищей среди мусульманской бедноты, привлечь к нашей работе способных людей из различных социальных слоев. Однако то, что на практике допускает Рыскулов, непременно приведет нас к другой, более опасной проблеме. Так ведь можно легко подменить интернационализм кристально чистым национализмом. Вот этого Рыскулов пока не видит.

— Вообще, товарищ Элиава, и вы, товарищ Фрунзе, скажите, как же можно работать с бывшими заводчиками, баями и с байскими подпевалами-националистами? — с горячностью спросил Сахатмурадов.

— Мой юный друг, — негромким, но твердым голосом продолжил Элиава, — глубже следует глядеть и в самый корень проблемы. Конечно, куда проще, легче, когда рядом бедняки из аула. Они вас понимают и полуслова, соглашаются и, по мере своих сил, выполняют ваши предложения. Людей из байских кругов надо уметь убедить, доказать им их заблуждения. Это сложнее. Однако, в условиях Туркестана, сегодня именно это надо уметь делать. И во имя того, чтобы привлечь на нашу сторону, во-первых, по-настоящему широкие слои населения, а во-вторых, не отталкивать иных в стан наших действительных врагов, — Элиава, юрист по образованию, говорил мягко и убедительно.

Беседа длилась до поздней ночи и закончилась вопросом Фрунзе, который сам же на него и ответил.

— А хотите знать в чем решение всех наших больных вопросов? Хозяйственное возрождение страны и Туркестана, на которое следует бросить все наши силы, обратить все наше внимание, Товарищ Рудзутак пусть

васучивает рукава еще выше, а вам предстоит следовать его примеру. Возведение Советского Туркестана на истинный советский фундамент теперь зависит не столько от пропаганды идей, сколько от возрождения, от наглядного улучшения условий жизни народа. И мир мусульман и весь Восток скажут: «Вот такую Советскую власть нам и надо!».

Кайгысыз возвращался домой в приподнятом настроении. Он с гордостью думал, что его взгляды ни в чем не разошлись с положениями, которых коснулись в беседе руководители Турккомиссии.

Семнадцатого марта Атабаев никак не мог дожидаться приближения часа, когда был намечен сбор на Гимназической площади. Тимошков сообщил ему, что командующий фронтом распорядился вывести на парад, посвященный ликвидации Закаспийского фронта, все туркменские части. К этому дню в Полторацке уже собрались участники I-го съезда представителей туркменского народа. И Атабаев придавал огромное значение параду и, разумеется, съезду, который открывался на следующий день вступительным словом Фрунзе и докладом Элиава «О задачах национальной политики партии».

У трибуны, выкрашенной белой краской, украшенной красным орнаментом, собрались герои фронта, кавалеры ордена Красного Знамени — Исакуцкий, Тимошков, комбриг Коневалов, начштаба Цфимов, летчик Горбунов, Гильщиков, который теперь командовал Казанским фронтом, и Величко, теперь уже помощник комполка.

Фрунзе произнес пламенную речь. Парад окончился тем, что I-й Туркестанской стрелковой дивизии от имени Закаспийской партийной организации было вручено Красное знамя с надписью золотом: «Освобожденные — освободителям». В ушах Кайгысыза звучали слова испытанного большевика, который перед отъездом в Туркестан встречался с товарищем Лениным: «Кровь многочисленных жертв борьбы обязывает нас к неусыпному труду на мирном поприще» и «Товарищи, после славной победы на военном фронте начинаются серьезные битвы на фронте труда. Вместо пушек — паровозы, вместо сабель — топоры, а вместо досыл

патрона в ствол винтовки — напряжение мускулов на трудовом посту».

По инициативе Атабаева, — он сам и провел это совещание, — были специально подготовлены слушатели учительских курсов, которым надлежало во время работы съезда вести среди его участников разъяснительную работу. Кайгысыз то и дело подталкивал Риваева, Эюбова, Сахатмурадова, Ишанова, Халмурадова и других товарищей из облревкома и обкома партии к большему общению с делегатами, особенно из Пендинского и Серахского районов, где по-прежнему велась активная агитация за отход этих земель к Афганистану. На съезде присутствовало более двухсот делегатов с решающим голосом, но среди них не насчитывалось и десяти коммунистов.

В свою записную книжку из стенограммы вступительного слова Фрунзе Кайгысыз переписал:

«Мы хотим, чтобы туркменский народ видел в нас — представителях Красной Армии — своих защитников, своих друзей и братьев, готовых сделать все, что только в наших силах для улучшения положения народа... Сейчас наша задача... заключается в том, чтобы дать возможность народам Туркестана и Закаспийской области, дать возможность вам — туркменскому народу — развить свою культуру, развить свою цивилизацию, развить свое хозяйство, создать такие условия, при которых вся масса, вся толща туркменского народа почувствует благо нового режима, нового, советского строя... Мы уверены, что вы приложите все усилия к тому, чтобы весь туркменский народ во всех его подразделениях, племенах, родах стал гранитной несокрушимой скалой для проведения той новой политики, которую хочет вести Советская власть в интересах всех поработанных и угнетенных народов».

Доклад Элиавы был выслушан участниками съезда с таким вниманием, будто судьба этих людей решалась именно в этом докладе. Кайгысыз же снова записал в свою книжку: «Если вы теперь забудете, отрешитесь от старого подозрения к Российской власти, если посмотрите на нас, как на людей, желающих не выгоды для себя, а добра и просвещения для туркменских масс, если это сознание между нами установится, то в ближайшее время мы добьемся величайших резуль-

тазов в Туркестане станет образцом для всех соседних стран».

Выступления участников съезда, немудреные, искренние и полные веры в свершения, окончились предложением принять и отправить приветствие съезда вождю Октябрьской революции и главе Советского государства Ленину. В нем со всей откровенностью говорилось: «Мы, туркмены, клянемся стоять грудью, как один человек, на страже завоеваний Советской власти, и мы скорее погибнем в борьбе, нежели позволим врагам социальной революции опрокинуть Советскую власть в Туркестане и во всей России».

На съезде Кайгысыз впервые ощутил, что ему не хватает воздуха от одной мысли о том, что он участник событий, о которых прежде нельзя было даже подумать и которые очень скоро создадут все необходимые условия для расцвета народов его родной земли.

Приятным сюрпризом для Кайгысыза на съезде была встреча с Дурды-баем из Геок-Тепе. Тот на прощанье сказал:

— Начиная вам верить, комиссар. Если так дело пойдет, то и я в партию запишусь. Пусть меня избирают председателем аулсовета, а то и выше.

Когда съезд закончил свою работу, Элиава и Фрунзе послали товарищу Ленину телеграмму, в которой сообщали: «...в политическом отношении положение в Закаспии в данный момент вполне благоприятно. После проведенного нами съезда депутатов всех туркменских племен можно считать исчезнувшими опасения за неблагоприятный исход голосования в Пендинском и Серахском районах, (если) таковые состоятся. Напротив того, есть все основания ожидать тягу туркмен Бухары, Афганистана, Персии к нам».

Вскоре, когда корреспондент ТуркРОСТА интересовался результатами съезда, Фрунзе ему сказал:

— Одной из характерных черт съезда было полное отсутствие националистических чувств и настроений. И это не было случайным явлением. Вообще, я считаю, что отныне дело советского строительства в крае обеспечено, поскольку опорой его является вся толща туркменского народа. И это заявление мое является глубочайшим моим убеждением.

В Полторацке еще долго помнили встречи с това-

рищами Элиавой и Фрунзе. Кайгысыз в своих воспоминаниях черпал силы для терпеливого продолжения той работы, которой он занимался повседневно.

Атабаев почти силой втащил в автомобиль председателя президиума обкома Андрея Солькина. Того самого Солькина, который в конце 1918 года, после полугодового существования вновь открытого в Ташкенте Туркестанского народного университета, был избран его ректором. До этого Андрей, студент технического факультета, был активным членом университетской комячейки. Затем он очень скоро стал председателем крайкома партии и вместе с Кайгысызом был инициатором ликвидации муссекций и Наркомата по делам национальностей. Теперь Солькин работал в Полторацке, и Атабаев всячески стремился как можно полнее раскрыть перед ним своеобразие своего народа. Сегодня он повез вновь прибывшего в соседний с Полторацком аул Безменн на заседание партячейки и закладку здания новой школы.

Вечером Кайгысыз и Андрей зашли в помещение батрачкама. Его председатель Назар-ага как раз собрал жителей, чтобы провести беседу о том, что такое Советская власть.

В большой комнате глинобитного строения, которое прежде принадлежало уряднику, сошлось человек шестьдесят дехкан.

— Принеси, сынок, лампу, — попросил Назар-ага. — Зажги!

Как только семилинейная керосиновая лампа разгорелась, Назар-ага сказал:

— Вот свет — это и есть Советская власть. Вы хорошо видите друг друга и всех кругом?

— Да, да, — послышался в ответ дружный хор.

— Вот это и есть государство «Хокумет шуралар»¹ и наша с вами власть. А теперь потушите свет.

Комната потонула в темноте, в которой также steadily и уверенно продолжал звучать голос Назар-ага:

— Старое царское государство было таким. А теперь снова зажгите свет. Радуйтесь Советской власти!

¹ Власть Советов.

Идите по домам и помните, что она наша и несет нам свет.

— И также помните, товарище дехкане, — произнес Атабаев прямо от двери, у которой они стояли, — что этой новой властью руководит великий друг всех народов Востока товарищ Ленин. Магомет обещал царство на небесах, товарищ Ленин показывает, как это царство можно построить на земле.

Оживленно переговариваясь между собой, довольные дехкане расходились по домам.

— Видите, Андрей Федорович, сколь благородна наша с вами задача — дать этим людям образование, принести им истинный свет знаний, создать условия, чтобы они вкусили радость настоящей, достойной человека жизни!

— Это, конечно, Константин Сергеевич, но прежде в городе следует наладить дело, — ответил Солькин, думавший о чем-то другом, он заметно тяготился своим пребыванием в Полторацке.

— Хлеб и хлопок! Без этого и в городе не будет успеха. А здесь, этот самый аул, добровольно взял на воспитание пятьдесят шесть беспризорных сирот, прибывших из Татарии и России. Как родных приняли. Прежде туркмен был баранчук, а теперь товарищ, елдаш. Туркмены обращаются к русскому со словом доган — то есть родной, брат.

— Но аул живет еще докапиталистическими отношениями, — заметил Солькин.

— Тем более. Вот аулу и надо уделять главное внимание.

Подъехала автомашинна. Ее сразу тесной толпой окружили ребяташки. Их говор и веселый смех звучали в ночи. Атабаеву не хотелось возвращаться в город.

Кабинет председателя областного ревкома был набит до отказа. Последний месяц ревком возглавлял Бирюшев, энергичный, знающий дело товарищ. Но Кайгысыз видел, что он не очень доволен тем, что работает в Полторацке. Нетрудно было уловить из его разговоров сожаление о том, что важные и горячие дела свершаются не здесь. Кайгысыза это раздражало, однако, он, почти во всех случаях, поддерживал разумные предложения Бирюшева. Также с уважением к

нему относился и Николай Антонович, который в те дни с головой ушел в революционные события, происходившие в Персии, не упуская из виду ни одного действия Кучук-хана. Паскуцкий, Баранов, Зиновьев, Шафалович, Кутузов и Тимошков сидели группкой по правую руку от стола председателя. По левую находились работники облревкома и обкома партии Мендельсон, Окунев, Лапшин, Певзнер, Галеркин, Ризаев, Сахатмурадов, Шпитцер. Рядом сидели Бухаренко, Мальков и Алесковский, возглавляющий теперь облсовнархоз. Мальков руководил областной контрольной комиссией по чистке рядов партии.

Бирюшев был взволнован: он только что прочел вслух сообщение из Особого отдела. Кем-то был убит председатель аулсовета Амаша, злоумышленниками взорван железнодорожный мост у станции Такыр; в ауле Гагшал подожжена школа, и до полусмерти избит учитель; под Мервом бай зарезал жену за то, что она посетила собрание женщин-мусульманок.

Атабаева среди собравшихся не было. Он заканчивал разговор с начальником милиции области у себя в кабинете. Утром Қайғысыз повесил на стене большой картон с лозунгом, выписанным из газеты «Правда» — «К станкам, молотам, плугам, киркам, лопатам, топорам, трудящиеся России! Не забудьте также и о винтовке со штыком! Бейте обломки буржуазного строя, выше воздвигайте здание социализма!».

В кабинет вошла секретарь-машинистка, Атабаев прервал разговор, придвинул к себе блокнот, линейку со штампом: «Председатель Революционного комитета Закаспийской области».

— Одну минуту, я сейчас передам вам текст, — и принялся писать: «В Уездком. Для проведения 10% партийной мобилизации в уезде предлагаю созвать председателей аульных комячеек для разъяснения и инструкции, о чем сообщить обкому. Член обкома, завотделом агитации в деревне. К. Атабаев». — Пожалуйста, передайте незамедлительно.

— Константин Сергеевич, а как же... Вы ж знаете, — с ноткой обиды в голосе произнесла Валя Арсеньева, и почему-то ее лицо, покрытое россыпью золотистых веснушек, жарко вспыхнуло.

— Спасибо! А вам напоследок скажу — теснее связь

милиции с партией. И еще! Рекомендую самим, силами партиячек очистить милицию от элементов, позорящих Советскую власть. А нет, скоро чистка, и тогда вам самому не удержаться.

В это время открылась дверь, и в кабинет вошли Солькин и Овезбаев. Одежда на обоих в дорожной пыли. Атабаев только взглянул на их лица и тут же сказал:

— Ничего не говорите! Идем к Бирюшеву. Там все собрались, — и поднявшись из-за стола, протянул руку начальнику милиции. — До встречи! И то, что я сказал, — очень серьезно.

— Я с вами согласен, — ответил начальник милиции.

Войдя в кабинет Бирюшева, Атабаев с ходу объявил:

— Вот, комиссия вернулась из Мерва. Если нет возражений, послушаем, — и жестом руки предложил Овезбаеву сесть на единственный свободный стул, а сам остался стоять.

— Давай, Андрей Федорович, только что-нибудь поинтересней, — отозвался Бирюшев.

— Мы с товарищем Овезбаевым, пока ехали, написали отчет, а на словах могу только добавить, что положение там аховое. Грабежи, разбой, убийства. Твердой руки нет. Руководство Мерва топчется на месте. Такое впечатление, что дальше Кавказской и вокзала, где хорошо кормят, они — ни шагу. Просветительной работы среди туркмен не ведется, содействия им не оказывается. Они варятся в собственном соку, страдают от засилия баев, мулл и всяких агитаторов из-за кордона. Взятые у населения верблюды, лошади, зерно и другие продукты не возмещаются. Есть серьезные жалобы. Словом, если положение не исправим, весьма возможно, что мервские туркмены пойдут на то, чтобы принять афганское подданство. В этом направлении там развернута самая активная работа. Надо срочно принимать меры, менять тамошнее руководство, — решительно закончил Солькин.

— Ну, а что вы добавите к этому, товарищ Овезбаев? — спросил Бирюшев.

Сендмурад Овезбаев проворно, как подобает военному, поднялся со стула.

— Мне легче повести эскадрон в атаку, чем гово-

рить об этом, — все видели, что это действительно так, Овезбаев говорил, не поднимая глаз. — Моментов для агитации, к сожалению, предостаточно. Базары закрыты, частная торговля преследуется, а в лавках ничего нет. Весьма рискованное положение. Вакуфные земли конфискованы, но, никем не обработанные, зарастают бурьяном. В ряде мечетей... — говоривший осекся.

— Ну, ясно. Безобразия! — в сердцах произнес Бирюшев.

— Служители культа очень недовольны. Работа среди женщин-мусульманок ведется грубо, дает пищу для распространения провокационных слухов. Мне кажется, на данном этапе не следует форсировать мероприятие. Пока нельзя сбрасывать со счетов многовекового обычая, по которому женщина не может сделать шага без разрешения мужчины.

— Но ведь практика привлечения к этому делу мулл показала себя. Через них следует воздействовать на мужчин, — со своего места сказал Атабаев.

— Мы каждый день разъясняем в «Набате революций», что никто не собирается силой срывать с них яшмак, — вставил Певзнер.

— Надо быть внимательней к культурно-бытовым особенностям жизни местных женщин. И надо эту пропаганду вести на местном языке, товарищи. Давно пора подумать! — не поднимаясь со стула, предложил Баранов.

— Черт знает что такое! — ругнулся Паскуцкий. — Но есть же в Мервском ревкоме коммунисты, куда они смотрят?!

— Ну, что ж! У меня есть предложение этот вопрос обсудить на следующем заседании облревкома. — Атабаев движением руки указал в сторону Бирюшева. — А сейчас...

В проеме двери появилась крупная фигура заместителя начальника штаба 1-й армии Дормидонтова. Он был чем-то крайне озабочен.

— Товарищи, плохие вести из Ферганы. Мадзмачбек и комиссар его полка Сухов, которые вели мирные переговоры с басмачами, схвачены и обезглавлены. Одновременно Ахунджан и Парпи вновь ушли к басмачам.

Зиновьев и Паскуцкий выразительно переглянулись

я Бирюшев, который заметил это, сразу спросил: — Георгий Васильевич, у вас есть на этот счет информация?

— Нет, мы с Николаем Антоновичем читали у Кемпчинского донесения. Англичане в Мазари-Шарифе готовят два больших каравана с оружием и две группы бывших царских офицеров, бежавших в Афганистан. Одна группа и, естественно, один караван точно предназначены для Бухары. А другая партия? Куда она? Теперь, по всей вероятности, можно допустить, что это для Ферганы, — ответил Зиновьев.

— Да... Чрезвычайно неприятно! Придется почесать затылок. Давайте думать! — сказал Бирюшев.

— Есть и приятные новости, — произнес молчавший до этого Бухаренко. — Из Красноводска прибыл первый поезд с нефтью. Шестнадцать полных цистерн. К вечеру сможем отправить состав в Ташкент. Надо проинформировать кого следует. Это наш первый подарок товарищу Ленину и Москве.

— Заодно доложите, что если при белых на нашей дороге курсировало пять поездов, то сегодня их уже тридцать пять. И еще, товарищи, надо обсудить, что мы сумеем послать голодающим детям Москвы и Ленинграда. — Атабаев увидел в дверях Валию Арсеньеву, которая подзывала его нетерпеливым жестом. Он подошел к ней, выслушал ее и сказал: — Товарищи, извините, я отлучусь. Прибыла делегация из Серахса.

Было далеко за полночь, когда адъютант командующего покинул салон-вагон, в котором проживал Фрунзе с женой, и где рядом всегда находился его ближайший помощник. Михаил Васильевич только что возвратился с Куйлукской, где на углу стоял дом бывшей казенной палаты и где совсем недавно разместилась Турккомиссия. Это последнее заседание с участием руководителей СНК, ТуркЦИКа и крайкома, как никогда прежде, показало, сколь накаленными были отношения между членами Комиссии, с одной стороны, и крайкома и ТуркЦИКа, с другой. Фрунзе чувствовал, что без энергичных мер уже не обойтись и решил сообщить о туркестанских делах Владимиру Ильичу, посоветоваться с ним.

Михаил Васильевич, как только остался один, снял

пояс, сбросил гимнастерку и сапоги, сел за письменный стол. С минуту подумал, потом быстрым движением придвинул к себе чистый лист белой бумаги и принялся карандашом набрасывать тезисы, которые затем отшлифует и разовьет в письме.

«От англичан не следует ожидать военных действий, несмотря на то, что они сильны (20 тыс. английских войск и до 15 тыс. туземных формирований), потому, что они оторваны от баев, крайне затруднено их снабжение, отсутствуют благоприятные условия для полного использования технических преимуществ, плохие дороги и враждебное отношение к англичанам огромного большинства в Персии и Закаспии».

«Находясь с Элиавой в Полторацке, был свидетелем того, какой переполох поднялся в английском отряде, стоявшем вплотную к пограничье Гаудан, когда мы, трое вооруженных людей, подъехали к нему на грузовике. Среди персидско-туркменского населения распространился слух, что приехал сам генерал Куропаткин, и теперь всем англичанам будет конец».

«Туркестан и, особенно Закаспий, буквально кишат афганскими шпионами. Они ходили за нами по пятам в Полторацке. Афганистан и Бухара вооружаются».

«Туркменская масса двинулась в нашу сторону, но наши силы малы. Необходимо подкрепление живой силой. Граница от Памира и до Каспия охраняется 2,5 тыс. пехоты и 1 тыс. кавалеристов. Необходимо обмундирование — шинели и обувь».

«Вопросы нашей внутренней политики и местных политических группировок — самая больная и мучительная сторона местной жизни. Основная борьба между двумя группами — местный «пролетариат», сильно окрашенный «колониализмом», и группа мусульманской мелкобуржуазной интеллигенции. «Колонизаторы», в значительной части железнодорожники, считают себя носителями пролетарской диктатуры и претендуют на руководящую роль. Недовольных отстраняют, интригуют — совершенно беспардонная публика, лежащая тяжелыми гириями на деле местного советского и партийного строительства. Крайком — демагоги. Этому способствует то, что отдельные члены Турккомиссии охаживали все европейское население, в том числе и рабчих. Что касается мусульманских кругов, то, при

всей своей, порой доходящей до чрезвычайности, националистической агрессивности, это по существу очень слабая и фактически чувствующая свою слабость группировка. За ними масс нет. Они быстро сдают свои позиции и равняются по центру при спокойной и твердой принципиальной линии. Крупнейшими из них являются Рыскулов и председатель крайкома Турсун Ходжаев. Первый обладает умом, большой энергией и недюжинным характером».

«Взгляды с Элиавой расходятся. Я — за вхождение в местные органы, за овладение ими, Элиава — за стояние над ними, за «дубинку». Элиава из-за здоровья не может работать летом в Туркестане, Рудзутак рвется в Москву, говоря, что его туда вызывают. Голошкекин рвется туда же, оскорблен, что Туркестан не оценивает его талантов. Элиаву можно отпустить, но Рудзутака — величайший ущерб для дела. Он мог бы сделать больше, если бы не смотрел на дела с точки зрения близкого отъезда в Москву».

«Необходимо направить сюда больше реальных материальных благ и успех будет обеспечен. Машины, металлы, лес, мануфактура, инструменты».

«Отсюда все бегут, и я раздваиваюсь: то ли быть военным, то ли браться за партийную и хозяйственную работу».

Авторитет Атабаева рос на глазах. Он поспевал о делами там, где, казалось, и не было нужды в его присутствии, спал в сутки по три-четыре часа прямо там, где его заставляла глубокая ночь. Он напряженно работал и не знал, что между Ташкентом и Полторацком происходил обмен телеграммами. Вот они:

«ТОВАРИЩАМ БАРАНОВУ И ЗИНОВЬЕВУ
тчк НЕМЕДЛЕННО КОМАНДИРУЙТЕ ТАШ-
КЕНТ ТОВАРИЩА АТАБАЕВА тчк ВРЕМЕНИ
ОТЪЕЗДА СООБЩИТЕ СЕЙЧАС ЖЕ тчк
АТАБАЕВ НЕОБХОДИМ КАК ЦЕНТР ОБЪ-
ЕДИНЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО МУ-
СУЛЬМАНСТВА тчк КОМАНДИРУЙТЕ ЗАТЕМ
ЭНЗЕЛИ КУЧУК-ХАНУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
ШТАБА ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕГО СИЛ
ПЛАНОВ ПРОЧЕЕ тчк КОМАНДИРОВАННЫЕ
ДОЛЖНЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОБЫВАТЬ

РЕВВОЕНСОВЕТЕ ИМЕНА КОМАНДИРУЕМЫХ И ВРЕМЯ ВЫЕЗДА СООБЩИТЕ тчк КОМАНДУЮЩИЙ ТУРКФРОНТА ФРУНЗЕ тчк ДЕЖУРНЫЙ ВОЕНКОМ ДОЛГАСhev 29 ИЮНЯ».

«КОМАНДТУРФРОНТА ФРУНЗЕ 4 ИЮЛЯ КОМАНДИРОВАТЬ АТАБАЕВА НЕМЕДЛЕННО ТАШКЕНТ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ ВОЗМОЖНЫМ тчк ТАК КАК ЭТО МОЖЕТ ВЫЗВАТЬ РАЗЛОЖЕНИЕ ОБЛРЕВКОМА И ОБОСТРИТ ОТНОШЕНИЯ РВС тчк КРОМЕ ТОГО ОТКОМАНДИРОВАНИЕ АТАБАЕВА ЗАТРУДНИТ РАБОТУ СРЕДИ ТУЗЕМНОГО НАСЕЛЕНИЯ тчк ВМЕСТЕ С ТЕМ БИРЮШЕВЫМ ВОЗБУЖДЕНО ПЕРЕД ТУРКЦИКОМ ХОДАТАЙСТВО ОБ ОТЗЫВЕ ЕГО ИЗ ОБЛАСТИ № 4363 ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА БАРАНОВ».

В те же самые дни в Москве, в СНК и ЦК РКП(б), под началом секретаря ЦК товарища Крестинского были собраны все имевшиеся в столице материалы по Туркестану. Основными среди них были доклады Элиавы и Рудзутака, вызванных в центр. На целом ряде заседаний Центральный Комитет партии обсуждал положение дел в Туркестане и затем принял одно за другим четыре постановления, которые обрели общее название «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане». Постановления определяли главные принципы партийного и советского строительства в крае на данном этапе.

Получив телеграмму Баранова, Фрунзе и Куйбышев, который остался за председателя Турккомиссии, вызвали члена РВС I-й армии к прямому проводу, после чего Баранов и отправился на заседание облревкома, где сообщил о вызове Атабаева в Ташкент.

Кайгысыз Атабаев сдал дела: в облревкоме — Бирюшеву, а в обкоме — Баранову, который вместе с ним активно занимался вопросами, связанными с работой в аулах, попрощался с друзьями. Атабаев сел в поезд. Багаж его составляли неподъемный кондукторский чемодан, набитый книгами, и боевая винтовка.

Он знал, — в Ташкенте его ждут новые начинания, поважнее и посерьезнее прежних, но то, что в действительности ожидало его там, — скажи ему кто-либо

об этом сейчас, — не уложилось бы в его сознании.

Три месяца спустя Кайгысыз Атабаев был назначен председателем Совета Народных Комиссаров Туркестанской Республики и избран членом исполбюро Центрального комитета Компартии Туркестана,

Роман Юрия Папорова «Просто Атабаев» относится к жанру исторического романа. Литературной деятельностью Ю. Папоров занимается с 60-х годов, вначале как переводчик художественной литературы с испанского на русский, а затем как прозаик. А до этого долгие годы работал в Наркомате иностранных дел ТССР, затем в МИД СССР и в советских посольствах ряда стран Латинской Америки. Его перу принадлежат повести «Тропами подводными», «Пилар», «Солдат двух фронтов», роман-хроника «Хемингуэй на Кубе» и другие.

Роман о славном сыне туркменского народа создан автором на основе тщательного собраний и изучения фактов и документов.

Первая книга построена так, что на ее страницах нет ни одного вымышленного действующего лица. Автор принадлежит к той категории писателей, которые предпочитают избирать в герои своих исторических повествований такие личности, чья жизнь сама по себе, без приукрашивания и вымысла, есть роман и отдают предпочтение документу.

В книге повествование охватывает период жизни Кайгысыза Атабаева, начиная с дней учебы его в Туркестанской учительской семинарии — годы первой

русской революции, и кончая вызовом Атабаева по телеграмме Фрунзе на ответственную работу в Ташкент летом 1920 года. Перед читателем раскрываются картины жизни Закаспийской области, которой управляли тогда царские чиновники и офицерство, работа Атабаева учителем русско-туземного училища в Мерве и Бахардене, служащим Учетно-ссудного банка Персии, его активное участие в дни февральской революции, в гражданской войне среди работников политотдела Закаспийского фронта, его деятельность как одного из руководителей Мервского ревкома и Туркменского облисполкома.

Книга вводит читателя в обстановку, при которой складывались условия для решающего поворота в исторической судьбе туркменского народа, объединившегося в результате Октябрьской революции в единую нацию и создавшего Туркменскую Советскую Социалистическую Республику.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая.

МЕЧТЫ И НАДЕЖДЫ,

Глава первая.

Преддверие

6

Глава вторая.

Начало пути

14

Глава третья.

Названный брат,

25

Глава четвертая.

Первое испытание

53

Глава пятая.

Учитель

65

Глава шестая.

Первые шаги

95

Глава седьмая.

Второе испытание

117

Глава восьмая.

Банковский служащий

131

Глава девятая.

Война.

167

Глава десятая.

Любовь и семья

177

Часть вторая,

ОГНЕННЫЕ ГОДЫ.

195

Глава первая.

Телеграмма Фрунзе

196

Глава вторая.

Уход в революцию

204

<i>Глава третья.</i>	Председатель продкомиссии	217
<i>Глава четвертая.</i>	Октябрь	232
<i>Глава пятая.</i>	Контрреволюционный мятеж	244
<i>Глава шестая.</i>	Шестой съезд Советов Туркестана	259
<i>Глава седьмая.</i>	Я — коммунист	269
<i>Глава восьмая.</i>	Закаспийский фронт	287
<i>Глава девятая.</i>	Коммунист, туркмен, учитель а!	308
<i>Глава десятая.</i>	Зампред уездкома	327
<i>Глава одиннадцатая.</i>	Обострение борьбы	355
<i>Глава двенадцатая.</i>	В тылу фронта спокойно	373
<i>Глава тринадцатая.</i>	Встречи с Куйбышевым	400
<i>Глава четырнадцатая.</i>	Приезд Элиавы и Фрунзе	437

- П17 Папоров Ю.
Просто Атабаев: Роман. — Аш. Туркменистан,
1988. — 480 с.
ISBN 5-8320-0045-5,

Исторический роман Юрия Папорова повествует о жизненном пути первого Председателя Совнаркома Туркменской ССР Кайгысыза Атабаева. Роман написан на основе тщательно собранных и изученных фактов и документов,

Литературно-художественное

Юрий Николаевич Папоров

ПРОСТО АТАБАЕВ

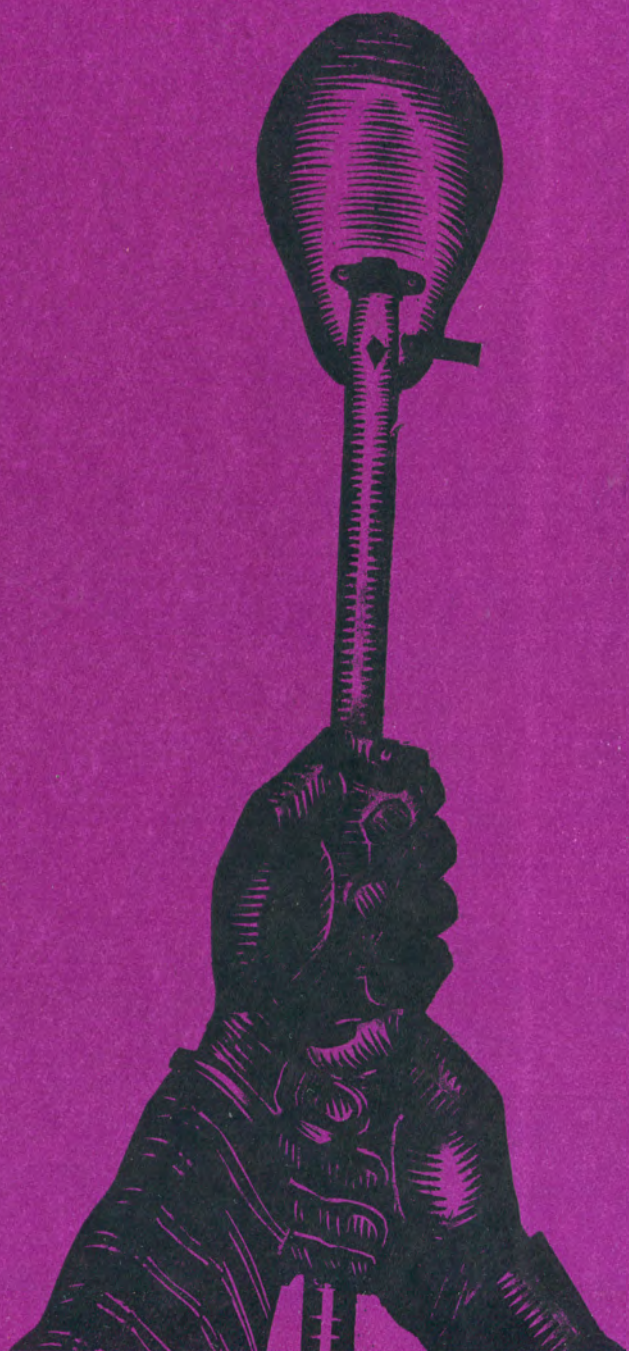
Роман

Редактор С. Якушкина
Художник Б. Атакгаев
Худ. редактор С. Ияберенов
Техн. редактор Д. Эменова
Корректор А. Сехбедова

ИБ № 912

Сдано в набор 03.05.88. Подписано в печать 10.08.88.
И — 06601 Формат 84×108¹/₂. Бумага книжно-журнальная.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ.
л. 25,2. Усл. кр. отт. 25,31. Уч.-изд. л. 25,26. Ти-
раж 53000 экз. Заказ № 3934. Цена переплет № 5
1. 70 к, переплет № 7 1 р. 80 к.

Издательство «Туркменистан» Государственного комитета
Туркменской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. 744013, г. Ашхабад, ул. О. Кулиева, 31.
Марыйская областная типография Государственного комитета
Туркменской ССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, 745400, г. Мары, ул. Ленинградская, 139,

1 р. 70 к.

ЮРИЙ
ПАГОРОВ

ПРОСТО АТАБАН